# РУССКАЯ СИЦИЛИЯ

# LA SICILIA DEI RUSSI



СЕРИЯ «РУССКАЯ ИТАЛИЯ» / «ITALIA DEI RUSSI»

# РУССКАЯ СИЦИЛИЯ

# LA SICILIA DEI RUSSI

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР И СОСТАВИТЕЛЬ

МИХАИЛ ТАЛАЛАЙ

МОСКВА

2013

**Русская Сицилия.** Серия «Русская Италия» / «Italia dei Russi» / Науч. ред. и сост. М.Г. Талалай. – М.: Старая Басманная, 2013. – 388 с., ил.

Коллективная монография посвящена многообразию культурных связей России и Сицилии. Ее авторы – историки, искусствоведы, литературоведы, краеведы и др. – впервые представили максимально полную панораму присутствия на Острове русских путешественников, ученых, дипломатов, писателей, живописцев и т.д., оставивших на протяжении последних трех веков значительные литературно-художественные свидетельства и послуживших познанию природного и исторического достояния Итальянского Юга.

ISBN 978-5-906470-12-6

# ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга приурочена к 10-летию со дня открытия 19 апреля 2003 г. Генерального консульства Российской Федерации в Палермо, столице самой южной области Италии. Первое издание нашей коллективной монографии, подарочное, ограниченным тиражом, вышло именно к этому юбилею и к первому Фестивалю «Русская весна в Палермо» (апрель 2013 г.). Оно быстро разошлось, и возникла потребность в новой публикации. При этом были добавлены новые главы, факты и иллюстрации, исправлены неточности.

Оценивая значение открытия Генконсульства в Палермо, невольно оглядываешься в прошлое и задаешься вопросом, насколько это событие стало важным в череде других исторических знаковых событий в отношениях России с югом Италии. Однако так уж устроена память человеческая, да, пожалуй, и государственная, что даже спустя годы проявляется стремление к преемственности добрых дел и к забвению зла.

Так родилась идея обобщить исторические сведения и сделать их доступными для широкого круга россиян, испытывающих интерес к Сицилии и желающих так или иначе связать свои действия с этим благодатным краем Италии. В какой-то мере этому способствовал исторический путеводитель А.Г. Москвина[1]. На инициативу Генерального консульства откликнулась местная ассоциация «Средиземноморские суждения», и краеведы-любители А. Белломо и М. Нигро подготовили сборник материалов, опубликованных в разные годы в прессе и в Интернете, который был издан в Палермо на итальянском языке тиражом 100 экз.[2]

---

[1] *Москвин А.Г.* Сицилия. Земля вулканов и храмов. М.: Вече, 2010.

[2] *BellomoA., Nigro M.* Sulle tracce dei Russi in Sicilia [По следам русских на Сицилии]. Palermo: Suggestioni Mediterranee. 2012.

Это издание подтолкнуло нас к объединению усилий исследователей, профессионально изучающих историю российско-итальянских отношений. В результате появилась монография коллектива авторов, возглавленного историком и литератором, представителем в Италии Института всеобщей истории Российской Академии наук М.Г. Талалаем. Книга проливает свет на наиболее важные события, оценивая которые по прошествии времени в наши дни, мы можем лучше понимать их непреходящее значение и связь с современностью вне зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры. На отдельные исторические факты хотелось бы обратить особое внимание нашего читателя.

Первые контакты между Древней Русью, в ту пору еще языческой, и византийской Сицилией, согласно Н.М. Карамзину и В.О. Ключевскому, ссылавшимся на арабские манускрипты, проявились в 964 году. Князь Святослав, которому было тогда лишь 22 года, по совету своей матери княгини Ольги, уже 7 лет, как принявшей крещение от византийского императора Константина Багрянородного, направил в соответствии с союзническими обязательствами свою дружину сражаться в составе византийской армии на Сицилии. А путь был один – через Реджо-Калабрию в Мессину. Этот фрагмент первого военного похода молодого русского правителя подробного описания в исследованиях историков не получил, однако, определенную роль в общих военно-дипломатических усилиях, приведших к признанию Святослава в том же году Великим князем Киевским, нельзя недооценивать. Как бы там ни было, сам факт появления русской дружины на берегах Мессинского пролива стал первым актом проявления солидарности и соратничества Древней Руси на Сицилии.

Семь веков спустя Россию заинтересовал опыт Мессины в строительстве береговых укреплений и для его изучения Петр I направил туда в 1698 г. своих первых дипломатических посланников – Бориса Шереметева и Петра Толстого.

К знаковым событиям прошлого, безусловно, следует относить решение Екатерины II уделять должное внимание геополитической



Открытие памятника в Мессине, 9 июня 2012 г.



Открытие барельефа в Реджо-Калабрия, 9 июня 2012 г.

NEL RICORDO
DEI GENEROSI AIUTI IMMEDIATAMENTE
PRESTATI DAGLI EQUIPAGGI DELLE NAVI
DA BATTAGLIA RUSSE: BOGATYR.
CESSAREVIC. MAKAROV. SLAVA. AI CITTADINI
MESSINESI COLPITI DAL TERREMOTO DEL
28 DICEMBRE 1908
LA MUNICIPALITA'
RIEVOCANDO GESTA DI UMANA
SOLIDARIETA' E DI SUBLIME EROISMO
QUESTO MARMO PONE
IN OCCASIONE DI UNA GRADITA VISITA DI
RAPPRESENTANZE SOVIETICHE
A TESTIMONIANZA
DI PERENNE RICONOSCENZA E DI FRATERNA
AMICIZIA TRA LA CITTA' DI MESSINA
ED IL POPOLO RUSSO
7 OTTOBRE 1978

**Доска в память подвига русских моряков на здании муниципалитета Мессины**



**Командир крейсера «Адмирал Макаров» В.Ф. Пономарев. Часть триптиха «Мессина, 1908 год», подаренного городу Мессина от Балтийской медиа-группы**

роли Сицилии в Средиземноморье, что подтверждается ее Архипелагской экспедицией[3]. Логическим следствием этого стало начало присутствия российской дипломатической службы в Палермо, которое берет отсчет с установления отношений с Неаполитанским королевством в 1777 г. Самый первый посол, граф Андрей Кириллович Разумовский за семь лет своей работы в Неаполе (1777-1784), очевидно, не раз бывал на Сицилии. Первым *постоянным* дипломатом в Палермо выпала честь стать послу России графу Василию Валентиновичу Мусину-Пушкину-Брюсу. Именно ему в 1799 г. довелось следовать за королями в изгнание и помогать из Палермо скоординированным действиям А.В. Суворова и Ф.Ф. Ушакова в освобождении Итальянского Юга от оккупантов. Послу содействовал «полномочный министр России по военным делам при Неаполитанском королевстве» в Палермо Андрей Яковлевич Италинский, позднее посол в Риме. После изгнания Наполеона, уже в 1813 г. в Палермо появился постоянный вице-консул, прежде работавший на Сардинии, титулярный советник Иосиф (Жозеф) Болоньи. За прошедшие с той поры 200 лет не забыты имена и последующих вице-, а позднее и генеральных консулов – Ласкари, Мухина, Минчаки, Тимофеева, Троянского. Они помогали торговле, навигации, путешественникам; Троянский написал трактат о торговли России с Сицилией.

Действия адмирала Ф.Ф. Ушакова, направленные на сохранение государственности на юге Италии, и, несомненно, в дальнейшем способствовавшие образованию на Апеннинском полуострове и Сицилии единого итальянского государства, детально описаны в книге А. Широкорада[4]. И всё же сохраняется пока ощущение, что историческая роль великого российского флотоводца, причисленного Русской православной церковью к лику святых, осознана нашими современниками еще не в полной мере. Правильный шаг в направлении восстановления исторической справедливости уже

---

[3] *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: Индрик, 2011.

[4] *Широкорад А.* Россия на Средиземном море. М.: АСТ, 2008.

сделан – в Мессине напротив памятника российским морякам в апреле 2013 г. благодаря поддержке Центра национальной славы, Фонда Андрея Первозванного, Международного фонда славянской письменности и культуры, Фонда «Адмирал Ушаков» установлен бронзовый бюст великого русского флотоводца, покровителя православных моряков.

Романтическая страница проявления симпатий России в отношении Сицилии относится к 1845-1846 гг., когда в Палермо находился Николай I, с женой Александрой Федоровной и дочерью Ольгой Николаевной. Этому интереснейшему периоду дружбы русской императорской семьи с семьей короля Обеих Сицилий Фердинанда II посвящено обстоятельное исследование В. Монакеллы-Туров[5]. Эта тема получит и более углубленное изложение в книге палермитанских специалистов-историков, выход в свет которой ожидается в ближайшее время.

Непреходящее значение для России, ее отношений с Италией, для европейской и мировой истории имеет участие российского флота в первой международной спасательной операции по оказанию помощи пострадавшим от землетрясения в Мессинском проливе в 1908 г. и последовавший за этим беспрецедентный акт солидарности с итальянским народом не только на уровне межгосударственных отношений, но и со стороны российского гражданского общества того времени. Распространенное в тот период среди европейской общественности мнение о «тираническом кровавом» характере царского режима сменилось новым представлением о России «с человеческим лицом». Это предопределило дипломатический успех государственного визита Николая II в Пьемонт в 1909 г., последующее присоединение Италии к Антанте, в результате чего она заняла достойное место среди государств-победителей в Первой мировой войне.

О подвиге 3200 российских моряков в Мессине написано немало. Масштаб бедствия, с последствиями которого они столкнулись,

[5] *Monachella Tourov V.* Gli Zar a Palermo: cronaca di un soggiorno // Kalós. 1, 2002. P. 4-11.



**Открытие бюста Ф. Ушакову в Мессине 24 апреля 2013 г.**






Карта русских консульских учреждений в Европе. 1890-е. Фрагмент

до сих пор потрясает всякое воображение: было разрушено 126 городов, только в Мессине погибло по разным оценкам до 80 тыс. из 140 тыс. жителей, в Реджо-Калабрии из 45 тыс. горожан погиб каждый третий, общая численность в одночасье погибших, по некоторым оценкам, составила до 60 тыс. человек.

С тех пор этим событиям было посвящено множество публикаций. Особо хотелось бы отметить изданную администрацией муниципалитета[6] и областной провинции Мессины[7] богато иллюстрированную фотографиями хронику тех событий, снабженную текстом на русском и итальянском языках. Основательно представлены мессинские события в альбоме архивных фотографий и документов, подготовленном местным историком Ф. Риккобоно[8]. Наша соотечественница, преподаватель русского языка в Мессинском университете Т.А. Остахова, собрала письма моряков-участников спасательной операции, опубликованные в русских газетах того времени и издала их на двух языках в виде документального рассказа[9]. Катаклизму и международному отклику на него посвятил в начале 2009 г. особую конференцию Мессинский университет[10].

Примечательно, что общественность и местные власти Мессины, включая представителей командования ВМС Италии единодушны в оценке вклада российских моряков в ликвидацию последствий той ужасной трагедии. Поэтому все мессинцы приветствовали торжественное открытие в 2012 г. памятника Российским морякам, переданного в дар городу и провинции Мессины российскими Фондом Андрея Первозванного, Центром национальной славы и

---

[6] Messina e le navi della Marina Russa [Мессина и корабли Российского флота]. Città di Messina, 2006.

[7] 1908. Marinai russi a Messina [1908. Русские моряки в Мессине]. Messina: Provincia Regionale di Messina, 2006.

[8] *Riccobono F*. Il terremoto dei terremoti. Messina 1908 [Землетрясение землетрясений. Мессина, 1908]. Messina: EDAS, 2007.

[9] *Ostakhova T*. Abbiamo visto Messina ardere come una fiaccola [Мы видели, что Мессина пылала как факел]. Reggio Calabria: Leonida, 2009.

[10] Il terremoto calabro-siculo del 1908 [Калабро-сицилийское землетрясение 1908 г.] / a cura di M.L. Tobar. Reggio Calabria: Città del Sole, 2010.

Международным Фондом славянской письменности и культуры. Одновременно были установлены стела с мемориальным барельефом в честь российских моряков в Реджо-Калабрии и бюст Николая II – в Таормине. В очередную годовщину памяти жертв землетрясения в декабре 2012 г. в одном из городских театров при переполненных залах прошло несколько постановок спектакля одного актера, поставленного активистами ассоциации «Мессина – Россия» по автобиографическому рассказу русского ученого-биолога С.С. Чахотина[11]. Российские телеканалы «Культура» и «Моя Планета» представили в начале 2013 г. документальные фильмы, позволяющие нам составить представление о событиях того периода. В апреле 2013 г. площадь, на которой установлен памятник, стала называться Площадью Русских моряков. Однако политическая оценка значения тех событий еще нуждается в более глубоком осмыслении и интеллектуальной окантовке.

У нас есть значимые исторические ориентиры и в культурных связях. Чего стоит одно только научное открытие И.И. Мечникова, заложенное им в мессинской биологической лаборатории, за которое в 1908 г. он был удостоен Нобелевской премии по физиологии и медицине «за труды по иммунитету». Таормина стала известна многим россиянам не только как один из лучших европейских курортов, но и памятью о том, что в 1964 г. здесь была вручена литературная премия «Этна-Таормина» Анне Ахматовой. Почти 50 лет спустя, в феврале 2013 г., городским советом принято решение о восстановлении этой премии и преобразовании ее в международную поэтическую премию им. Анны Ахматовой. Думается, эта премия может стать важной моральной поддержкой творчеству женщин-поэтов разных стран, направляющих свое творчество на нравственное обновление общества и международную гармонию.

Двадцать авторов монографии дают нам возможность воспринимать историческое присутствие России на Сицилии во всем его многообразии. История всегда имеет продолжение. Думается, до-

---

[11] *Чахотин С.С.* Под развалинами Мессины. Рассказ заживо погребенного в землетрясении 1908 года / Под ред. Дж. Йаннелло. Messina: Intilla Editore, 2008. С. 81.

стойное место в череде событий, о которых повествует эта книга, занимает и открытие Генерального консульства России в Палермо. Вместе со своими коллегами в посольстве в Риме и на Смоленке в Москве, в сотрудничестве с итальянскими партнерами консульские работники стремятся вносить свой достойный вклад в дальнейшее развитие связей с югом Италии. Прошедшее десятилетие отмечено заметным развитием двусторонних культурных, гуманитарных и экономических связей, на фоне несомненного общего роста авторитета России. Сицилия за эти годы вызывает всё больший интерес у российских туристов, оценочная численность которых превысила 200 тыс. В Россию выезжало около 60 тыс. туристов и 3 тыс. бизнесменов из Сицилии. Естественным следствием стал рост числа смешанных браков. Сегодня на острове проживает не менее тысячи наших соотечественников. В Палермо, Катании, Мессине и Трапани действуют созданные ими совместно с их итальянскими друзьями культурные ассоциации и православные общины. Заинтересованность в установлении и поддержании партнерских отношений стали проявлять города, университеты, общественные объединения, малые и средние предприятия. В этом контексте, желая способствовать созданию благоприятных условий для жизни наших соотечественников в Палермо, руководство города приняло весной 2013 г. мудрое решение о передаче муниципального здания в пользование Русской православной церкви.

Нефтегазовая компания «Лукойл» сделала самые крупные (4 млрд долл.) инвестиции в экономику Италии за всю историю двустороннего экономического сотрудничества, владея 80% акций нефтеперерабатывающего завода вблизи Сиракузы. Именно «Лукойл» выступил генеральным спонсором юбилейных мероприятий Генконсульства, включая подготовку к изданию этой книги, и мы весьма признательны за это.

В этот же период палермитанская судоходная компания «Группа Барбаро» создала в Самаре дочернее транспортное предприятие «Прайм Шиппинг», располагающее тремя десятками нефтеналивных танкеров (ее инвестиции в российскую экономику

составили 150 млн долл.). Эта компания выступила одним из спонсоров первого, подарочного издания.

Скромный юбилей консульского присутствия современной России на Сицилии дает нам повод вновь оценить наше общее наследие и нынешние возможности развития двустороннего сотрудничества. Летопись сегодняшних событий придает нашему общему прошлому больше контрастности, даже если иной раз какое-либо из них вольно или невольно предается забвению. Эта книга, наверняка, будет полезна не только для моих коллег-дипломатов и итальянистов, но и для студентов и широкого круга любителей отечественной истории, а также послужит дополнительным стимулом к более широкому обмену мнениями в историографии и к новым исследованиям, которые позволят восполнить пробелы в мозаике российских отношений с Сицилией, восстановив «связь времен и поколений».

*В.Л. Коротков,*
*Генеральный консул Российской Федерации в Палермо,*
*сентябрь 2013 г.*

# ВСТУПЛЕНИЕ

Италий – много: таково одно из приятных открытий иностранных путешественников по Апеннинам. Между офранцуженным Турином и мавританским Палермо лежит еще ряд своеобразных стран. Впрочем, Сицилия настолько характерна, что есть мнение – политически некорректное – что это и не Италия вовсе. В самом деле в титулах русских травелогов неоднократно попадается «Путешествия по *Италии и Сицилии*».

Каждая из Италий имеет свой код, образ, миф. Что касается русских, и не только их, Сицилия – это «самое солнечное место в Европе».

***...Под пленительным небом Сицилии,***
***В благовонной древесной тени,***
***Созерцая, как солнце пурпурное***
***Погружается в море лазурное...***

пишет Некрасов, и нашему современнику уже всё равно, что строки его поэмы «Размышления у парадного подъезда» были пропитана пафосом социального обличения. Так и Достоевский посылал своих героев из «Братьев Карамазовых», скандирующими устами доктора, в «*Си-ра-ку-зы*», ради «*бла-го-при-ятных клима-ти-ческих условий*»... Такое предложение и соответствующее изумление персонажей – «*в Сицилию?*» – подчеркивало их униженное состояние.

Сицилийское солнце, целебное, жизнеутверждающее солнце. Оно совершает чудеса: солнце лечит царицу, впавшую в депрессию после смерти дочери (cfr. *И. Пащинская*); оно просветляет палитру русских художников (cfr. *Л. Маркина*); оно вдохновляет лиру поэтов (cfr. *Т. Быстрова, И. Ревякина, К. Шиманская, Н. Котрелев*).

Кроме солнца, есть еще и сицилийское море, точнее – несколько морей (Тирренское, Ионическое, собственно Средиземное, а также Сицилийский и Мессинский проливы): «Выйдя на палубу, мы увидели прежде всего синее, ярко синее море, точно в нем развели синьку» – чуть наивно пишет юная москвичка Дария Иванова, супруга поэта-символиста, более века назад.

Есть еще горы, и среди них – «Ее Величество» Этна. И как же можно на нее не подняться, в благоговейном изумлении от пейзажа, вспоминая, быть может, философа Эмпедокла, который бросился в жерло вулкана для «самообожествления».

Воздух же тут, помимо высоты и красок небосвода, имеет особенность – ветер сирокко, дующий с методичной последовательностью во все щели и несущий красную песчаную пыль из Сахары (но иногда красящий небо в глубокие синие тона, типа индиго).

Таким образом все стихии природы, все первоосновы мира – земля, вода, воздух, огонь – на Сицилии, самом большом острове Средиземноморья, выражены в некоем преувеличенном формате, обрамленном вдобавок пышной цветочной рамой из опунций, агав, маслин, пальм, фисташек и прочего, один перечень которых вызывает у русского путешественника прилив эмоций.

От флоры не отстает и местная фауна, пусть заметная преимущественно специалистам: «Не следует упускать такого богатства, как Мессина» – пишет своим друзьям зоолог А. Ковалевский (cfr. *С. Фокин*).

Однако Сицилия, помимо природы, это и культура, более того – «перекресток культур», утвердившийся на самом прекрасном из оснований – древнегреческом. Девиз Гёте «Сицилия – ключ ко всему» надолго стал, в свою очередь, ключом для посетителей Острова в поисках красоты и знания. Античный лик Сицилии имеет и свое собственное имя – Тринакрия (так она названа у Гомера, то есть «с тремя мысами»), для открытия и пропаганды которой так много сделали чуткие поклонники античности А. Норов и А. Чертков (cfr. *А. Белломо-М.Нигро, М. Высокий*). Это особое для европейцев очарование отметил русский «ключарь» по Италии

Г.-Л.-Т. Гурлитт.
Вид Монте-Пеллегрино.
1847. (подарок Николая I ко дню рождения Александры Федоровны). ГЭ, фрагмент

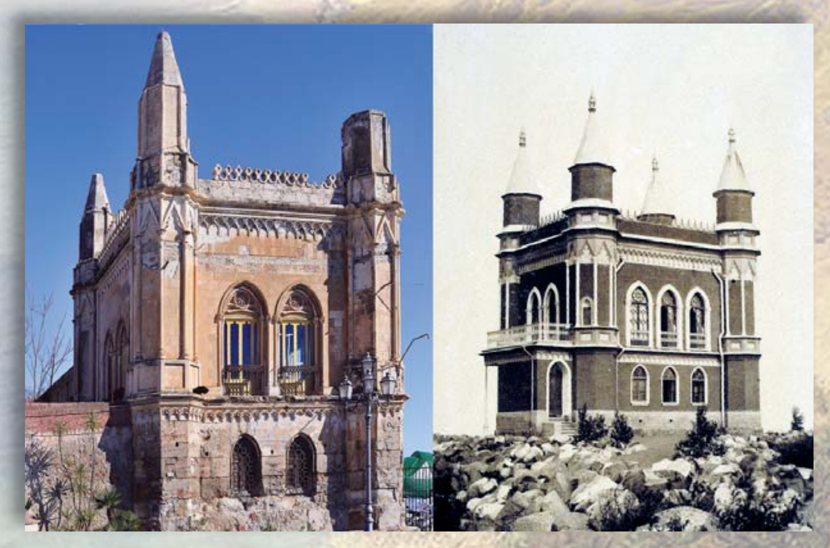




Иконостас домовой церкви Виллы Оливуцца в Палермо
(в настоящее время в г. Веве, Швейцария)



**Вид порта Мессина на Сицилии, сделанный участниками Архипелагской экспедиции в 1771 г.**



**Перенос сицилийских артефактов в Россию: Тоннара Флорио в Аренелле (Палермо) и Павильон Ренелла в Петергофе (не сохр.)**

Павел Муратов: «Сицилия встречает сурово и затаенно, как настоящая заморская земля античного путешествия».

Другое важнейшее основание Острова – византийское, к которому особенно чувствителен русский человек, наследник Второго Рима. Собор в Монреале для отечественных художников – «греческий», а император Николай I, его увидев, восклицает, «что только ради этого стоило приехать из Петербурга» (cfr. *И. Пащинская*). Византийское наследие на Сицилии – не только внешнее, материальное, но и духовное: это и аскеза монахов-«калогеров», и местное благочестие восточного толка, и поклонение священным образам, реликвиям, мощам – и к этому сицилийскому византинизму есть смысл вернуться в следующих исследованиях.

Однако на Сицилии греко-византийское наследие, которому предшествовал цивилизаторский труд сикулов (по ним и назван Остров), элимов и финикийцев, обогатилось еще римским, норманнским, арабским, анжуйским, испанским и многим иным, сформировавшим тут уникальную оригинальность.

Итак, «природа плюс культурное достояние» – вот формула привлекательности Острова. Но она бы не работала без еще одного «суммируемого» – без историко-политического фактора. К примеру, Крит, вероятно, не в меньшей степени богат природой и стариной, но он не стал Меккой для европейских путешественников, в первую очередь, из-за многовекового владычества тут Оттоманской империи.

Историческая судьба Сицилии была иной – переходя от одного народа к другому, от одной династии к другой, при благотворном влиянии великих западноевропейских культур, она обрела здоровый космополитизм и ту открытость, благодаря которой тут принимали и православных крестьян с Балкан, бежавших от турок, и чудаковатых археологов из Германии, и предприимчивых англичан, извлекавших прибыль из местных «даров природы». В таких условиях сложились и богемные интернациональные колонии – в Таормине и Чефалу, в первую очередь.

У России на Остров был свой особенный «фарватер»: его вехи очерчены в предисловии Генерального консула в Палер-

мо В. Короткова и в статьях авторов сборника – это первые российские эмиссары, при Петре Великом, Шереметев и Толстой (cfr. *А. Кара-Мурза*); поиски военно-морской опоры во время Архипелагской экспедиции Екатерины Великой и экспедиции славного Федора Ушакова; политическое и культурное сближение при Николае I благодаря пребыванию в Палермо его супруги и дочери, а с ними – художников и литераторов (cfr. *И. Пащинская, Л. Маркина*); средиземноморский проект великого князя Константина (cfr. *К. Вах*); мощный аккорд солидарности – помощь русского флота пострадавшим от землетрясения 1908 г. (cfr. *Т. Остахова*), преломившегося в творчестве литераторов и поэтов (cfr. *И. Ревякина, Т. Шиманская*).

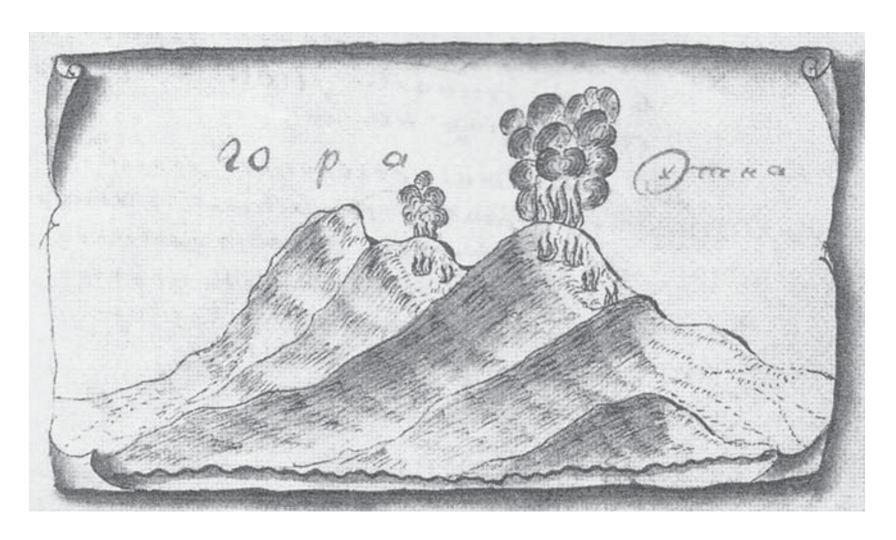
Войны и революции прервали поступательное развитие связей России и Сицилии – но не насовсем. Русскую культурную традицию тогда сохранили и продолжили эмигранты, в том числе художник Б. Билинский (cfr. *Р. Клементи-Билинский, Н. Рыжак*) и ряд поэтов (cfr. *С. Гардзонио*).

И, наконец, воистину исключительный эпизод ушедшего XX века – «погружение в славянство» (по его собственным словам) Дж. Томази ди Лампедуза, роман которого «Леопард», не без помощи блестящей экранизации Л. Висконти – стал определяющим для коллективного представления традиционной Сицилии, а его автор – «Гением места» Палермо, в том смысле выражения genius loci, что выковал италофил и литератор Петр Вайль. В самом деле, существует мнение, что рассказать свою Сицилию Томази ди Лампедуза взялся, помимо прочего, и для своей супруги, российской аристократки Александры Борисовны фон Вольф, прибывшей на берега Средиземноморья с берегов Балтики (cfr. *М. Талалай*), повторив трехвековой маршрут соотечественников – российских моряков, дипломатов, ученых, художников, литераторов, путешественников (cfr. *Г. Баутдинов, А. Белломо-М. Нигро*).

***

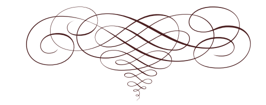
*Представляемый читателю сборник бурно рос – как и положено сицилийским продуктам – в результате первоначальной, более скромной идеи, предложенной Генеральным консулом В. Коротковым: перевести на русский язык публикацию А. Белломо и М. Нигро «Sulle tracce dei Russi in Sicilia» [По следам русских на Сицилии; Палермо, 2012]. Однако при внимательном изучении их интересного текста стало ясно, что русскому читателю желательно другое, более широкое представление предмета, которое при современной специализации могут сделать лишь разные эксперты. Так были приглашены отечественные искусствоведы, историки, филологи и другого рода исследователи, уже сказавшие свое веское слово в области изучения русско-итальянских связей и нынче сосредоточившиеся на Сицилии. Возникла некая творческая лаборатория, где уточнялись самого разного сведения и концепции: авторы щедро делились своими знаниями, находками, иллюстрациями, стремясь сделать в итоге воистину «коллективную монографию». Кроме членов этого замечательного авторского коллектива, а также сотрудников Генкосульства в Палермо и Издательства «Старая Басманная», пользуясь случаем, приношу благодарность за разнообразную помощь своим коллегам: это Сергей Андросов, Дмитрий Гузевич, Михаил Евсевьев, Вадим Знаменов, Джузеппе Йаннелло, Пьеро Каццола, Алла Лапидус, Андрей Никонов, Анастасия Пасквинелли, Эмилия Сахарова, Стефания Сини, Вивиана Туров-Монакелла, Михаил Якушев.*

*М.Г. Талалай,*
*март 2013 г.*




**«Огнедушная гора Этна».**
**Рисунок из Журнала инженер-офицеров флота. 1770**

# ХРОНИКИ И МАРШРУТЫ



Алессандро Белломо,
Микеле Нигро

# ПО СЛЕДАМ РУССКИХ НА СИЦИЛИИ*

*Сицилия, расположенная в самом центре Средиземноморья, служила и служит естественной базой для торговых маршрутов между европейскими странами и странами Северной Африки и Ближнего Востока. Вследствие этого владение островом – определяющий фактор для тех сил, что желали контролировать тут коммерцию, и не только ее. Подобное намерение привело сюда разные народы, которые, начиная с греков в VIII в. до н.э., принялись колонизировать остров. На первый взгляд это представляется негативным фактором, однако Сицилия в итоге всех этих «оккупаций» обогатилась в культурном смысле: каждый «пришелец» привносил нечто свое новое в художественное достояние острова, который стал идеальным местом для усвоения истории – в дошедших до нас памятниках древних цивилизаций. Накопленное историческое богатство Сицилии – вот еще один мотив, приводивший сюда многочисленных представителей разных эпох, стран и культур.*

***

Наше исследование не ставило целью выявить полную панораму любознательных посетителей Сицилии из разных стран[1] – мы сосредоточились на составлении емкого списка *русских* путешественников XVIII-XX вв., стараясь выявить побудительные причины их вояжей. Мы изучали их следы, оставшиеся в старой периодике и литературе, а также через их собственные дневники и очерки.

---

* *Уточненный и дополненный перевод первой части книги Алессандро Белломо и Микеле Нигро «По следам русских на Сицилии. Хроники и маршруты русских путешественников в XVIII-XX веках»* (*Bellomo A., Nigro M.* Sulle tracce dei Russi in Sicilia. Cronache ed itenerari dei viaggiatori russi dal ’700 al ’900. Palermo: Associazione Culturale Suggestioni Mediterranee, 2012, p. 7-77).

Визиты россиян в сицилийские города и исторические местности описаны нами в хронологической последовательности, с тем, чтобы читатель мог видеть того или иного персонажа в исторически точном контексте.

Мы старались, используя наши возможности, дать также краткие сведения о самих персонах, об увиденных ими достопримечательностях, об их впечатлениях. Представляется, что такой подход поможет читателю, при его фантазии, лучшим образом следовать маршрутам наших героев.

Русские посетители острова описывали его в разной манере. Среди их текстов выделяется книга Авраама Сергеевича Норова, необыкновенно внимательно и подробно изучившего в далеком 1822 г. самые разные места Сицилии, известные и неизвестные (его книга вышла в Петербурге в 1828 г.[2]). Его страстное стремление познать и описать древний край и его памятники не может не поражать, но более всего нас удивило, что этот неутомимый путешественник был лишен одной ноги!

Среди визитов XIX столетия ярко выделяется визит в Палермо царской семьи в 1845-1846 гг. Проживание в сицилийской столице Николая I, Александры Федоровны и их детей Ольги и Константина подобно некой древней легенде, в обработке какого-нибудь опытного романиста. Прекрасная северная государыня с пышной свитой, которая передвигалась по палермским улочкам в изысканных каретах, вызывая восхищенное удивление у южного люда… Такая сказочная фантазия была, тем не менее, истинной историей, вошедшей в местную хронику, причем весьма подробным образом – журналисты описывали жизнь двора Романовых в Палермо день за днем, стараясь обрести всё новые и новые подробности.

Пребыванию царицы и ее дочери на Сицилии посвятили свои исследования, не без романтической ауры, многие авторы[3]. Выражения искренней симпатии к северным монархам и эмоции от достопримечательностей настолько запомнились венценосным посетителям острова, что, вернувшись в Россию, они пожелали воссоздать в собственной петергофской летней резиденции полю-

бившиеся им уголки – так на берегах Балтики возникли чудесные павильоны Ренелла и Оливуцца.

Другой важнейший момент русско-сицилийских отношений – самоотверженная помощь российских моряков после ужасного землетрясения 1908 г., унесшего жизни тысяч жителей Мессины (и соседней Реджо-Калабрии)[4]. Эта помощь стала особенно важной, так как пострадавшие оказались предоставленными самим себе: итальянские флот и армия сами в первые дни практически бездействовали. Смелый акт солидарности и гуманности, когда русские моряки с риском для жизни старались вызволить из беды максимально возможное число людей, уже тогда вызвал широкий резонанс в Европе. Со временем он лег в основу прочных дружественных отношений между Сицилией и Россией, особенно в сфере культурного обмена.

Такие яркие эпизоды, тем не менее, не стоят особняком в общей истории сближения сицилийской и русской культур: наша задача – максимальным образом выявить и отразить «следы» россиян на далеком, но становящимся с каждым днем для них всё ближе, острове.

***

Самые ранние свидетельства о посещениях острова русскими относятся к концу XVII в.: это почти одновременные визиты сподвижников Петра I, Б.П. Шереметева и П.А. Толстого. Первым на остров, в апреле **1698** г., прибыл **Борис Петрович Шереметев** (1652-1719). Посетив Катанию и Сиракузы, путешественник осмотрел ряд храмов, отметив их реликвии, а затем поплыл далее – на Мальту, с важной дипломатической миссией. Всё это время он, вероятно, диктовал наблюдения собственным секретарям, излагавшим о Шереметеве в третьем лице. Этот текст был опубликован в Москве в 1773 г., почти век спустя, с названием «Записка путешествия графа Шереметева». Спустя некоторое время на Сицилии объявился и стольник, позднее граф, **Петр Андреевич Толстой** (1645[5]-1729)[6]. Его основной целью было знакомство с военно-морским делом, но любознательный россиянин неутоми-

мо посещал не только замки и разные фортификации, но также и храмы, дворцы, парки. Его впечатления о Мессине, куда он приплыл 13 июля **1698** г., были весьма благожелательными. Особенно Толстого впечатлила Палаццата – «морской фасад» города с его атмосферой благоденствия, несмотря на тяжелую налоговую политику испанских владык, наказавших мессинцев за бунт 1674 г. (Палаццата сильно пострадала от землетрясения 1783 г., затем была отстроена, чтобы вновь оказаться разрушенной в 1908 г.)[7].

После эпохи Петра I и первых известных нам контактов с Россией, приходится ждать правления Екатерины II, считавшей себя продолжательницей петровых дел. Именно при этой царице учредились дипломатические отношения с Неаполитанским королевством, уже в 1777 г. – таким образом, королевство стало первым итальянским государством, завязавшим официальные связи с северной империей[8].

Екатерину интересовал Юг Италии и в качестве союзнической базы в период военно-морской конфронтации с Турцией. Известно, что в период **1776-1778** гг. на Сицилии на борту военного корабля юным моряком побывал **Александр Семенович Шишков** (1754-1841). Позднее – видный флотоводец и адмирал, он упомянул о визите в Мессину в своих «Записках адмирала» (СПб., 1868). Шишков хорошо знал и любил итальянскую культуру, не пожалев времени и сил на сложнейшую работу – перевод классической поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Вообще его влекло более к гуманитарным, нежели военным, сферам: в 1813 г. он возглавил Академию Наук, в 1824 (и по 1828) – Министерство Народного просвещения.

В **1784** г. неаполитанский король Фердинанд IV издал указ о привилегиях для мессинского порта, в том числе о неограниченной возможности селиться в нем «представителям всех религий и сект, существующих и практикуемых в Европе, не исключая магометан и иудеев». Подобная веротерпимость привела к быстрому возникновению тут колоний иностранцев, среди которых было и несколько подданных Российской империи[9]. В начале XIX столетия в Мессине обосновался, к примеру, **Арсений Юлинец** (1770-1849), дво-

рянин и статский советник, ставший на Сицилии консулом России. Женатый на уроженке Корфу Кьяре Одуль [Hodoul], дипломат, как и многие другие его коллеги, получил разрешение иметь резиденцию не в столичном Палермо, а в торговой Мессине. Встречу с консулом в 1822 г. на Торре-Фаро, местности близ Мессины, описывает в своей знаменитой книге А.С. Норов. Сын дипломата, **Георгий Арсеньевич Юлинец** (1808-1884), ставший преемником отца на дипломатическом посту, получил известность как талантливый пианист и композитор: среди его сочинений – «Обрученные», одна из первых музыкальных интерпретаций классического романа Алессандро Манцони, и «Франческа да Римини». Женатый на Марии Прокопио, он имел сына, родившегося в Мессине в 1834 г. и названного в честь деда Арсением. Члены семейства Юлинец упокоились в родовом склепе, монументальных пирамидальных форм, на так называемом Английском кладбище в Мессине[10].

В **1799** г. на Сицилии – в Палермо и Мессине – пребывает флот адмирала **Федора Федоровича Ушакова** (1745-1817), который, в единении с сухопутными войсками А.В. Суворова на севере Италии, очищает страну от французских оккупантов и местных якобинцев. В Палермо Ушаков впервые встречается с адмиралом Нельсоном.

В **1803** г. в Мессине, в приорате Мальтийского ордена, по согласованию с двумя российскими приоратами, католическим и православным, был избран преемник императора Павла I в качестве гроссмейстера ордена. Им стал уроженец тосканского города Кортона, **фра Джованни Баттиста Томмази**. Император Александр I после этого избрания выслал из Петербурга на Сицилию регалии гроссмейстера, принадлежавшие его отцу[11].

В **1804** г. как необыкновенное событие в Палермо было зарегистрировано прибытие «московитского» корабля. Во время наполеоновских войн, когда Сицилия служила убежищем для неаполитанского Бурбонского двора, здесь позднее не раз останавливались русские военные корабли, которые в союзе с британскими стремились к контролю этой части Средиземноморья. На острове,

при дворе Бурбонов, также жили аккредитованные при них российские дипломаты.

14 октября **1806** г. к сиракузскому порту причалило потрепанное от бури другое российское судно. С него на берег сошел моряк императорского флота и начинавший литератор **Владимир Богданович Броневский** (1784-1835). Воспользовавшись непредвиденной стоянкой, он внимательно осмотрел городские достопримечательности – каменоломни Латомии и «Дионисиево ухо»[12]. Заинтересовался Броневский и современным городом, *«довольно красивым»*, с его фортификациями, высокими особняками, достаточно широкими улицами с тротуарами из лавы, главной площадью с питьевым фонтаном. На следующий день, воспользовавшись любезностью английских моряков, ехавших в экипаже в Катанию, моряк поехал в Мелилли с тем, чтобы осмотреть поближе Этну. В последующие годы Броневский не раз побывал в сицилийской столице, описав позднее такие достопримечательности, как Китайский дворец на Вилле Фаворита, грот св. Розалии на Монте-Пеллигрино, кафедральный собор в Монреале и аббатство Сан Мартино делле Скале[13]. В 1807 г. экипаж его фрегата «Венус», которым командовал знаменитый флотоводец Дмитрий Сенявин, в течении всего двух месяцев устроил замечательный сад на вилле герцога Бельмонте, приятно удивив такой скоростью хозяина – об этом эпизоде позднее рассказал и А.С. Норов. Броневский в своих «Записках морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина» (СПб., 1819-1820) уделил внимание не только достопримечательностям, но и управлению краем, экономической ситуации, занятиям населения, гражданским и религиозным обычаям[14].

В **1806** г. на Сицилии также побывал **Павел Петрович Свиньин** (1787-1839), в качестве молодого сотрудника Коллегии иностранных дел. Позднее, в 1811-1813 гг. он служил секретарем русского генерального консула в Филадельфии. Свиньин много путешествовал

по Европе, а обосновавшись в Петербурге, стал издателем известного позднее литературного журнала «Отечественные записки».

**1822**-ый год отмечен важным событием в области русско-сицилийских контактов – знаменитым путешествием по Сицилии **Авраама Сергеевича Норова** (1795-1869)[15]. Юный участник Бородинского сражения, Норов потерял тогда ногу и был взят в плен французами. Посвятив себя после войны образованию и путешествиям, он достиг больших карьерных высот: был избран членом Российской Академии наук, а в 1854-1859 гг. стал министром народного просвещения. Поклонник итальянской культуры, Норов переводил на русский язык Данте, Петрарку, Ариосто. Вместе с Норовым по Сицилии путешествовал художник **Федор Михайлович Матвеев** (1758-1826), также искренний почитатель Италии. Его рисунки послужили иллюстрациями к книге Норова[16].

Другой русский исследователь Сицилии тех лет – **Александр Дмитриевич Чертков** (1789-1858), председатель Московского Общества истории и древностей российских, выдающийся археолог[17]. Он прибыл на остров спустя несколько лет после Норова, в компании неизвестного художника, который позднее проиллюстрировал его двухтомную книгу «Воспоминания о Сицилии» (М., 1835-1836)[18]. В этой книге, ставшей новым этапом культурного освоения острова, Чертков организовал свои заметки в форме писем к воображаемому римскому другу – известный литературный прием. В живой литературной форме автор дал весьма точные описания археологических зон, городов, пейзажей, традиций и быта. Его путешествие началось в Палермо, где Чертков внимательно осмотрел главные достопримечательности – дворцы, церкви, монастыри, научные учреждения, виллы и особняки, городские сады. Он посетил катакомбы капуцинов, кафедральный собор в Монреале, аббатство Сан Мартино делле Скале, пещерный санктуарий св. Розалии. Наряду с восхищением от увиденного, в описании присутствует и критика отсталости Палермо в области промышленности и образования, а также избыточной суеверности горожан. Его впечатлила традиционная ловля тунца, «одно из главных развлечений палермитанцев». Из сицилийской столицы

Чертков совершил ряд экскурсии – в Солунто[19], в Багерию, где он осмотрел как виллу Палагония, так и виллу Бутера, приспособленную под картезианский монастырь[20]. Его дальнейший путь лежал к Джирдженти (Агридженто, античный Агригент), через Партинико и Алькамо, к храму Сегесты, затем к Эриче и соляным копям Трапани, вплоть до Мадзары и Кастельветрано, с его дворцом герцога Бельмонте. Джирдженти и его античным монументам археолог, естественно, уделил большое внимание. Осмотрев Маккалубе, он отправился в Ликату, Джелу, Акате, Палаццоло-Акреиде и, наконец, в Сиракузы, которые подробно описал (катакомбы Сан-Джованни, Латомии, источник Аретуза). Путешественнику особо пришлась по душе Катания, ставшая для него «одним из самых красивых городов Сицилии и всей Италии». Совершив восхождение на Этну и осмотрев Таормину и Мессину, Чертков завершил свой сицилийский Grand Tour экскурсией на Эоловы острова.

В **1827** г. порты Палермо и Мессины послужили стоянками для императорского флота, который в союзе с английским и французским флотом шел в Эгейское море ради победоносной битвы, получившей название Наваринской (20 октября 1827 г.). Среди русских моряков был и лейтенант **Александр Петрович Рыкачев** (1803-1870), оставивший записки «Год Наваринской кампании» (Кронштадт, 1877). В них предложены живые заметки о Палермо, о его садах (восхитивших автора), в том числе о саде кардинала Руффо, с которым он встретился, и о катакомбах капуцинов (неприятно поразивших Рыкачева[21]).

В **1828** г. бурбонское правительство снижает ради коммерции с Россией на 10% налоги на товары, уходящие в Санкт-Петербург на кораблях под флагом королевства Обеих Сицилий.

В **1830-е** гг. Джованни Филети, директор Мореходного училища в Палермо, посещает Россию и ее порты, с целью изучения морского и торгового дел.

В **1837** г. на Сицилии, в рамках длительного путешествия, побывал выдающийся географ и издатель **Николай Сергеевич Всеволожский** (1772-1857), автор фундаментального «Историко-географического словаря Российской империи» (М., 1813) и по-

пулярного справочника «Хронологический указатель внешних событий русской истории, от пришествия варягов до вступления на престол ныне царствующего императора Николая I» (М., 1845). Его заметки о восточном побережье острова, от Мессины до Катании, включая описания Этны и Таормины, вошли в итоговую книгу «Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париже 1836 и 1837 годах»[22].

Королевство Обеих Сицилий продолжает свою политику поощрения торговли с Россией – в **1837** г. подать на товары, отправляющиеся в Петербург, снижается с 20% до 10%. Сначала такая льгота устанавливалась на трехлетний срок, а с **1839** г. – бессрочно.

В **1842** г. на сцене палермитанского оперного театра «Каролино» (ныне имени Винченцо Беллини) впервые, и с огромном успехом, предстает русский оперный дар, знаменитый тенор **Николай Кузьмич Иванов** (1810-1880). Одаренный юноша, после обучения в консерватории, по ходатайству директора императорской капеллы Ф. Львова вместе с Михаилом Глинкой уехал совершенствоваться в вокальном искусстве в Италию. Начальный этап его образования пришелся на Милан, где Иванов брал уроки пения у маэстро Бианки, уроки мимики – у танцовщика Кватрини. В начале 1830-х гг. тенор стал выступать в столице королевства Обеих Сицилий и познакомился с ведущими композиторами – Россини, Доницетти, Верди. Дарование Иванова получило широкое признание и в Европе, и в России: его имя упомянул даже Лермонтов, в повести «Княгиня Лиговская»[23]. Умер и похоронен в Болонье.

В Палермо Иванов блестяще выступил в следующих оперных спектаклях: «Знаменитые соперники» Саверио Меркаданте, «Мария дельи Альбицци» Плачидо Манданичи, «Мария, королева Англии» Элиодоро Пачини.

В **1845** г., после длительного путешествия по Европе, Азии и Африке, на острове появился российский юрист профессор **Константин Павлович Паулович** (1781-1860-е гг.), серб по происхождению, родом из Венгрии. В 70-летнем возрасте он предпринял

длительное путешествие за границу, которое описал в нескольких томах. Несколько сицилианских недель Паулович посвятил, в первую очередь, Палермо и его достопримечательностям (катакомбы капуцинов, виллы в Багерии), затем Мессине, Катании (кафедральный собор, бенедиктинское аббатство, собрания князя Бискари), наконец, Сиракузам, из которых отплыл на Мальту. Собранные сицилийские и другие материалы Паулович опубликовал в книге «Замечания об Италии» (Харьков, 1856).

Объезжая Итальянский Юг, в том же **1845** г., Сицилию посетил педагог **Федор Дмитриевич Студитский** (1815-1893). Своей новаторской азбукой Студитский первый в России ввел более легкий способ обучения грамоте с помощью подвижных букв. Как свидетельствует его «Путешествие вокруг света. Южная Европа» (СПб., 1846), автора интересовали антропологические наблюдения: Студитский описал церковный праздник Вознесения Девы Марии, добычу коралла, экскурсию на Этну с местным чичероне. Любопытны его заметки о феноменах Мессинского пролива («Сцилла и Харибда» и «Фея Моргана»[24]).

Пребывание на Сицилии императора **Николая I** (1796-1855), его супруги **императрицы Александры Федоровны** (1798-1860) и их дочери **великой княжны Ольги** (1822-1892) в зимний сезон **1845-1846** гг. – одна из самых интересных и богатых в культурном смысле страниц сикуло-российских отношений. Этот яркий эпизод внимательно изучен многими исследователями[25]. Любопытно репродуцирование палермского урбанистического символа «Villa dei Quattro Pizzi» для царской летней резиденции Петергоф.

Во время пребывания двора Романовых на Сицилии **великий князь Константин Николаевич** (1827-1892), второй сын Николая и Александры, приплыл в столицу острова 25 декабря 1845 г. на борту военного корабля «Ингерманланд» под командованием вице-адмирала Ф.П. Литке. Трогательная встреча матери и сына произошла в шлюпках, выплывших навстречу друг другу в палермской бухте Кала. Императрица вместе со своими сыном и дочерью празднично встретила Новый Год и Рождество по «старому календарю». Великий князь отправился в дальнейший путь 29 янва-

ря 1846 г. – на Мальту, через Мессину, Катанию, Таормину и Сиракузы. На обратном пути он вновь остановился в Палермо с 7 по 24 февраля 1846 г., подробно рассказав матери о других местностях Сицилии, которые она, к своему сожалению, не могла посетить из-за плохого самочувствия.



**Мемориальная доска у дуба, посаженного в 1845 г. императрицей Александрой Федоровной (не сохр.)**

В свите царицы зиму 1845-1846 гг. провел в Палермо **граф Григорий Петрович Шувалов** (1804-1858)[26]. На то у него были особые причины – хозяйка виллы Оливуцца, княгиня Бутера, урожденная Шувалова, была его родной тетей, и поэтому Григорий Петрович бывал тут часто, в том числе и после отъезда Александры Федоровны с Сицилии. Сам Шувалов – одна из интереснейших фигур «русской Италии».

Отпрыск блестящего рода, он получил прекрасное образование и после службы в гусарском полку по выходе в отставку уехал в Италию, где начал литературную деятельность, воспевая (на французском) пейзажи, города, произведения искусства: именно в Италии, по собственному признанию, он ощутил в себе поэтический дар.

Семейная трагедия вызвала глубокий религиозный кризис: в Венеции скончался один из его сыновей; там же умерла (в 1841 г.) его молодая жена, София, урожденная графиня Салтыкова. В те же годы Шувалов знакомится со многими деятелями Рисорджименто, пишет обращенный к итальянской нации манифест «I popoli italiani ed i loro governi» (Cesena, 1848) с призывом сбросить австрийское иго, а также принимает католичество[27]. В начале 1850-х гг. Шувалов сближается с Орденом барнабитов (варнавитов), в ту эпоху – одним из наиболее социально активных и либеральных братств, и в

1856 г. в Милане принимает монашество и два новых имени – Мария, в честь Богородицы, и Августин, в честь почитаемого им автора «Исповеди». Через год, в Монце, его облекают в священнический сан. В 1859 г. в Париже выходит его автобиография «Ma conversion et ma vocation» [Мое обращение и мое призвание]; в том же году он скончался во французской столице[28].

В **1846** г. некоторое время при сицилийском «Дворе» императрицы работал замечательный художник **Пимен Никитич Орлов** (1812-1865), исполнивший ряд портретов российских венценосных особ. Живописец обосновался в Италии, в Риме, с 1841 г., быстро выдвинувшись в художественной колонии иностранцев. В марте 1843 г. он участвовал в выставке русских мастеров, приуроченной к приезду в Рим великой княгини Марии Николаевны и ее супруга герцога Максимилиана Лейхтенбергского. После работы в Палермо художник посетил Неаполь. Получив пансион от Академии Художеств, Орлов продолжал жить в Италии, где и умер (погребен на римском кладбище Тестаччо[29]).

После визита в Неаполь и Палермо, 23 февраля **1846** г. **император Николай I** ратифицировал два договора о коммерции и навигации с Фердинандом II, королем Обеих Сицилий.

Всё в том же в **1845** г. в Палермо побывали два замечательных художника, отец и сын – **Максим Никифорович Воробьев** (1787-1855) и **Сократ Максимович Воробьев** (1817-1888). Максим Никифорович, замечательный пейзажист, профессор петербургской Академии Художеств, известен видами России, Турции, Палестины, Италии. Его сын, живший в Италии как пенсионер Академии, оставил множество пейзажей Южной Италии, в том числе Сицилии. Картина Сократа «Вид Палермо» (1845), находящаяся в Государственном Русском музее, стала классическим образом сицилийской столицы[30].

В **1853** г. в Петербурге выходит повесть «Сентиментальное путешествие на гору Этну» из цикла популярнейших «Фантастических путешествий Барона Брамбеуса». Автор, **Осип (Юлиан) Иванович Сенковский** (1800-1858), обрусевший поляк, сам не был на Сицилии, но дал увлекательное ее описание.

Во второй половине XIX в. в Мессине обосновался **Андрей Иванович Барановский**, сын помещика Могилевской губернии, женившийся на мессинке **Розалии-Софии-Терезе**. Он стал представлять на Сицилии интересы российского «Общества пароходства и торговли». В Мессине у супругов родились дети: в 1872 г. – София-Антонина; в 1875 г. Юлия-Агриппина; затем супруги переехали в Москву. Вместе с ним на Сицилии работал, также в качестве представителя Общества, его брат **Егор Иванович Барановский**: с его дочерью познакомился в Мессине и женился на ней немецкий зоолог Антон Дорн, основатель Неаполитанской зоостанции.

В тот же период в Мессине проживал еще один петербуржец, **Александр Михайлов** (1823-1858), окончивший свою жизнь на Сицилии.

**Середина XIX столетия** отмечена пребыванием в Палермо целой плеяды русских путешественников – преимущественно представителей аристократии. Изучение гостевых книг одной из лучших европейских гостиниц той поры – отеля «Тринакрия» на Виа Бутера, позволило выявить многие блестящие имена, среди которых, в хронологическом порядке, – генерал Ермолов (янв. 1829), фрейлина София Ржевская (авг. 1841), граф Петр Шувалов (март 1842), граф и графиня Завадовские (март 1844), статский советник Николай Хмельницкий (апр. 1844), князь Голицын (дек. 1844), камергер Павел фон Миллер (окт. 1846), генерал Карл Постельс (апр. 1847), князь и княгиня Мещерские (сент. 1852), барон Герсдорф (янв. 1855), графиня Разумовская (янв. 1855), графиня Бенкендорф с дочерью (ноябрь 1856), княгиня Наталья Шаховская (сент. 1858), княгиня Оболенская с дочерью (окт. 1865), адъютант Е.И.В. граф Павел Урусов (окт. 1868), князь Николай Багратион-Мухранский с семьей (янв. 1878), граф Бенкендорф (апр. 1878), князь Прозоровский с семьей (март 1880), полковник Воротмеев (янв. 1883).

В марте **1855** г. в Палермо прибыла **графиня Ольга Александровна Орлова**, урожд. Жеребцова, супруга государственного деятеля и военачальника Алексея Федоровича Орлова, вместе с их сыном графом Николаем.

Генерал **князь Николай Алексеевич Орлов** (1827-1885) отличился во время Крымской войны: при осаде Силистрии в 1854 г. он потерял глаз. Тяжелые раны заставили его взять отпуск и он пробыл около полутора лет в Италии. В Палермо Орловы провели зимний сезон – ради поправки здоровья князя Николая. Они остановились в гостинице «Trinacria», на нынешней Виа Бутера. По возвращении с Сицилии в 1856 г. князь был произведен в генерал-майоры с назначением в свиту императора. Позднее он служил по дипломатической линии – посланником в Бельгии, Великобритании, Австрии, Пруссии.

В начале **1859** г. Сицилия увидела особый визит, брата царя, – **великого князя Константина Николаевича,** вместе с супругой **Александрой Иосифовной** (1830-1911) и их сыном **Николаем** (1850-1918). Они остановились в Палермо на Вилле Серрадифалько. В рамках визита гости отправились на Этну и в Таормину, где великий князь уже побывал в 1846 г.

Во время эпохальной высадки Тысячи, предпринятой Гарибальди в три разных этапа, 30 августа **1860** г., на сицилийскую землю ступил и русский гарибальдиец **Лев Ильич Мечников** (1838-1888), талантливый ученый и литератор. Его «десантом» руководил полковник Джованни Никотера. В своих «Записках гарибальдийца», опубликованных в «Русском вестнике» уже в 1861 г.[31], Мечников рассказывает, что выплыв из Ливорно, он прибыл ночью в Палермо и как офицер был размещен в частном доме (солдаты ночевали в казарме «у Четырех Ветров»). Сицилийская столица в тот момент была в смятении от неожиданного десанта Гарибальди и смены власти; несмотря на царящий сумбур Мечников успел заметить красоту палермских женщин, которые показались ему «античными богинями, сошедшими с мраморных пьедесталов». Вместе с тем он отметил и урон, нанесенный бомбардировкой верных бурбонскому правительству войск. Следующую ночь Мечников провел в гостинице «Trinacria», а затем покинул остров на борту корабля «Vittoria» с тем, чтобы примкнуть к войску Гарибальди в Сапри.

С Сицилией познакомился, и намного более основательно, и младший брат «русского гарибальдийца», прославленный био-

лог **Илья Ильич Мечников** (1845-1916). Свою Нобелевскую премию (1908 г.) он получил преимущественно за результаты опытов, начатых в 1882 г. в Мессине. Однако первое его знакомство с Сицилией относится еще к весне 1868 г. Сразу после ужасного землетрясения, 31 декабря 1908 г., газета «Русские ведомости» (Париж) опубликовало его проникновенный очерк о Мессине[32].

IN QUESTA CONTRADA DEL RINGO
ILYA ILICH METCHNICOV
1845 1916
SCIENZIATO RUSSO
PREMIO NOBEL 1908
SCOPRI´ LA FAGOCITOSI
NEL NATALE 1882
CONS. IX Q. S. LEONE 1988

**В этом квартале «Ринго» Илья Ильич Мечников (1845-1916), русский ученый, лауреат Нобелевской премии 1908 г., открыл фагоцитоз в Рождественский период 1882 г.** *Совет IX квартала «Сан-Леоне», 1988*

В **1865** г. в Петербурге выходит монография (диссертация) **Федора Федоровича Соколова** (1841-1909) «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии», положившая начало отечественной традиции научного исследования истории края.

В **1867-1868** гг. над реставрацией фасада античного театра в Таормине трудятся два молодых архитектора из Петербурга: **Виктор Александрович Коссов** (1840-1917) и **Максимилиан Егорович Месмахер** (1842-1906)[33].

В середине 1860-х гг. в Мессине работает замечательный зоолог **Александр Онуфриевич Ковалевский** (1840–1901), а в **1868-1869** гг. зимний сезон тут провел знаменитый этнограф **Николай Николаевич Миклухо-Маклай** (1846-1888), который, как и его приятель и коллега немец Антон Дорн, основатель Неаполитанской зоостанции, предполагал сделать Итальянский Юг научной базой для европейских ученых[34].

В августе **1871** г. из Неаполя в Палермо приплыл рейсовый пароход с двумя русскими путешественниками на борту. Это были профессор филолог **Измаил Иванович Срезневский** (1812-1880) и его дочь литератор **Ольга Измайловна Срезневская** (1845-

1930), с 1896 г. – член-корреспондент Российской Академии наук. Если профессор решил побыть на Сицилии для поправки здоровья, то его дочь воспользовалась случаем для знакомства с островом, впечатления от которого легли в основу ее статей «Три дня в Таормине, с описанием развалин древнегреческого театра» («Русский вестник», 1876) и «Из путевых заметок по Италии. Палермо и Монреаль» («Русский вестник, 1880»).

В том же **1871** году, в самом его конце, в Палермо побывал на отдыхе **Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков** (1798-1883), возвращавшийся в Россию после дипломатических баталий в Европе (ему удалось смягчить тяжелое бремя, возложенное на Россию согласно Парижскому мирному договору, заключенному по окончанию Крымской войны).

Профессор из Москвы **Карл Карлович Гёрц** (1820-1883) побывал на Сицилии в **1872** г., опубликовав затем книгу «Письма из Италии и Сицилии».

**Елизавета Николаевна Мухина** (Elisabetta de Moukine), дочь российского консула на Сицилии, в **1873** г. передала Городской библиотеке Палермо собрание из полусотни восточных рукописей – греческих, турецких, персидских, доставшихся ей в наследство от отца. Особенно ценными оказались две рукописи XVI-XVII вв. Ее собрание (Fondo di Moukine: 2 Qq E 206; 2Qq E 204 bis) и поныне входит в состав рукописного отдела библиотеки.

В **1874** г. в Мессине работает профессор-зоолог из Казани **Николай Петрович Вагнер** (1829–1907)[35].

Летом **1875** г. по приглашению Микеле Амари в Палермо прибыл знаменитый историк и искусствовед **Иван Владимирович Цветаев** (1847-1913), отец гениальной поэтессы. Знаток античности и поклонник итальянского Ренессанса, в начале XX в. Цветаев устраивает в Москве Музей изобразительный искусств (ныне им. А.С. Пушкина). В Палермо он участвовал в XII конгрессе итальянских ученых-филологов, по окончании которого (7 сентября) вместе со своими коллегами отправился на экскурсию по острову, осмотрев Седжесту, Эриче, Трапани, Селинунте, Агридженто, Сиракузы, Катанию, Таормину. 16 сентября Цветаев рейсовым паро-

мом отправился из Мессины в Неаполь. Его заметки (особенно любопытна та, что сообщает о палермском престольном празднике св. Розалии) вошли в книгу «Путешествие по Италии в 1875 и 1880 году» (М.,1883)[36].

В **1881** г. в Палермо на гастроли Рихарда Вагнера прибывает пианист и композитор **Иосиф Рубинштейн** (1847-1884). Горячий поклонник вагнеровской музыки и ее популяризатор в России, еще в 1872 г. он посетил Вагнера в Трибшене и Байрейте и стал одним из его близких друзей. В Палермо, помимо композиций Вагнера, пианист исполнил в новаторской манере обработки композиций Бетховена. После смерти Вагнера в 1883 г., Рубинштейн впал в депрессию и 15 сентября 1884 г. покончил жизнь самоубийством в Люцерне (Швейцария).

В **1882** г. в Палермо остановилась **великая княжна Анастасия Михайловна** (1860-1922), дочь великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны, урожд. Цецилии-Августы, принцессы и маркграфини Баденской. Она прибыла на Сицилию вместе со своим супругом великим герцогом Мекленбург-Шверинским Фридрихом Францем III, ради родов сына – будущего **Фридриха-Франца IV** (Палермо, 1882 – Фленсбург, 1945; отрекся от престола в 1918). Известно, что Анастасия находила Шверинский двор слишком строгим и старомодным: слабое здоровье ее мужа служило прекрасным оправданием для того, чтобы проводить как можно больше времени вне Германии, в том числе и на Сицилии.

В следующем **1886** году на острове оказался литератор **Владимир Людвигович Кигн** (1856-1908), публиковавшийся под псевдонимом **В. Дедлов**. Он высадился в Мессине, а затем посетил Палермо и Катанию. Сицилийские наблюдения, наряду с другими, легли в основу его книги «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» (СПб., 1888).

В 1891 г. в Палермо впервые прибыла русская нефть – морским транспортом из Петербурга от российского «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель».

**Вячеслав Иванович Иванов** (1866-1949), вместе со своей первой женой **Дарьей Михайловной Дмитриевской** и детьми, в

**1892** г. путешествует по Сицилии[37]. Результаты его впечатлений отразились в следующих стихотворениях:

*С пути*

Прежде чем парус направить в лазурную Парфенопею, / Шлем из Панорма тебе добрую, странники, весть. // Путеводимы везде благосклонными явно богами, / Остров Тринакрии мы, тихо дивясь, обошли. // Дружные волны несли наш корабль меж Харибдой и Скиллой / В горном жилище своем нам не грозил Полифем. // Этною неизмеримой подавленный, зыбля темницу, / Снова с Зевесом ведет древнюю распрю Тифон. // Мы ж невредимы не раз приближалися к безднам, откуда / Пламенем дышит Гигант, пламя лиет и гремит... / Но что великого мы, но что прекрасного зрели, — / Эта ль табличка вместит? Будь же здоров — и прости!

*Таормина*

За мглой Авзонии восток небес алей; / Янтарный всходит дым над снеговерхой Этной; / Снег рдеет и горит, и пурпур огнецветный / Течет с ее главы, как царственный елей, // На склоны тихие дубрав, на мир полей / И рощей масличных, и берег предрассветный, / Где скоро смутный понт голубизной просветной / Сверкнет в развалинах священных пропилей. // В обломках спит театр, орхестра онемела; / Но вечно курится в снегах твоя Фимела, / Грядый в востоке дня и торжестве святынь! / И с твоего кремля, как древле, Мельпомена / Зрит, Эвий, скорбная, волшебный круг пустынь / И Тартар, дышащий под вертоградом плена![38]

В **1894** г. Сицилию посетила русская писательница-социолог **Елизавета Николаевна Водовозова** (1848-1916). В соответствии с духом времени ее интересовали в первую очередь экономические и институциональные условия жизни простого народа; в Палермо она ознакомилась с организацией местных рабочих артелей, «фасций» (Fasci dei Lavoratori). Материалы этого и других исследований отражены в ее главной работе «Жизнь европейских народов. Географические рассказы», где рассказывается о населении различных стран, обычаях, увеселениях, занятиях, характере политической жизни. Переработанный и сокращенный вариант ее книги вышел под названием «Как люди на белом свете живут» (в 10-ти тт; Италии посвящен 3-й том, СПб., 1895).

По приглашению местной интеллигенции в **1895** г. на остров прибыл экономист и общественный деятель академик **Максим Максимович Ковалевский** (1851-1916)[39]. В своих трудах он ратовал за прогресс, которому противоречит «противопоставление бедности и богатства, рознь между имущими и неимущими». Для преодоления этого противоречия Ковалевский полагал необходимым вмешательство государства в распоряжение собственностью в интересах земледельцев и рабочих, юридическое закрепление права на труд, свободную деятельность профсоюзов, их борьбу за социальные права. В очерке «Месяц в Сицилии» («Вестник Европы», 1896) он, не оставляя в стороне антропологию и этнографию, внимательно рассмотрел социально-экономическую проблематику края. В Мессине он уделил особое внимание порту, в Катании подчеркнул культурное развитие города, связанное с университетом, в Сиракузах не смог устоять от противоположения античного величия и современной нищеты. Из Палермо он отправился рейсовым паромом в Неаполь.

В том же **1895** году, 4 ноября, в порт Палермо прибыл корабль с высокими гостями: это была **великая княгиня Вера Константиновна** (1854-1912) вместе с дочерями Эльзой и Ольгой и свитой в 16 человек. Заняв два этажа в гостинице «Trinacria» на Виа Бутера, «малый двор» Веры Константиновны на следующее утро совершил небольшую экскурсию по бухте Палермо на военном пароходе Королевского флота. В 3 часа пополудни Веру Константиновну принимал на борту немецкого корабля консул Германии барон Саутьер де Лоэтцан и экипаж. 6 ноября Вера Константиновна посетила ряд достопримечательностей: Палатинскую капеллу в Королевском дворце, монастырь капуцинов, собор в Монреале, а также Виллу в Оливуцце, где ее тетя и позднее приемная мать великая княжна Ольга Николаевна познакомилась в 1846 г. со своим будущим мужем крон-принцем Карлом. 8 ноября Вера Константиновна и ее свита покинули остров.

В конце **1890-х** гг. во время средиземноморского круиза Таормину и Сиракузы посетил композитор **Сергей Владимирович Югорский** (1865 ?). В Таормине он оказался свидетелем праздно-

вания дня св. Панкратия. Автор опер, симфонических, фортепианных и вокальных сочинений, он публиковал их, также как и свои литературные тексты под псевдонимом **Юферов**, под которым вышли и его записки «По берегам Средиземного моря. Путевые впечатления» (СПб., 1898).

30 апреля **1897** г. на борту «Зарницы» в Палермо из Алжира прибыл **Георгий Александрович** (1871-1899), третий сын Александра III и Марии Федоровны, в тот момент цесаревич (так как у Николая II тогда еще не было наследника). Больной туберкулезом, он отказался от каких-либо официальных встреч и приемов: даже газета «Giornale di Sicilia» поместила краткую новость о его визите лишь на второй странице, без каких-либо комментариев.

В сентябре **1897** г. в Палермо жил социолог и экономист **Яков Александрович Новиков** (1849-1912), приехавший сюда ради переговоров с издателем Ремо Сандроном [Sandron]. Последователь Спенсера, Новиков примыкал к социально-психологической школе. Его волновала судьба Европы, которую он трактовал в духе пацифизма[40]. В Палермо в итоге вышла книга Новикова [G. Nowicow], в авторизированном переводе с французского Дж. Каппони-Тренка, «Coscienza e volontà sociali» (1898)[41]. Знакомство с местной реальностью позднее помогло ему написать квалифицированное предисловие к монографии сицилийского ученого Наполеоне Колаянни [Colajanni] «Низшие и высшие расы» [«Razze superiori e razze inferiori», Napoli-Roma, 1906].

В **1898** г. в Таормине на Вилле Гвардиола почти месяц прожили **Дмитрий Сергеевич Мережковский** (1865-1941) и его жена **Зинаида Николаевна Гиппиус** (1869-1945)[42].

В 1902 г. Сицилию осмотрел **князь Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон** (1887-1967), вместе со своим приятелем художником и искусствоведом **Адрианом Викторовичем Праховым** (1846-1916). Визит на остров проходил в рамках большого тура по Италии, начавшегося в Венеции – об этом князь рассказывает в автобиографической книге:

> В 1902 году отец с матерью отправили меня в путешествие по Италии со старым преподавателем искусства Адрианом Праховым. Шу-

товской вид старика учителя тотчас бросался в глаза. Коротенький и большеголовый, с шапкой волос и рыжей бородой, он походил на клоуна. Мы решили звать друг друга «дон Адриано» и «дон Феличе». Начали вояж мы в Венеции, кончили Сицилией[43].

Особенно подробно автор рассказал о подъеме на Этну:

Жара была нестерпимой. А на макушке Этны лежал снег. Я, мечтая о прохладе, предложил учителю подняться к вершине. «Дону Адриано» [Прахову] не хотелось, но я уговорил его, и мы отправились, взяв ослов и проводников. Поднимались долго. Когда добрались до кратера, старик валился с ног от усталости. Только мы спешились, чтобы насладиться видами, как земля стала накаляться и местами выпускать пар. Мы перепугались, вскочили на ослов и пустились вниз. Но проводники наши засмеялись, позвали нас назад и сказали, что явленье это обычное и бояться нечего. Ночь мы провели в укрытии и от холода не могли сомкнуть глаз. Наутро мы поняли, что всё же пар костей не ломит, и решили немедленно вернуться в Катанию. На обратном пути чуть было не вышло трагедии. На тропинке вдоль кратера учителев осел оступился и скинул всадника. Тот полетел в пропасть. К счастью, он успел уцепиться за скалу, пока проводники бежали на выручку[44].

Согласно книге посетителей гостиницы «Сан Доменико» в Таормине, Феликс Феликсович вместе со своей супругой **Ириной Александровной**, урожд. княжной императорской крови **Романовой**, вновь оказался на Сицилии в 1917 г. После нескольких дней проживания в гостинице пара воспользовалась гостеприимством барона Карла фон Стемпеля (см. о нем ниже), а затем отправилась во Францию, где и окончательно обосновалась.

По мнению некоторых сицилийских авторов, в начале XX в. **император Николай II** вместе с **императрицей Александрой Федоровной** и детьми неоднократно посещали Сицилию и Палермо, в особенности и подолгу – Таормину, ради лечения больного гемофилией сына **цесаревича Алексея**. Иногда говорится, что царская семья приплывала в Палермо на борту яхты «Гогенцоллерн» вместе с кайзером Вильгельмом I. Однако эти известия не находят никакого

следа в главных периодических изданиях Сицилии той эпохи, хотя в них отражались абсолютно все визиты немецких императоров…

Во время своего итальянского путешествия в июне 1902 г. **Валерий Яковлевич Брюсов** (1873-1924) пишет в Венеции стихотворение с такими строками:

> От Альп крепковыйных до ясной Капреи / И далее, / До пустынь когда-то богатой Сицилии, / Где сирокко, устав и слабея, / Губит высокие лилии, / Цветы святого Антония, — / Ты прекрасна, Италия, / Как знакомая сердцу гармония! / Я пришел к тебе усталый, / Путь недавний потеряв, / Беспокойный, запоздалый, / Напрямик по влаге трав. / И случайные скитальцы / Мир нашли в твоем дворце… / О, как нежно эти пальцы / На моем легли лице! / Как прижавшееся тело / Ароматно и свежо! / Пусть притворство, что за дело! / Пусть обман, мне хорошо! / В этой нежности мгновенной, / Может, тайно, разлита, / Непритворна и чиста, / Ласка матери вселенной <…>.

В **1903** г. Таормину осматривает и описывает в своих заметках просвещенная путешественница **графиня Прасковья Сергеевна Уварова** (1840-1924)[45].

В **1907** г. в знаменитой римской гостинице Excelsior проходит персональная выставка художника **Бронислава Мрозовского** (вероятно, польского происхождения, но в итальянской периодике его называют «русским», очевидно, по подданству): среди выставленных пейзажей – четыре вида Таормины и три вида Палермо.

В **1907** г. в Мессине обосновался вместе со своей семьей **Сергей Степанович Чахотин** (1883-1973), выдающийся биолог и общественный деятель. Оказавшись в городе во время чудовищного землетрясения и погребенный под руинами дома, Чахотин позднее описал пережитое в мемуарах: «Под развалинами Мессины. Рассказ заживо погребенного в землетрясении 1908 года»[46].

В 5 часов 22 минуты **28 декабря 1908** г. мощные толчки земли разрушили многие населенные пункты восточной Сицилии и западной Калабрии, в первую очередь Мессину и Реджо. Силою в 7,1 балла по шкале Рихтера, землетрясение длилось 25 секунд.

Первыми на помощь пострадавшим жителям Мессины пришли моряки русского флота, находившиеся в Средиземноморье в учебном плавании[47].

Среди спасателей находился молодой офицер **Иван Георгиевич Стеблин-Каменский** (1887-1930), выпускник Морского корпуса, назначенный на крейсер «Богатырь». Участник Первой мировой войны, в 1919-1921 гг. он был помощником директора маяков Балтийского флота, одновременно начав свое церковное служение: в 1920 г. как диакон, в 1923 г. как иерей. В 1920-е гг. его не раз арестовывали, сослали на Соловки, а в 1930 г. казнили (в окрестностях Воронежа). Юбилейный Архиерейский Собор 2000 г. причислил протоиерея Иоанна к лику Новомучеников и Исповедников Российских. В греческой церкви св. Николая Чудотворца в Мессине существует икона св. Иоанна (Стеблин-Каменского) как одного из Небесных покровителей местной православной общины.

В **1909** г. в Мессину прибыл журналист и революционер **Пимен Пименович Семенюта** (1858–?), рассказавший об увиденном в репортаже «В стране смерти и разрушения» (СПб., 1909).

Тогда же в Петербурге вышла другая книга, написанная **Максимом Горьким** вместе с В. Мейером «Землетрясение в Калабрии и Сицилии», доходы от продажи которой пошли в помощь пострадавшим[48].

Будущий нобелевский лауреат **Иван Алексеевич Бунин** (1870-1953) прибыл по нов.ст. 2 апр. **1909** г. в Палермо из Неаполя – в тот самый день, когда и Гёте в 1787 г. (Бунин сообщает о таком знаменательном совпадении своему другу). Его сопровождает жена Вера Николаевна Муромцева (1881-1961), писавшая:

> Несколько дней мы осматривали столицу Сицилии, смотрящую на север, в бухте которой никогда не отражаются ни солнце, ни месяц. <...> Из Палермо мы отправились в Сиракузы. <...> Оттуда поехали в Мессину, где испытали настоящий ужас от того, что сделало землетрясение. Особенно поразила меня уцелевшая стена с портретами, — какой-то домашний уют среди щебня[49].

Стихотворение Бунина «После мессинского землетрясения», написанное на Капри, имеет дату 15 апреля 1909 г. Второй раз Бунины оказались на Сицилии ок. 20 апреля 1910 г., когда они возвращались из Туниса на небольшом итальянском пароходе после путешествия по Африке[50].

В **1909** г. в Палермо состоялась научная конференция, в которой принял **Александр Иванович Заборовский** (†1911), видный псковский чиновник и общественный деятель, активный сотрудник Псковского археологического общества.

В том же **1909** году остров посетил и затем блестяще описал литератор и искусствовед **Павел Павлович Муратов** (1881-1951). Его сицилийские главы, опубликованные в составе монографии «Образы Италии» (1911), вошли в золотой фонд российской итальянистики.

Вдовствующая **императрица Мария Федоровна** (1847-1928), урожд. датская принцесса Фредерика-Дагмара, супруга Александра III, приплыла в 6 часов вечера 19 апреля **1909** г. в порт Эмпедокле, близ Агридженто, на борту королевской яхты «Victoria and Albert», вместе с ее владельцами – королем Эдуардом VII и его супругой Александрой, которая приходилась родной сестрой русской царице. На следующее утро венценосные особы посетили Долину храмов, отобедав у храма Согласия, затем город Агридженто и порт Эмпедокле, при аплодисментах местных жителей. Рано утром 20 апреля яхта отбыла от Сицилии на Мальту. Вернувшись из этого британского доминиона в Италию 25 апреля, высокая делегация причалила в порт Катании, где в 16.15 ее приветствовал маркиз Сан Джулиано, итальянский посол в Лондоне. На следующий день, в 11 утра, гости отправились на специальном поезде на склоны Этны, доехав до станции Джарре, где их встретили представители местной администрации. По возвращении в Катанию, посетив дворец Сан Джулиано, они вернулись на яхту. В 20.30 на ее борту начался банкет, на котором присутствовали маркиз Сан Джулиано и маркизы Капицци. Отплыв из порта Катании 27 числа в 8 утра, яхта отправилась – по желанию Марии Федоровны – в Палермо, где ее встретили крейсер «Baccante» и два британских торпедоносца. В 18.35 яхта пришвартовалась у северного мола. Визит носил приватный характер, поэтому городские власти не приветствовали гостей официальным образом. На следующее утро, гости, воспользовавшись 5-ю автомобилями, предоставленными семьями Уайтекер и Флорио[51], в 11 утра отправились в городской собор Палермо, где посетили гробницу императора Фридриха II, а также в Палатинскую церковь Королевского дворца, в собор Монреале и катакомбы капуцинов. Обед, устроенный с 13.15 до 14.30 на Вилле Иджеа[52], завершился экскурсией на

Виллу Фаворита и в Монделло. В 22.45 британская королевская чета и их российская родственница отплыли в Неаполь, где их ждала встреча с Виктором-Эммануилом III.

На рубеже **1900-1910**-х гг. об острове часто сообщал в своих репортажах писатель-италофил **Михаил Андреевич Осоргин** (1878-1943)[53].

Замечательный художник **Алексей Ильич Кравченко** (1889-1940), после учебы в Москве и Мюнхене, в **1910** г. совершает большое путешествие по Италии, изучая монументальную живопись. Его итальянские, в том числе сицилианские, работы получили высокое общественное признание на выставках в 1911 г. Несколько работ того периода были куплены для Третьяковской галереи, в том числе прекрасный портрет молодой сицилианки с апельсином. Кравченко возвращается в Италию в 1925 г., работая в Венеции, Флоренции, Сан-Джиминьяно, Пизе, Риме, после чего окончательно селится в Москве, специализируясь преимущественно на книжной графике.

17 декабря **1910** г. в Палермо приплывает из Неаполя один из самых видных представителей русского символизма **Андрей Белый** (Борис Николаевич Бугаев, 1880-1934) вместе со своей женой Асей Тургеневой: «Я безумно обрадовался морю, долго стоял у носа парохода, около которого разбивались волны... Утром приплыли в Палермо: место изумительное, море бирюзовое, тихое, нежное». Молодая пара остановилась в исторической гостинице «Des Palmes» в Палермо, но посчитав сицилийскую столицу слишком дорогой, через неделю перебралась в отель «Савойя» в Монреале. На Сицилии пара пробыла в общей сложности около 20 дней и затем, 5 января 1911 г., отплыла в Тунис. Исследователь Г. Нефедьев пишет:

<…> Белый и Ася довольно долго прожили в Палермо, <…> их привлекал «Отель Пальм», где они остановились. <…> Книга Мопассана «Бродячая жизнь», обнаруженная и прочитанная в «Отеле Пальм», явилась для них (вместе с «Путешествием в Италию» Гёте) настольной книгой <…>. Образ же и творчество Р. Вагнера (его драмы-мистерии, идеи всенародного театра, синтеза искусств и т.д.), еще до итальянского путешествия, имели для Белого и, шире – всего

> русского символизма, определяющее значение. Поэтому становится понятным желание Андрея Белого задержаться в Палермо, тем более, что именно в «Отеле Пальм» Р. Вагнер завершил работу над своей последней музыкальной оперой «Парсифаль», а хозяин отеля помнил своих постояльцев и много рассказывал о них (об этом Белый постоянно пишет своим корреспондентам). В Монреале Белый и А.А. Тургенева задержались на еще больший срок <…>. Причиной тому являлся, в определенном смысле, Монреальский собор. Корреспонденция Белого этого периода и страницы его «Путевых заметок» насыщены многочисленными и восторженными описаниями «византийской» мозаики собора. Но, не в меньшей мере, монреальский собор привлекал его тем, что последний послужил для Вагнера прообразом замка Грааля в «Парсифале» (Монсальвата). Видимо, Белый намечал не только сицилийские маршруты «по Мопассану», но и иные, эзотерические маршруты – «по Вагнеру»[54].

3 марта **1911** г. в порт Мессины вошел крейсер «Аврора», ставший в XX в. символом Русской революции, для получения Золотой медали российскому флоту от муниципалитета, в память о героической акции в декабре 1908 г.

Весной **1912** г. в свадебном путешествии на Сицилии побывали **Марина Цветаева** и **Сергей Эфрон**[55].

В **1913** г. Сицилию подробно осмотрела **княжна Мария Михайловна Волконская** (1863-1843), выдающаяся писательница, жившая преимущественно заграницей – в Швейцарии, Франции, Италии, и писавшая по-французски. Она приняла католичество в 1901 г. в Швейцарии, а обосновавшись в конце 1920-х гг. в Риме (где и окончила жизнь), стала деятельной прихожанкой русской католической церкви св. Лаврентия на Горах. Занималась переводами творений католических духовных писателей на русский язык. Ее книга «Impression de Sicilie» [«Сицилийские впечатления»] вышла в Париже в 1913 г. Княжна посетила несчастную Мессину: «*от очарования и грации веселого города не осталось ничего*». Отправившись в соседнюю Таормину, путешественница была удивлена показным богатством одежды местных жителей – ей даже показалась, что легендарная бедность сицилийцев – есть лишь миф, так как остров «*как будто бы благоденствует*». Катания ей тоже представилась благо-

денствующим городом, *«хотя нечистым и грустным»*. Остановившись в Сиракузах в гостинице Вилла Полити, с окнами, выходящими к Латомиям капуцинов, и посетив достопримечательности (катакомбы, античный театр, собор, порт Ортигия), княжна почувствовала себя как в «восточной сказке». Другой лик Сицилии – воистину бедной и суровой – писательница увидела в окрестностях Агридженто (тогда Джирдженти), хотя ее не могли не впечатлить античные руины в Долине храмов, а также в Седжесте. Волконская завершила свой полный объезд «Тринакрии» в столице острова, которая поначалу ее разочаровала. Однако внимательно осмотрев местные музеи и храмы, она признала Палермо *«очаровательным городом»*. Особенно восхитил княжну монастырский дворик церкви Сан Джованни дельи Эремити, буйно заросший экзотическими растениями. Смесь мавританского и византийского стиля ряда памятников, поначалу ее насторожившая как некое «парвеню» – в сопоставлении с чистотой древнегреческой архитектуры, – позднее, особенно после посещения Палатинской капеллы Королевского дворца, в итоге покорила Волконскую. В мрачных катакомбах капуцинов ее поразило *«стремительное и ужасающее видение смерти»*. По северному берегу острова княжна вернулась в Мессину, где произнесла *«последнее прощай прекрасной Сицилии»*.

Накануне Первой мировой войны в Палермо побывал литератор **Николай Альбертович Кун** (1877-1940), блестящий историк, автор популярной книги «Легенды и мифы Древней Греции» (1922), выдержавшей множество изданий на разных языках. В **1911-1913** гг. он руководил экскурсиями российских учителей в Италии, читал лекции в римских музеях по истории античного искусства. В своей книге «Италия» (1914), он уделил много внимания как древностям Сицилии, так и специфическим проблемам ее общества и экономики.

Особое место в русско-сицилийской панораме занимает барон **Карл Фридрихович фон Штемпель** (1862-1951). Сын известного генерала, героя Туркестанских походов, он на середине жизненного пути, уже будучи «отцом семейства», оставил родину, семью, карьеру. В итоге барон поселился в Таормине, где выстроил себе большую




Эпитафия барона К. фон Штемпеля, кладбище в Таормине

виллу с конюшенным корпусом и «казино», со вкусом оборудовав свое жилище и собрав рафинированную библиотеку, с коллекцией фотографий соседа по Таормине барона Вильгельма фон Глёдена[56]. Его жилье превратилось в место встреч представителей европейской элиты «нетрадиционной ориентации»: в частности, его гостем был и князь Ф.Ф. Юсупов. Хозяин виллы часто отправлялся в дальние и продолжительные путешествия[57]. Рассказы фон Штемпеля послужили главным источником для литератора Роже Пейрефитта, писавшего роман «Les Amours singulières» («Эксцентричные амуры») про «однополую» Таормину. Живя на ренту, барон во время Второй мировой войны потерял свои капиталы и был вынужден оставить Таормину, переселившись в более скромный пенсион Страццери на дороге из Таормины в Кастельмолу. Похоронен на некатолическом кладбище в Таормине[58].

В **1924** г. в гостинице «Сан Доменико» в Таормине останавливался хирург **Сергей (Самуил) Абрамович Воронов** (1866-1951), ставший известным благодаря своим исследованиям по омоложению. Он послужил прототипом профессора Преображенского в повести Михаила Булгакова «Собачье сердце» (1925). 1920-е годы – период расцвета его славы: он снимал целый этаж одной парижской гостиницы, окружив себя свитой из шоферов, слуг, секретарей и поклонниц. Позднее метод его пересадки желез животных был отвергнут наукой.

В **1927** г. на пароме из Неаполя в Палермо прибыл **Николай Николаевич Асеев** (1889-1963), известный советский литератор. Остановившись на несколько дней в сицилийской столице, он нашел ее, в противоположность шумному Неаполю, грустной и зам-

кнутой[59]. По возвращении в Москву, в 1928 г., Асеев издал книгу «Разгримированная красавица», с серией очерков в критическом духе, где вступил также в полемику с П. Муратовым: в главе «Спор с Муратовым» он заявил, что в «чувстве античного» и любви к «руинам и сломанным портикам» видит лишь «выхолощенную приверженность к прошлому, из своей ненависти и обидной неумелости разобраться в живом, во всем, что еще не покрыто мхом и плесенью столетий».

В конце **1930-х** гг. в Катании (а также в Риме) обосновывается сценограф и художник **Борис Константинович Билинский** (1900-1948), последний период творчества которого связан с Сицилией. После его кончины в Катании, он был погребен на местном кладбище, на Аллее именитых людей[60].

В **1940-1943** гг. муссолиниевские власти устроили на пяти малых сицилийских островах (Липари, Лампедуза, Пантеллерия, Фавиньяна, Устика) лагеря для интернированных лиц, неугодных режиму или просто подозрительных, среди которых были и выходцы из России[61].

В **1943** г. в составе союзнических войск, в звании сержанта американской армии, высаживается на Сицилию уроженец Москвы **Михаил** («Миша») **Каменецкий** (1919-1995). Эмигрировав вместе с семьей из Советской России, он – через Литву – прибыл в Италию, где, войдя в группу либеральных интеллектуалов (Джайме Пинтор и др.), начал свою литературную карьеру под псевдонимом Уго Стилле (Уго – по имени антифашиста Уго Натоли; Стилле – по выражению из стихотворения Рильке: «спокойный», *немец.*). С установлением в 1938 г. расовых законов, ущемлявших евреев, Миша бежал



**Михаил Каменецкий (Уго Стилле) в редакции газеты «Corriere della Sera». Милан, 1987**

в США. На Сицилии по поручению союзнического командования возглавил радиостанцию на итальянском языке «Радио Палермо», оборудованную на Пьяцце Беллини, – она стала первой радиостанцией освобожденной Италии. По окончании войны вновь обосновался в Италии, успешно работая журналистом; в 1987-1992 гг. возглавлял одну из ведущих итальянских газет «Corriere della Sera».

На рубеже **1943-1944** гг. в Палермо пребывает **Андрей Януарьевич Вышинский** (1883-1954), дипломат, юрист и один из печально известных организаторов сталинских репрессий. Будучи членом Союзнической контрольной комиссии в Италии, он выполняет разного рода задачи: в первую очередь, готовит переход власти от AMGOT (*Allied Military Governement Occupied Territory* – Союзническое военное управление оккупированными территориями) к Союзнической контрольной комиссии, которая в свою очередь должна была привести к рулю страны новое законное итальянское правительство. Английский генерал Макмиллан вспоминал, что 7 января 1944 г. он встречался с Вышинским и другими 9-ю советскими функционерами, среди которых выделялся разведчик по кличке «Летт», готовивший поездки в разные города Сицилии[62]. Известно, что Вышинский, живший в Палермо в гостинице Excelsior на Пьяцце Крочи, встречался с Джузеппе Монтальбано, одним из лидеров сицилийских коммунистов: тот предложил план автономизации Сицилии под эгидой СССР. Вышинский, однако, призвал его поддерживать правительство Итальянского королевства во главе с маршалом Бодольо – в духе решений недавней Тегеранской конференции[63]. Одной из других задач Вышинского на Сицилии и была репатриация советских военнопленных, а также и других советских/русских граждан, оказавшихся на территории фашистской Италии (также и насильственным образом)[64].

Во второй половине **1940**-х гг. на сицилийском острове Липари продолжал действовать лагерь интернированных лиц: тут некоторое время содержали и представителей «второй волны» эмиграции, иначе Ди-Пи, они же «перемещенные лица», которые стремились покинуть Европу ради Нового Света[65].

В **1948** г., по окончанию Второй мировой войны, на Сицилии возобновились знаменитые международные автомобильные гонки Targa Florio (1.080 км). Для участия в них в Черду, близ Палермо прибыла новенькая Ferrari 166 Sport Allemano Spider. Ее экипаж – Клементе Бьондетти и **князь Игорь Николаевич Трубецкой** (1912-2008) – в итоге выиграл престижные гонки. «Князь Игорь», как полушутливо звали автогонщика, известного также в качестве горнолыжника, велосипедиста и коллекционера живописи, в том же году женился на одной из самых богатых женщин той эпохи – американке Барбаре Хаттон. Теперь Трубецкой по праву считается первым гонщиком «больших призов» за рулем Ferrari.



Князь Игорь Трубецкой
и Барбара Хаттон

В декабре **1948** г. в палермской художественной галерее «Garden» прошла персональная выставка маэстро **Ивана Кураха** (1909-1968). Уроженец Львова, Курах учился в академических школах Львова, Вены, Варшавы. Обосновавшись в Италии, где он в 1936 г. получил подданство, художник быстро завоевал признание. В 1941 г. как итальянский гражданин он был призван в армию и отправлен в составе дивизии «Torino» на русский фронт, где служил переводчиком. В 1940-1950-е гг. по всей Италии прошли его выставки – в Палермо, Риме, Тренто, Брешии, Милане. В 1953-1962 маэстро живет в США, затем возвращается в Европу[66].

В **1952** г. Сицилию посещает советский капитан дальнего плавания **Александр Андреевич Доценко**. В репортаже «На острове Сицилия», опубликованном в популярном журнале «Вокруг света» (№ 9, 1952), автор, отдав должное «городу-музею» Палермо,

собору в Монреале и местной природе, в русле традиций советской публицистики, подверг критике засилье на острове латифундистов и мафии.

В **1950-1960-х** гг. остров несколько раз посетил великий композитор XX в. **Игорь Федорович Стравинский** (1882-1971). Так, 21 ноября 1963 г. в палермитанском театре Бьондо маэстро открыл цикл вечерних концертов Сицилийского симфонического оркестра – своей вариацией рождественских кантов Баха. Известно, что в качестве дирижера он выступал также в театре Мессины. В Палермо его принимала в гостях соотечественница Александра Борисовна фон Вольф, вдова писателя Джузеппе Томази ди Лампедуза[67].

В августе **1953** г. на Сицилию прибыл, после долгого автопробега по всей Италии, **Николай Владимирович Шталь** (Никола де Сталь; 1914-1955). Уроженец Петербурга, из семьи балтийских баронов и сын последнего коменданта Петропавловской крепости, он состоялся как художник уже в эмиграции. Шталь жил в Варшаве, затем Брюсселе, а после женитьбы на французской художнице Жаннин Гийю обосновался в Ницце. Участник многих выставок, среди коллег он выделялся аристократическими манерами. Сицилия впечатлила его своими необычными цветами и ярким южным светом. Известно, что, приехав на остров без намерения заниматься живописью, художник принялся за большой сицилийский цикл, посвященный преимущественно Агридженто и Долине храмов, завершил этот цикл уже во Франции. Однако он переживает депрессию и неожиданно для всех кончает самоубийством, выбросившись из окна собственной мастерской. В 2005 г. Министерство связи Франции избрало картину «Сицилия» Николая Шталя для очередной почтовой марки.

В **1959** г. в палермитанском театре «Массимо» **Фабиан Адольфович Севицкий** (Кусевицкий) (1893-1967) поставил оперу Н. Римского-Корсакого «Иван Грозный». Выдающийся музыкант, дирижер, композитор, закончил в 1911 г. петербургскую Консерваторию. Имея фамилию Кусевицкий, он принял ее усеченный вид ради отличия от своих именитых родственников и однофамильцев. Эмигрировав после революции, первоначально в Польшу, он

выступал сначала как контрабасист. В 1928 г. Севицкий, получив американское гражданство, обосновался в США, но часто гастролировал в Европе.

**1964** год отметился одним из ярчайших русско-итальянских эпизодов второй половины XX в. – визитом на Сицилию великого русского поэта **Анны Андреевны Ахматовой** (1889-1966), получившей специальную литературную премию «Этна-Таормина»[68].

В **1964** г. на Сицилию впервые прибыл замечательный музыкант **Никита Дмитриевич Магалов** (1912-1992), дав концерты 2 и 30 августа в рамках фестиваля «Музыкальное лето Таормины». Получив образование в Париже, маэстро стяжал славу одного из замечательных пианистов. Преданный исполнитель Шопена, он впервые в истории осуществил запись всех его фортепьянных произведений. У Магалова установились прочные связи с Сицилийским симфоническим оркестром, с которым он неоднократно выступал в 1980-е гг.

В **1965** г. большое путешествие по острову совершил литератор **Афанасий Лазаревич Коптелов** (1903-1990). Его маршрут – Палермо, Солунто, Агридженто, Ликата, Джела, Сиракузы, Катания, Таормина – описан в книге «Итальянская осень. Воспоминания об одной поездке» (1968).

20 ноября **1987** г. в рамках побратимства между Палермо и Тбилиси была торжественно открыта мемориальная доска на Виа дель Университá, посвященная двум палермским монахам, дон Франческо-Мария Маджо [Maggio] и дон Кристофоро Кастелли [Castelli], смелым и увлеченным исследователям Кавказа. Надпись – на итальянском и грузинском языках – гласит: «В память монахов / театинцев / Франческо Мария



**Мемориальная доска в честь палермитанских монахов, исследователей Кавказа, Палермо, Виа дель Университá**

Маджо / и / Кристофоро Кастелли, / посланников дружбы и культуры / в XVII веке / из Палермо в землю / Грузии»[69].

**Дон Франческо-Мария Маджо** (1612-1686) – миссионер и лингвист-востоковед, автор 114-ти научных работ, в т.ч. грамматики грузинского языка «*Syntagma linguarum orientalium quae in Georgiae regionibus audiuntur*». Его миссии проходили также в Сирии, Персии, Армении, Турции[70].

**Дон Кристофоро Кастелли** (1600-1659) провел в Грузии четверть века, собрав и обобщив уникальный лингвистический и этнографический материал. Первоначальный такой свод был утрачен, однако монаху удалось позднее восстановить по памяти многие тексты, которые в итоге попали в рукописный отдел Городской библиотеки г. Палермо (фонд 3 Qq E 92-98). Он прибыл на Кавказ через Трапезунт в 1631 г. вместе с группой миссионеров по заданию папы Урбана VIII, проведя тут более 20 лет. Дон Кастелли обладал также талантом художника – среди его бумаг сохранился ряд ценных рисунков: портреты исторических лиц и бытовые сцены, спортивные игры, виды населенных пунктов, жилища и памятники архитектуры.

В **2002 г.** на Сицилии, в Сиракузах и Катании проходят мемориально-художественные выставки, посвященные **Рудольфу Хаметовичу Нурееву** (1938-1993). Легендарный танцор, владевший архипелагом Ли Галли в Тирренском море, неоднократно выступал на острове, осматривал Таормину и другие достопримечательности.

В настоящее время связь аристократических домов Сицилии и России олицетворена сицилианкой **Марией-Иммаколатой Романовой**, урожденной Вальгварнера княжны Нишеми (род. в 1931 г. в Палермо), вдовы Александра Никитича Романова (1929-2002), правнука Александра III и внучатого племянника Николая II.

В **2008** г. к 100-летию подвига российских моряков Итальянский Красный крест устанавливает близ здания Театра оперы и балета мемориальную доску в честь спасательной акции императорского флота с упоминанием имени Николая II.

**8 июня 2012 г.** в Таормине установлен бюст последнего русского императора Николая II.

**9 июня 2012 г.** в Мессине торжественно открыт монументальный памятник в честь подвига русских моряков, изготовленный по первоначальной модели скульптора Пьетро Кюфферле, уроженца Вероны.




**Мемориальная доска в честь спасательной акции Императорского российского флота, Мессина**

***

Хотелось бы завершить «летопись» русских событий и визитов на Сицилию русских людей – как именитых, так и малоизвестных – одной популярной легендой, свидетельствующей о связях нашего острова и России, теряющихся в вековой дали.

…В местности у селения Мардзамеми рассказывают, что один русский капитан, а то и адмирал, по фамилии **Николаев**, потерпев кораблекрушение у берега Рада-делле-Торторе, был настолько пленен красотой края, прозрачной водой и буйной растительностью, что решил остаться тут навсегда. Итальянизировав собственную фамилию в **Николачи** [Nicolaci], он выстроил тут себе жилище и стал родоначальником княжеского семейства Николачи ди Вилладората. Известно, что в действительности сицилийский князь Николачи ди Вилладората занимался промыслом тунца в этих краях уже в конце XVII в., однако подобное народное мифотворчество показывает явное тяготение сицилийцев к русской земле, к русскому народу.

***

Порой непросто объяснить причины, заставляющие людей отправляться в дальние страны... Тем более это относится к прошлым временам, так как сегодняшний век и его технологический прогресс кардинально изменил стиль жизни и менталитет.

Вне сомнения, в прошлом чаще всего люди предпринимали путешествия ради коммерции и заработка. С течением веков на Сицилии, помимо влияния разных господствующих государств, династий и наций, сложились колонии иностранцев, ставивших своей целью установление прямых торговых отношений с островом, или же использование его природных богатств и ресурсов.

Надо сказать, что русские посетители Сицилии таковых интересов обычно не преследовали. Несмотря на то, что правительство Неаполитанского королевства, а позднее и Объединенной Италии, в отношениях с Россией стремилось установить максимально благоприятный режим для, говоря современным языком, «импорта-экспорта», ситуация тут для иностранцев была непростой: первыми на острове утвердились предприимчивые англичане, умело устранявшие возможных европейских конкурентов.

Но даже учтя подобное британское доминирование, следует признать, что движущими мотивами путешествий россиян были культурные интересы. Этот край, столь далекий от России и столь отличный от ее традиций, в эпоху Романтизма представлялся, вместе с остальной Италией, колыбелью европейской цивилизации, где сформировались ее греко-римские идеалы. Многие тогда искали на острове именно классическую, античную Элладу.

К культурной привлекательности Сицилии присоединялась (и присоединяется поныне) красота и очарование пейзажей, буйство красок, грандиозность древних панорам – всё это, вне сомнения, представлялось для россиян волнующей экзотикой и находило соответствующие отзвуки в их литературных свидетельствах.

Следующий мотив притягательности нашего края – мягкость его климата. В прошлом весьма многие заболевания, в том числе туберкулез, поддавались излечению в результате пребывания в курортных местностях. Начиная с середины XIX в., с ростом благосо-

стояния европейского общества, Сицилия стала представлять для многих оптимальный курорт.

Не последнее место в общей притягательной палитре острова составляло сердечное гостеприимство его населения, которое замечали почти все посетители Сицилии.

Следует добавить и прекрасные возможности для научной деятельности европейских естествоиспытателей. Ученые разных стран начали было стекаться в Мессину, когда Антон Дорн и примкнувший к нему Н.Н. Миклухо-Маклай устроили тут провизорную зоостанцию, использовавшую природные преимущества уникального пролива. Ужасное землетрясение 1908 г. разрушило многие проекты и начинания. В целом иногда упадок острова в XX в. рассматривают как одно из последствий того катаклизма.

Катастрофа 1908 г., однако, привела к сплочению разных наций, пришедших на помощь сицилийцам. Среди них по праву выделяется русский народ – именно тогда подвиг моряков Балтийского флота и его многочисленные описания дали новый импульс России к далекому средиземноморскому острову, благодарному за самоотверженность русской нации.

*Перевод и дополнения М.Г. Талалая*

---

[1] См. общее исследование о путешественниках по Сицилии: *Di Matteo S.* Viaggiatori stranieri in Sicilia dagli arabi alla seconda meta del XX secolo. Repertorio, Analisi, Bibliografia. Palermo: Istituto Siciliano di Studi Politici ed Economici, 2000. О русских на Сицилии одна из первых публикаций см. *Cazzola P.* Tre secoli di presenze russe a Siracusa e in Sicilia // Siracusa nell'occhio del viaggiatore, Atti del Congresso CIRVI (8-9 dicembre 1995) / a cura di E. Kanceff. Moncalieri: CIRVI, 1998. P. 39-54.

[2] Существует итальянский комментированный перевод книги А.С. Норова, осуществленный Эмилией Сахаровой, под ред. Сальво Ди Маттео и с его вводным биографическим очерком; см. *Norov A.S.* Viaggio in Sicilia nel 1822. Palermo: Fondazione Lauro Chiazzese, 2006. В нашем сборнике путешествию Норова посвящен специальный очерк М. Высокого.

[3] Из старых публикаций укажем: L'Olivuzza. Ricordo del soggiorno della corte imperiale russa in Palermo nell'inverno 1845-1846. Palermo, 1846; *Moptillaro V.* Leggende storiche siciliane dal XIII al XIX secole. Terza edizione. Palermo, 1876. P. 212-216 (гл. XXXIX: «La corte russa»); из современных, в первую очередь: *Monachella Turov V.* Gli Zar a Palermo: cronaca di um soggiorno // Kalós. Anno XIV. n. 1, gennaio/marzo 2002. P. 4-11; *Пащинская И.О.* Ренелла – Готический, или Чайный дом // Курьез в искусстве и искусство курьеза. Материалы XIV Царскосельской научной конференции. СПб. 2008. С. 275-288; то же в Интернет-ресурсе: http://ir-cha.livejournal.com/tag/arenellal; на итал. яз. (пер. С.Я. Сомовой): *Pashchinskaia I.O*. Renella, cioè la Casa Gotica oppure la Casa da tè – в Интернет-ресурсе: http://ir-cha.livejournal.com/tag/arenella.

В нашем сборнике пребывание царской семьи в Палермо описано в очерке И. Пащинской.

[4] Детальной реконструкции помощи российского флота была посвящена специальная секция конференции в Мессинском университете (янв. 2009 г.), приуроченной к 100-летию землетрясения. См. конференциальный сборник: Il terremoto calabro-siculo del 1908. Dalla notizia alla solidarietà internazionale / a cura di M.L. Tobar. Reggio Calabria: Città del Sole, 2010.

[5] Есть мнение, что Толстой был значительно моложе и родился в 1653 или 1654 г.; см. *Анисимов Е*. Россия без Петра. СПб., 1994. С. 143.

[6] Книга Толстого переведена на итал.: Il viaggio in Italia di P.A. Tolstoj (1697-99) / a cura di C. Piovene Cevese. Genève: Slatkine, 1983.

[7] Подробнее о Б.П. Шереметеве и П.А. Толстом см. в статье А. Кара-Мурзы.

[8] Установлению прямых дипломатических отношений способствовала миссия в Неаполь в 1776 г., по поручению Екатерины II, просветителя Ф.-М. Гримма. В следующем, 1777 году, было принято двустороннее решение об обмене посланниками, что и было осуществлено в 1778 г. Взаимоотношения между Российской империей и Неаполитанским королевством развивались вполне успешно: из всех итальянских государств петербургский двор стал выделять именно двор Бурбонов. Этому способствовала долгая и успешная миссия в России в конце XVIII в. неаполитанского посланника герцога Серакаприолы, а также всё нараставшее политическое сближение и, позднее, экономическое сотрудничество. Первые русские посланники в Неаполе – А. Разумовский, П. Скавронский, Ф. Головкин – занимали заметное место при дворе Бурбонов.

[9] Об иностранных колониях в Мессине см. *D'Angelo M.* Comunità straniere a Messina tra il XVIII e XIX secolo. Messina: Perna, 1995.

[10] Как дворяне, Юлинец использовали в Италии приставку *de* (de Julinetz). О них см. также *Chiara L., Principato N*. Famiglie straniere a Messina nell'Ottocento. I segni della presenza. Messina: Armando Siciliano, 2008.

[11] Подробнее см. *Талалай М.Г.* Преемника Павла Первого избрали в Мессине // Интернет-ресурс: www.russianeco.net.

[12] Латомии (от греческих слов *lithos* и *temno* – резка камня) служили каменоломнями, где начиная с V в. до Р.Х. добывали белый известковый камень, шедший на строительство. Впоследствии они стали тюрьмой, где греки-узники, потерпевшие поражение от римлян в 413 г. до Р.Х., вынуждены были долбить камень на глубине около 40 м. Там находится знаменитое Ухо Дионисия, искусственная пустота длиной 65 и высотой 23 м, имеющая форму огромного уха (полагают, что нынешнее название ей дал Караваджо, живший тут в 1608 г.).

[13] Монастырь XIV в. находится примерно в 10 км от Монреале, на месте древней обители св. Григория Великого; известен фресками Пьетро Новелли.

[14] Текстом В. Броневского, в сопоставлении с более поздним текстом А. Норова (1822) занималась А. Пасквинелли; см. *Pasquinelli A.* Due viaggiatori russi a Siracusa, due viaggi diversi: A.S. Norov (1822) e V.B. Bronevskij (1806) // Siracusa nell'occhio del viaggiatore... cit. P. 171-184.

[15] Книга вышла на итал. яз. в переводе Э. Сахаровой (Палермо, 2003); см. также статью Пьеро Каццолы: *Cazzola P.* Akragas nelle memorie del «Viaggio in Sicilia nel 1822» di Avraam S. Norov // Bollettino del CIRVI. № 56, gennaio – dicembre 2007. P. 261-274.

[16] О художнике Ф. Матвееве см. ниже в статье Л. Маркиной.

[17] См. о нем: *Фролова М.М.* Александр Дмитриевич Чертков (1789-1858). М.: Московские учебники и Картолитография, Издательство Главархива Москвы, 2007.

[18] О Черткове на Сицилии см. статью Н. Баландинского с комментариями М. Высокого; о его путешествии есть и итал. статья; см. *Strano G.* Il viaggio di Aleksandr Čertkov // Siracusa nell'occhio del viaggiatore... cit. P. 76-89.

[19] Пунийский *Солунт* ныне является археологической зоной античной эпохи у подножья горы Катальфано, откуда открывается красивый вид на море. Здесь можно осмотреть Гимнасий с сохранившимися дорическими колоннами, лестницы, цистерны для воды, сцену эллинистического театра и Дом Леды с мозаикой, давшей ему название. В результате продолжающихся археологических раскопок были найдены интересные предметы, выставленные в Региональном археологическом музее Палермо и в Антиквариуме, расположенном у входа в археологическую зону.

[20] Здание первой Виллы Бутера было возведено в 1658 г., однако затем, в XVIII в., капитально перестроено.

[21] В галереях катакомб покоятся тела около восьми тыс. палермитанцев, распределенные по нишам в соответствии с их статусом (духовные лица, мастеровые, мужчины, женщины, дети…). Некоторые из тел набальзамированы, другие мумифицированы, а иные превратились в обычные скелеты.

[22] Книга переиздана в 2012 г. московским издательством «Медиа».

[23] В самые последние годы судьбой Н. Иванова серьезно заинтересовались исследователи. Петербуржец Константин Плужников, сам оперный певец, в книге «Николай Иванов. Итальянский тенор» (СПб.: Центр современного искусства,

2006) обратился в первую очередь к его музыкальному творчеству. Римское издательство Sandro Teti Editore выпустило итальянскую версию его книги «Nicola Ivanoff, un tenore italiano» (Roma, 2007). Украинский историк-итальянист Николай Варварцев обратился к документам из архивов России и Италии, издав в Киеве в 2011 г. итоговый труд: «Життя і сцена Миколи Іванова: історія українця в італійському Рісорджименто»; биография Иванова здесь погружена в контекст бурной итальянской истории той поры, когда нация собирала себя в борьбе с разными противниками.

[24] Два течения, нисходящее, из Тирренского моря в Ионическое, и восходящее, из Ионического в Тирренское, меняя каждые шесть часов собственное направление, образуют мощные водовороты – те самые, которыми, согласно Гомеру и позднейшей мифологии, «заведуют» сирены, обратившиеся в чудовищ Сциллу (Скиллу) и Харибду. Страшные создания, Сцилла с одной стороны Мессинского пролива и Харибда с другой, якобы губили мореходов, шедших через пролив, сперва очаровывая их сладостными мелодиями, а потом пуская на дно их корабли. «Феей Морганой» (Fata Morgana) называют мираж, оптический эффект, иногда наблюдаемый над Мессинским проливом.

[25] В нашем сборнике подробно описано в статье И. Пащинской.

[26] См. о нем: *Талалай М.Г.* Иеромонах Ордена барнабитов Августин-Мария, в миру граф Григорий Петрович Шувалов // Страницы, № 6, 2001. С. 625-630; *Он же*. Он завещал молиться за Россию. Граф Григорий Шувалов, он же монах Августин-Мария // Истина и жизнь. 2002. № 6. С. 40-42; *Он же*. Итальянская поэзия графа Г.П. Шувалова // Русско-итальянский архив, под ред. Д. Рицци и А. Шишкина. № 4. Салерно, 2005. С. 294 -316.

[27] В первом посмертном жизнеописании, составленном падре Инноченте Гобио сообщается, что Шувалов в Палермо чуть было не обратил в католичество царицу Александру Федоровну; см.: *Gobio I.* Vita del padre Agostino Maria Schouvaloff della Congregazione de' CC. RR. di S. Paolo detti Barnabi. Bologna, 1867.

[28] 14 июня 1998 г. гроб с прахом Г. П. Шувалова был торжественно перенесен из Парижа в одну из самых пышных церквей Болоньи, в барнабитскую базилику Сан Паоло Маджоре. Эпитафия на вновь сооруженном саркофаге (в переводе на русский) гласит: «*Отец Григорий-Августин-Мария Шувалов / барнабит / родился в С.-Петербурге 25 октября 1804 года / скончался в Париже 2 апреля 1859 года / перезахоронен в Болонье 21 июня 1997 года / Апостол единства христиан*».

[29] См.: *Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А.* Тестаччо: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. Алфавитный список русских захоронений. СПб., 1999. С. 86-87; могила не сохр.

[30] О художниках петербургской Академии Художеств в Италии см.: *Goldovskij G., Petrova E., Poppi C.* Viaggio in Italia: la veduta italiana nella pittura Russa dell'Ottocento. Milano, 1993. В нашем сборнике им посвящена статья Л. Маркиной.

[31] См. итал. перевод: *Mečnikov L.I.* Memorie di un garibaldino. La spedizione dei Mille / a cura di R. Risaliti. Moncalieri (Torino): CIRVI, 2008. 2-е доп. изд.: *Ibid.* Memorie di un garibaldino e altri testi. Moncalieri: CIRVI, 2011.

[32] См. Интернет-ресурс: www.russianecho.net (отв. ред. Джузеппе Йаннелло).

[33] См. подробнее о них в статье Г. Баутдинова.

[34] См. статью С. Фокина.

[35] Там же.

[36] См.: *Соснина Е.Б.* Итальянские версты Ивана Цветаева. Иваново, 2001; итал. пер. Пьеро Каццола: *Sosnina E.* Le verste italiane di Ivan Cvetaev / trad. di P. Cazzola. Moncalieri: CIRVI, 2005.

[37] См. ниже отрывки из их дневников.

[38] *Иванов В.* <Волшебная страна ITALIA> / Публ. Н.В. Котрелева // История и поэзия: Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: Росспэн, 2006. С. 425-426.

[39] *Risaliti R.* Un mese in Sicilia di Maksim Maksimovic Kovalevskij // Viaggio nel Sud / a cura di E. Kanceff, R. Rampone. Moncalieri, 1995.

[40] См. его памфлет: Борьба Европы с Китаем. (Будущность белой расы). СПб.: Латернер, 1901.

[41] Название в оригинале: «Conscience et volonte sociales» (Paris, 1896). Новиков писал преимущественно на французском языке, убежденный, что это язык европейской науки.

[42] См. ниже отрывки из ее записок.

[43] *Юсупов Ф.* Мемуары. Париж, 1953. С. 12.

[44] Там же.

[45] Подробнее в статье Г. Баутдинова.

[46] Текст перевел и опубликовал Дж. Йаннелло; см.: *Tchakhotine S.* Sotto le macerie di Messina / a cura di G. Iannello. Messina: Intilla, 2008. О Чахотине см. также статью С. Фокина в нашем сборнике.

[47] См. статью Т. Остаховой.

[48] Однако Горький сам в Мессине не был – в отличие от возникшего на Сицилии предания; см. ниже статью Т. Остаховой.

[49] *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Вагриус, 2007. С. 153.

[50] О Бунине на Сицилии см. статью И. Ревякиной.

[51] О семье Флорио см.: *Candela S.* I Florio. Palermo: Sellerio, 2008.

[52] Об этой вилле см.: *Amendolagine F.* Villa Igiea. Palermo: Sellerio 2002.

[53] Жизнью и творчеством Михаила Осоргина в Италии занимается Анастасия Пасквинелли; см. ее книгу: *Pasquinelli A.* Michail Osorgin. Un russo in Italia. Torino, 1997. Об отклике Осоргина на землетрясение 1908 г. см.: *Pasquinelli A.* Il terremoto di Messina del 1908, nelle testimonianze di due scrittori russi dell'eopca //

Viaggio nel Sud. Vol. I / a cura di E. Kanceff, R. Rampone. Moncalieri: CIRVI, 1995. P. 199-210. Она же перевела на итальянский яз. очерк М. Осоргина «Мессина» из сборника рассказов «Там, где был счастлив» (Париж, 1928, с. 80-85).

[54] *Нефедьев Г.* Итальянские письма Андрея Белого: ракурс к «Посвящению» // Archivio Italo-Russo II. Русско-итальянский архив II / Сост. Д. Рицци и А. Шишкин. Салерно, 2002. С. 105.

[55] О Цветаевой на Сицилии см. статью Т. Быстровой.

[56] В. фон Глёден известен как создатель фотографической серии мужского «ню». В Таормине его навещали Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус; см.: *Гиппиус З.* Вечер у барона Г. // Риск. Вып. 1. М., 1995. С. 88-92 – «Мы любили тесную и уютную виллу барона Г. Низкий домик, едва видный из-за ограды пышного, полного странных роз сада, узенький балкон, белая стена над балконом, покрытая фиолетовыми крупными цветами, и бледно-лиловые глицинии, нежно-поникшие…».

[57] Об аристократической Таормине той поры см.: *Nicolosi P.* I baroni di Taormina. Palermo, 1957 (2-е изд.: Catania, 1973).

[58] Согласно надписи на плите, барон родился 8 февраля 1862 г. и скончался 31 октября 1951. Вместе с ним похоронена баронесса Зоя фон Штемпель, урожденная Коцебу [Kotzebue].

[59] О посещении Н. Асеевым Итальянского Юга см.: *Aseev N.* In macchina per Amalfi / a cura di M. Talalay // Rassegna del Centro di cultura e storia Amalfitana, № 33-34, 2007. P. 179-186. Предполагают, что одной из целей его поездки было примирение между его «маэстро» Маяковским и Максимом Горьким, тогда жившим в Сорренто. В Палермо Асеев встретил русского художника Семена (Симона) Фикса, который в 1928 г. выставил свои сицилийские работы на персональной выставке в Доме искусств Брагалья в Риме (Via degli Avignonesi, 8; в подземных помещениях Терм Септимия Севера). Рецензенты писали о нем: *«Сейчас Фикс на Сицилии. От нее он в еще большем восторге, чем от Италии [sic!]. Семен Фикс – романтическая душа, он смотрит на итальянские и сицилийские пейзажи взглядом поэта, исполненным высокого лиризма, хотя, будучи русским, воспринимает их как некую экзотику»* – см.: Интернет-ресурс: http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=366 (авторы П. Деотто, Л. Пикколо).

[60] Подробнее о Б. Билинском см. в очерке Р. Клименти-Билинского и Н. Рыжак.

[61] Среди них были граждане «бывшей Российской империи» (белые эмигранты), обладатели Нансеновских паспортов и беженцы с оккупированных итальянскими войсками советских территорий. Русские заключенные не выделялись в особые подразделения и отдельная статистика по ним не велась. При случайной выборке обнаружено, что в лагере на о. Лампедуза с конца 1942 г. по июль 1943 г. находились две русские женщины: 38-летняя Наталья Ивановна Абрамова, светская красавица, летчица-любительница, невеста итальянского

военного атташе в Лондоне, интернированная накануне свадьбы, оставившая во Флоренции роскошную квартиру на берегу Арно и попавшая в лагерь по подозрению в шпионаже; и 18-летняя Клара Сергеевна Букреева из г. Сталино (Донецк), бывшая официантка итальянской офицерской столовой, прибывшая в Италию, спрятавшись в кузове разбитого грузовика под брезентом (сдалась полиции в г. Удине). Жених Н. Абрамовой, Гвидо Кролло, в тот же период был назначен послом Итальянской социальной республики (Сало́), но несмотря на высокие связи не смог вызволить её из лагеря… У Клары Букреевой, напротив, всё сложилось успешно: влюбленный в нее раненый итальянский солдат вспомогательного батальона дивизиона «Пазубио», Луиджи Франкини, направленный на лечение в Италию (который и устроил ей побег перед вступлением в город Красной армии), сделал ей предложение руки и сердца, оформил это предложение в военных инстанциях, и через месяц Букреевой дали двухнедельный отпуск на Сицилию для знакомства с родителями жениха, перехода в католицизм и помолвки. Однако после этого ее все-таки направили в лагерь для проверки, откуда она освободилась только в июле и по-видимому соединилась со своим женихом. См: *Archivio dello Stato Centrale, Direzione Generale di Pubblica Sicurezza, A4bis Internati, fascicoli personali, busta 12, busta 59.* – Сведения в Архиве обнаружил, обработал и предоставил для данной публикации исследователь Владимир Кейдан (Рим).

[62] См.: *Magnoni G. Il tramonto di un regno* // Интернет-ресурс: http://www.ilpostalista.it/tramonto_007b8.htm.

[63] *Prestigiacomo V.* La città si sveglia Fascista. Il volto di Palermo tra Ventennio e Dopoguerra. Palermo: Ed. Nuova Ipsa, 2012.

[64] Осенью 1944 г. эмигрантская пресса сообщала: «Советским представителем в Средиземноморском комитете назначен зам. Народного комиссара иностранных дел Вышинский. <…> Назначение столь высокого советского сановника, как Вышинский, в Средиземноморский комитет, является показателем того, какое большое значение Советы придают своему участию в делах Южной Европы. Они стремятся превратить Средиземноморский комитет в орган распространения большевизма» («Сталинские щупальцы в Средиземном море» // Новое слово, № 80 (566), 6 окт. 1943, с. 3). В одной из следующих статей заявлялось: «Благодаря преступному попустительству англо-американцев, большевики всё более прочно обосновываются также и в Сицилии, и в Южной Италии. Большое число проживающих там русских эмигрантов недавно “ликвидировано” людьми Вышинского. Даже те русские, которые укрылись под покровительство англо-американцев, были выданы на расправу большевикам» («Вышинский за работой» // Новое слово, № 82 (568), 13 окт. 1943, с. 1). Другой эмигрантский орган писал: «Милан, 12 октября. Газета “Коррієрэ делля Сэра” сообщает, что белые-русские, покинувшие Сицилию и Южную Италию прибыли в Рим. По-

сле оккупации Северной Французской Африки и Сицилии большое количество белых-русских было убито комиссарами ГПУ, находившимися среди англо-американских войск. ГПУ удалось внедрить советских офицеров в войска де Голя. Поэтому Белые русские в Италии бегут в ее Северные области» («Белых убивают в южной Италии» // Парижский вестник, № 70, 16 окт. 1943, с. 1). Эти сообщения были обнаружены исследователем Д. Гузевичем (Париж) и опубликованы в: *Гузевич Дм., Гузевич И.* Российская эмиграция во Франции в 1940-е годы, или Почему Париж не возродился как столица российского изгнания // Закат российской эмиграции во Франции в 1940-е годы: История и память. Париж-Новосибирск: Ассоц. «Зарубежная Россия», 2012. С. 65-85, 249-257. Однако совсем нельзя исключить, что сведения о ликвидации «большого количества» белых русских были преувеличены эмигрантской печатью.

[65] Б.Н. Ширяев в своей книге «*Ди-Пи в Италии*» (СПб.: Алетейя, 2007; ред., введение, комм. М.Г. Талалая) пишет: «Большинство их [Ди-Пи] совершило путешествие на пустынный остров Липари – итальянские Соловки. Разные пути вели русских людей на эту скалу в Средиземном море. <…> Придирались к документам или ставили обвинение в несовершенной краже. Этого было достаточно, чтобы выдать беженца итальянской полиции, которая отправляла его на остров "до разбора дела". Несколько человек схватили уже при посадке на "Санта Крус" – первый транспорт, увозивший беженцев в Аргентину. <…> «Русский Клич» долетел и до Липарийской скалы. Оттуда ответили ему вопли русских людей, заточенных там свободными демократиями гуманного Запада только за то, что они, эти русские люди, хотели свободы для себя и своей страны. <…> Липарийские узники были освобождены побоявшимся мирового скандала демократическим правительством свободной Италии» (с. 115-116).

[66] См. о нем биографический очерк Раффаэллы Вассены на Интернет-ресурсе: http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=281. Картина И. Кураха помещена на обложку воспоминаний его фронтового друга капеллана дона Итало Руффино, «Bianco, rosso e grigioverde» (Torino, 2003); см.: *Талалай М.Г.* Итальянцы, капут! // Независимая газета – Ex Libris, 23 сент. 2004. С. 7.

[67] См. о ней статью М. Талалая.

[68] Подробнее см. в статье Г. Баутдинова.

[69] Доска водружена при Театинской церкви во имя св. Иосифа (San Giuseppe dei Teatini). Храм, возведенный в начале XVII в. по проекту архитектора Джакомо Безио, представляет собой одну из вершин палермского искусства. Интерьер, имеющий конфигурацию латинского креста, с тремя нефами, отмечен всеми признаками зрелого барокко. Великолепны фрески Гульельмо Борреманса и Джузеппе Веласко, а также лепнина Джузеппе Серпотты.

[70] В Палермо в честь этого миссионера названа также улица – Via Francesco Maria Maggio.

Гамэр Баутдинов

# «ВСЁ КРУГОМ ЦВЕТЕТ, СВЕТИТСЯ, БЛАГОУХАЕТ»: РУССКАЯ ТАОРМИНА

За последние два десятилетия на Сицилии побывали тысячи россиян, которые посещали самые разные уголки этого прекрасного острова. А отдыхающие на его восточном побережье, от Мессины до Катании и Сиракузы, приезжают обычно в Таормину и непременно поднимаются на Этну. Но, оказывается, что русские люди познакомились с этими удивительными местами гораздо раньше, получив о пребывании здесь самые яркие впечатления.



**Старая Таормина.
Ворота капуцинов. Ок. 1890 г.**

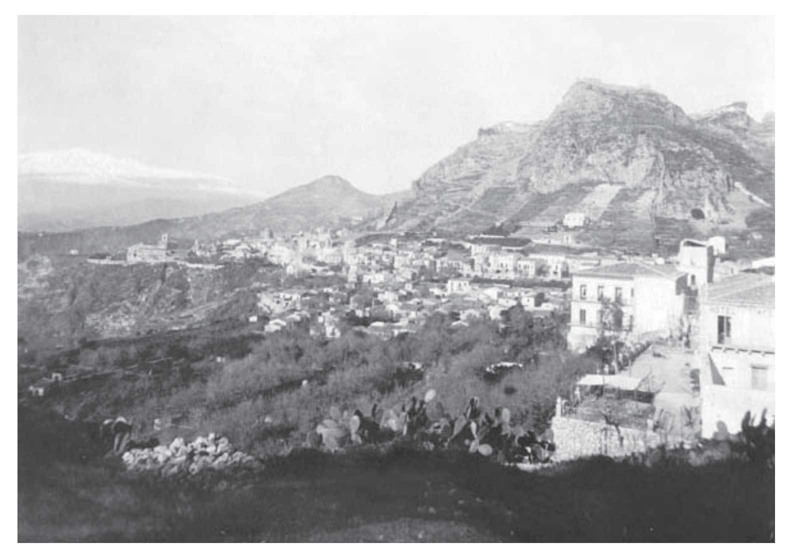
## ПИСЬМЕННЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА

Сицилию и Юг Апеннинского полуострова россияне стали осваивать с конца XVII в. Тогда царь Петр I направил в Западную Европу своих людей, которым было «велено <…> ехать в европейские христианские государства для науки воинских дел»[1]. Некоторые миссии отправились на Апеннины с заданием посетить важнейшие города, а также острова Сицилию и Мальту. Две из них возглавляли ближайшие сподвижники царя – боярин **Борис Пе-**

**трович Шереметев**, позже фельдмаршал и герой Полтавской битвы, и стольник **Петр Андреевич Толстой**, предок великого Льва Толстого. Написанные ими подробные путевые записки явились важным историческим источником по русско-итальянским отношениям того времени[2].

Их поездки по итальянским землям проходили почти одновременно, в 1697-1699 гг. Шереметев не оставил каких-либо упоминаний о Таормине, и впервые мы находим это название, в чуть искаженном виде, у Петра Толстого: «Потом приехали против города Далормина на Цицилийском острове, от Аллядора две мили итальянских. Тот город стоит при море на верху высокой горы; город не велик, а зело красив, на веселоватом месте построен; строение в нем всё каменное, изрядное. Около ево по горам леса мелкие и пашни, которые насеяны пшеницою»[3].

Однако после этих визитов петровских посланцев русско-итальянские связи обрываются почти на 70 лет. Они были возобновлены в период русско-турецкой войны 1768-1774 гг., когда Россия впервые отправила в Средиземное море военную эскадру со стоянкой в тосканском порту Ливорно. Оттуда российские корабли направля-



**Панорама Таормины. Фото Дж. Крупи. Ок. 1900**

лись к турецким берегам, мимо южных портов, в том числе и сицилийских. А Неаполитанское королевство, в составе которого находилась и Сицилия, стало первым итальянским государством, установившим в 1777 г. дипломатические отношения с Россией. Не удивительно поэтому, что в годы наполеоновских войн неаполитанский король Фердинанд IV обратился за помощью к России, и у южных берегов Королевства появился русско-турецкий флот под командованием адмирала Федора Ушакова.



**Улочка в Таормине. Фото Дж. Крупи. Ок. 1900**

Более близкое знакомство русских людей с Таорминой и Сицилией в целом начинается в XX в., хотя многие уже могли читать в переводе «Итальянское путешествие» Гёте, опубликованное в России в 1816-1829 гг. А в 1828 г. в Петербурге был издан солидный труд в двух частях под названием «Путешествие по Сицилии в 1822 году». Его автором был **Авраам Сергеевич Норов** (1795-1869), участник Отечественной войны 1812 г., а позже коллекционер, член Российской академии наук и министр народного просвещения. Пожалуй, он первым из россиян объехал всю Сицилию и скрупулезно описал путешествие. Свои впечатления он выразил так: «Сицилия есть одно из тех мест земного шара, которые сильно действуют на воображение»[4]. Несколько глав книги автор посвятил Этне и Таормине.



**Корсо Умберто. Фото Дж. Крупи. 1906**

Направляясь из Мессины в Катанию, он видит курящуюся вершину колоссальной Этны, господствовавшей над всем горизонтом. На вулкан Норов и его спутники поднимались уже из Катании, на лошаках, через Маска-

лучу, откуда их сопровождал «Дон Марио Жемелларо (ученый-натуралист, обитатель сего местечка)»[5]. После подъема к вершине, где они пробыли почти пять часов, путники «были похожи на циклопов – в прогоревших, покрытых серою одеждах, тлеющих от солнечного зноя»[6]. Затем через Николози они спустились в Джардини, и оттуда автору открылась поразившая его картина: «Вид Таормины преисполнен поэзии и воспламеняет воображение»[7]. Далее он продолжает: «По трудному пути мы въехали в город. Желая, до начала жары, осмотреть знаменитый театр, мы подъехали к скромному домику здешнего Чичерони, – вызвали и взяли его с собою»[8]. Воспоминания Норова важны и тем, что он подробно описал Греческий театр до его реконструкции во второй половине XIX в.: «Насладясь великим зрелищем из внутренности театра, я вышел наружу и, обойдя огромные галереи, сел на гранитной громаде, склоненной над бездною моря. < … > Обращая взоры несколько правее, я видел всю Таормину, сидящую на уступах скал, посреди садов. Ряды аркад Греческой Гимназии, четверосторонняя башня, восходящие и понижающие один за другим домы, пальмы, кипарисы и платаны дают Таормине совершенную оттенку городов древности»[9]. И далее: «После сего я уже довольно равнодушно осматривал, по приглашению Чичерони, остальные древности Таормины. < … > Я посетил древнюю Гимназию, водохранилище и остатки одного храма, служащие основанием церкви Св. Панкратия»[10].



**Мессинские ворота.**
**Фото Дж. Крупи. Ок. 1900**

Неутомимый путешественник, Норов поднялся и на ближайшую от Таормины гору Кастельмола: «Достигши в усталости вершины, мы спешились, чтобы отдохнуть под стенами Сарацинского замка, нависшего вместе со скалою над морем»[11] (этот заложенный арабами замок сохранился и поныне, но в значительно переделанном виде). И дальше: «В глубокие сумерки, не без опасности, спустились мы с крутизны мыса Алессо и ночевали в деревне Св. Петра»[12], после чего путники отправились опять в Мессину. Свою книгу о Сицилии автор завершает главой «Нечто о поэзии сицилийцев». Прекрасно зная итальянский язык и разбираясь в сицилийском диалекте, он делает краткий обзор сицилийской поэзии, начиная со времен Фридриха II и Чулло, и называет ряд полузабытых имен (в оригинале) местных поэтов: Giovanni Melli, Raimondo Platani, Oddo delle Colonne, Arrigo Testa da Lentini, Iacopo Stefano, Mazzeo di Ricco, Ruggeri, Inghilfredi, открывая этот список именем некой поэтессы Нины (Nina).

Наконец, в книге Норова мы находим еще один сюрприз. Его спутником в путешествии по Сицилии был русский художник **Федор Михайлович Матвеев** (1758-1826), посланный в Италию от Российской Академии художеств и оставшийся жить там до своей смерти в Риме. Норов пишет, что Матвеев создал большое собрание живописных видов, и два из них приведены в книге в качестве иллюстраций. Таким образом, мы видим, что Таормина была отображена в живописи за полвека до появления там других европейских художников[13].

Примеру А.С. Норова последовал другой известный россиянин – писатель и востоковед **Осип (Юлиан) Иванович Сенковский** (1800-1858). Но о путешествии в Италию рассказывает не он сам, а его литературный герой. В 1833 г. Сенковский опубликовал цикл повестей под названием «Фантастические путешествия Барона Брамбеуса» (его псевдоним), и одна из них называлась «Сентиментальное путешествие на гору Этну». Герой этой повести из Неаполя через Катанию добирается до Николози, а оттуда – к жерлу огнедышащего вулкана, в который его сталкивает ревнивый соперник. Он оказывается в другом мире, где жители ходят вниз головой,

ступая ногами по внутренней поверхности огромной горы. Герой Сенковского проводит там два года, вполне приспособившись к подземной жизни. В конце концов некая сила выбрасывает его наружу, и он вылетает из жерла… Везувия около Неаполя!

В геополитике того времени Таормина, конечно же, не могла играть большой роли. Сюда приезжали в основном полюбоваться местными красотами, особенно Греческим театром и видом на Этну. В городе есть немало других интересных памятников: Соборная площадь с кафедральным храмом Сан Николо, дворцы Корвайя, Чамполи и Дуки-ди-Санто-Стефано, церкви Санта Катерина и Сант-Агостино, парки и сады.

О посещении Таормины в своем дневнике упоминает **великий князь Константин Николаевич** (1827-1892), сын Николая I, который руководил морским министерством. В 1858-1859 гг. вместе с российской морской эскадрой он побывал в дружественном России Королевстве Обеих Сицилий (так Неаполитанское королевство называлось с 1816 г.). Великий князь посетил многие южные порты, от Палермо и Мессины до Неаполя и Бари, останавливался в Таормине или проплывал мимо нее. Например, 22 января 1859 г. он пишет: «Всю ночь было издали видно извержение Этны, что очень редкое явление»[15]. И еще: «Поездка в Таормину, неудачная, потому что холодно, часто дождь, и Этна закрыта облаками. Однако осматривать театр после 13 лет было очень интересно» (10 февраля)[16].

В целом же в XIX в. на Сицилии побывало не так много русских людей, поскольку это было слишком далеко от России, а приезжавшие в Италию ограничивались в основном традиционными маршрутами: Венеция (Генуя) – Флоренция (Ливорно) – Рим (Чивитавеккья) – Неаполь и Бари.

До Юга Италии добирались в основном состоятельные люди, русские аристократы. Но были и исключения. Такой случай произошел в 1867 г., когда в Италию отправились выпускники Российской Академии художеств **Виктор Александрович Коссов** (1840-1917) и **Максимилиан Егорович Месмахер** (1842-1906). Они приехали туда вместе с некоторыми соотечественниками после

страшного извержения Этны в 1865 г. и приняли участие в составлении планов по реставрации и в работах над фасадами Античного театра в Таормине. По возвращении на родину в Россию Коссов и Месмахер за эту работу в 1872 г. получили звание академиков архитектуры[17].

Уже обновленный театр летом 1903 г. увидела **графиня Прасковья Сергеевна Уварова** (1840-1924), председатель Московского Археологического общества, сменившая на этом посту умершего мужа, графа Алексея Сергеевича Уварова. На Сицилию Уварова была приглашена коллегами-археологами, и в своих мемуарах она писала: «Таурмина – красиво расположенный древний город с развалинами греческого театра, с дворцами, храмами и остатками древнего акрополя, крепко сидящего на высокой горе над городом»[18].

Наиболее волнующее описание Таормины оставил писатель и искусствовед **Павел Павлович Муратов** (1881-1950) – автор замечательной книги «Образы Италии», изданной в начале XX в. Он побывал на Сицилии через два месяца после страшного землетрясения 1908 г. в Мессине, и его последствия он видел также в Таормине.

XX век открыл людям новые возможности для поездок в другие страны. В меньшей степени это коснулось СССР и отчасти Италии периода фашизма 20-30 гг. И позднее на Апеннины приезжало незначительное число советских туристов, деятелей литературы и искусства, продолжался обмен государственными и общественными делегациями. Один из таких моментов как раз связан с Таорминой. В 1964 г. Международная литературная премия «Этна-Таормина» была присуждена выдающейся поэтессе **Анне Андреевне Ахматовой** (1889-1966). Для получения премии Ахматова вместе с коллегами по перу из Москвы Константином Симоновым, Александром Твардовским и украинским поэтом Миколой Бажаном в начале декабря отправилась в Италию. Анну Ахматову сопровождала Ирина Пунина, и была также переводчица. После недельного пребывания в Риме они поехали на Сицилию, а перед церемонией вручения премии в Катании остановились в Таормине, в престижном отеле «San Domenico».



**Вручение премии «Этна-Таормина» Анне Ахматовой**

Вот что писала Ахматова о своих первых впечатлениях поэту А.Г. Найману: «Я – почти в Африке. Всё кругом цветет, светится, благоухает»[19]. Затем она «ездила смотреть древний греко-римский театр на вершине горы», уточнив при этом: «Вечером в отеле стихотворный концерт. Все читают на своих языках. Я решила прочесть по тексту “Нового мира” три куска из “Пролога”»[20]. Получение премии «Этна-Таормина» явилось большой моральной поддержкой для Анны Ахматовой, которой в жизни пришлось пройти через многие испытания.

В завершение приведем слова профессора Московского университета **Карла Карловича Гёрца** (1820-1883), побывавшего в Таормине в апреле 1872 г. и опубликовавшего затем «Письма из Италии и Сицилии». С площадки Греческого театра он любовался «видом, открывающимся с развалин этого театра», который «принадлежит к восхитительнейшим в мире. <...> Ничто нельзя сравнить с красотой этого ландшафта, освещенного ярким блеском южного солнца: это венец всего путешествия по Сицилии»[21].

## ЗНАКОМСТВО НА МЕСТЕ

Вышеизложенный текст на итальянском языке в начале 2012 г. был опубликован на сайте Российской государственной радиокомпании «Голос России» (La Voce della Russia)[22], а его автор попал в число лауреатов Международной журналистской премии – «Taormina Media Award Wolfgang Goethe», для получения которой он был приглашен в Таормину.

Это дало возможность обнаружить другие следы пребывания здесь россиян. Внимание привлекла книга «Taormina segreta. La Belle Epoque. 1876-1914» («Тайная Таормина. Блестящая эпоха. 1876-1914»; Мессина, 1995), которую написал куратор премии Таормина Дино Папале.

Он резонно задается вопросом: где в городе, испытывавшем в XIX в. проблемы с гостиницами, могли проживать иностранцы? И сам отвечает, что богатые люди могли останавливаться у знатных таорминцев, в их особняках или на виллах, часть из которых сдавалась даже в аренду. Гостиниц же в городе в конце того века насчитывалось всего пять: «Acropoli», принадлежавшая семье Сантизи, «Bellevue» (бывший дворец Паладини) семьи Цуккаро, «Naumachie» семьи Силигато, «Vittoria» Саро Марциани и «Timeo», которыми владела семья Ла Фореста.

Что касается «русских следов», Папале отмечает: «К 1881 г. Палермо и Таормина становятся климатическими зимними курортами. Сюда прибывают великий князь Владимир из России, князь Константин оттуда же…». В этом случае речь может идти о третьем сыне Александра II, **великом князе Владимире Александровиче** (1847-1909) и **князе Константине Константиновиче** (1858-1915), который приходился племянником царю.

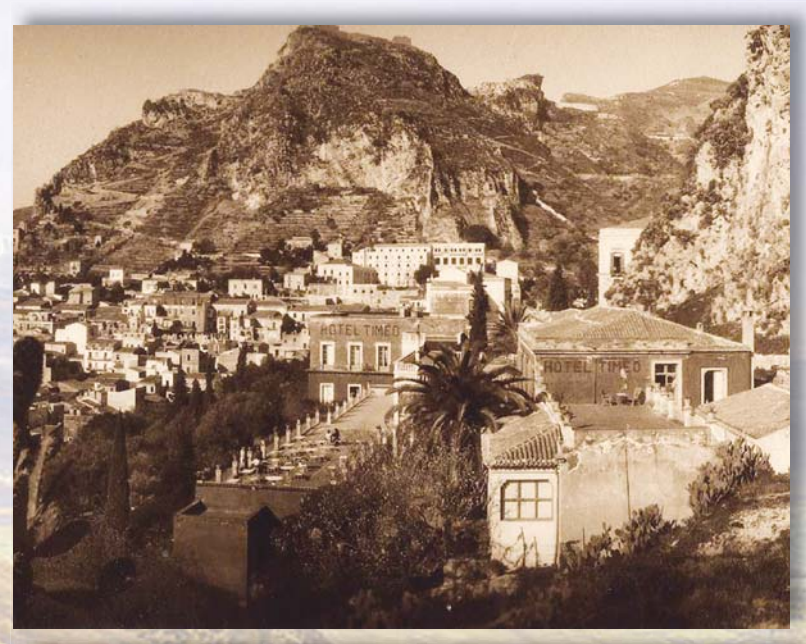
Другие интересные имена мы нашли в рекламном проспекте одной из старейших гостиниц Таормины – «Grand Hotel Timeo», расположенной буквально рядом с входом на территорию Греческого театра.

Среди именитых гостей этого отеля названы **князь Феликс Феликсович Юсупов** (1887-1967) и **великий князь Дмитрий Павло-**

**вич** (1891-1942). Отечественному читателю не надо объяснять, кем являлись эти люди и какую роль они сыграли в убийстве Григория Распутина. Известно также, что после 1917 г. оба оказались в эмиграции.

Но с именем Юсупова связана и другая роскошная гостиница Таормины– «San Domenico Hotel Palace», где он останавливался в 1917 г. вместе с супругой **Ириной Александровной**, урожд. княжной императорской крови **Романовой**. Она уютно расположена в одном из тихих районов центра города с прекрасным видом на море и на Этну. Это та самая гостиница, где поселилась и Анна Ахматова со своими спутниками. Прежде в ее стенах размещался монастырь доминиканцев, но в 1896 г. его большую часть переоборудовали под гостиницу, а для церковных служб был оставлен только один из его приделов. Братья и прежде принимали на постой именитых путешественников. Одно из свидетельств этому можно видеть прямо на входе. На стене под рамой экспонируется большой лист под названием «паспорт» (passaporto), владельцем которого был молодой монарх Королевства Обеих Сицилий Фердинанд II. Во время своего путешествия в 1832 г. король остановился на отдых в монастыре св. Доминика.

Исторически сложилось так, что с «San Domenico» связан целый ряд знаменитых имен: Рихард Штраус, Анатоль Франс, Гульельмо Маркони, Томас Манн, Луиджи Пиранделло, Джон Стейнбек и другие. Всё это зафиксировано, в том числе в виде автографов, в книгах гостей, которые нам любезно показала заместитель главного менеджера отеля Луиза Какопардо. Там имеются и русские имена и фамилии. Например, запись от 31 марта 1913 г.: Granduca Paolo di Russia e Contessa di Hohenfelsen. Нетрудно догадаться, что здесь указаны два известных лица. Это **великий князь Павел Александрович** (1860-1919), младший брат покойного царя Александра III и великого князя Владимира, о котором говорилось выше, и **Ольга Валериановна Пистолькорс** (урожд. Карнович, 1865-1929), которой был пожалован титул графини Гогенфельзен. Это произошло после того, когда в морганатическом браке с великим князем Павлом Александровичем у них родились дети. Впоследствии, в 1919 г., великий князь был расстрелян в Петропавловской крепости в Петербурге, а графиня оказалась в эмиграции.







Старейшая гостиница Таормины – «Grand Hotel Timeo»



Бюст Николая II в Таормине,
Скульптор Вяч. Клыков



«Hotel San Domenico»

Спустя год, в первой декаде апреля в «San Domenico» остановились *le Comte et la Comtesse W. Kokovtsoff, St. Petersbourg (Russie).* Это был **граф Владимир Николаевич Коковцов** (1853-1943) с супругой, который в течение почти десяти лет возглавлял – и небезуспешно – министерство финансов, а в 1911 г. был назначен Председателем Совета Министров Российской империи. Но вследствие придворных интриг в конце января 1914 г. Николай II уволил его с обеих должностей. В 1918 г. Коковцов эмигрировал и умер в Париже.

Прошло полвека, сменились поколения, и вот в книге этого отеля за 1964 г. мы находим искомую запись о пребывании здесь с 9 по 12 декабря шести наших соотечественников. Как указано в книге, это Анна Ахматова и Ирина Пунина из Ленинграда, а остальные – из Москвы. Примерно в эти же дни в «San Domenico» жили знаменитые итальянские поэты Сальваторе Квазимодо (Нобелевский лауреат 1959 г.) и Джузеппе Унгаретти (получил премию «Этна-Таормина» в 1966 г.), писатели Эджидио Верга (внук «отца веризма» Джованни Верги) и тогда еще молодой Альберто Арбазино, а также известный шведский писатель Артур Лундквист.

**Страница гостевой книги отеля «San Domenico», с записями об Анне Ахматовой и Ирине Пуниной (в графе «место рождения» поставлен Ленинград). Публикуется впервые**

Разумеется, это содружество не было случайным, и все они наверняка участвовали в церемонии вручения премии Анне Ахматовой.

Из других побывавших здесь гостей отметим пребывание в «San Domenico» в мае 1985 г. министра гражданской авиации СССР Б.П. Бугаева в сопровождении советского посла в Италии Н.М. Лунькова. Вспоминаем об этом потому, что визит министра авиации стал неким символом будущих отношений. Через несколько лет прямое авиасообщение связало Москву с Палермо и Катанией, и в этом смысле Сицилия опередила многие другие регионы Италии. Отсюда не случаен всё нарастающий поток российских туристов на Остров и проведение здесь различных российско-итальянских культурных и иных мероприятий.

Одно из них прошло как раз в Таормине в июне 2012 г., когда в городском парке состоялось, достаточно камерно, открытие памятника (бронзовой поясной скульптуры на мраморном постаменте) царю Николаю II[23].

В те же июньские дни 2012 г. в соседней Мессине был торжественно, при участии городских и церковных властей, местной общественности и большой российской делегации, открыт памятник российским морякам, которые одними из первых пришли на помощь жителям города, пострадавшим от страшного землетрясения 1908 г.

---

[1] Архив князя Ф.А. Куракина. СПб., 1890. Т. 1. С. 254.

[2] См. подробно об этих путешественниках в статье А. Кара-Мурзы. – *Прим. ред.*

[3] Цит. по изд.: Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе, 1697-1699. М., 1992. С. 153.

[4] *Норов А.С.* Путешествие по Сицилии в 1822 году. СПб., 1828. Ч. 2. С. 15. О его книге см. ниже в статье М. Высокого. – *Прим. ред.*

[5] Там же. С. 157.

[6] Там же. С. 186.

[7] Там же. С. 190.

[8] Там же. С. 192.

[9] Там же. С. 195-196.

[10] Там же. С. 198.

[11] Там же. С. 202.

[12] Там же. С. 202.

[13] Словно приняв эстафету от А.С. Норова, большое путешествие по Сицилии предпринял историк, археолог и библиофил А.Д. Чертков, опубликовавший в 1835-1836 гг. в Москве книгу в двух частях «Воспоминания о Сицилии», в которой он посвятил немало страниц и Таормине (Ч. 2, с. 261-282).
Сопоставление «травелогов» Норова и Черткова см. также в статье М. Высокого. – *Прим. ред.*

[14] Подробнее о пребывании императрицы и ее дочери в Палермо см. статью И. Пащинской в нашей книге. – *Прим. ред.*

[15] Цит. по изд.: Дневник великого князя Константина Николаевича. Вопросы истории, 1990, № 8. С. 131. Подробнее о пребывании великого князя на Сицилии см. в статье К. Ваха.

[16] Там же. С. 132.

[17] О В.А. Коссове см.: Зодчие Москвы времен эклектики, модерна и неоклассицизма (1830-1917). М., 1998. С. 144-145; о М.Е. Месмахере см.: Брокгауз-Ефрон. СПб., 1896. Т. XIX. С. 143.

[18] *Уварова П.С.* Былое. Давно прошедшие счастливые дни. М., 2005. С. 217.

[19] *Найман А.* Рассказы об Анне Ахматовой. М., 1989. С. 180.

[20] Там же. С. 180-181.

[21] *Гёрц К.К.* Письма из Италии и Сицилии. М., 1873. Часть вторая. С. 143.
К письменным свидетельствам вышеназванных русских путешественников можно добавить публикацию «Три дня в Таормине. Из путевых наблюдений» О.И. Срезневской («Русский вестник», 1876), о которой сообщают в своей статье А. Белломо и М. Нигро; кроме того, в Таормине жили некоторое время в 1898 г. Дм. Мережковский и З. Гиппиус. – *Прим. ред.*

[22] Интернет-ресурс: http://italian.ruvr.ru/2012_03_23/69361511.

[23] Как пишут сицилийские авторы А. Белломо и М. Нигро, «согласно некоторым исследователям, в начале XX века царь Николай II вместе с царицей Александрой и детьми неоднократно посещали Палермо и Сицилию. <...> Однако эти известия не находят никакого следа в главных периодических изданиях на Сицилии той эпохи – см. *Bellomo A., Nigro M.* Cit… P. 50. См. также их статью в нашем сборнике – *Прим. ред.*

Алексей Кара-Мурза

# ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА СИЦИЛИИ: БОРИС ШЕРЕМЕТЕВ И ПЕТР ТОЛСТОЙ

В самом конце XVII столетия, когда в России укреплялась власть молодого царя Петра Алексеевича Романова, Сицилия находилась под короной последнего из испанских Габсбургов – болезненного, безвольного и бездетного Карлоса II. Тогдашние «гранды» европейской политики – французский король Людовик XIV и австрийский император Леопольд I уже изготовились к «войне за испанское наследство», которая и разразилась спустя недолгое время.

С испанским двором у России в последней трети XVII в. сложились вполне добрые отношения: по приказу царей Алексея Михайловича, а потом и Федора Алексеевича, в Мадриде дважды (в 1668 и 1681 гг.) побывала русская дипломатическая миссия во главе со стольником П.И. Потемкиным. Но в последние годы XVII в. собственно испанские дела мало интересовали нового «царя московитов»: гораздо больше Петра Алексеевича занимал главный для него «турецкий вопрос», создание антитурецкой коалиции в Юго-Восточной Европе. Основными политическими игроками здесь были Венский двор, Венецианская республика дожей, Мальтийский орден и, разумеется, папский Рим. Поэтому первые русские путешествия на Сицилию – сначала Б.П. Шереметева, а потом и П.А. Толстого в 1698 г. – следует понимать именно в этом внешнеполитическом контексте.

**Борис Петрович Шереметев** (1652–1719) был выходцем из древнего боярского рода. Начинал службу при царе Алексее Михайловиче: в 1675 г. был пожалован в комнатные стольники. При царе Федоре Алексеевиче был еще более приближен: «в рассужде-

нии своего преимущественно красивого вида и внешних качеств тела, стоял на аудиенциях, дарованных послам, в одеянии рынды перед троном»[1]. В 19 лет в должности воеводы и тамбовского наместника командовал войсками против крымчаков. В 1682 г. при вступлении на престол царей Иоанна и Петра пожалован в боярство; с конца 1686 г. руководил войском, охранявшим южные границы, участвовал в Крымских походах. После падения правительницы Софьи примкнул к царю Петру Алексеевичу; был участником Азовских походов 1695–1696 гг.

В 1697–1698 гг. 45-летний Шереметев совершил важную дипломатическую поездку в государства Европы: Польское королевство, Священную Римскую империю, Венецианскую республику, Папское государство, Неаполь и Мальтийский орден. В свиту Шереметева входили: Алексей Курбатов, доверенный «дворецкий» из крепостных, иногда представительствовавший от имени и под видом Шереметева; Иосиф Пешковский, духовный чин, занимавшийся переводами и составлением официальных бумаг; Герасим Головцын, близкий к Шереметеву по военным походам; Петр Терлецкий; еще несколько дворян и слуг. Позднее, на основании записей, скорее всего, Курбатова и Головцына, при непосредственном участии Шереметева были составлены официальные материалы поездки, ставшие известными как «Записка путешествия графа Шереметева»[2].

«Посольство» выехало из Москвы 22 июня 1697 г.[3] с бумагами от Петра I к польскому королю, австрийскому императору, римскому папе, дожу Венеции и великому магистру Мальтийского ордена для создания коалиции против турок. Для достижения политических целей посланец русского царя неоднократно прибегал к хитростям и мистификациям. В Польше, например, где профранцузская партия не признавала власти будущего союзника Москвы, короля Августа I, Шереметев, как следует из бумаг, принужден был скрывать свое имя, назвался русским «ротмистром Романом», переменил платье, имел общий стол со свитою, в то время как Алексей Курбатов представлял первое лицо. В начале февраля Шереметев тайно, переодевшись в чужое платье, ездил вперед посольства в Венецию, чтобы провести конфиденциальные переговоры, а заодно без формальностей поуча-

ствовать в карнавале. Здесь к русской делегации присоединились находившиеся в Венеции по заданию Петра I младшие братья Бориса Петровича – Василий и Владимир.

21 марта 1698 г. русская делегация прибыла в Рим, где 83-летний папа Иннокентий XII оказал Шереметеву редкую честь: «не велел отбирать у него шпаги и шляпы при входе в аудиенц-залу, принял сам из рук его привезенные им грамоты, выхвалял мужественные его подвиги против неприятелей Святого Креста и допустил к своей руке, а сам поцеловал его в голову». На другой день Шереметев, в свою очередь, «препроводил к Первосвятителю соболье одеяло в девятьсот рублей, две драгоценные парчи и пять сороков горностаев»[4].

Во время переговоров с Шереметевым Иннокентий XII продемонстрировал прекрасную осведомленность в европейских делах: до вступления на папский престол он был нунцием в Варшаве и Вене, потом – архиепископом Неаполя. Внимательным образом следил папа и за поездкой по городам Европы Великого посольства, в котором самую активную роль играл молодой «царь московитов» Петр Алексеевич Романов[5]. Известный историк русско-итальянских дипломатических связей Е.Ф. Шмурло так описал настроения папы Иннокентия XII:

> Всё, что доходило до сведения Римского первосвященника о действиях этого посольства и, главным образом, самого царя; что мог наблюдать и сам он непосредственно у себя дома в Риме, несказанно радовало главу Римской церкви, позволяя питать самые светлые надежды, строить самые широкие, обольстительные планы[6].

Большие надежды возлагал папа и на делегацию русских во главе с Шереметевым:

> Приезду в Рим боярина Шереметева предшествовал слух, что он едет в Вечный город по заранее данному обету: поклониться нетленным мощам великих апостолов Петра и Павла, в благодарность за дарованные ему победы на турками; что он даже намеревался, да и не он один, а и некоторые другие видные русские из приезжих, перейти в католичество. Своим поведением в Риме Шереметев да-

вал видимое основанию папскому двору верить в справедливость таких слухов.

Сам воздерживаясь от каких-либо обещаний, Шереметев приказал самому доверенному из своих людей, крепостному дворецкому Алексею Курбатову торжественно принять католичество[7]. Перед выездом русских из Рима, Иннокентий прислал Шереметеву золотой крест, вмещавший частицу Древа Животворящего Креста Господня, и приказал извиниться, что «не может, по причине болезни, лично вручить ему это победоносное знамение»[8].

Далее Шереметев со свитой – через Террачину и Капую – продолжили путь на Неаполь: «в семи колясках, две фуры с мехами, да два воза под рухлядь». 8 апреля, в день прибытия в Неаполь, была сделана запись в дневнике путешествия:

> От оного города с десять миль стоит гора превеликая, называемая Везувия, которая непрестанно горит, и в день огонь видно; вверху оной горы весьма превеликий огонь исходит с великим шумом, так что в большой страх приводит человека[9].

Подготовившись в Неаполе (также находившегося тогда под властью испанской короны) к трудному переходу на Мальту через Сицилию, путешественники отправились далее морем:

> Апреля 12 дня во вторник шестые недели великого Поста поехали из Неаполя до Мальты морем, наняв две фелюки, на которых фелюках по осьми гребцов, девятый кормщик, а дано до острова Сицилии до города Мессины с обеих фелюк пятьдесят червонных[10].

Учитывая возможность нападения пиратов или турок, Шереметев с братьями и ближней свитой плыл на втором корабле, отправляя первый вперед для разведки.

Последним пунктом путешествия на калабрийском берегу был порт Тропеа – путь оттуда до Мессины на Сицилии (60 морских миль) описан в «Записке» достаточно подробно. Особенно поразил путешественников остров Стромболи (Стромболий) с действующим вулканом:

Апреля 21 дня побежали парусом далеко от берега, и в Мессину на остров Сицилианский прибежали часов за шесть до вечера. <…> В море миль за 50 стоит гора, которая зовется Стромболий: кругом ее 15 миль, а наверху той горы непрестанно горит мили на две кругом, и говорят, что тут жилище дьяволов, и так они в том уверены, что и нам так сказывали, и многие де были такие причины, что многие фелюки с людьми дьяволами утаскиваемы были к той горе, и потопляемы в море, а ныне кто едет мимо той горы, ставят круг фелюк многие кресты, и тем де спасаются: а пешие де люди к той горе, выходя из фелюк знаменовавшееся крестным знамением ходят, только за превеликим от огня шумом близко придти невозможно[11].

В порту Мессины, при высадке на берег, у путешественников, по приказу местного испанского начальства, отобрали всё оружие – в приморской корчме Шереметев со свитой простоял четверо суток. Читая описание Мессины в «Записке» Шереметева, следует учесть, что к моменту прибытия в город русской делегации город еще не оправился от последствий восстания горожан против испанского владычества в 1674 г., поддержанного тогда французской короной. Восстание в конце концов было жестоко подавлено испано-голландским морским десантом: непокорная Мессина была лишена всех привилегий и объявлена «мертвым городом». В «Записке» Шереметева читаем:

Мессина город старой, и от Француза и от своего Гишпанского Короля разорен, тому лет с пятнадцать, за то, что они Французу поддалися, а потом Француз от них отступился, и за ту измену они разорены от своего Короля: и зело тут люди скудны[12].

В Мессине путешественникам рассказали,

что до приезду нашего в Мессину за пять дней шли из Англии два корабля в Мессину купецких, на которых на оном было сорок пушек, а на другом двадцать четыре, и не допустя до Мессины за несколько миль, в ближних местах напали на них четыре корабля турецких из Триполи и Туниса: был у них превеликий бой, и меньший Английский корабль взяли Турки, а большой отбился и пришел в Мессину за день нашего приезду, который корабль мы видели[13].

Борис Петрович Шереметев






Папа Римский Иннокентий XII



Я. Ф. Хаккерт. Липари и Стромболи. 1778



Я.Ф. Хаккерт. Катания и Этна. 1779

Из мессинских достопримечательностей «Записка» особо отмечает собор, посвященный Деве Марии: «Тут в Мессине в церкве Образ Пресвятые Богородицы зело чудотворный…»[14].

Дни католической Пасхи 1698 г. Шереметев со свитой провели в Мессине и участвовали во всех праздничных церемониях. Как и обещал в Риме настойчивый в «обхаживании» высоких русских гостей папа Иннокентий XII, на эти дни в Мессину приехал его внук, граф («дюк») Пиньятелли. Он и Шереметев обменялись визитами:

> И был у Боярина тот Дюк прежде, потом был боярин у него, и дарил он Боярина образом Богоявления Господня: тот Образ сделан весь из корольков зело преизрядно и драгоценно. А Боярин его дарил соболями, и тот Дюк поступил с Боярином весьма любительно[15].

Особую роль во всех этих церемониях играл вошедший в роль «дворецкий» Шереметева:

> Алексей Курбатов, тот уже теперь держал себя, как настоящий добрый католик, признал заблуждения своей «схизмы» и обещал деятельную поддержку католических священников в Москве, в частности, особенно желательные для Римской курии – доступ этим священникам в дома высшей знати, на положении учителей подрастающего поколения[16].

26 апреля 1698 г. русская делегация на тех же двух кораблях отправилась дальше, вдоль восточного берега Сицилии, и на следующий день достигла Катании, также переживавшей драматический период своей истории: не так давно здесь произошло сильное извержение вулкана Этна, и почти весь город был погребен под слоем лавы и пепла. А потом сильнейшее землетрясение окончательно разрушило город. В «Записке» Шереметева читаем:

> Катания город есть тот, в котором мощи Святого Льва Епископа Катанского, они лежат в церкве в олтаре под престолом, которая церковь от трясения земли распалася вся. Тот город острова Сицилийского строен по Потопе Симом Ноевым Сыном, и посвящение Божие над ним было такое: прежде тому лет с пятьсот от трясения земли город распался весь, а иные домы пошли под землю, и людей

погибло премножество; потом, от иных людей опять построился, а <…> трясение было в том городе три дни, и в те дни все жители исповедовали грехи своя и причащалися: и того третьего дня от того трясения в том городе всякое здание кроме цитадели всё упало. Оная церковь Святого Льва Епископа Катанского упала же, только остался олтарь, в котором мощи его, и людей тут 15 000 погибло в церкве, только остался один священник, который ухватился и держал Тело Христово; а во всем городе погибло людей 25 000, и в нынешнем году <…> было в том городе трясение же, только тем трясением городу и людям никакого вреда не учинило[17].

Исключительное впечатление на русских путешественников произвел сам находящийся рядом с Катанией огромный вулкан:

Близ того же города миль с десять, есть гора превысокая, именуемая Этна, которая горит великим пламенем, и выкидывает из нее огненные превеликие камни, и по той горе часто бывают источники огненные. А в от Р.Х. 1681 годе из той горы потекли великие огненные лавы, и текли по обе стороны того города, шириною на милю не захватив того города; и здания всё, которое в тех местах было, и виноградные и иных много дерев сады пожгло, и не токмо то, но и горы каменные от того огня развалилися, и море в то время от того огня на несколько сажен уступило, которого течения лав было три дни, и на тех местах и доднесь не растет ничто: а как та гора начала гореть, и тому сказывали только 26 лет, и видно то всё распадение города и попадение земли и доднесь, чему мы самовидцы: а во время де того трясения, сказывали, не токмо тот город Катания развалился, но и иные многие, которые близ Катании города. И села тоже потерпели, от чего де погибло людей 150 000[18].

28 апреля корабли Шереметев достигли Сиракуз:

Ночевали в городе Сиракузе[19], который стоит над самым морем, и крепость великая: а как приехали в Порт и пристали, спросили, кто приехал? а есть ли паспорт? И взяв паспорт, носили его к Губернатору. И Губернатор того часа к пристани выехал сам в карете, и был у Боярина в фелюке, отдавая поклон, и просил Боярина стать в особом знатном доме, а не в корчме. И того вечера оный Губернатор прислал к Боярину много довольствия явств и питии. Сей Губернатор нынешнему Мальтийскому Гранд-Магистру родственник[20].

30 апреля путешественники достигли Порта-Пассара («тут великая и славная во всем сицилийском острове рыбная ловля»), а на следующий день, уже покидая берег Сицилии, были встречены эскадрой из семи мальтийских кораблей во главе с адмиралом Спинолой, которую выслал навстречу высокому русскому гостю Великим магистром Мальтийского ордена Рамон (Раймунд) Переллос де Роккафулл.

2 мая 1698 г. Шереметев был торжественно встречен в Ла-Валетте: адмирал Спинола и главный церемониймейстер Мальтийского ордена сопроводили русского гостя до резиденции, отведенной ему в доме покойного великого магистра Никола Котонера. 4 мая Шереметев имел аудиенцию у действующего руководителя Мальтийского ордена:

> Рокафулл вышел к нему и повел в приемную. Шереметев произнес речь, сначала стоя, когда говорил титул царский (в которое время и великий магистр стоял, сняв шляпу), потом, сидя в креслах под балдахином, против великого магистра. Последний поцеловал подпись царскую на грамоте; благодарил Шереметева за посещение; изъявил радость, что видит в отечестве своем столь знаменитого мужа[21].

На следующий день Шереметев отправил к Великому магистру подарки «из разных мехов и парчей»; щедро одарил «главных кавалеров» Мальтийского ордена. 9 мая он был приглашен к обеденному столу Великого магистра, который

> возложил на него алмазный Мальтийский командорственный крест, обнял Шереметева три раза и вверил ему, согласно изъявленному желанию, начальство над двумя галерами, долженствовавшими выступить против турок[22].

Пробыв на Мальте неделю, русские путешественники отправилась с Мальты в обратный путь: 12 мая они опять были в Мессине («и тут в Мессине жили за некоторыми нуждами 13, 14 и 15 числа»), 16-го – в Тропеа, 21-го – в Амальфи, а 22-го – в Неаполе. Оттуда Шереметев ездил на побережье Адриатики в Бари на поклонение мощам св. Николая Чудотворца. 4 июня он вновь был в

Неаполе, жители которого были напуганы небывало сильным извержением Везувия:

> Грозный вулкан, с ужасным гулом, треском и страшными громовыми ударами, выбрасывал раскаленные каменья на три или четыре мили; огненная лава поглощала окрестные жилища; изранено, погибло множество людей; до тридцати тысяч бежало в Неаполь; в оба дня нельзя было ходить по улицам, покрытым пеплом более, нежели на четверть аршина; на третий, после церковного хода, сильный дождь утушил ночью пламя и спокойствие в городе восстановилось[23].

11 июня 1698 г. Шереметев снова был в Риме, виделся с папою, у которого получил ответные грамоты русскому царю и австрийскому императору Леопольду. Затем побывал во Флоренции, где встречался с Великим герцогом Тосканским Козимо III. 30 июня Шереметев прибыл через Болонью в Венецию, где собралось к тому времени немало русских в ожидании царя Петра, путешествовавшего по Европе в составе Великого посольства.

Как известно, Петр I был решительно настроен посетить Венецию во время своего первого заграничного путешествия (в первую очередь, ради осмотра знаменитейшей в Европе верфи – Арсенала). Находясь летом 1698 г. в Вене, Петр заранее известил правительство венецианского дожа о своем предполагаемом приезде в Венецию, где планировал пробыть около двух недель вместе с Меншиковым и несколькими сопровождающими. Правительство «Светлейшей Республики» приняло все меры для достойной встречи молодого «царя московитов»: гостю предполагалось отвести Палаццо Фоскари на Большом Канале и, кроме того, летнюю виллу «Парадизо» на территории Арсенала. Программа в Венеции, в соответствии с известными интересами Петра, включала осмотр строящихся судов и присутствие при литье пушек. Планировались также различные праздники и увеселения: кулачные бои, состязания гондол, опера, маскарад, а также официальный бал в зале Большого Совета во Дворце Дожей. Узнав обо всех этих приготовлениях, Петр уведомил венецианского посла в Вене, что предпочел бы посетить Венецию инкогнито – по паспорту на имя

«волонтера Меншикова» (этот паспорт для «signore Alessandro Minshikof» сохранился среди документов посольства). Разочарованное правительство дожа отменило все приготовления; пять московитов, выехавших в Венецию для подготовки к визиту, были выселены из Палаццо Фоскари и переселены в обычные гостиницы, где им пришлось самим оплачивать свое пребывание.

Однако незадолго до предполагаемого выезда из Вены в Венецию Петр получил известие о стрелецком бунте в Москве и, согласно официальной версии, спешно выехал в Россию… Между тем проанализированные С.О. Андросовым документы из венецианских архивов намечают контуры принципиально иной версии событий[24].

Царь Петр Алексеевич путешествовал тогда по Европе как частное лицо в составе московского Великого посольства под руководством Франца Лефорта, Федора Головина и дьяка Прокофия Возницына. Тем не менее, даже путешествуя полу-инкогнито, Петр не избегал встреч с августейшими особами: в июне-июле 1698 г. он провел в Вене серию бесед с императором Леопольдом I и канцлером графом Кинским, обсуждая возможности русско-австрийского союза против Турции. 15 июля Петр официально простился с австрийским императором, однако, согласно некоторым австрийским источникам (на которых и была основана «старая версия»), оставался в Вене до 28 июля, когда Петра якобы видели на одном из пиров «прислуживавшим за столом» главе русского посольства Лефорту. Эта версия и раньше вызывала сомнения: хотя царь и считался частной персоной, он вряд ли мог участвовать в пиршестве в роли слуги. Скорее всего, австрийский хронист ошибся, спутав царя с кем-то из его сопровождающих, а, может быть, именно на эту ошибку и рассчитывал Петр, которого тогда в Вене *уже не было*. Ибо, выполнив в Вене все дипломатические формальности и расставшись с австрийским императором, он был уже *на пути в Венецию*.

…29 июля 1698 г. некто Ферих Марин, глава администрации городка Местре (последнего на материке перед Венецией) докладывал в канцелярию дожа о том, что накануне, около полуночи,

«группа из восьми московитов, прибывших из Тревизо», договаривалась с местными лодочниками о переправе в Венецию… Еще более интересны документы венецианской тайной полиции, имевшей осведомителей в квартале православных греков. Один из агентов в те дни докладывал о странном оживлении в доме одного богатого грека, где жили тогда «московские князья Пьетро Голицини, Джуро Джуро, Грегорио и генерал Шеремет» (в них узнаются находившиеся в то время в Венеции князья Голицыны, Трубецкие и сам Борис Петрович Шереметев). В следующем донесении агента говорилось: «Царь приехал в пятницу вечером и прошел в дом господина Дзордзи, грека в приходе Сан-Джованни Нуово, вышел из дома с одним товарищем, оба одетые по-славянски… ». Следующий документ – донесение от руководителя тайной полиции прокураторам Венеции: «Конфидент вернулся ко мне и меня уверяет, клянясь своей жизнью, что Царь в Венеции, в доме, о котором уже сообщалось Вашим Благородиям, и этим вечером отправляется в Конельяно». Новое донесение датировано 30 июля:

> Царь, одетый по-славянски, сегодня долго разговаривал со своим генералом (скорее всего, с Борисом Шереметевым – *А.К.*) а потом в сопровождении своего переводчика все трое пошли к церкви Санта Мария Формоза, всё время оборачиваясь назад, чтобы видеть, если кто-нибудь был сзади. Это я имею от конфидента и это сообщаю смиренно Вашим Благородиям[25].

Доверяя профессионализму венецианской тайной полиции, безусловно, лучшей в то время в Европе, можно предположить, что «царь московитов» Петр Алексеевич Романов действительно приехал в Венецию в ночь с 28 на 29 июля 1868 г. и отбыл из нее утром 30 июля, то есть провел в Венеции одни сутки (через несколько дней он догнал Великое посольство в Кракове)[26]. Что касается Шереметева, то он задержался в Венеции до 10 августа, потом почти месяц вел переговоры в Вене, где император Леопольд I «слушал с любопытством рассказ, в особенности, об Италии и Мальте; желал, чтобы полученный им орденский знак (кавалера Мальтийского ордена) поощрил его к новым подвигам, полезным для всего христианства» …

Итак, Борис Петрович Шереметев побывал на Сицилии (по дороге из Неаполя на Мальту и обратно) в апреле-мае 1698 г. А спустя два месяца, в июле 1698 г., примерно по тому же самому маршруту проплыл другой русский путешественник – П.А. Толстой.

**Петр Андреевич Толстой** (1645–1729) начинал свою политическую карьеру как политический оппонент будущего Петра I. Будучи родственником князей Милославских, он во время московского восстания 1682 г. примыкал к политической партии царевны Софьи и возбуждал стрельцов против Нарышкиных. Однако вскоре он перешел на сторону царя Петра Алексеевича, хотя и не сразу заслужил его доверие. В 1697–1699 гг. уже немолодой Толстой (ставший к тому времени уже дедом) ездил на свои средства в Европу для овладения корабельным мастерством. Побывал в Польше, Священной Римской империи, Венеции, Милане, Папской области, Неаполе, на островах Сицилия и Мальта, о чем оставил подробнейший «Дневник»[27].

8 июля, будучи в Неаполе, П.А. Толстой записал в дневнике:

> Нанял я себе фелюгу, дал за нее от Неаполя до Мальтийского острова и от Мальты до Неаполя и в Мальте за ту же плату стоять 15 дней всего 100 шкодив неаполитанских, того будет 40 золотых червонных. На той филюге 1 пилиот да 8 человек маринаров[28] (т.е. один кормчий и восемь гребцов – *А.К.*).

Вечером того же дня путешественники обогнули Соррентийский полуостров и на следующий день пристали к берегу недалеко от Амальфи. Затем они, минуя Салерно и пройдя берегом Калабрии, миновали Мессинский залив и оказались у берегов Сицилии.

В Дневнике Толстого читаем:

> Потом приехали во втором часу ночи к Цицилийскому острову, где издалека увидели на одной башне, которая построена на том Цицилийском острову при самом море для сторожи, фанарь поставлен высоко, и запалены в нем свечи для того, чтоб желающие на Цицилийский остров ехать в ночи по морю имели б правую себе дорогу, смотря тот фанарь. От города Лябонара до того Цицилийского острова 12 миль италиянских. И как мы приехали в то уское место,

где нам по правую сторону был Цицилийский остров, а по левую сторону Калябрия, и ночевали под селом Торнадафар (Торре-ди-Фаро – *А.К.*); в том селе живут все рыболовы. От вышепомяненной башни, на которой стоит в ночи фанарь з запаленными свечами, то село Торнадафар 3 мили италиянских. И, ночевав под тем селом, видели страх в ночи: филюгу нашу с якоря сорвало и отнесло в моря, где с великим трудом и страхом чрез великую силу спаслись и паки на том же месте поставили филюгу свою на два якоря[29].

Город Мессину, куда путешественники прибыли 13 июля, Толстой называет на сицилийский манер «Мисиною»:

Город Мисина на Цицилийском острову стоит при самом море по морскому берегу. Город Мисина – место великое, строение всё каменное. И, приехав, мы в филюге своей пристали под самым городом Мисиною, где пришел к нам один человек–мисинец и сказал нам, чтоб с филюги нашей никто на берег не выходил, покамест осмотрит кавалер, которой на то устроен, практики моей, которую я взял из Неаполя, то есть проезжих моих листов. И я стоял в филюге 4 часа, дожидался от того помяненного кавалеру указу, для того, что тот кавалер спал долго дня. А осмотря тот кавалер моих проезжих листов, дал мне свободу иттить с филюги в город Мисину, толко по обыкновенности своей, что было у нас на филюге ружья, моего и маринерского, то ружье всё взяли у нас к тому вышеописанному кавалеру на двор за караул. А двор того кавалера построен на берегу моря; в том месте под ево двором всякой форестир, то есть иноземец, приехав в Мисину, повинен с судном своим пристать. И как я от того кавалера взяв себе позволение, пошел в город Мисину, и, пришед, стал в остарии, или на постоялом дворе, которая остария называется Францезе-Авроро, где мне отвели одну камору со стулами, и с кроватью, и с постелею, и столом[30].

Простояв в Мессине всего сутки, Толстой тем не менее, сумел отметить очень многие аспекты жизни столицы восточной Сицилии, ставшей недавно жертвой испано-французского противостояния, а теперь активно восстанавливаемой. В этом смысле дневники Толстого существенно выигрывают перед более официозной и потому краткой «Запиской Шереметева».

Город болшой, каменной, зделан новою модою з бастионами, изрядною крепостью, одна сторона к морю, а другая к горам <…> При море построен дом, которой называется арсинал; на том дворе делают всякие морские суды. По берегу морскому на многих саженях построены предивным мастерством изрядные великие полаты в четыре жилья вверх, также и во всем городе Мисине домы и палаты изрядного строения <…>. Та Мисина и все городы, которые есть на Цицилийском острову, под властью гишпанскаго короля, и народ в Мисине гишпанской, и говорят все италиянским языком. В Мисине живет вицерой, то есть наказной король от гишпанскаго короля присылается подобно тому, как и в Неаполи, и управление в Мисине всё гишпанское. Народ гишпанской в Мисине гордой и к приезжим фарестиерам, то есть к иноземцам, неприветлив. Дом вицереев в Мисине великой, построен на морском берегу, и караул у вицереева двора стоит, как и в Неаполе[31].

Зоркий глаз Толстого отмечает и многие бытовые детали повседневной жизни:

В Мисине дворян и честных людей гишпанцов много, живут домами; платье носят гишпанской моды, также и жены их, и девицы ходят по-гишпанску. Честные люди ездят в коретах, а марканты, то есть купцы, ходят пешии. Монеты, то есть денги, в Мисине ходят серебреные и медные, особые, цицилийские, не такие, что в Неаполи; и, кроме Цицилийскаго и Малтийскаго островов, та манета нигде не ходит. Харч всякой в Мисине: мясо, и рыба, и хлеб, и фрукты, то есть гроздие, – недорого и есть того всего доволно. Народы в Мисине есть разные: французы, и греки, и цыганы, которые забавляются, паче ж питаются, изконным своим мастерством – кузнечеством, живут без домов, сидят по улицам наги и работают[32].

Подробно описывает Толстой и христианские храмы Мессины, подчеркивая их конфессиональное разнообразие:

Город Мисина на Цицилийском острову – первое место и зело велико; также много костелов и монастырей изрядных, в которых живут законники и законницы разных законов, а все одной римской веры. В Мисине ж церковь греческая во имя святые великомученицы Екатерины, другая церковь греческая ж во имя святые Марины. В тех двух церквах самая греческая ж вера, а третья церковь униятская во имя святителя Николая. В той церкве олтарь зделан подобием как в гре-

ческих церквах, а престол в олтаре зделан подобием римской церкви; иконы писем греческих, и над престолом поставлен образ чудотворца Николая писма греческо ж[33].

14 июля корабль Толстого отправился далее и на следующий день бросил якорь у Таормины («Далормины»):

Потом приехали против города Далормина на Цицилийском острову. <…> Тот город стоит при море на верху высокой горы; город не велик, а зело красив, на веселоватом месте построен; строение в нем всё каменное, изрядное. Около ево по горам леса мелкие и пашни, которые насеяны пшеницою[34].

На следующее утро путешественники коротко остановились в Катании:

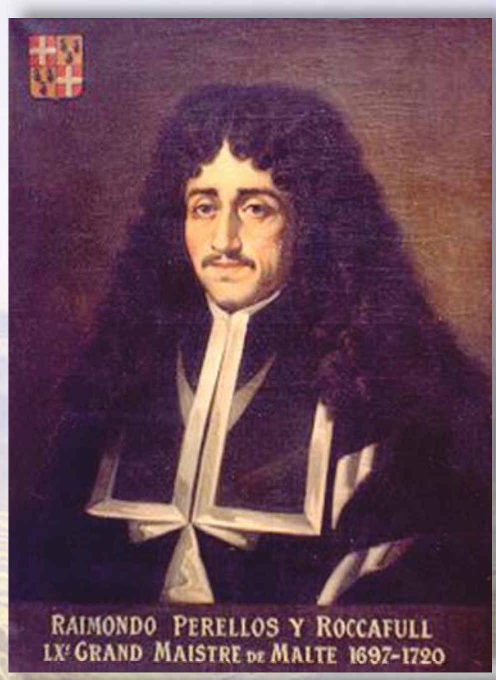
Город Катания зело велик, стоит на берегу морском на ровном месте на том же Цицилийском острову; строение в нем всё каменное, изрядное; около ево по полям много пашни, где сеют пшеницы. И как мы против того города поровнялись, и нам припал ветр способной, где мы, подняв парус, бежали прытко[35].

Вечером того же дня путешественники были в Сиракузах (в Дневнике – «Сиравозы» и «Серавозы»):

Потом приехали против города Сиравозы. <…> Тот город стоит на самом берегу морском на ровном месте на том же Цицилийском острову; город немал; строение в нем всё каменное, изрядное, построен тот город новою модою, весь каменной, з белвардами, изрядною крепостию. Около ево по ровным местам пашни есть многие, на которых сеют пшеницы; под тем городом порт, то есть пристанище. <…> По берегу морскому по ровным местам и по горам немало есть жилья строения каменнаго[36].

По свежим следам путешествия Б.П. Шереметева – официального посланника русского царя – рыцари Мальтийского ордена оказали достойный прием и Толстому, на который он вряд ли мог рассчитывать при других обстоятельствах. 25 июля 1698 г. Толстой на той же быстроходной фелюге отправился в обратный путь из Валетты в Неаполь. Пройдя через Мессинский залив и пройдя вдоль берега Калабрии, путешественники вечером 4 августа бросили якорь в бухте Амальфи[37], а спустя сутки были в Неаполе.

Великий магистр
Рамон Переллос де Роккафулл






Петр Андреевич Толстой



Я.Ф. Хаккерт. Морской шторм. 1773



Я.Ф. Хаккерт. Итальянский пейзаж. Ок. 1780

Обстоятельства сложились так, что возвращение в Москву из далеких путешествий Б.П. Шереметева и П.А. Толстого было непростым. Царь Петр Алексеевич тогда еще вынужден был считаться с влиятельной верхушкой православного клира во главе с патриархом Адрианом, которой очень не нравились контакты русских с «латинянами». Так, в июне 1698 г., еще во время нахождения царя за границей, в Москве состоялся церковный Собор, на котором за пропаганду католицизма был расстрижен, предан анафеме и сослал в отдаленный монастырь близкий к семейству Шереметевых (и некогда активно ездящий в Италию) дьякон Петр Артемьев.

Как бы там ни было, перед встречей с царем, Борис Шереметев предпочел взять длительную паузу, задержавшись на несколько месяцев в своих украинских вотчинах. Только разведав (по-видимому, через своих братьев и ранее отправленного в Москву Курбатова) все обстоятельства и сочтя их для себя благоприятными, Шереметев прибыл в Москву 10 февраля 1699 г., представ перед царем Петром «в немецком платье, с Мальтийским командорственным крестом и драгоценной шпагою»[38]. После этого царь приказал записать во всех официальных бумагах, касаемых Шереметева, что

> титло его, сверх боярского достоинства, еще получило приращение, и как в Боярской Книге, в Росписях и других бумагах, так и сам бы он писался: Боярин и Военный свидетельствованный Мальтийский Кавалер[39].

В дальнейшем Б.П. Шереметев стал одним из самых доверенных военачальников царя Петра: в 1701 г. он получил титул генерал-фельдмаршала, а в 1706 г. был возведен в графское достоинство.

Быстро пошла вверх и карьера Петра Андреевича Толстого, возвратившегося из длительного путешествия в Москву раньше Шереметева. Спустя почти двадцать лет, в 1717 г., Толстой снова побывал в Неаполе, где путем хитроумных комбинаций ему удалось склонить к возвращению в Россию скрывающегося от царя-отца в Италии наследника Алексея Петровича. Впоследствии Толстой лично возглавил следствие по делу цесаревича. За заслуги перед Петром Толстой получил в 1724 г. титул графа, став, таким образом, основоположником графского рода Толстых. Но после смерти преемницы Петра Ве-

ликого, императрицы Екатерины, он проиграл придворные интриги Меншикову, был сослан в Соловецкий монастырь, где и скончался.

---

[1] *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Амальфи. М., 2012. С. 7.

[2] Записка путешествия графа Шереметева, М., 1773; далее – «Записка». Материалы путешествия Б.П. Шереметева были отредактированы и опубликованы его потомками только в последней трети XVIII в., поэтому «Записка» читается как гораздо более современный текст, чем архаичные по слогу «Дневники» путешествия П.А. Толстого, имевшего место на два месяца позже.

В целом существовало три рукописи записок: 1) семейства Шереметевых в Фонтанном доме, по которой была выполнена 1-я публикация 1773 г.; 2) хранящаяся в РГАДА (Ф. 66, оп.1, д. 1), видимо, основа для сокращенной публикации «Похождение в мальтийский остров боярина Бориса Петровича Шереметева» (опубл. в т. 10-м т. «Памятников дипломатических сношений»); 3) хранящаяся в ГИМ (Уваров, 4° 619; выполнена в 1718-1732, принадлежала копиисту Анфиму Шенькову, затем конному монастырскому слуге). – *Прим. ред (сообщено Д. Гузевичем).*

[3] Здесь и далее все даты даны по старому стилю, который в XVII в. отличался от нового на 10 дней.

[4] «Записка». С. 53-54.

[5] Последние годы историей Великого посольства посвятили свои труды исследователи Дмитрий и Ирина Гузевичи (Париж); см. их публикации: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути*: 1697-1698.* СПб.: Дм. Буланин, 2008; *Они же.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697-2006 / Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дм. Буланин, 2008; *Гузевич Д.Ю.* Путевые записки Великой особы: 1697-1699: Критическая история пибликаций и проблема авторства. Saarbrücken: Lambert Acad. Publ., 2012.

[6] *Шмурло Е.Ф.* Сношения России с Папским престолом в царствование Петра Великого (1697-1707). Белград, 1929. С. 71.

[7] Там же. С.72; см. также: *Шмурло Е.Ф.* Поездка Б.П. Шереметева в Рим на остров Мальту. Страница политической истории России конца XVII в. Прага, 1929.

[8] «Записка». С. 54.

[9] Там же.

[10] Там же.

[11] Там же. С. 55-56.

[12] Там же. С. 56.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] *Шмурло Е.Ф.* Сношения России с Папским престолом… С. 72. Добавим, что впоследствии А. Курбатов сделал быструю карьеру в России: в 1700 г. указом Петра I он был освобожден от крепостной зависимости и переведен дьяком в Оружейную палату, потом перешел в финансовое ведомство доверенным «прибыльщиком» и дослужился до должности главного финансиста страны. Он же, по некоторым данным, стал одним из первых инициаторов отмены патриаршества.

[17] Там же. С. 57.

[18] Там же. С. 57-58.

[19] В русской традиции принято употреблять, вслед за древнегреческой, название Сиракузы, в то время как по-итальянски город именуется Сиракуза (Siracusa).

[20] *Шмурло Е.Ф.* Сношения России с Папским престолом… С. 57-58.

[21] *Шмурло Е.Ф.* Сношения России с Папским престолом…. С. 57-58.

[22] Там же. С. 59.

[23] Там же. С. 60.

[24] См.: *Андросов С.О.* Петр I в Венеции // Вопросы истории, 1995, № 3. С. 129-135; *Он же.* От Петра I к Екатерине II. Люди, статуи, картины. СПб.: Д. Буланин, 2013 (гл. Новый Амстердам или новая Венеция?, с. 9-17); *Androsov S.* Петр Великий в Венеции // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Gargnano, 1994. Venezia, 1996, P. 19-27.

[25] Цит. по: *Андросов С.О.* Петр I в Венеции… cit. С.130.

[26] Там же; см. также: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Венеции. М., 2001. С. 28-32.

Теоретическая возможность «молниеносного» путешествия Петра I в Венецию (с учетом скоростей, расстояний, возможного состояния старых дорог) проверена в ходе повторения маршрута в августе 2006 г. Д.Ю. и И.Д. Гузевичами совместно с В.П. Петрановским и Э.Э. Коробченко. См.: *Гузевич Д.Ю., Гузевич И.Д.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути... cit. С. 254-258. – *Прим. ред.*

[27] Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе 1697-1699. М.: Наука, 1992.

[28] Там же. С. 147.

[29] Там же. С. 150.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 150-151.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] Там же.

[35] Там же. С. 153.

[36] Там же. С.153-154.

[37] Подробнее об этом см.: *Кара-Мурза А.А.* Знаменитые русские в Амальфи... С. 18-19.

[38] Там же. С. 16

[39] Там же.

Михаил Высокий

# АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ СИЦИЛИИ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Сицилия, имевшая блестящее античное прошлое и бурную раннесредневековую историю, к позднему Средневековью и Новому времени оказалась заштатной провинцией – сперва империи Габсбургов (испанской короны), затем Неаполитанского королевства. Однако именно эта цивилизационная отдаленность данных, географически близких, земель позволила сохраниться значительным массивам достопримечательностей, прежде всего античных памятников.

Парадокс исторического развития острова состоял в том, что редкие случаи внимания «сильных мира сего» оборачивались утратой целых пластов его истории: например, как только император Священной Римской империи Карл V (1516-1556; он же сицилийский король Карл II Габсбург[1]) сделал Сицилию с 1526 г. одной из основных баз своих боевых операций против берберских пиратов, в Сиракузах прошли масштабные работы по сооружению новых укреплений, которые нанесли невосполнимый урон античному наследию города – древние памятники использовались в качестве каменоломен для строительства. Однако подобные случаи монаршего внимания были редки, и античные памятники острова до поры до времени толком не интересовали ни политическое руководство провинции, ни местных жителей – вплоть до фундаментальных изменений в общеевропейском подходе к науке и образованию.

В XVII в. вместо средневековой замкнутости ведущие научные школы Европы начинают исповедовать позитивистское понимание понятия curiositas (*лат.*: пытливость, любознательность), что породило традицию исследовательских путешествий членов данных научных сообществ, результаты поездок которых публиковались

для внимания образованной части общества. Кроме того, тогда же обрела определенные черты и ренессансная традиция формирования «кунсткамер», или «студиоло» – кабинетов, предназначенных для хранения и экспозиции предметов искусства, древностей и натуралистических диковин.

В тот период на Сицилии появляются первые представители европейских научных школ, однако их исследовательский интерес, по всей видимости, был обусловлен знанием труда одного из выдающихся сицилийцев – Томмазо Фацелло (1498-1570). Будучи уроженцем Шакки (небольшого городка на Сицилии, недалеко от Агридженто), он подвизался монахом Ордена доминиканцев, в стенах которого сделал научную карьеру, став магистром теологии и преподавателем духовного учебного заведения в Падуе. В 1535 г., находясь уже в Риме, он по примеру своего знаменитого земляка эпохи античности, Диодора Сицилийского, решил написать подробную историю Сицилии, для чего предпринял длительное путешествие по острову. Вышедший через 20 лет фундаментальный труд сразу стал весьма популярен среди современников и был переведен на итальянский язык[2].

В XVIII в. в систему европейской элитарной культурно-образовательной традиции прочно входит понятие Grand Tour – учебно-исследовательское путешествие по достопримечательным местам Европы. Сицилия попала в данный маршрут сравнительно поздно, после 1770 г., когда растущий интерес к классическим древностям сделал посещение Великой Греции (Южной Италии) и Сицилии обязательной частью исследовательского путешествия[3].

Подобный Grand Tour фактически совершили и первые русские исследователи сицилийских древностей – Араамий Сергеевич Норов и Александр Дмитриевич Чертков[4]. Норов путешествовал в 1821-1822 гг., посетив Германию, Францию Италию и Сицилию. О своих путевых впечатлениях он поведал в ряде очерков и стихотворений, опубликованных в русских периодических изданиях («Экскурсия в Оверньо», «Литературный вечер в Риме», «Остров Нордерней. Разослание к Д.П. Глебову», др.). Однако лишь свои

записки о путешествии по Сицилии в 1822 г. Норов опубликовал в виде отдельного двухтомного издания, посвященного его покровителю Великому князю Михаилу Павловичу[5]. Данное свое географическое предпочтение автор объясняет сам во вступительном слове:

> Избрав из своих путевых заметок отрывок, относящийся до Сицилии, я имел в виду, что остров сей, доселе еще мало посещаемый путешественниками, может более занять внимание читателей, чем иная страна, ежегодно обозреваемая и описываемая.

Отсюда и особенности его рассказа – восторженные впечатления чудной областью, подробные описания обычаев и празднеств (например, многодневного праздника в честь св. Розалии в Палермо или праздника festa della Vara в Мессине), содержащие много замечаний путеводительского свойства:

> Путешествуя по Сицилии, где почти совсем нет гостиниц, легко можно запастись рекомендательными письмами в различные монастыри, где вас принимают охотно; но подарки, которые необходимо следуют за угощением, слишком разоряют; а церемонии с хозяевами слишком беспокоят. <…> Единственный экипаж для путешествия по Сицилии есть род крышных носилок, называемых летига; вместо людей несут их лошаки, один или два спереди и один сзади; … внутренность сего экипажа похожа на vis á vis; там могут сидеть только двое, один против другого. <…> Я должен сказать к чести Сицилии, что объехав почти весь остров, я ни одного раза не был подвержен тем опасностям, коим беспрестанно бывает угрожаем путешествующий в Неаполитанских владениях от разбойников, наполняющих сию прекрасную страну[6].

Вместе с тем, нельзя не отметить очень искренний, но по понятным причинам слегка завуалированный отклик Норова на умонастроения городского населения Сицилии, навеянные событиями буржуазной революции в Неаполитанском королевстве, подавленной незадолго до прибытия автора, в марте 1821 г. (революционное движение на острове довольно быстро переросло в борьбу за независимость от Неаполя):

В женщинах я с особенным удовольствием заметил сильный патриотизм… не надобно забывать, что замечание сие есть *общее*, и что, несмотря на слабое просвещение сей страны, путешественник всегда найдет в городах, каковы суть: Палерма, Катания, Мессина и Сиракузы, людей, одаренных редким просвещением и всеми качествами истинных граждан; но несмотря на всё их рвение восстановить свое отечество, Правительство отнимает от них все способы. Рассматривая характер нации, вы увидите в нем отпечаток природной гордости, ума, хитрости и твердости; вы заметите, что мечи и копья им свойственны,– но увы! «Забыв деянья предков, громки» – они не с довольным рвением ищут славы своего отечества! Я нашел более истинных граждан в Катании, Мессине и Сиракузах, чем в Палерме, где они стараются роскошью отгонять от себя заботы и ослеплять глаза свои и чужеземцев. Нельзя не заметить недоброжелательство царствующее между тремя первыми и последним городом; жаль, что частные пользы и семейные вражды сицилийских граждан заглушают в них общее стремление ко благу отечественному.

Чертков прибыл на Сицилию вскоре после Норова, в 1824 г. Его поездка была частью обширного путешествия по Западной Европе, совершенного сразу после выхода в отставку, в 1823-1825 гг. Во время поездки он вел путевые записи, впоследствии озаглавленные «Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823-1825 годах», которые сопровождались великолепными акварелями художника Штанге[7]. Лишь через 10 лет после своего возвращения Чертков опубликовал расширенные отрывки из своих записок – «Воспоминания о Сицилии» с атласом рисунков (М., 1835-1836) и «Палермо и его окрестности»[8]. «Воспоминания о Сицилии» автор дополнил историческими сведениями[9], издав, в соответствии с устоявшейся европейской традицией, в форме писем. При этом следует заметить, что при всей литературности оформления, цель Черткова – прежде всего научные изыскания по древней истории Италии. Отсюда и тщательность научной подготовки поездки по острову, о которой Чертков впоследствии вспоминал:

Приготовляясь объехать Сицилию с покойным Березиным[10], мы в продолжении целой зимы, в Риме, списывали всё до этого острова

касающееся, как из древних, так и новых Авторов, в одну путевую тетрадь, разумеется, с указанием на страницы и главы. Эту тетрадь мне стоило только развернуть в Агригенте, Сиракузах и проч., чтобы узнать все подробности истории этих городов… Сверх того, объезжая Сицилию, стоит только взять с собою одно сочинение Фазелло: Della storia di Sicilia, deche due, чтобы знать все, что древние нам передали об этом острове[11].

Путевые заметки Черткова написаны живо и увлекательно, однако описание большей части Италии, в том числе и Сицилии, проникнуто пессимизмом, разительно отличающимся от восторженности Норова[12]. Причина подобного настроения – не только в сложностях дороги (Чертков на Сицилию попал в период дождей, которые только усугубили бездорожье), но, прежде всего, в постоянном сравнении величия античного прошлого и неустроенности настоящего. Некоторые его суждения – просто на грани возмущения:

Климат прекраснейший, небо чистое, светло-голубого цвета, и мог бы производить все, что можно вообразить только, но леность, нерадение, непросвещение сделали из Сицилии род пустыни; там, где поля могли бы производить все возможные зерна и расти все известные деревья, видишь один репейник и пальмеюту, одно запустение и голую степь. Натура делает все: люди не хотят ничего, кроме пасты и монахов; одним словом, Рай Земной, обитаемый нищими, монахами и ленивцами. Если бы неизвестно было, что Сицилия принадлежит Фердинанду, то, право, можно было бы подумать, что она не имеет Государя, ибо нигде не видно ни Правительства, ни власти, ни войск, ни устройства ни малейшего: можно ее принять за обширный монастырь, ибо только и видишь одних монахов, <…> завидная участь монахов в Сицилии, от того то они так жирны и толсты, что даже между всеми Католическими монахами Италии суть здоровейшие. Сколь ни тяжко было правление Наполеоново в завоеванных им землях, но нельзя не пожалеть, что Французы не были в Сицилии, ибо тогда не видали бы мы всех сих толстых тунеядцев[13].

Приехав на Сицилию с разницей в год с небольшим, оба путешественника, посещая, в целом, одни и те же места, выстроили

различные маршруты. Норов, прибыв в Палермо на корабле из Неаполя, самым подробным образом изучил и саму столицу Сицилии, и ее окрестности.– не только впечатляющие виллы местной знати, но и руины древнего Солунта. По всей видимости, Норов предпочитал морские вояжи, и это его настроение подкреплялось сицилийским бездорожьем. Поэтому сухопутные передвижения он постарался сократить, хотя совсем от них отказаться было невозможно: из Палермо он отправляется по кратчайшему пути на южное побережье, в Агридженто, а затем, подробно исследовав его памятники, движется вдоль моря на запад, в Селинунт, Лилибей и Трапани. Оттуда через Эрикс и Сегесту возвращается в Палермо и отплывает (на сперонаре) в Мессину, с заходом в Чефалу и Милаццо. Из Мессины также морским путем сразу следует в Катанию, откуда уже сухопутным – в Сиракузы. Тщательно исследовав город и окрестности Сиракуз, Норов возвращается в Катанию, посещая Этну, и направляется вдоль берега моря в Мессину, посещая по пути городки, деревни и древнюю Таормину. Исследовав Мессину и ее окрестности, Норов переправляется в Калабрию, где осматривает берега Мессинского пролива – Реджио, Шилу, и лишь после этого, вернувшись в Мессину, отплывает в Неаполь.

Чертков также прибывает в Палермо морским путем из Неаполя, осматривает достопримечательности города и загородные виллы местной знати. Затем, несмотря на проливной дождь, бездорожье и уговоры знакомых жителей Палермо повременить, Чертков отправляется на запад, через Сегесту, Трапани, Лилибей вдоль берега моря в Селинунт и Агридженто. После изучения города исследователь двигается вдоль южного побережья на восток, в сторону Ликаты и древней Гелы, оттуда через внутренние горные районы в Сиракузы. Подробно исследовав древнюю столицу острова, Чертков направляется в Катанию, совершает восхождение на Этну и далее вдоль берега моря достигает Мессины. Здесь, предварительно посетив калабрийский берег Пролива, Реджио и Шилу, он нанимает сперонару для поездки на Липарские острова, откуда отправляется в Италию, в Пестум.

Оба русских путешественника оказались на Сицилии в тот период, когда под влиянием открытий великолепных реликтов античной цивилизации в Италии, прежде всего в границах Неаполитанского королевства, на острове потихоньку начинаются исследования античных памятников[14]. И уникальность записок русских авторов также в том, что они отразили состояние этих памятников до начала их систематических исследований.

Однако в отличие от наших современников, сами авторы одним из наиболее интересных объектов исследования полагали музейные коллекции. Особенно это относится к Черткову, который к тому времени был уже известным нумизматом, а в дальнейшем стал основоположником русской нумизматики как науки[15]. В описываемую эпоху музейные коллекции носили характер «кунсткамер», т.е. собраний диковинок (это касается как государственных музеев, так и частных собраний), а благодаря нашим соотечественникам мы узнаем, что на Сицилии уже начали формироваться специализированные собрания[16], прежде всего в области нумизматики.

Норов довольно скупо описывает музейные собрания, посещая их скорее по долгу путешественника (в отличие, например, от впечатляющих вилл палермской знати, описанию архитектуры и интерьеров которых уделяет значительное место). Намного больше внимания он уделяет частным коллекциям Агридженто, прежде всего благодаря стараниям знатока местных достопримечательностей и собирателя Раймонди, которого рекомендовал путешественникам палермский вельможа граф Komматини.

Затем Норов подробно осматривает собрание настоятеля монастыря св. Николая аббата Панитиери, которое содержит не только богатое собрание античных ваз («[чернофигурные вазы] до сей поры беспрестанно находят таковые сосуды в гробницах Агригента»), но и многочисленные фрагменты фризов и иных резных архитектурных деталей античных храмов города[17]. В тех же тонах он описывает собрание одного из представителей местной знати в городке Сан Джулиано (совр. Эриче, в районе Трапани), расположенном на горе Эрикс, где в древности находилось знаменитое



Памятник Томмазо Фацелло в Шакке



Авраам Норов

Александр Чертков



Ж.-П.-Л.-Л. Уэль. Собор Пресвятой Марии, бывший храм Афины-Минервы (боковой фасад). 1782



Э. Де Мариа Берглер.
Руины храма Зевса
Олимпийского (фрагмент).
1890-е



Сиракузская монета
с профилем нимфы
Аретузы. IV в. до н.э.



Так называемый Патроклов арибалл
(туалетный сосуд) из Сиракузского музея



Афродита Анадиомена

святилище Афродиты Эрицинской. Коллекция этого антиквара, носившего титул графа (Норов не упоминает его имени) действительно впечатляет:

> Графские слуги начали нам выдвигать ящики, наполненные медалями разных веков… собрание его в самом деле драгоценно, и на многие из его медалей писаны целые диссертации… Окончив несколько утомительное обозрение медалей, Граф стал водить нас по рядам шкафов, наполненных глиняными сосудами, окаменелостями и разными медными изображениями. Тут же он показал нам прекраснейший обломок от руки женской статуи, составляющей только одну кисть ее… Сей обломок найден был в самом храме Венеры. В заключение он привел нас к самому ценному остатку, свидетельствующему о существовании храма на горе: то был мраморный обломок со следующей, немного поврежденной надписью: … [VENE] RI ERICINAE DICATUM.

Однако «истинным сокровищем археологии», по мнению Норова, стал музей герцога Бискари в Катании:

> Музеум князя Бискари доставил мне большое удовольствие и удовлетворил мое любопытство во многих отношениях. Это истинное сокровище Археологии… Первый и единственный, по высокой красоте своей, предмет, на коем останавливается взор, – есть колоссальный торс[18], найденный в просениуме театра[19]… сей изящнейший остаток искусства греков ничем не уступает столь знаменитому торсу Ватикана, над коим Микель-Анджело изучивал пропорции человеческого тела.

Совсем иной подход к изучению музейных коллекций демонстрирует Чертков, обычно представляя обстоятельный обзор предметов, представленных в них. Однако свое отношение к сицилийским собраниям Чертков выражает уже в самом начале, после посещения музеев Палермо:

> И так вот тот славный музей Палермо, так нам расхваленный! По этому образчику можешь иметь полную идею и о прочих сицилийских музеях, хотя и не так известных, но совершенно с ним сходных, и следовательно, вывести на досуге довольно невыгодное заключение о состоянии наук в Сицилии. Вообще во всех здешних ученых

собраниях этого рода, произведения естественной истории и остатки древностей бывают всегда неразлучно смешаны и притом так завалены посторонними, ни малейшей цены не имеющими вещицами, что с величайшим трудом только, можно отыскать один или два действительно изящные предмета, между тысячами безделок.

Как и его предшественник, Чертков уделил внимание древностям Агриджденто, упоминая при их описании, в свойственной ему критической манере, меры сицилийского (вице-королевского) правительства по сохранения археологического наследия:

Без позволения начальства никто не может отрывать древности, сокрытые в земле, а если получит на это согласие, то должен из числа всего найденного, драгоценнейшие вещи отдать в распоряжение наместника. Так нам, по крайней мере, рассказывали в Джирдженти. Само правительство никогда не предпринимает подобных изысканий, а из этого и происходит, что случайно найденные древности немедленно и тайно продаются иностранцам, а золотые и серебряные переливаются в слитки. Таким образом, Сицилия лишается безвозвратно принадлежащих ей сокровищ древнего мира, а ученая Европа теряет навсегда многие произведения, могущие объяснить нумисматику и нравы греков сицилийских.



**Античный театр в Сиракузах. 1890-е**

**Сожжение Архимедом римского флота при осаде Сиракуз. Гравюра с титульной страницы латинского издания «Книги оптики» Ибн ал-Хайсама**



При этом нельзя не отметить, что Чертков сам приложил руку к расхищению этих «сокровищ древнего мира», купив в Агридженто несколько ваз «с изображениями», которые «находят также в Греции, у нас в Крыму и в окрестностях Одессы»; для этих ваз он заказывает особые ящики, чтобы через Мессину отправить их морским путем в Россию.

Знакомство с Сиракузским музеем подвигает Черткова к довольно подробному его описанию[20], вполне сопоставимому, однако, с описанием частного музея местного археолога и антиквара Дж. Каподьечи, хорошо известного в городе[21]. Но и эти коллекции не идут ни в какое сравнение с собранием герцога Бискари, удостоившимся от Черткова пусть и сдержанной, но все-таки похвалы. По мнению исследователя, собрание ваз музея Бискари являлось богатейшим из всех, какие он видел на Сицилии: все они имеют «изящнейшие формы» и прекрасные рисунки: «найдены большею частию в окрестностях Камарины[22], подле которой находятся поместья Князя, и следовательно, он мог их приобрести из первых рук, почти за ничто».

На завершающем этапе своего путешествия по Сицилии Чертков прибывает в Мессину, где этого страстного нумизмата ждет собрание, о котором он слышал еще в Палермо – нумизматическая коллекция маркизов Кардилло[23]: «Маркиз Кардилло имеет лучшее и полнейшее собрание древних монет всех сицилийских городов…».

Как мы уже отмечали, уникальность записок русских авторов состоит также в том, что они отразили состояние античных памятников до или в самом начале их систематических исследований. Фактически, изучение реликтов именно античной цивилизации стало основной целью их путешествия.

Завершая первый этап своего путешествия по острову, Норов пожелал обследовать остатки знаменитого храма Афродиты Эрицинской в городке Сан-Джулиано (совр. Эриче). После осмотра коллекции местного антиквара его слуги препроводили путешественников к замку на вершине горы Эриче, где они увидели остатки «храма Киприды»[24]. Двигаясь далее в сторону Палермо, Норов специально заворачивает к Сегесту с целью обозрения одного из выдающихся памятников античности – храма Сегесты[25]. Данный объект античного наследия уже находился под охраной государства[26] – сам Норов упоминает сторожа храма, «хижина» которого располагалась поблизости от него. Автор посвящает описанию храма несколько строк и, мучимый жаждою и усталостью, однако же не обошел вниманием и другой памятник Сегесты – античный театр, отмечая, что «весь древний Сегест, находившийся на гораздо высшей горе, совершенно исчез[27], за исключением одного почти совсем разрушенного амфитеатра, от которого осталось только несколько ступеней»[28].

В отличие от своего предшественника, Чертков, по причине отвратительной погоды осмотревший Эрикс «на скорую руку»[29], не скупится на описание Сегесты: «Храм построен на холму, среди долины, и от того он кажется выше и величественнее, и все части его гораздо яснее рисуются перед глазами наблюдателя…». Однако иные остатки городских строений (прежде всего амфитеатр) ускользнули от его внимания[30].

Несравненно более сильное впечатление на путешественников произвели развалины Селинунта:

> Проехав древнюю реку Ипсу (ныне Беличи) вскоре открываются печальные развалины бывшего Селинунта, нагроможденные на берегу Африканского моря. Я никогда не забуду впечатления, произведенного надо мною сим великим разрушением!… Я видел все великолепные памятники Римлян, но ни один из них не потрясал так сильно моих чувств, как развалины пустынного Селинунта!» (А.С. Норов).

Селинунт действительно был пустынен – в отличие от других виденных русскими исследователями археологических объектов на Сицилии храмовый комплекс Селинунта[31] был разрушен полностью вследствие одного или нескольких землетрясений. Более того, ко времени прибытия Норова окрестности городища были практически необитаемы («мы провели ночь в единственном доме, находящемся в сей пустыне; в нем живут два или три пастуха, а двор его служит для загону стад, кои находят роскошные пастбища в сей стране забвения…»)[32]. Своим «открытием» Селинунт обязан всё тому же Т. Фацелло, которые первый идентифицировал эти руины с известным античным полисом[33]. И именно в 1820-х гг. Селинунт переживал период «второго рождения», как объект научных исследований, прежде всего со стороны иностранцев – немцев и англичан. Как раз в год прибытия на остров Норова английские исследователи С. Энджелл и У. Харрис совершили открытие, ставшее судьбоносным в истории изучения древнего Селинунта – ими были найдены знаменитые метопы храма С[34]. Сам Норов об этом, судя по всему, так и не узнал – просто некому было рассказать об этой находке в необитаемой местности,– а ко времени путешествия Черткова метопы уже находились в Палермо.

Описание античных памятников Акраганта в сочинении Норова стоит особняком, выделяясь своей тщательностью, что неудивительно – для него это первый крупный знаменитый археологический объект, открывающий после осмотра «столичных» палермских достопримечательностей путь к сицилийским античным

древностям. Ко времени прибытия Норова памятники Акраганта уже были достаточно известны благодаря проводимым исследованиям[35] и трудам отдельных энтузиастов, поэтому их демонстрировали путешественникам с упоминанием исторических названий:

> Прозирая сквозь яркую зелень миндалевых деревьев, полуразвалившийся храм Юноны Люцинии венчал живописный холм, покрытый разрушением… вся южная часть храма разрушена; раздробленные капители и колонны рассеяны по скату холма и скатились в долину вместе с грудами камней… Мы неприметно прошли расстояние 400 шагов, разделяющее храм Юноны от храма Согласия (Concordiae)… Нельзя равнодушно глядеть на этот прекрасный остаток изящного зодчества Греков,– они, кажется, имели особенный идеал прекрасного.

Наибольшее впечатление на Норова произвели руины циклопического храма Зевса Олимпийского. Опираясь на информацию местных антикваров, прежде всего его гида Раймонди, Норов сохранил для нас историю разрушения этого храма:

> Остатки[36] сего великолепного памятника древности, могли бы долго еще, в лучшей целости, удивлять путешественников, но варварское правление сего острова в начале XVII века, разрушило последние следы стен, употребив огромные камни оных на построение молы в пристани Жирженти[37].

Остальные храмы древнего Акраганта, как находящиеся в Долине храмов[38], так и на склонах холмов акрополя, упоминаются автором в «проходном» порядке, однако даже в этих кратких фрагментах подчеркнуты реалии тогдашнего существования античных памятников.

> Следуя далее… показали нам в глуши одного огорода малые остатки так называемого Вулканова храма. Мы распознали несколько обломков от колонн и капителей. <…> Неподалеку отсюда видны остатки так называемого Эскулапова храма. Стены оного, украшенные прекрасными пилястрами, входят ныне в состав бедной хижины одного земледельца. <…> Возвращаясь в Жирженти, мы очень часто замечали в садовых оградах, кои состоят из грубо сложенных камней, обломки капителей, карнизов, архитравов.

Рассказ Черткова профессионально четок, но вследствие этого и довольно краток. После подробного изложения истории Акраганта и топографического очерка античного города[39], он переходит к описанию самих памятников, высказывая зачастую правомерные сомнения в тех или иных принятых наименованиях храмов[40].

Описание Сиракуз занимает у наших авторов весьма значительное место, вполне сопоставимое с описанием Палермо, что неудивительно – Сиракузы были столицей острова античной эпохи и продолжали оставаться важнейшим экономическим и политическим центром в последующие века. Именно эта особенность истории города нанесла невосполнимый урон памятникам его прошлого: «в разных местах города можно еще увидеть много колонн гранитных и мраморных, лежащих без употребления. Это остатки древних храмов, портиков, великолепных зданий. И сколько же употреблено из числа их на украшение церквей, монастырей! Сколько разбито, расхищено частными людьми и иностранцами» (А.Д. Чертков).

Первое знакомство Норова с руинами Сиракуз вызывает у него смешанные чувства:

> Уже невдалеке вставали перед нами нагие холмы, кончающие печальную долину, по коей мы ехали… Груды камней, разбросанные по вершинам их, остановили наше внимание: – увы! то были стены могущественных Сиракуз! Не могу выразить того чувства меланхолии, которое овладело мною с приближением к печальным, но красноречивым остаткам сего великого города, соперника Афин! Чувство сие равнялось с тем, которое волновало душу мою при первом взгляде на Тибр и на семихолмную столицу древнего мира.

Подобная «меланхолия» сопровождает его во время осмотра всех древних памятников города, а наиболее сильное впечатление на него произвела увиденная в городском музее статуя, случайно найденная крестьянином в 1803 г., – Афродиты Анадриомены, именуемая им «палладиумом сего города, и можно сказать, всей Сицилии»[41]. Созерцание данного произведения искусства провоцирует фактически «крик души» путешественника:

Сколько б изящных памятников художества можно было извлечь из праха падших Сиракуз, если бы правительство обратило некоторое внимание на сии места, где процветали вторые Афины, обогатившие Рим своими статуями и утонченной роскошью искусства!

Сложную судьбу города разделили его античные храмы, наиболее значительные из которых представлены в описании Норова:

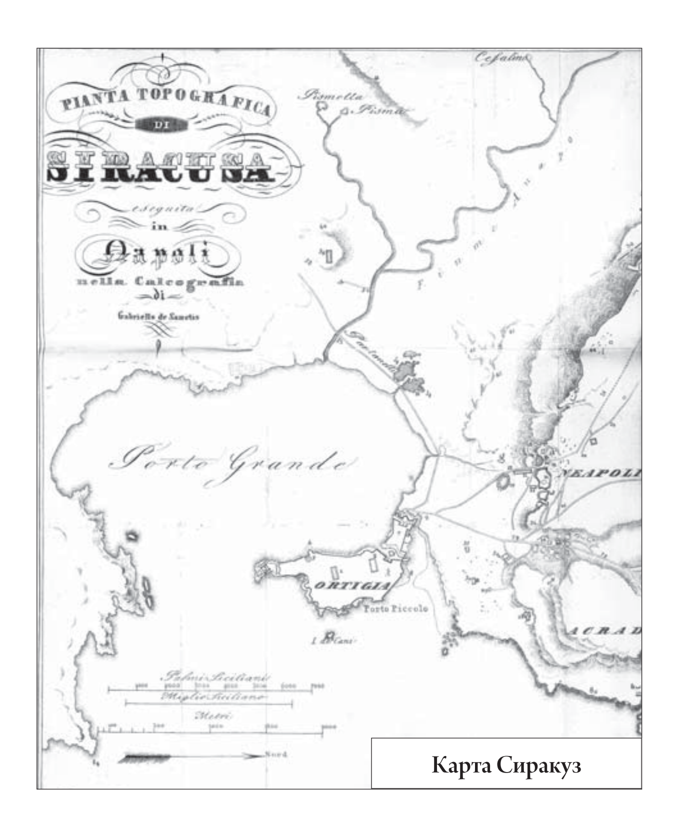
Мы направились к храму Минервы, который, как мне говорили, хорошо сохранен; я воображал его в виде храмов Агригента или Сегеста; но как я удивился, когда, приближаясь к здешней соборной церкви, мне сказали: вот храм Минервы! Я с чрезвычайным вниманием устремил взоры на новый двухэтажный фронтон с красивою колоннадой, – и напрасно искал в нем храма Минервы; но зайдя с боковой стороны здания, увидел целый ряд великолепных колонн самого древнего дорического ордена, заключенный в толстой стене, составляющей длину собора. Однако новые варвары не могли совершенно закрыть сии необычайной толщины колонны, коих малая часть видна снаружи и внутри собора[42].

Приближение к Сиракузам несколько изменило критический настрой Черткова:

В окрестностях Сиракуз хлебопашество в лучшем состоянии, нежели в прочих местах, и, вообще, более видно трудолюбия, виноградники лучше содержаны; по дороге много видно оливковых и других деревьев, и, вообще, вид земли более походит на Европейский, нежели в прочих частях острова.

В городе Чертков посетил те же объекты, что и Норов, описание его кратко, но емко. Вот, например, что он пишет о наиболее сохранившемся античном памятнике Сиракуз – амфитеатре[43]:

вся его окружность, места, где сидели зрители, коридоры, входы и выходы (ванитории), – всё это выделано из известкового кряжа, составляющего горнокаменную породу, на которой были построены Сиракузы… Сцена более не существует: камни, из которых она была построена, употреблены при Карле V на сооружение крепостных бастионов в новых Сиракузах. Театр так велик, что две каменные мельницы построены в XVI веке, в его внутренности, на ручье тут же протекающем: для этого разобрана была также часть здания



Карта Сиракуз

> и камни употреблены на постройку… под театром находится подземелье: оно могло служить для помещения машин и других принадлежностей сценических, и тем правдоподобнее, что такие же точно под землею вырытые помещения существуют и под театрами в Геркулануме и Помпее.

В целом, в Сиракузах он уделил больше внимания изучению музейных собраний, представлявших для этого страстного нумизмата профессиональный интерес.

Норов и Чертков не были первыми русскими путешественниками на Сицилии, но они были первыми, кто *исследовал* достопримечательности острова, и были первыми, кто оставил подробное описание региона и его античных памятников[44]. Но что самое удивительное – среди сицилийцев (по крайней мере, образованной ча-

сти общества) к тому времени существовало устойчивое представление о России – «о Великой Москвии, ибо так называют Сицилийцы Россию» (А.С. Норов), «называют везде нас Москвитянами» (А.Д. Чертков). Вот это представление, описанное Норовым: «Я не один раз заметил в Сицилии, что народ ея питает некоторый страх к России. Они воображают, не знаю от чего, что Русские должны некогда завладеть Сицилиею. Они с беспокойством видят снимающих карты или виды с их страны, думая, что всё это делается для Русских. Иные, вместе со страхом, хранят к нам почтение[45] и видят в нас защитников их прав». Истоки подобных настроений восходят, по всей вероятности, к событиям конца XVIII – начала XIX вв., к действиям русских войск и флота в островной Греции и в Италии[46]. Однако сам факт наличия таких представлений, равно как и поездки русских путешественников, свидетельствует о возникновении уже в то время устойчивого взаимного интереса.



Алтарь Гиерона. 1890-е

[1] Карл был внуком и наследником короля Арагона и Сицилии Фердинанда II. Специфика организации власти испанской монархии после объединения королевств Арагона и Кастилии в конце XV в. состояла в том, что новый монарх при вступлении на престол короновался (принимал присягу кортесов) отдельно в каждом из составных частей королевства. Поэтому на Сицилии он именовался Карлом II.

[2] *Fasellus Th.* De rebus siculis decades due. Palermo, 1558. Первая декада – «Древняя и новая география острова», вторая – «Древняя и новая история острова с баснословных времен до отречения Карла V». Кроме описания увиденного, Фацелло впервые в науке нового времени собрал почти все, что содержалось в античной традиции о Сицилии.

[3] Подобное расширение культурно-географических интересов стало следствием публикации трудов выдающегося немецкого исследователя Иоганна Иоахима Винкельмана, чья «История античного искусства» вышла в свет в 1764 г. (в 1767 г. дополнена «Заметками об истории искусства»). Поэтому пионерами в данной области с полным правом можно назвать германских путешественников.
[4] Некоторые биографические сведения о них см. в статье А. Белломо и М. Нигро в нашем сборнике. – *Прим. ред.*
[5] *Норов А.С.* Путешествие по Сицилии в 1822 году. Ч.1-2. СПб., 1828. «Его Императорскому Высочеству Государю, Великому Князю Михаилу Павловичу с благословением посвящает сочинитель». Иллюстрациями к книге служили рисунки художника Ф.М. Матвеева, который путешествовал по Сицилии вместе с Норовым (см. статью Л. Маркиной в нашем сборнике. – *Прим. ред.*).
[6] Негативных впечатлений совсем немного: «Нет ничего несноснее обрядов, коим подвержен всякий раз путешественник, приставая к берегам Сицилии; хотя бы он приплыл на рыбачьей лодке, с расстояния в 2 или 3 мили, но всегда должен быть освидетельствован карантином и везде платить за это пошлины. Правительство употребляет сии обряды более для удостоверения своего в лицах, пристающих к берегам». Удивление непропорционально большим количеством духовных лиц на острове, чему большое внимание уделяет Чертков, в рассказе Норова проскальзывает, но почти незаметно.
[7] «Журнал…» хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея и был издан, к сожалению, без акварелей, в 2012 г. Художника Штанге, рисующего по его заказу, Чертков упоминает в «Журнале…».
[8] «Московский наблюдатель». 1835. Ч. 1. С. 521-564.
[9] Как пояснял сам Чертков в письме к Н.И.Гречу в 1836 г., «первые страницы моей книги заняты не письмами из Сицилии, как можно полагать из слов Рецензента, а краткой историей острова (более 30 стр.) – статьей, написанной мною в Москве, тогда уже, как я решился печатать свое путешествие, и тут-то именно находятся цитаты из Гуго Фалканда, Филиста, Эфора, Нибурна, Герена, Леунклавия, Ассемани, Моризани, Джианноне, Lupus Protospata, Бульфеды, о которых г. Рецензент упоминает, и я смело могу уверить, что этих имен он не найдет в самих письмах…»,– *Фалалеева М.В.* Предисловие // *Чертков А.Д.* Журнал моего путешествия по Австрии, Италии, Сицилии, Швейцарии и проч. в 1823-1825 годах. М., 2012. С.10.
[10] Алексей Сергеевич Березин, также как и А.Д.Чертков, отставной военный, путешествовал по Европе, в 1823 г. опубликовал «Письма из Венгрии» («Соревнователь просвещения». 1823. № 4), затем направился в Италию с нанятым австрийским художником, и в Венеции встретился с автором «Журнала…». Зиму 1824 г. они провели в Риме, затем Березин переехал в Неаполь, а осенью отправился на Сицилию, где, будучи в Агридженто, простудился и умер. Судя по

сохранившимся «Письмам из Венгрии», русская наука волею судьбы утратила впечатляющее описание Сицилии и ее памятников.

[11] *Фалалеева*. Предисловие… С. 10. А.Д.Чертков серьезно занимался исследованием древней истории, ему принадлежат работы по истории и филологии пеласгов, населявших Италию. Уже находясь в Италии, Чертков сблизился с ученым, профессором Пизанского университета, священником Себастьяном Чампи, под влиянием которого пристрастился к изучению итальянских древностей. Ко времени публикации «Воспоминаний о Сицилии» Чертков был уже известными исследователем русских древностей, членом Общества истории и древностей российских (в 1848-1857 гг. его председатель), а с 1842 г. – членом-корреспондентом Императорской Академии наук. Однако древняя история Италии продолжала оставаться в центре его научных изысканий многие годы, о чем свидетельствуют его научные работы: «Пеласго-фракийские племена, населявшие Италию и оттуда перешедшие в Ретию, Венделикию и далее на север, до реки Майна». М.,1853 (102 с.); «О языке пеласгов, населявших Италию и сравнение его с древле-словенским» М., 1855 (193 с.); «О языке пеласгов, населявших Италию. Продолжение первое». М., 1857 (150 с.).

[12] Упомянутая разница в восприятии распространилась даже на местных женщин: в описании Норова сицилианки в большинстве своем изящны и притягательны, несмотря на темные одежды, а по мнению Черткова, «можно даже получить отвращение к прекрасному полу, живя долго в Сицилии».

[13] Автор, измученный ужасными дорогами, делает общеисторический вывод: «Сицилия точно как Европа в 16-17 столетии без дорог, почт, коммерции, почти никаких внутренних сообщений, нет трактиров, один словом, ничего того, что мы называем просвещением нации».

[14] Следует отметить, что раскопки не состоялись бы без деятельного участия двух выдающихся антикваров Сицилии. Первый – Игнацио Винченцо Патерно, герцог Бискари (1719-1786), создавший в Катании в 1752 г. знаменитый музей, и проводивший раскопки в городе и окрестностях Этны. Второй – живший в Палермо Джакомо Ланчелотто Кастелло, герцог Торремуцца (1727-1792), авторитетный эксперт по античной нумизматике и эпиграфике. Оба ученых в 1779 г. были назначены Королевскими суперинтендантами древностей.

[15] Среди нумизматических трудов Черткова наибольшее значение имеет «Описание древних русских монет» (М., 1834; Прибавления: т. 1-3. М., 1837-1838), за которую он получил Демидовскую премию от Императорской Академии наук.

[16] По мнению Черткова, критически относившегося к сицилийским реалиям, единственным настоящим хранилищем древностей был Королевский музей в Неаполе.

[17] Согласно описанию Норова, сад монастыря располагался на территории нынешней археологической зоны «Долины Храмов», в районе «гробницы Фала-

рида», которая в течение длительного времени использовалась монахами в качестве часовни. По всей видимости, значительная часть коллекции аббата была укомплектована находками с «подведомственной» территории.

[18] По всей видимости, имеется в виду Торс Бискари (I в. н.э.), найденный в 1737 г. во время раскопок в монастыре Св. Августина в Катании, Это фрагмент огромной статуи Юпитера, олицетворявшей одного из императоров династии Юлиев-Клавдиев. В XVIII в. слава этого произведения искусства была сопоставима с известностью статуи Аполлона Бельведерского.

[19] При раскопках античного театра Катании в 1770-1774 гг. были найдены различные статуи и скульптурные фрагменты. Наиболее известные произведения – фриз со сценой гигантомахии (II-III в. н.э.); большой постамент от неизвестной статуи, украшенный головами волов и гирляндами; статуя Геркулеса в стиле Лисиппа (II-III в. н.э.); бюст юноши, называемые «гением Катании» (I-II в. н.э.).

[20] «Музей города состоит, как и все сицилианские, из всякой всячины: тут есть много образов греческого старого письма; несколько, около моря собранных, раковин; кусков 40 запачканных камня, которых нельзя по виду узнать, что они такое, ибо все в пыли и грязи…; отломки голов, рук и ног статуй, найденных в развалинах Сиракуз. Две статуи – одна Эскулапа, довольно дурного резца, и другая, хорошая и могущая даже стоять подле Медицейской, без головы Венера из белого мрамора и хорошего стиля, и без правой руки: тело сделано прекрасно, особенно задние ее части. Много ламп с историческими и мифологическими изображениями, несколько ваз сицилийских, древних горшков и прочей посуды».

[21] Джузеппе Мария Каподьечи (1749-1828), священник, археолог и антиквар, много сил посвятил изучению культа и святилища нимфы Аретузы, поэтому именовал себя «пастором аретузским». Его монографию (Antichi monumenti di Siracusa, illustrate dall'antiquario Giuseppe Maria Capodieci. Siracusa, 1813) Чертков изучал перед посещением Сиракуз.

[22] Жемчужиной коллекции керамики является найденный в Камарине аттический кратер V в. до н.э., расписанный знаменитым художником Миконом из Афин.

[23] С представителем этой известной семьи, проживавшей в Мессине, Чертков, судя по «Журналу…», вел переговоры еще в Палермо.

[24] «Со стуком растворилась перед нами железная дверь и вскоре мы попирали уже прах дивного храма Киприды. Готические стены окружают сие место; круглый колодезь, сложенный из больших каменных плит, прежде глубокий, но теперь до половины заваленный каменьями, есть, как говорят, знаменитый источник Венеры. Малые остатки от основания храма еще видны, прочее же исчезло… чичерони пригласил нас потом выйти из ограды, чтобы видеть остатки наружного основания храма… Огромные камни, принадлежащие основанию храма, видны еще в ребрах скалы, на самом краю пропасти».

[25] Возведение храма обычно датируется 430-420 гг. до н.э., при этом важно отметить, что он был сооружен на руинах весьма раннего элимского храма, что свидетельствует об элимском происхождении культа. Вопрос об обстоятельствах его создания остается дискуссионным.
[26] Сегеста – латинское название (греч. Эгеста) самого крупного города элимов, одного из трех негреческих народов, населявших Сицилию (два других города – Эрикс и Энтелла). Буквально накануне приезда русского исследователя, в 1822 г. на городище Сегесты начались первые археологические раскопки и велись под руководством Доменико Антонио Ло Фасо Пьетрасанта, герцога Серрадифалко, будущего президента Комиссии по вопросам древностей и изящных искусств Сицилии. Судя по отсутствию упоминания, Норов либо не застал археологов, либо не обратил на их работу внимания.
[27] Сегеста была серьезно повреждена в 307 г. до н.э., когда тиран Сиракуз Агафокл захватил город, казнил многих жителей и переименовал его в Дикеополис. С 260 г. до н.э. Сегеста имела статус союзника Рима и в римскую эпоху процветала. Как город Сегеста погибла во времена набегов вандалов в V в. до н.э., однако поселение до конца не было заброшено: в мусульманскую эпоху здесь существовала деревня с мечетью, а в XIII в. на вершине горы Монте-Барбаро были построены замок и церковь.
[28] Театр, расположенный на северном склоне горы Монте-Барбаро, в нынешнем виде был сооружен в эпоху расцвета города в период римского господства в III-II в. до н.э. При недавних раскопках на склоне холма обнаружены места для зрителей в виде полукруга диаметром 63 м; 20 из них тщательно обработаны, каменные сиденья разделены на шесть секторов. Орхестра, пространство для хора, имеет 18 м в диаметре и обладает совершенной акустикой. В театре могли разместиться 4 тыс. зрителей, и ныне во время современных спектаклей, в длинные летние ночи, тут можно вновь пережить античную магию греческой и римской трагедии
[29] «А на том месте, где был самой храм, теперь стоит полуразвалившийся замок, вероятно, Норманнами построенный; в западной части видна еще часть стены, из больших четвероугольных камней построенная, и, вероятно, остаток стены древнего храма; показывают тут также колодезь, как тот самый, который был в древности, и называют оных Венериным… вид с горы бесподобный, гора известнякового камня и есть мраморы…».
[30] Что неудивительно – путешественники были сильно измучены трудной дорогой: «то пробираясь чрез бесчисленное множество камней, то утопая по брюхо лошакам в грязи, и на всяком шагу подвергаясь опасности переломить себе ноги и шею, измоченные дождем, принуждены будучи вытаскивать из грязи утонувшего в оной одного из наших лошаков…».
[31] Территория археологических памятников Селинунта состоит из трех зон: 1) на восточном холме акрополя, на другом берегу реки Коттоне (зона Горго

Коттоне) находятся остатки трех храмов – G, F, E; 2) на основном участке акрополя расположены остатки пяти храмов – O, C, D, A, B; 3) на западной стороне, в зоне Гаггера, в 800 м в стороне от акрополя, находятся руины храмового комплекса святилища Деметры Малофорос.

[32] В наши дни на окраине археологической зоны Селинунта располагается небольшой рыбацкий городок Маринелла.

[33] Во времена Т. Фацелло общепринятой считалась идентификация древнего Селинунта с городком Мазара (расположенном на побережье недалеко от реального античного города),– см., например, труд местного эрудита, медика Дж. Адриа (*Adria G.G.* De topographia inclytae civitatis Mazarae. 1516).

[34] Найденные метопы датируются серединой VI в. до н.э. и представляют три сюжета: «квадрига Солнца» (видна мужская фигура Аполлона, и две женские, Артемиды и Латоны); «Персей убивает Медузу» и «Геракл и Кекропы». Эти метопы У. Харрис и С. Энджелл планировали переправить в Англию через порт Мазаро, однако власти передали находки в Королевский музей Палермо. В целом исследования англичан в Селинунте в 1822 – 1823 гг. стали первыми официально разрешенными Правительством короля Обеих Сицилий Фердинанда I Бурбона раскопками на данном памятнике. В 1823 г. У. Харрис умер на Сицилии, а С. Энджелл уехал в Рим и вскоре опубликовал книгу об этих раскопках; см. Angell S., Harris W., Evans T. Scuptured Metopes Discovered Amongst the Ruins of the Temples of the Ancient City of Selinus in Sicily in the Year 1823. London, 1826.

[35] В XVIII в. была создана первая государственная организация службы древностей на Сицилии, которая начала археологические исследования в Агридженто – раскопки на территории храма Зевса и освобождение древней структуры храма.

[36] Всё тот же Т. Фацелло, процитировав найденные им латинские стихи поэта XV в. Ремизо Фьорентино, сообщает нам точную дату разрушения храма Зевса – 9 декабря 1401 г., в результате сильного землетрясения.

[37] До 1927 г. Агридженто назывался Джирдженти

[38] В настоящее время Долина храмов (Valle dei Tempi) в Агридженто, занимающая площадь 1200 га, объявлена ЮНЕСКО «Культурным достоянием человечества мирового значения».

[39] Современная топография археологической зоны довольно причудлива: город развивался на вершинах двух узких и длинных холмов, связанных друг с другом узким перешейком, – западный холм Collina Girgenti, восточный Rupe Atenea. Городское поселение «спускается» от акрополя в долину в южном направлении через холмистую территорию (Collina dei Templi) и центральную долину (Valle dei Templi). Город и археологическую зону омывают две реки – Сан-Бьяджо (древний Акрагант) и Сант-Анна (античный Гипсас).

[40] «Все эти названия совершенно произвольны… Они ничем не доказаны, хотя все путешественники и изыскатели древности их допускают. Большую часть из

уцелевших зданий окрестил отец Панкратий [Дж. Панкраци], в своем огромном сочинении о сицилийских древностях [Antichità Siciliane spiegate colle Notizie Generali di questo Regno. Napoli, 1751-1752]. Например, он назвал первый храм Юнониным, потому только, что Плиний и Аристотель упоминают о храме, посвященном этой богине в Агригенте, по случаю картины, рисованной для него Зевкисом и изображавшей Юнону».

[41] Найденная статуя Афродиты «Появляющейся» (греч.) является римской копией (II в. н.э.) культовой статуи, созданной для храма Афродиты в Сиракузах в первой половине II в. до н.э. Афиней передает историю возникновения этого культа: «В те давние дни люди были так одержимы сластолюбием, что был даже воздвигнут храм Афродите Каллипиге (Дивнозадой), и вот как это случилось. У одного крестьянина были две красивые дочери. Однажды они поспорили, у которой из них красивее задница; и чтобы решить спор, вышли на большую дорогу. Там шел юноша, сын почтенного и богатого родителя, и они перед ним заголились, а он, взглянув, отдал предпочтение старшей. И так он влюбился в нее, что, вернувшись в город, расхворался, слег и рассказал обо всем младшему брату. Тот немедля отправился в названную деревню и, увидев девушек, сам страстно влюбился, но в меньшую. Отец уговаривал из взять себе более именитых жен, но ничего не добившись, отправился в деревню, договорился с отцом тех девушек, привез их в город и выдал за сыновей. Этих-то девушек горожане прозвали "дивнозадыми", как о том говорит в "Ямбах" Керкид Мегалопольский: что в Сиракузах-де "Сестер прекраснозадых здесь была пара". Вот эти сестры, получив большое богатство, построили храм в честь Афродиты и назвали ее Каллипигой» (XII.554.c-e; пер. Н.Т. Голинкевич).

[42] Кафедральный собор Санта-Мария-делле-Колонне был переделан из храма Афины по указанию епископа Сиракуз Зосимы в VII в. Внешние колонны были полностью закрыты новыми стенами, а в целле прорублено 8 проемов. Кроме того, была снесена стена, между опистодомом и пронаосом. В соответствии с тогдашней градостроительной схемой была изменена и ориентация здания: фасад собора был сооружен в задней части храма. В 1693 г. здание было серьезно повреждено в результате сильного землетрясения. В результате последующей перестройки, осуществленной зодчим Андреа Пальма в 1728-1753 гг., на боковых фасадах собора появились дорические колонны храма Афины. Возведение первого каменного храма Афины в Сиракузах приходится на начало или первую четверть VI в. до н.э. (*Mertens D.* Greek Architecture in the West // The Western Greeks. London, 1996. P. 324). Однако описываемый Норовым и Чертковым храм – это произведение эпохи тирана Сиракуз Гелона Дейноменида: в 480 г. до н.э., после победы союзного греческого войска под командованием Гелона над армией Карфагена в битве у Гимеры, на месте старого Афинейона был воздвигнут новый храм.

[43] Греческий амфитеатр в районе Неаполис на 1400 мест, первый в его истории, был сооружен при тиране Гиероне I Дейномениде в 470-х гг. до н.э. под руководством архитектора Дамокопа (*Santonocito C.* Divagazioni sui teatri greci in Sicilia // SA. Vol. 9. 1970. P. 53). Именно в этом театре при дворе Гиерона I состоялись первые представления трагедий Эсхила «Персы» и «Этнейцы» (476 г.), выступал мимограф Софрон, ставились пьесы драматурга Эпихарма. Театр был перестроен при тиране Гиероне II, в период между 238 и 215 гг. до н.э., количество мест увеличилось до 16 тыс. Конструкция амфитеатра устойчива к природным катаклизмам, но театр серьезно пострадал в XVI в.: в период правления императора Карла V (см. сн. 1), с 1526 г., Ортигия была полностью обнесена стенами, создана новая система обороны центральной части города. К сожалению, в качестве каменоломен для строительства использовались античные памятники. В частности, сильно пострадал театр, была уничтожена большая часть храма Аполлона, практически до основания был разобран великолепный алтарь Гиерона II.

[44] Русская традиция научного исследования истории Сицилии относится к 1860-м гг., когда появилась монография (диссертация) Ф.Ф. Соколова «Критические исследования, относящиеся к древнейшему периоду истории Сицилии» (СПб., 1865). Интерес Федора Федоровича к догреческой истории Сицилии был вызван стремлением создать историю побежденных и завоеванных народов, впоследствии исчезнувших и забытых (в данном случае – сиканов, сикулов, элимов), однако не исключено, что сам интерес к античной истории острова был навеян работами Норова и Черткова.

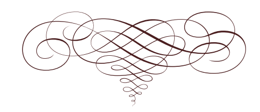
[45] Пример подобного «почтения» представляет сам Норов: «С год тому назад один купеческий корабль, прибывший их Ионийских островов под русским флагом, стоял [у Мессины] на якоре. Калабрийские разбойники, переплыв ночью… пролив, напали на спящий экипаж и по слабом сопротивлении, завладели грузом и умертвили всех людей. Довольно долго Правительство не могло открыть следов убийц… Но Русский Консул столь решительно требовал удовлетворения, что наконец по самым мелочным розыскам истина открылась… черепа [разбойников] белеют теперь на сем столпе».

[46] Речь идет о действиях русского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова в Средиземном море в рамках антифранцузской коалиции. После освобождения от французов группы Ионических островов в 1798 г., знаменитого штурма Корфу в феврале 1799 г., и создания Республики Семи Островов, русский флот перешел к действиям в Италии. От французских войск были освобождены Бриндизи, Пезаро, Анкона, в сентябре 1799 г. – Рим. По просьбе неаполитанского короля часть флота под командованием А.А. Сорокина находилась в Неаполе, сам Ф.Ф. Ушаков с эскадрой в августе 1799 г. прибыл в Палермо. В декабре того же года русская эскадра, готовясь к совместной с англичанами экспедиции против Мальты, базировалась в Мессине (в память об этом в апреле 2013 г. в Мессине установлен бюст Ушакова. – *Прим. ред.*).



С.М. Воробьев. Вид в Палермо.1846. ГРМ

# ПОД СОЛНЕЧНЫМ НЕБОМ СИЦИЛИИ



Людмила Маркина

# «МЕЧТА О СОЛНЦЕ»: СИЦИЛИЯ ГЛАЗАМИ РУССКИХ ХУДОЖНИКОВ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКОВ

«Если бы не солнце, и то неописуемое чувство счастья, которое охватывает нас, людей севера, при виде моря, света и синевы, можно было бы думать, что мы дома»[1]. В этих поэтичных строчках великой княжны Ольги Николаевны, которая провела в Палермо несколько месяцев, – квинтэссенция отношения русских к далекому, напоенному солнцем, и сказочно прекрасному острову Сицилия.

Эта часть Средиземноморья поражает приезжих богатством и разнообразием: величественные вулканы и таинственные пещеры, реликтовые рощи маслин и цветущие опунции. Каждый из российских мастеров выбирал в этом чарующем краю то, что ему было наиболее близко. Архитекторы и художники-классицисты – ценнейшие археологические памятники древней Тринакрии (так во времена античности называли Сицилию). Живописцы романтического направления – девственную природу, олицетворяющую «родину неги» (Е. Баратынский). Особое внимание уделялось передаче эффектов освещения: яркого солнечного света в жаркий полдень или полнолуния ночи. В целом, живописный образ Сицилии получил в работах наших художников истолкование, порожденное русской культурой.

Век Просвещения принес в Россию интерес к научным исследованиям Севера и Сибири, а также путешествиям по странам Европы. Однако до Сицилии русские живописцы добрались лишь во второй половине XVIII столетия. Пионером среди них можно назвать **Федора Михайловича Матвеева** (1758-1826).

Воспитанник петербургской академии художеств Ф. Матвеев дважды посещал Сицилию. Впервые, весной 1781 г., когда отправился в путешествие по южной Италии «для рисования древно-

стей и видов», вторично, в 1788 г. В одном из рапортов в Совет Императорской Академии художеств (далее ИАХ) «пенсионер» подробно отчитывался: «Я сколько возможно старался употребить свое время в пользу и для того приискал случаю как возможно больше воежировать <…> нынешнего 1788 г. я ездил почитай по всем городам в Сицилию и до самого Малту, где я рисовал всё то, что возможно было, касающееся до моего художества»[2].

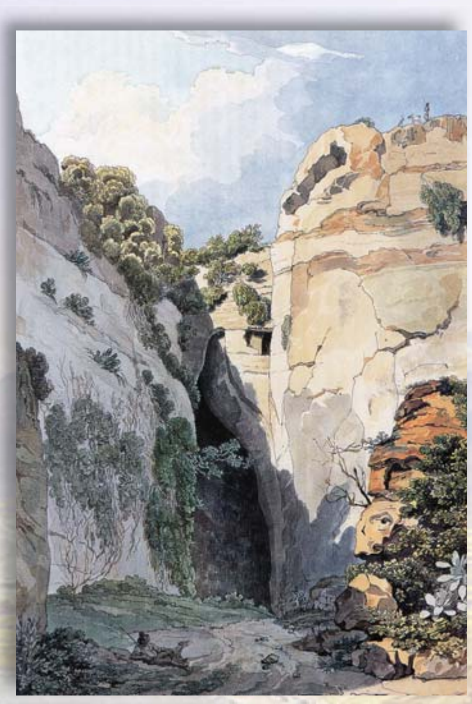
В начале 1780-х гг. Ф. Матвеев по рекомендации И.Ф. Рейфенштейна[3] работал в Риме под руководством Якоба Филиппа Хаккерта (1737-1807). Авторитет этого немецкого мастера в России был чрезвычайно высок. В Петербурге художник был только однажды, доставив в годы войны 1768-1774 полотна Чесменской серии. Однако на протяжении длительного времени работы Хаккерта высоко ценились при русском дворе. Наряду с заказами императрицы Екатерины II, Хаккерт писал работы для А.К. Разумовского, Н.Б. Юсупова, семейства Строгановых. С 1780-х до 1803 он состоял на службе неаполитанского короля Фердинанда IV в качестве придворного живописца. Результатом путешествия художника по Сицилии (1777) стали зарисовки античных храмов Селинунта и Сегесты, а также живописные полотна. Популярные в России произведения Хаккерта, в том числе с видами Сицилии, охотно копировали русские живописцы. До недавнего времени некоторые из них считались оригинальными работами. Так, «Итальянский пейзаж (Вид Неаполя)» кисти Ф. Алексеева (Ок. 1775, ГТГ), вошедший в академический каталог собрания Третьяковской галереи[4], оказался копией с оригинала Я.Ф. Хаккерта «Вид Катании и Этны» (1778, ГМЗ «Царское Село»). Вероятно, это был заказ императрицы Екатерины II, который Ф. Алексеев исполнил во время работы в Эрмитаже[5]. Русский мастер значительно уменьшил размер холста, зато приблизил передний план и увеличил фигурки обнаженных рыбаков. К этому произведению в качестве парного полотна Ф. Алексеев написал еще одну копию с Я.Ф. Хаккерта «Вид Липари и Стромболи» (1780-е, Волгоградский музей изобразительных искусств), где изображены два скалистых острова у берегов Сицилии.



**Ф. Матвеев. Водопад. Сицилия. 1814. Холст, масло.**
**Национальная галерея Армении, Ереван**



**Ф. Матвеев. Таормина в Сицилии.**
**Нач. 1820-х. Бумага, тушь, кисть, перо. ГМИИ**



**А. Брюллов. Сиракузы. Дионисово ухо. Бумага, графитный карандаш, акварель. 1824. ГРМ**



**Ф. Матвеев. Вид Сицилии. Горы. 1811. Холст, масло. ГТГ**

Ландшафты кисти Я.Ф. Хаккерта, исполненные в традиции «героического» пейзажа с античными постройками и стаффажем, оказали большое влияние на работы Ф. Матвеева. Даже став известным пейзажистом, Ф. Матвеев продолжал копировать его произведения. Например, «Итальянский пейзаж» (1786, Национальный художественный музей Республики Беларусь, Минск) является повторением «Ландшафта с сицилийскими мотивами» (1778, частное собрание)[6].

Живописные виды Сицилии занимают особое место в творчестве Ф. Матвеева. Они наглядно демонстрируют эволюцию его пейзажного видения – «переход к целостному и единому изображению, в котором повествовательное начало заключается в его развитии и детализации, а не в сочетании ряда видов»[7]. Типичным образцом такого пейзажа служит «Вид Сицилии. Горы» (1811, ГТГ) и «Водопад. Сицилия» (1816, Национальная галерея Армении, Ереван). Построение композиции носит ярко выраженный барельефный характер, что типично для живописи классицизма с ее подчеркнутой рельефностью формы. Идеальность общего сочетается с детализацией частностей: травы, кустарника, стаффажных фигурок, пены воды. Показательно изображение водопада. Патетика силы и дикой вольности стихии «усмиряются» художником и превращаются в возвышенно-героический образ. В колорите явно сочиненных пейзажей Матвеев пытается также преодолеть декоративное отношение к цвету.

В сицилийских рисунках Матвеева редко встретишь моменты живого наблюдения натуры. Показательно, что все они датируются 1810-ми – началом 1820-х гг., то есть гораздо позднее, а не во время пребывания на Сицилии. По-видимому, они доработаны в мастерской по более ранним альбомным наброскам. Любопытно свидетельство Сильвестра Щедрина, представителя нового поколения русских пенсионеров в Италии. В ноябре 1818 г. в письме к родным он писал: «К Матвееву заходил я тоже, чтоб посмотреть его работу <…> между нами сказать, – очень сух и всё пишет без натуры, а с самых дурных рисунков»[8]. Заметим, что подобная оценка художника романтического направления понятна, но не совсем спра-

ведлива. Колорит никогда не был сильной стороной творчества Ф. Матвеева. Он почти не интересовался выразительностью цвета, его оттенками и переходами, художник понимал цвет как простую раскраску. Отсюда и показавшаяся С. Щедрину «сухость» колористического решения картин кисти Ф. Матвеева. До конца жизни «старожил римский» оставался верен заветам классицизма – «живопись только означает цвет вещей, а всю существенную силу делает рисование»[9].

Ф. Матвеев – блестящий рисовальщик. Его рисунки графитным карандашом обладают в полной мере реальностью и близостью к натуре, которой не хватает живописным полотнам. Линия у Матвеева тверда и уверенна, штрих разнообразен и динамичен. С большой выразительностью мастер передает водную гладь, красоту тонких стволов пиний, своеобразный рисунок их плоских крон. Однако момент живого наблюдения исчезает, как только лист приобретает «картинный» характер. Таковы рисунки итальянским карандашом, сепией или тушью, подсвеченные иногда акварелью. В рисунках с архитектурно-руинными остатками античности Ф. Матвеев подчеркивает величие классицистических построек. Таков «Вид театра в Сиракузах» (сер. 1810-х – начало 1820-х, ГТГ), где изображен самый большой и богатый античный полис на острове.

Рисунки Ф. Матвеева иногда гравировались и служили иллюстрацией для печатных изданий. Так было с работой «Таормина в Сицилии» (начало 1820-х, ГМИИ), гравюру с которой исполнил А. Брейтгорн. Она была помещена в книге А.С. Норова «Путешествие по Сицилии»[10]. В отличие от театра в Сиракузах, где художник показывает внутренний вид амфитеатра, здесь дан далевой и обобщенный вид. Среди громады гор едва виден греко-римский театр, второй по величине на Сицилии.

Новый романтический подход к изображению сицилийской природы и архитектуры демонстрирует творчество **Александра Павловича Брюллова** (1798-1877). На Сицилии художник побывал дважды. Впервые – в мае-июне 1824 г., вторично – осенью того же года, вернувшись в Неаполь в ноябре месяце[11]. Вместе с ним в

поездке были добрые знакомые братьев Брюлловых – полковник А.Н. Львов[12], а во втором – В.А. Перовский, флигель-адъютант великого князя Николая Павловича.

Путешественники исколесили весь остров вдоль и поперек. Особенно подробно изучали древние города Сегесту, Селинунт, Агригент, Сиракузы, Катанию, Таормину. Казалось бы, архитектор-профессионал в первую очередь должен был заниматься обмерами сохранившихся античных построек, однако А. Брюллов не понимал «зачем ограничивать себя только наблюдением холодной архитектуры». В отчетах для ИАХ он писал, что не хочет «делаться более антикварием, чем архитектором». Поэтому альбомы А. Брюллова заполнены набросками видов городов, соборов и древностей, уличными сценками. Это – живописные руины Агригента на юге острова («Агригент», 1824, ГРМ), морской залив на западе («Гавань Трапани», 1824, ГРМ) и ренессансные памятники на востоке («Таормина», 1824, ГРМ), («Сицилия», 1824, ГТГ[13]). За акварель «Развалины храма Юноны Лацинии в Агридженто» (1825, ГРМ) художник удостоился похвалы и награды императора.

Блистательный рисовальщик А. Брюллов не ограничивался только беглыми зарисовками, обычными для большинства художников-путешественников. В этот период он успевал создать законченные станковые акварели. Среди лучших из них – «Сиракузы. Дионисово ухо» (1824, ГРМ). На вытянутом по вертикали листе изображена известняковая пещера, по форме похожая на человеческое ухо. Считается, что свое название она получила в 1586 г., когда живописец Караваджо выдумал легенду о том, что тиран Сиракуз Дионисий I в качестве тюрьмы для пленных использовал это место, где соорудили специальное устройство для подслушивания. Для А. Брюллова важно передать не только своеобразие этого природного явления, но и особенности жаркого полдня. Он большое внимание уделяет контрасту света и тени. Лист четко поделен по диагонали: левая часть погружена в глубокую тень, а правая – ярко освещена. В прохладной тени лежит отдыхающий итальянец, фигурка которого служит своего рода «точкой отсчета», подчеркивающей величие пещеры.

Сицилия находится на пересечении морских путей. Поэтому иногда художники наблюдали достопримечательности острова с палубы корабля. Так живописец **Василий Егорович Раев** (1808-1871), возвращавшийся из Рима в Петербург в декабре 1844 г., записал: «Пробывши в Неаполе дня три, я взял себе место на пароходе в Константинополь. И помчался наш пароход по бирюзовым волнам Средиземного моря. На другой день утром я рисовал дымящийся Стромболи, потом мы плыли близ берегов Сицилии и я рисовал величественную Этну. Снежная ее вершина, вся облитая лучами солнца, блестела, как исполинский жертвенник, кадящий фимиам творцу вселенныя. Целый день с парохода видна была Этна»[14]. К сожалению, где находятся зарисовки В. Раева – неизвестно.

Новый импульс интереса русских к Сицилии дало пребывание на острове царской семьи. Палермо, обладающий богатыми дарами природы и чудесным целебным климатом, был выбран как наиболее подходящее место для лечения ослабленного здоровья Александры Федоровны, супруги Николая I. 25 октября 1845 г. император, императрица и великая княжна Ольга прибыли на корветах «Камчатка» и «Бессарабия» из Генуи морем (два дня) в Палермо. Поскольку императорская семья выразила свое желание избежать какой-либо пышности и торжественности, то церемониал встречи именитых гостей был в значительной степени упрощен. «Мы проехали через город, – вспоминала Ольга Николаевна, – и должны были еще полчаса добираться до предназначенной нам виллы Оливуцца. Она принадлежала княгини Бутера (русской по происхождению)[15] и была устроена в привычном для нас вкусе. Палермо не показался мне по приезде таким эффектным как Генуя или Неаполь. Я могла бы сравнить его с натурой, которая открывает свои сокровенные нежные стороны характера только постепенно»[16].

Начиная с эпохи Петра I, во время боевых походов и заграничных путешествий, в свите императора обязательно присутствовали художники и граверы, занятые «снятием видов». Царь-реформатор трактовал как государственную задачу «сообщить соотечественникам виды стран и памятников». Император Николай I поддерживал традиции великого предшественника.

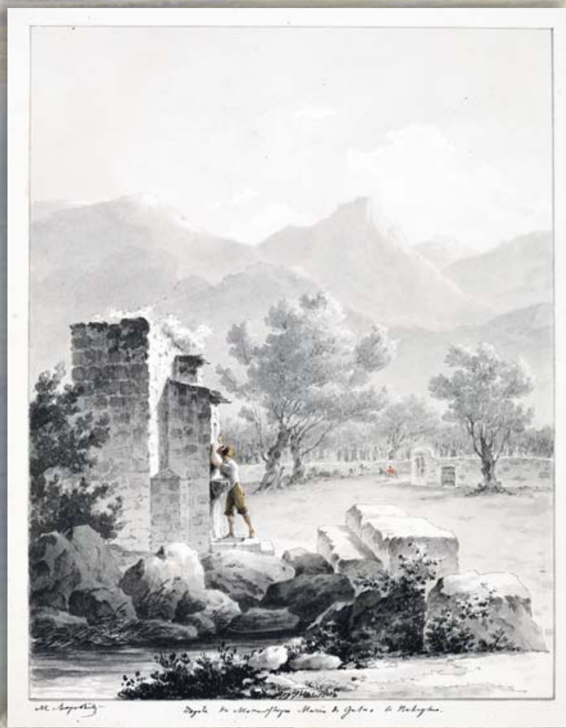


С. Воробьев.
Вид Палермо.
Холст, масло. 1845.
ГРМ



М. Воробьев.
Дорога в Оливуццу
близ Палермо.
Бумага, тушь, акварель, кисть, перо,
графитный карандаш.
1845-1846. ГТГ





М. Воробьев.
Площадь Св. Терезы в Палермо.
1845-1846.
Бумага, акварель, графитный карандаш. ГТГ

М. Воробьев.
Дорога к францисканскому монастырю Санта Мария ди Джезу в Палермо.
1845-1846.
Бумага, наклеенная на бумагу, тушь, акварель, кисть, перо, графитный карандаш. ГТГ

С целью запечатлеть важные моменты во время пребывания его и Александры Федоровны на Сицилии обратились к пенсионеру ИАХ **Сократу Максимовичу Воробьеву** (1817-1888)[17]. С 14 октября 1843 г. он находился в Неаполе, где из-за болезни глаз наблюдался у доктора Циммермана. С. Воробьев провел в городе и его окрестностях продолжительное время. Художник неоднократно отправлялся морем на Сицилию, что подтверждается записями (ноябрь 1844) в его путевом альбоме. С осени 1845 г. он поселился недалеко от виллы Бутера. Графический альбом С. Воробьева (1845-1846, ГТГ) этого времени заполнен натурными зарисовками, пейзажными мотивами, рисунками парусных лодок и кораблей, эскизами задуманных композиций.

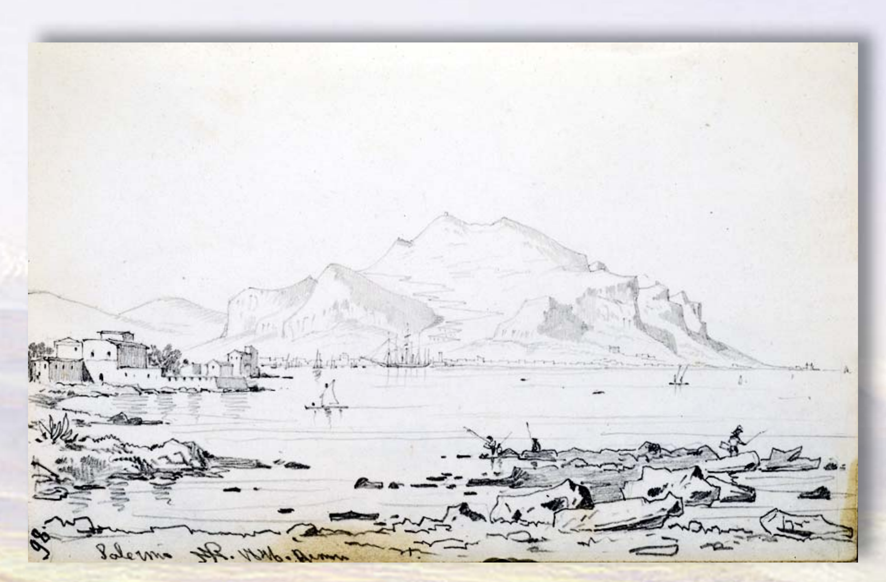
Альбом С. Воробьева был представлен царской семье: по некоторым понравившимся зарисовкам Александра Федоровна заказала художнику картины. Одной из таких работ можно назвать полотно «Вид Палермо», украшавшее Аничков дворец (1845, ГРМ). Перед взором художника открывается широкая панорама города, живописно расположившегося по берегам залива Тирренского моря. В центре композиции на дальнем плане – Монте-Пеллегрино. На переднем плане представлены сидящий на камне священник и расположившийся прямо на земле человек с бородой. Эта сценка сокровенной беседы праведника и грешника среди экзотической природы (огромные стволы цветущих опунций и кусты агавы), по-видимому, импонировала императрице.

Своеобразной иллюстрацией произведения кисти С. Воробьева может служить описание Ольги Николаевны: «Вид, который открывается при подъеме, заставляет чаще биться сердце. Красные скалы вблизи, вдали синева моря, между ними апельсиновые рощи и темные кипарисы, выделяющиеся на фоне серых маслин»[18]. Отметим, что великая княжна получила неплохое художественное воспитание. Ее учителем рисования был известный баталист А.И. Зауервейд, занимавший должность придворного живописца. Ольга Николаевна охотно рисовала, писала маслом, копировала эрмитажные подлинники. Будучи художницей-дилетанткой, она не оставила упоминаний о своих сицилийских этюдах или о работе на

пленере. Однако в ее мемуарах мы находим очень точные и вполне живописные описания природы Сицилии, особенности южного освещения. Например, «солнце было близко к закату, и окружающие горы ясно обрисовывались на вечернем небе: темно-синие в розовом освещении, которое, казалось, заливало весь край, лежащий у наших ног»[19].

Вместе с С. Воробьевым «находился в это время в Палермо, при императрице Александре Федоровне, на вилле гр. Бутеры»[20] его отец **Максим Никифорович Воробьев** (1787–1855). Современник отмечал, что руководитель пейзажного класса ИАХ был приглашен «для снятия карандашами видов, из которых впоследствии, для Ея Величества, составлен был превосходный альбом»[21]. В 1845 г. профессор М.Н. Воробьев отправился в Италию, где ему не приходилось бывать раньше. Три путевых альбома художника в собрании Третьяковской галереи позволили определить маршрут и даты этого путешествия. 9 октября М. Воробьев выехал в Неаполь, далее его путь лежал на Сицилию, где ждал его сын. В середине октября 1845 г. Максим Воробьев прибыл в Палермо. В письме А. П. Брюллову от 1 ноября он писал: «Теперь я в Палермо уже почти две недели. Всякий день вижу Monte Piligrino [Pellegrino][22] и буду еще ее видеть месяца два слишком. Я с сыном моим, он занят работой по препоручению Государя, он его очень полюбил за его прелестное собрание рисунков, и надо правду сказать, мило рисует, сильно, умно и с большим вкусом. Молодец, сердце мое порадовалось»[23].

Надо отметить, что такая высокая, но не совсем объективная оценка творчества собственного сына отмечалась еще современниками. «М.Н. Воробьева ученики не любили за его лицемерие и двоедушие, – вспоминал художник П.П. Соколов, – Солнцев жаловался на него за то, что он, желая выдвинуть по академии одного из своих сыновей, отстранил от получения медали в пользу своего сына, бывшего его конкурентом»[24]. Сицилийское пребывание рядом с императорской семьей сказалось на дальнейшей карьере С. Воробьева[25]. На Сицилии Максим и Сократ Воробьевы вместе ходили на этюды. Так, акварельное изображение «Башни в окрестностях Палермо» в альбоме М. Воробьева встречается на альбомном



**М. Воробьев. Палермо. 1846.**
**Бумага, графитный карандаш. ГТГ**



**М. Воробьев. Вид с башней. Палермо.**
**1846. ГТГ**



М. Воробьев. Итальянский вид ночью. Маяк в Палермо. Холст, масло. 1847. ГТГ



М. Воробьев. Прибытие императрицы Александры Федоровны
в Палермо в 1845 году. 1845. Эскиз. Картон, масло. ГТГ

рисунке С.М. Воробьева, датированном 1846 г. В одном из писем М. Воробьев отмечал, что в Палермо «изобильное гулянье глазам, какое лакомство художникам». Однако отец и сын Воробьевы не ограничивались красотами Палермо, они побывали в городках Монреале, Джирдженти, Багерия.

Виды Сицилии, исполненные М. Воробьевым в технике графитного карандаша, иногда подсвеченного акварелью, чрезвычайно разнообразны. Среди них – архитектурные ведуты («Площадь св. Терезы в Палермо», «Городская площадь. Сицилия», «Улица Толедо в Палермо», «Мост Аммирале [Аммиральо] в Палермо», «Городок в Сицилии»), сельские пейзажи («Гора Серра-ди-Фалько», «Итальянский пейзаж с виллой на берегу») и марины («Прибой», «Рыбачьи лодки в бухте», «Галерея над морем в монастыре Санта Мария ди Джезу»). В качестве парных изображений можно рассматривать два листа – «Дорога в Оливуццу» и «Дорога к францисканскому монастырю Санта Мария ди Джезу» (1846, оба – в ГТГ). Оба рисунка одного размера, вертикального формата, а композиция так продумана, что они дополняют друг друга. Несмотря на больную, ранее парализованную руку, М. Воробьев достаточно свободно заносил свои художественные впечатления. Особенность его живописного почерка – использование округлых миниатюрных, похожих на запятые, линий.

Воды Тирренского моря, отличающиеся особой прозрачностью, богатством оттенков и красотой, привлекли внимание М. Воробьева. Морские этюды в его альбоме носят вспомогательный характер, неслучайно наряду с зарисовками присутствуют надписи. Для памяти художник прямо на листе поверх изображения записывал характерные особенности цветовых сочетаний и оттенков. Например, «к горизонту сине-зеленоватый», «к берегу мутно-синий».

Цель пребывания Александры Федоровны в Палермо полностью оправдалась. «Мама́ поправилась так, – писала Ольга Николаевна, – как давно этого уже не было: она прибавила в весе, плечи и руки стали такими полными, что она снова могла показаться с короткими рукавами. Ее веселость росла с силами, которые позволяли ей снова вести ее обычную деятельность. Как я была счастлива быть при

ней, как я наслаждалась каждым моментом, в который она еще принадлежала мне!»[26]. Радостное времяпрепровождение царской семьи запечатлела картина «Прогулка в Палермо» (1846, ГМЗ «Царское Село») кисти Франца Людвига Кателя (1778-1856)[27]. На холсте изображен вид широкой набережной в сторону Монте Пеллегрино. Справа в углу – группа сицилийцев, прямо на парапете разделывающих дары моря. Рядом – задремавший мальчик, торговец фруктами. Прямо на зрителя движется портшез, запряженный осликами, сопровождаемый всадниками и всадницей. Можно предположить, что внутри – императрица Александра Федоровна, а всадники – великий князь Константин, великая княжна Ольга и, возможно, ее жених герцог Карл Вюртембергский. С большой наблюдательностью представил Ф. Катель забавные сценки палермской жизни: шествие рыбаков, несущих под барабанный бой огромную рыбу-меч, маленьких осликов, нагруженных тяжелой поклажей, да еще и восседающими на них «веттуринами», местных собак.

Интересна история бытования произведения Ф. Кателя. Привезенное из Палермо в Петербург полотно поместили в Мраморную гостиную Александровского дворца, что подтверждается акварелью Л. Премацци (1854, ГМЗ «Царское Село»). «Прогулка в Палермо», напоминающая императрице о счастливом времени, находилась в ее личной коллекции до конца дней Александры Федоровны. После кончины императрицы в 1861 г. произведение перешло по наследству Константину Николаевичу, которому этот сюжет был также дорог и навевал воспоминания о беззаботных днях молодости. Картина кисти Ф. Кателя украшала Мраморный дворец, резиденцию великого князя. В 1874 г. Вера Константиновна, вышедшая замуж за герцога Евгения Вюртембергского, получила это полотно в качестве приданого и увезла его с собой в Германию. Долгие годы о судьбе «Прогулки в Палермо» ничего не было известно. В 2011 г. произведение «возникло» в Вене на аукционе Доротеум и было приобретено для ГМЗ «Царское Село». Так через 150 лет картина возвратилась в Россию.

«Синие, солнцем пронизанные дни, следовали один за другим, – вспоминала свое пребывание в Палермо Ольга Николаевна, – такие



**М. Воробьев. Прибой. 1845.
Лист из альбома. Бумага, графитный карандаш,
акварель. ГТГ**



**М. Воробьев. Море. 1845.
Лист из альбома. Бумага, графитный карандаш,
акварель. ГТГ**



П. Орлов. Итальянский пастушок. 1846. Дерево, масло. Частное собрание



П. Орлов Девушка с тамбурином. Ок. 1846. Дерево, масло. Частное собрание



А. Боголюбов. Придорожный крест по дороге в монастырь S. Maria di Jesu [Gesù]. 1855 . Бумага на картоне, масло. ГРМ



Ф.Л. Катель. Прогулка в Палермо. 1846. Холст, масло. ГМЗ «Царское Село»

светлые и легкие; часы следовали за часами, без того, чтобы быть однообразными, и ко всему этому моральное и физическое самочувствие, вызывавшее радость бытия, согревавшее как ласковый огонь»[28]. В таком мечтательно-счастливом настроения запечатлел ее русский живописец **Пимен Никитич Орлов** (1812-1865), пенсионер ИАХ в Италии, приглашенный на Сицилию. В Палермо он исполнил «Портрет Ольги Николаевны» (1846, ГМЗ «Петергоф»).

Великая княжна представлена на балконе виллы на фоне морского залива и бананового дерева. На ней – белое кисейном платье, в руках – легкая соломенная шляпка. Портретист подчеркнул тонкий профиль великой княгини, нежный овал ее лица и несколько анемичный взгляд светло-серых глаз. По нашему мнению, портрет не относится к удачам П. Орлова. Нам неизвестно отношение великокняжеской модели к этому изображению, однако произведение Ольга Николаевна не взяла с собой в Вюртемберг, а оставила на родине. На Сицилии П. Орлов написал для приближенных императрицы ряд портретов и картин, относящихся к так называемому «итальянскому жанру». Таковы «Мальчик-пиффераро» и «Девушка с бубном» (частное собрание за границей), запечатлевшие миловидных юношей и девушек.

В декабре М. Воробьев еще находился в Палермо, выехав из города около 26 января 1846 г.[29] До апреля месяца художник прожил в Риме, а затем возвратился в Петербург. Поездка М.Н. Воробьева в Италию и на Сицилию, в частности, дала мощный толчок для дальнейшего творчества живописца. Н. Рамазанов писал, что «в мастерской старого телом, но молодого душой художника заплескали волны Средиземного моря, выросли камни прибрежий Сицилии, поднялись горы Пеллегрино, Этна, Везувий»[30]. Расширилась не только тематика творчества М. Воробьева. По возвращении «в почерке мастера появился молодой энтузиазм и дополнительная смелость мазка, свобода обращения с большими цветовыми массами, эмоционально выразительные качества колорита»[31].

В Петербурге было исполнено живописное полотно «Прибытие императрицы Александры Федоровны в Палермо в 1845 году» (1847, ранее Киевский музей русского искусства[32]). В основе карти-

ны положен натурный эскиз (1845, ГТГ). Исполненный на картоне он долгое время хранился в семье С. Воробьева, в 1891 г. был приобретен П.М. Третьяковым у Э.З. Маевского из Литвы. Несмотря на небольшой размер этюда, пространству неба и моря уделено значительное внимание. Лишь слева появляется гряда Пеллегрино, а на переднем плане – часть набережной, заполненная жителями Палермо. «Улица и гавани была покрыта народом, – писала Ольга Николаевна. – Люди махали с крыш и балконов. Тысячи маленьких лодок, шлюпок и пароходиков крутились в гавани, и люди с них долго кричали нам вслед благодарные пожелания. Мы были глубоко тронуты таким участием, которое принес нам чужой народ по собственному желанию»[33].

Одним из результатов сицилийской поездки М. Воробьева стала картина «Итальянский вид ночью. Маяк в Палермо» (1847, ГТГ). Она экспонировалась на выставке ИАХ в 1849 г. Художественный критик В.П. Гаевский в своем обзоре привел название «Маяк в Палермо и вдали мыс Заварано ночью», тем самым конкретизировав изображенную местность[34]. Интересно сравнить натурный рисунок «Маяк в Палермо» (1845, ГТГ) из путевого альбома М. Воробьева и станковую картину. Рисунок графитным карандашом расположен на двух листах и охватывает значительную часть пространства. На переднем плане – парусник и рыбачьи лодки, многочисленные фигурки. В картине же художник отказывается от передачи деталей и подробностей. Он четко выстраивает композицию, а главное внимание уделяет передаче световых эффектов. Холодный блеск восходящей луны сопоставлен с ярким пламенем фонаря. Ночной пейзаж подчеркивает атмосферу таинственности, столь притягательную для художника романтического направления.

В середине XIX столетия Сицилию посетила целая группа русских художников, в числе которых был бывший морской офицер **Алексей Петрович Боголюбов** (1824-1896). Успешно закончив ИАХ, он получил право на пенсионерскую поездку в Италию. Вот как Боголюбов описал свое пребывание там летом 1855 г.: «Я, Чернышев[35], Баскаков и Клагес[36] решили ехать в Палермо, а Лаго-

рио поехал нас ожидать в Сорренто, где решили собраться для этюдов. Хотя и в Неаполе была холера, но еще не сильная, а в Палермо мы ее застали в полном разгаре. Мы переехали почти на край города, в место более покойное и чистое, и начали свои поделки, но не бойко. Жара стояла такая убийственная, что только с 5 часов утра до 10 можно было работать или от 5 до 7 вечера. Я более всего ездил на Монте Пел[л]егрино – это чудный утес, похожий на каравай по форме, с которого вид на Палермо очарователен. Сделал этюд грота св. Розалии с прорывом через арку на город, работал также в порту, тогда как товарищи мои ездили в Монреале и писали с этой дивной греческой базилики, едва ли не самой искусной и богатой во всей Европе»[37].

Пребывание в Палермо, хотя и небезопасное из-за эпидемии холеры, оказалось для А. Боголюбова-художника всё же весьма благотворным. «Несмотря на жар, – отмечал живописец, – я здесь порядочно поработал – написал до двадцати этюдов и много сделал рисунков, которые впоследствии мне сильно послужили»[38]. Действительно, сохранились небольшие живописные этюды, выполненные на картоне, кисти А. Боголюбова – «Придорожный крест по дороге в монастырь S. Maria di Jesu [Gesù]»[39] и «Грот Святой Розалии в Палермо» (оба – 1855, ГРМ). В первом случае художника интересует не столько монумент с крестом[40], а состояние природы во время полуденной жары, когда солнце находится в самом зените. А. Боголюбов вспоминал, что в Италии ему прежде всего «хотелось изображать солнце»[41]. Как художнику ему были близки представители французской пейзажной школы, предшественники импрессионистов. Во втором – напротив живописец пишет пространство грота, почти полностью погруженное в темноту.

Его описание оставила Ольга Николаевна: «В этот грот, как рассказывает легенда, святая Розалия, покровительница Палермо, бежала в день своей свадьбы. Она посвятила свою девственность Жениху Небесному и готова была потерять трон, лишь бы сберечь душу. Статуя Святой стояла в гроте, вокруг нее приношения паломников, на ее шее был надет Мальтийский крест на черной ленте»[42].

Прожив в Палермо около трех недель, Боголюбов и Чернышев отправились в Мессину морем. Пережив изрядную и опасную качку, пароходик с художниками благополучно добрался «до мыса, обогнув который, увидели Мессину и калабрийский берег, а за ним, вдруг, выскочил пик Этны, убеленный снегом, несмотря на то, что из нее валил дым. Нас отвезли в гостиницу около собора, весьма порядочную, хотя скромную. На другой день был канун праздника св. Богородицы»[43]. Через три дня, насладившись праздничными развлечениями, друзья отправились в Таормину и Катанию. А.П. Боголюбов восхищенно описал тамошние красоты: «я, скажу, был поражен величием этой природы. Развалины храма Таурмино [sic] тоже замечательны. Мы здесь прожили четыре дня и, побывав в Катании и повидав Дионисово ухо в Сиракузах, вернулись в Мессину, где, поработав две недели, отплыли в Неаполь и Сорренто. По дороге кратер Стромболи сильно бушевал, да, впрочем, как говорят, он всегда задорен, даже когда Везувий и Этна покойны»[44].

Если пейзажист А.П. Боголюбов писал видовые этюды природы, достопримечательности острова, то его товарищ **Алексей Филиппович Чернышев** обратился к бытовому жанру. Будучи способным учеником ИАХ, он прославился «домашними сценами из простого быта». На Сицилии художник также оставался верен своим пристрастиям. «В Мессине А.Ф. Чернышев, проходя по улицам, наткнулся на лавку. Тут происходила забавная сцена. Около дверей лавки на улице, у хозяина на коленях, был растянут молодой кот. Со слезами придерживала его хозяйка – рядом стояли девочки-дочери; припав на колени, поп в сутане производил операцию холощения кота. Чернышев ловко начертил всю группу и в дней пять, благодаря услужливым хозяевам и даже попу, написал очень милую картину с натуры, которую продал в нашей гостинице какому-то американцу за триста скуди. Я думаю, что это была лучшая его вещь, ибо была схвачена из жизни без всяких условных композиций»[45]. Мы намеренно привели столь пространное описание произведения, местонахождение которого остается неизвестным. Возможно, работа кисти русского мастера до сих пор хранится где-то за океаном в частных

руках. Надеюсь, что со временем, она возникнет из небытия и займет достойное место в художественном наследии А.Ф. Чернышева.

Произведения русских художников XVIII – первой половины XIX вв. с видами Сицилии навсегда остались памятниками своего времени. Созданные талантливыми мастерами, они чутко уловили образ этого южного острова, омываемого тремя морями, особенности его климата и растительности, ритм его повседневной жизни. Беглые рисунки карандашом и тушью в путевых альбомах, тонкие акварели и живописные полотна, исполненные в мастерской – все они дают возможность современному зрителю почувствовать, как прекрасно жить «под пленительным небом Сицилии» (Н.А. Некрасов).

---

[1] Сон юности. Записки дочери императора Николая I великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж. 1963. С. 175. (Переизд. в: Николай Первый: муж, отец, император / Сост. Н.И. Азарова. М.: «Слово/Slovo», 2000. С. 174-329. – *Прим. ред.*)

[2] РГИА. Ф. 789. Оп. 1. Ч. 1. Ед. хр. 1060. Л. 2.

[3] *Бедретдинова Л.М.* Иоганн Фридрих Рейфенштейн и Санкт-Петербургская Императорская академия художеств (по материалам дела в РГИА) // Иностранные мастера в Академии художеств. М., 2007. С. 44.

[4] Составители каталога справедливо отмечали, что картина написана не с натуры, а по существующим изображениям. Сведений о пребывании Ф. Алексеева в Неаполе не обнаружено. См.: ГТГ. Живопись XVIII века. Каталог собрания. Т. 2. М., 1998. С. 29.

[5] Федор Алексеев и его школа. К 250-летию со дня рождения художника. М., 2004. С. 40.

[6] Федор Матвеев. Путешествие по Италии: Альбом. М., 2008. С. 139. № 3.

[7] *Федоров-Давыдов А.А.* Русский пейзаж XVIII – начала XX веков. М., 1986. С. 63.

[8] Сильвестр Щедрин. Письма из Италии / авт. вступ. ст. и прим. А.М. Эфрос. М.-Л., 1932. С. 68-69.

[9] *Урванов И.* Краткое руководство к познанию рисования и живописи исторического рода, основанному на умозрении и опытах. СПб., 1793. С. 4.

[10] *Норов А.С.* Путешествие по Сицилии в 1822 году. Ч. 2. СПб., 1828. Между с. 192-193.

[11] *Калугина Н.А.* Итальянские альбомы Александра Брюллова // Третьяковские чтения 2010-2011: Материалы отчетных научных конференций / Под. ред.

Л.И. Иовлевой. М., 2012. С. 426; *Кислякова Н.* График Александр Брюллов. Начало карьеры портретиста // Мир музея, №5, 2004. С. 13.

[12] Львов Александр Николаевич (1786-1849), сын архитектора Н.А. Львова, участник Отечественной войны 1812 г.

[13] Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Рисунок XIX века. Т. 2. Кн. 1 А-В. 2007. С. 207.

[14] *Раев В.Е.* Воспоминания из моей жизни / Пред., общая ред. и прим. М.М. Раковой. М., 1993. С. 173.

[15] Княгиня В.П. Бутера, урожд. княжна Шаховская. В Зимнем дворце находилась картина «Арко Скуро и разные виды виллы Бутера, в Палермо» кисти Альберта Даниловича Жамета (1821-1877), ученика М.Н. Воробьева. В конце 1840-х – начале 1850-х и в 1860-е гг. Жамет был в Италии, однако посещал ли он Сицилию, достоверно неизвестно.

[16] Сон юности. Записки дочери императора … cit. С. 174.

[17] *Погодина А.А.* В тени отца. Молодой Сократ Воробьев (1817-1888); цит. в: *Болтаевская Т.И.* Художники М.Н. и С. М. Воробьевы и их значение в контексте истории русского искусства XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2012.

[18] Сон юности. Записки дочери императора … cit. С. 176.

[19] Там же. С. 181.

[20] *Погодина* … cit. С. 149.

[21] *Рамазанов Н.* Воробьев Максим Никифорович // Материалы для истории художеств в России. Кн. 1. М., 1863. С. 31. Рамазанов Николай Александрович (1815-1867), скульптор, историк искусства, преподаватель МУЖВЗ. Жил на Сицилии летом 1844 г.

[22] В отделе графики ГРМ хранится акварель М.Н. Воробьева «Палермо. Монте-Пеллигрино [sic]» // Свет Италии. Сильвестр Щедрин и его современники. Живопись, рисунки и акварели из собрания Русского музея. Сорренто. 2007. Ил. 92.

[23] ОР ГРМ. Ф. 31 (Брюлловых). Ед. хр. 56. Л. 8. Цит. по: *Погодина А.А.* Все дороги ведут в Рим. Из путевых записок Максима Воробьева // Русское искусство. 2011. № 2. С.149.

[24] *Соколов П.П.* Воспоминания. Л., 1930. С. 218.

[25] По возвращении в Петербург, в 1846 г. художник был удостоен звания академика, а в 1847 г. снова уехал в Италию – на два года, «для написания картин» на средства Кабинета Его Императорского Величества.

[26] Сон юности. Записки дочери императора... cit. С. 184

[27] Художник был представлен Николаю I во время пребывания императора в Риме. Он посетил большую выставку, в которой наряду со многими русскими и иностранными художниками принимал участие и Ф.Л. Катель. После осмотра выставки, Николай I заказал немецкому художнику картину «Прогулка в Палермо».

[28] Там же. С. 177.

[29] *Погодина А.А.* Указ. соч. С. 150; *Смирнов Г.В.* Максим Никифорович Воробьев. 1787-1855. М.-Л., 1950.
[30] *Рамазанов Н.* Указ. соч. С. 33.
[31] *Погодина А.А.* Указ. соч. С. 151.
[32] Произведение пропало во время Великой Отечественной войны; см.: Киевский музей русского искусства. Каталог. Киев, 1994. С. 39.
[33] Сон юности. Записки дочери императора… cit. С. 185.
[34] *Гаевский В.П.* Выставка в Императорской академии художеств. Октябрь 1849 // Современник, 1849. Т. 18, отд. 2. С. 74.
[35] Чернышев Алексей Филиппович (1824-1863), живописец, акварелист. Жанрист, писал портреты. В 1849 г. получил звание придворного рисовальщика. В 1853-1860 гг. – пенсионер ИАХ. Друг А.П. Боголюбова, исполнил несколько его портретов-карикатур (Саратовский художественный музей им. А.Н. Радищева). Скончался от душевной болезни.
[36] Клагес Федор Андреевич (1814-1900), живописец перспективных видов и архитектор. С 1851 г. в течение десяти лет находился за границей. Путешествуя по странам Европы (Германии, Италии, Греции), уделял большое внимание изучению памятников античной архитектуры.
[37] *Боголюбов А.П.* Записки моряка-художника // Специальный номер (№№2-3) журнала «Волга», 1996. С. 57.
[38] Там же. С. 58.
[39] Viaggio in Italia. La veduta italiana nella pittura russa dell'800. Milano, 1993. P. 90.
[40] Тот же самый мотив встречается у Ф.А. Бронникова (1827-1902) в эскизе «Монумент. Палермо», 1850-1869 гг.; см.: Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева. Русская живопись XVIII – начала XX века. Каталог. Т. 1. М., 2004. С. 143.
[41] *Боголюбов А.П.* Указ. соч. С. 55.
[42] Сон юности. Записки дочери императора… cit. С. 176.
[43] *Боголюбов А.П.* Указ. соч. С. 59.
[44] Там же. С. 60.
[45] Там же. С. 60.

Ирина Пащинская

# ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ В ПАЛЕРМО

Императрица Александра Федоровна, супруга Николая I, как и большая часть просвещенных европейцев того времени, всегда мечтала совершить путешествие в «страну счастья». Увлечение Италией, ее историей и настоящим, ее культурой и природой, было общеевропейской традицией XVIII-XIX вв. Как и для многих современников, это путешествие должно было бы стать главным в ее жизни. Родные и друзья императрицы бывали на Аппенинском полуострове. Она же только мечтала… Мечтала, читая Гёте, Шиллера, Жан-Поля, Шатобриана, де Сталь, Байрона, Шелли и Китса, Бульвер-Литтона, многие из произведений которых были своеобразными путеводителями по Италии, мечтала, знакомясь с трудами Б.Г. Нибура, выдающегося немецкого историка античности. Но с годами стало казаться, что страстная мечта о путешествии на Аппенинский полуостров так и останется мечтой.

Поездка в Италию оказалась связанной с крайне печальным событием в жизни императорской семьи. В 1844 г. скоропостижно скончалась от туберкулеза младшая дочь супругов – Александра. Из-за тяжелейших переживаний здоровье императрицы резко ухудшилось. На поездке Александры Федоровны на Сицилию решительно и единолично настоял доктор Мартин Мандт, которого не поддерживали ни русские, ни берлинские врачи. Мнение Мандта было, как всегда, законом для государя.

Солнце, море, тепло, зелень парков, садов, лесов, рощи цветущих цитрусовых, миртовых, оливковых деревьев, замечательные виды, памятники древней истории – всё это должно было оказать, по мнению доктора, благотворное действие на здоровье и душевное состояние Александры Федоровны.

Подготовка к этой поездке длилась более полугода. Было решено, что вместе с Александрой Федоровной отправится дочь Оль-

га, а на Сицилии к императрице присоединятся брат – прусский принц Альбрехт, сестра – герцогиня Мекленбург-Шверинская Александрина и, на некоторое время, сын – великий князь Константин. Путь был дальним, путешественникам пришлось пересекать границы многих государств. Большую часть дороги они провели в карете, только в некоторых местах Германии воспользовались новым видом транспорта – железной дорогой, из Генуи в Палермо добрались морем. Путь пролегал через Кёнигсберг, Берлин, где императрица сделала остановку для свидания с родственниками и отдыха. Далее путь шел на юг, через Нюрнберг, Аугсбург, Инсбрук. Неделю Александра Федоровна с дочерью и свитой провели на вилле Карлотта на озере Комо. В Милане путешественниц догнал император Николай, который решил сопровождать супругу до Палермо. Уже путь по северу Италии от перевала Бреннер до Генуи совершенно улучшил состояние путешественницы[1]. Биограф императрицы А.Т. Гримм отметил: «Даже самое начало этого предприятия было увен-



**Императрица Александра Федоровна.
Гравюра Дж. Ди Джованни. 1846**



**Император Николай I.
Гравюра Дж. Ди Джованни. 1846**

чано заметным успехом: императрица ожила, как только Альпы остались позади, а в Генуе император примирился с повелительным доктором. Вечно занятый монарх обрел здесь другое настроение, его нахмуренный лоб разгладился на итальянском воздухе». Он же писал: «Государыня давно ознакомилась со страною усердным чтением, но всё же то, что представилось, превзошло все ее ожидания». 10(22) октября путешественники прибыли в Палермо. Биограф записал, что государь поблагодарил Мандта за совет. Путешествие было окончено благополучно, и он не мог не сознаться, что в Сицилии небо яснее и воздух мягче в октябре, чем в Петергофе посреди лета[2].

Из-за того, что императрица плохо перенесла путь морем, император отменил все церемонии и поэтому о прибытии высоких гостей, к которому готовились палермские власти, не было извещено, как предполагалось, пушечными выстрелами и колокольным звоном[3].

Через несколько часов после прибытия, простившись с представителями власти, которые поднялись на борт судна, чтобы приветствовать гостей от имени короля, императорская семья сошла на берег. Гости были встречены российским гимном, исполненным ротой королевской гвардии. Затем, поднявшись в открытую карету, запряженную четырьмя лошадьми, следуя за шедшими впереди барабанщиками и пятнадцатью экипажами позади, они направились прямо в Оливуццу[4].

Свою виллу для пребывания императрицы предоставила княгиня Варвара Шаховская, вдова князя Бутера. Вилла не относилась ни к самым большим, ни к самым красивым, но всё же внутри была оборудована удобно, на северный манер[5]. Она была построена французским архитектором Монтье для Катерины Бранчифорте, княгини Бутера[6]. После кончины владелицы вилла перешла в собственностью ее супруга, саксонца Георга Вилдинга[7]. Его второй женой в 1835 г. стала Варвара Шаховская, именно ей принадлежала вилла после смерти мужа в 1841 г. Незадолго до появления императорской семьи в Палермо княгиня обустраивала виллу для сына, перед приез-

дом высоких гостей здесь были проведены дополнительные работы по проекту петербургского зодчего Г. Боссе.

Один из путешественников, побывавший в Палермо в то время, так писал о вилле Бутера: «Кто хочет наслаждаться совершенством всех красот природы, высотами садового искусства, квинтэссенцией всей грацией цветов, так же как и роскошным изобилием наиболее счастливой из стран, какая может быть предложена человеку, должен посетить виллу Бутера в Оливуцце в полном роскоши мае»[8]. Другой путешественник отмечал, что дом и сад отличаются вкусом и элегантностью, они – радость страстного ботаника князя Бутера[9].

Газеты сообщали, что из-за плохой погоды в тот день Александра Федоровна «не смогла осмотреть очаровательный дворец и не менее восхитительный примыкающий к нему парк, однако она выходила на террасу перед ее комнатой»[10]. «Апартаменты императрицы были украшены необыкновенными украшениями из цветов; вокруг дома – сад средних размеров, цветущий даже в зимние месяцы. Ни одно дерево не сбросило своего украшения, все они были



**Вилла Бутера в Оливуцце близ Палермо. Из газеты «Иллюстрация». 1845**

детьми юга и казалось, что вечная весна вышла навстречу высокой гостье с севера»[11]. Император осмотрел этот сад и «неоднократно выражал самым лестным образом свое удовольствие за старательное устройство дворца княгини Бутера и за распоряжения, сделанные для приема»[12].

На вилле рядом с членами семьи жили только несколько фрейлин. Остальные сопровождающие поселились на любезно предоставленных виллах герцогов Серрадифалько и Монтелеоне, а также в гостинице «Тринакрия» на Форо Борбонико у берега моря. Вместе с императором в Палермо прибыл канцлер граф Карл Васильевич Нессельроде, начальник Третьего отделения и шеф жандармов генерал-адъютант граф Алексей Федорович Орлов, начальник Главного Морского штаба князь Александр Сергеевич Меншиков, генерал от инфантерии Владимир Федорович Адлерберг и другие сопровождающие[13]. Николай Павлович продолжал напряженно работать и дважды в неделю курьеры доставляли из Петербурга такие дела, которые требовали личной резолюции императора[14].

В свите императрицы состояли статс-дама княгиня Е.В. Салтыкова, фрейлины графиня Е.Ф. Тизенгаузен, В.А. Нелидова, В. Столыпина, А.А. Окулова, граф Апраксин и гоф-маршал, вице-президент придворной конторы граф Андрей Петрович Шувалов. Царскую семью сопровождали и другие члены свиты, секретари, прислуга, песенники, казаки, пекари, священник. В сопровождающие к императрице был также назначен чрезвычайный посланник и полномочный посол в Пруссии барон П.К. Мейендорф. В Палермо прибыл российский дипломат при неаполитанском дворе граф М.И. Хрептович с женой, дочерью канцлера Нессельроде. В Палермо из Неаполя приезжал и чрезвычайный посланник и полномочный министр России при дворе короля Обеих Сицилий граф Л.С. Потоцкий.

Герцог Доменико Ло Фасо Пьетрасанта Серрадифалько (иначе Серра ди Фалько) – государственный деятель, историк и археолог, автор фундаментальных работ о древних памятниках Сицилии по поручению короля Обеих Сицилий, в связи с тем, что король не мог постоянно находиться в Палермо, исполнял роль хозяина для

высоких гостей. Он любезно предоставил гостям не только свою виллу, но и сад, примыкавший к небольшому саду виллы Бутера, который герцог с любовью и тщанием создавал несколько десятков лет. Все его уголки были наполнены образами и смыслами, понятным образованным путешественникам. Описание сада герцога было включено в путеводители того времени наряду со знаменитыми древними памятниками Палермо. Один из авторов указывал, что в саду есть лабиринт, водные затеи и «превосходные восковые фигуры трех обезьян в маленьком Эрмитаже», выглядевших как живые. Другой также писал о небольших сюрпризах, в частности, о фигурах, движимых силой воды, о фонтанах, выполняющих роль ванн. Автор немецкого путеводителя описывает виллу герцога в Оливуцце, перестроенную им в арабо-норманнском стиле, и пейзажный парк в самых восторженных выражениях. В книге упоминается о богатой библиотеке виллы, редчайших южных растениях, прудах, фонтанах. Автор пишет, что сад был устроен таким образом, что точно расположенные объекты и «неожиданности» создавали мелодию своеобразного садового скерцо. Два эти рядом расположенных сада доставляли подлинное наслаждение путешественникам. В саду виллы Бутера путешественники по просьбе княгини Шаховской посадили деревья на память об их пребывании в Палермо: Николай Павлович – «оранжевое», Александра Федоровна – «коралловое»[15], а Ольга Николаевна – пальму. Позже, уже готовясь к отъезду, императрица захотела взять с собой в Петербург несколько апельсиновых деревьев из этого сада, чтобы они напоминали ей об этом чудном месте. Деревца были доставлены в Россию морем и позже зимовали в петергофских оранжереях; летом их выставляли на открытом воздухе близ Коттеджа в Александрии[16].

Ольга Николаевна отмечала, что «наше посольство в Неаполе делало всё для того, чтобы Мамá чувствовала себя в Палермо как дома. Из России выписали печи и печников, которые их ставили, русские пекари выпекали наш хлеб, ничто не должно было напоминать Мама, что она вдалеке от России. У нас была православная часовня[17] и священник, дьякон и певчие с Родины. Если

бы не солнце и то неописуемое чувство счастья, которое охватывает нас, людей севера, при виде моря, света и синевы, можно было бы думать, что мы дома»[18].

Николай Павлович и Ольга начали свое знакомство с городом уже на следующий день после прибытия. Одним из первых официальных мероприятий было приглашение к императорскому столу «здешнего начальства». Как писали газеты, «всё происходило без пышности» и приглашенные были во фраках[19] – отказом от церемонии встречи и особо подчеркнутой скромностью первого приема император определил почти частный, насколько это было возможно, характер пребывания в Палермо.

Соблюдать такой «формат» было непросто, совсем обойтись без официальных церемоний было невозможно. В Палермо на сардинском королевском пакетботе «Икуза» прибыли, отправившиеся с императорской семьей в качестве сопровождавших из Генуи, сыновья короля Сардинии Карла-Альберта – герцог Савойя-Кариньянский, будущий король объединенной Италии Виктор-Эммануил, и его младший брат Фердинанд Савойский герцог Генуэзский[20]. Несколькими днями позже для встречи с императорской четой в Палермо прибыл неаполитанский король Фердинанд II с графами Луиджи Карло Аквила и Франческо Луиджи Эмануэле Трапани. Вместе с ними была и супруга Луиджи Карло, графиня Аквила[21].

В газетах сообщалось, что когда Николай Павлович узнал о прибытии короля Обеих Сицилий Фердинанда II, он отправился в Королевский дворец. Король был извещен, что император находится во дворце и именно там произошла их первая встреча.

Король Фердинанд II устроил для гостей завтрак на вилле Фаворита. В знак уважения к гостям, он с графом Аквила и его супругой и графом Трапани отправился в Оливуццу за императорской фамилией. После завтрака состоялась прогулка «по очаровательному саду и парку виллы». На следующий день, по сообщению прессы, император занимался делами на вилле Оливуцца, а Александра Федоровна с Ольгой Николаевной и дамами своей свиты в

сопровождении герцога Serрадифалько осматривали замечательные церкви Палермо[22].

Для короля устраивались завтраки на вилле Бутера и на борту «Камчатки», российского судна, на котором императорская семья прибыла в Палермо. Вместе с королем император и Ольга Николаевна посетили Багерию, где был приготовлен завтрак в доме маркиза ди Форчелла, на вилле князя ди Каттолика[23].

В честь пребывания высокого гостя были устроены большие маневры у подножия Монте-Пеллегрино, в которых принял участие весь палермский гарнизон – четыре пехотных полка, три эскадрона драгун и четыре артиллерийских батареи[24].

Первые несколько дней по прибытии императорской четы в городе шли дожди. Но когда они закончились и в Палермо установилась прекрасная погода, «всё народонаселение, удерживаемое до этого в домах дождливою погодою, отправилось в Оливуццу. Почти недоставало места для экипажей, а перед дворцом, занимаемым императорскою фамилией толпилась бесчисленная толпа народа. Николай Павлович, Александра Федоровна, Ольга Николаевна и прибывший в Палермо младший брат императрицы прусский принц Альбрехт вышли на балкон и милостиво приветствовали собравшихся жителей»[25].

Прибывшая в Палермо императрица была очень слаба. Поначалу она редко покидала виллу, проводя почти целый день на террасе или в саду. Позже она стала совершать прогулки по городу и ближайшим окрестностям. Она осмотрела королевский замок, собор Монреале, храмы и монастыри города, виллу Фаворита с ее великолепным парком. Александра Федоровна побывала в саду виллы Джулии, восторженно описанной И.-В. Гёте: «В общественном саду, как раз около рейда, я провел в тишине самые приятные часы. Это удивительнейшее место в мире. Правильно расположенный, сад этот тем не менее представляется нам чем-то волшебным; незадолго здесь посаженный, он переносит нас к древним временам. <…> Вид этого чудного сада произвел на меня глубокое впечатление; темные волны на северном горизонте, их волнение на извилинах залива, даже этот особенный запах морских испарений –

всё это привело мне на память остров покойного Феака. Я тотчас поспешил купить экземпляр Гомера, прочел эту песнь с большою пользою…». «Итальянское путешествие» Гёте с этим описанием было с императрицей во время ее пребывания в Палермо. Не могла путешественница миновать и примыкавший к вилле Джулия Ботанический сад. Устроенный в конце XVIII в. на основе всех последних достижений науки, он почитался одним из лучших в Европе. Особо сильное впечатление на путешественников произвел собор в Монреале, поездки туда они совершали не один раз. Когда император увидел знаменитый собор в первый раз, он воскликнул, что только ради этого стоило приехать из Петербурга[26]. В окрестностях Палермо путешественники совершали также поездки в Санта Мария ди Джезу, древний монастырь у подножия горы Грифоне, где отшельником закончил свои дни в конце XVI в. св. Бенедикт «Мавр» (Манассери), откуда открывается замечательный панорамный вид на Палермо, в старинный монастырь францисканцев Санта Мария дельи Аньели, в королевскую резиденцию Боккадифалько, которую устроил в начале XIX в. будущий король Обеих Сицилий Франциск I в горах Байды. Там располагался ботанический сад, и вводились новые методы ведения сельского хозяйства и животноводства. Побывали путешественники и на вилле Бельмонте в Аквасанта. Последняя понравилась императрице: возник план, что весной она переедет для жизни у моря именно сюда.

Петербургские газеты отмечали, что «государыня императрица, проводящая большую часть времени в саду или на террасе, находящейся перед ее окнами, по-видимому, не нуждается во врачебном пособии, теплый климат имеет самое благоприятное влияние на здоровье ее величества»[27].

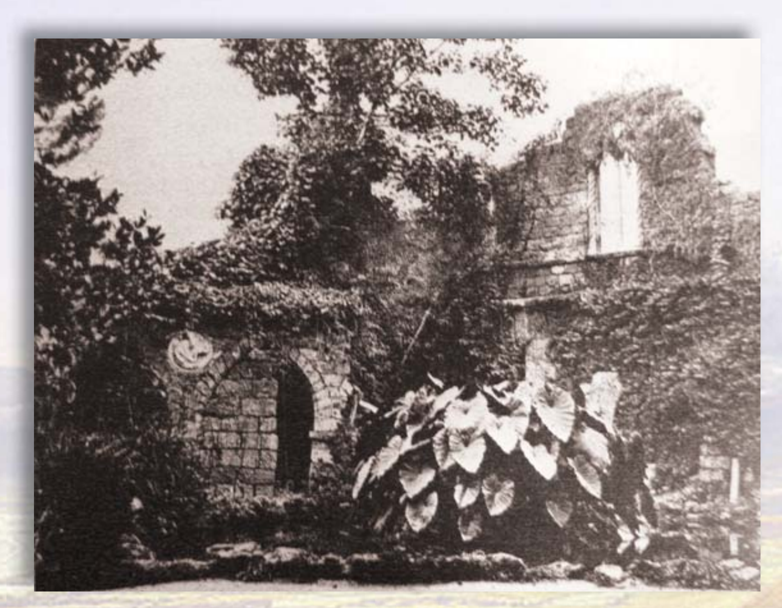
Биограф императрицы отмечал: «Таким образом, осуществилась для нее мечта, во всю жизнь не покидавшая ее. Она по часам засматривалась на Пеллегрино, красующийся всеми отливами перламутра, на темный бархат лугов, на золотой румянец померанцев, и, казалось, жила только воздухом и на воздухе. Когда наступали короткие южные сумерки и доктора принуждали ее возвращаться в комнаты, она повиновалась им с ропотом, как непослушное дитя, торгуясь



К. Гуммель. Клуатр бенедектинского монастыря в Монреале близ Палермо. 1847.
Холст, масло. ГМЗ «Петергоф»



Неизв. художник. Вид на Палермо. Перв. пол. XIX в. Гуашь. ГМЗ «Петергоф»



Сад виллы Serradifalco. Фото. Кон. XIX в.



С. Воробьев. Павильон Ренелла в Знаменке близ Петергофа.
Сер. XIX в. Акварель. ГМЗ «Петергоф»

из-за лишней четверти часа. <...> Кто видел ее при отъезде из России и теперь, в декабре, должен был сознаться, что она поздоровела и помолодела на десять лет»[28]. В честь визита высоких гостей устраивались приемы, обеды, балы, но императрицу от частого посещения такого рода мероприятий освобождало состояние ее здоровья. Сопровождавшие императрицу и члены свиты принимали участие в праздниках, которые проходили в городе. Когда в ноябре праздновались именины королевы матери, в честь этого события публика собралась в театре Каролина, а улица Толедо[29] и площадь Претории были иллюминированы. По приказу императора была празднично освещена и улица у виллы Бутера[30].

В одно из декабрьских воскресений в Оливуццу были приглашены управляющий провинцией маркиз Форчелла и претор Палермо дон Винченцо, барон ди Спедалотто, а также герцоги Серадифальско и Монтелеоне. Прием, сопровождавшийся весельем, продолжался по поздней ночи[31].

Как отмечал Гримм: «Удивительные силуэты гор, жаркий колорит, разлитый по всему ландшафту, рдеющие золотом апельсины и померанцы – всё невольно пленяло императора, и он искренне сожалел о краткости времени, которое ему можно было провести в этом раю»[32]. В газетах сообщалось, что императору чрезвычайно нравится в Палермо и время его отъезда несколько раз переносилось на более поздние сроки[33].

Он покинул Сицилию в начале декабря. Перед отъездом, по традиции, он пожаловал российские ордена и награды высшим должностным лицам Палермо – маркизу Форчелла, маркизу Спедалотто, а также государственному министру принцу Комитини за сопровождение работы по подписанию торгового договора с Россией. Награды были вручены и тем, кто предоставлял свои дома и оказывал помощь путешественникам – герцогам Серрадифалько и Монтелеоне, князю Джузеппе, и военным, принимавшим участие в смотре – герцогу Лаурино, генералам Провио, Кардамоне и Росси, полковнику Альданезе, Бусака, Салерни и другим, а также жандармам, организовавшим охрану порядка в Оливуцце. Был также награжден доктор Лонго, врач гражданского госпиталя Палермо, за

ассистирование докторам императрицы, и Гаэтано Фиаминго, по поручению княгини Бутера оказывавший всяческую помощь высоким гостям[34]. Палермскому врачу Дарио Батталья был пожалован перстень с бриллиантом за его труды по ранней диагностике туберкулеза[35] и за исправление им «цилиндра Леннака»[36].

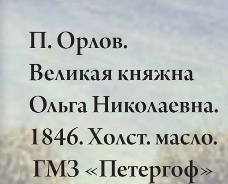
Император отправился в Петербург через Неаполь, Рим, Флоренцию, Болонью, Вену.

Незадолго до его отъезда, в конце ноября в Палермо из Генуи, на пароходе «Бессарабия» прибыла великая герцогиня Мекленбург-Стрелицкая, младшая сестра Александры Федоровны со своей дочерью[37]. Здесь же находился и принц Георг Прусский, племянник императрицы[38]. Родные императрицы также расположились в Оливуцце, рядом с виллой Бутера, и бóльшую часть времени сестры проводили вместе. Принц Георг стал спутником великого князя Константина Николаевича, тот в канун нового года прибыл в Палермо на корабле российской эскадры.

После отъезда императора общий характер жизни путешественников стал совсем домашним и размеренным. Это отвечало желанию императрицы и требованиям докторов. Гримм пишет, что императрица вставала в восемь часов утра, совершала маленькую прогулку по саду, завтракала на воздухе. Здесь с ней были только родственники и дети. После завтрака она занималась своей корреспонденцией, а позже барон Мейендорф читал ей газеты, знакомя с важнейшими политическими новостями. Затем велись беседы. Она с интересом занималась историей Сицилии и Италии, регулярно слушала доклады о Риме, который страстно желала увидеть. Эти часы проходили в семейном кругу. После этого вся «русская» Оливуцца собиралась в саду императрицы. Звучала музыка, итальянские, русские, немецкие мелодии, сицилийские народные песни. Обсуждалась цель предстоящей поездки. По требованию докторов они были короткими, только по ближайшим окрестностям. Но, как отмечает биограф, она всё равно была счастлива тем, что прогуливалась на свежем воздухе и видела вокруг себя пылающие горы и темную зелень в том месяце, который в Петербурге должна была проводить в комнате. Вечером все опять собирались у нее в саду.

**А. Брюллов.**
**Императрица**
**Александра Федоровна.**
**1830-е. Акварель.**
**ГМЗ «Петергоф»**





**П. Орлов.**
**Великая княжна**
**Ольга Николаевна.**
**1846. Холст. масло.**
**ГМЗ «Петергоф»**



**Великий князь Константин Николаевич.
Неизвестный художник (типа Ф. Крюгера). ГЭ**

В конце декабря в Палермо пришли суда российской эскадры под командованием адмирала Ф.П. Литке, в составе экипажа которого служил второй сын императрицы Константин Николаевич. В своей записной книжке великий князь Константин очень кратко фиксировал события каждого дня своего пребывания на Сицилии. Он пишет о поездках по окрестностям Палермо, которые он совершал с императрицей, с Ольгой, с принцем Карлом Вюртембергским, с Георгом Прусским, с Гриммом, один – «в гроты Ринелла», на виллу Фаворита, в Монреале, Багерию, на руины древнего Солунта, в Монделло, на Монте-Пеллегрино, в Байду, Санта Мария ди Джезу́. Он осмотрел Цизу и Кубу и источник Денизинни. После участия в карнавале, как отмечает великий князь, ходили пешком по городу, и были в Оспидале Гранде, в церквях Каза Професса, Марторана и Санта Катерина. Одним из развлечений для путешественников были прогулки на катерах с русскими песенниками вдоль Марины. Гости посещали театр и несколько раз были на представлениях «Севильского цирюльника» Дж. Россини, «Линды ди Шамуни» Г. Доницетти и чрезвычайно им понравившейся «Корсиканской невесты» Дж. Пачини[39].

Ольга Николаевна в своих воспоминаниях, написанных, судя по их точности, на основе дневников, сообщала о дальних прогулках по окрестностям на осликах с Верой Столыпиной, которая присоединилась к путешественникам в Италии. «Мы были совершенно одинаково одеты, в платья из козьей шерсти и в круглых шляпах из итальянской соломки». Она вспоминает об уроках итальянского языка, о посещении униатской церкви и о появлении семинаристов в саду виллы с просьбой о русском подданстве и отправке их в Россию. Подробно она рассказывает о поездке на Монте-Пеллегринно, которую описывает как одну из самых прекрасных. Путешественники взбирались туда на маленьких осликах. «Вид, который открывается при подъеме, заставляет чаще биться сердце. Красные скалы вблизи, вдали синева моря, между ними апельсиновые рощи и темные кипарисы, выделяющиеся на фоне серых маслин, – я всё еще вижу это сегодня, так же как и грот, к которому мы попали через темную пещеру. <...> Статуя святой

стояла в гроте, вокруг нее приношения паломников, на ее шее был надет Мальтийский крест на черной ленте». Сильное впечатление на Ольгу Николаевну произвело посвящение в монахини в бенедектинском монастыре Санта Мария де Латинис: «Вся в белом, как невеста, она вошла в церковь с родителями, которые подвели ее к алтарю. Священник снял с нее белый венок, приблизилась игуменья с ножницами и после того, как ее прекрасные локоны усыпали пол, набросила ей на голову черное покрывало. Затем ее вывели через решетчатые ворота. Мы пошли через другие ворота внутрь монастыря и увидела там эту молодую монахиню лежащей на полу под надгробным покрывалом. Вокруг нее читали надгробные молитвы все остальные монахини»[40].

Константин Николаевич отмечает в своей записной книжке дни говения, причастия, получение известия о смерти «маленького Фрица Голландского», племянника Александры Федоровны, сына ее любимой сестры Луизы, серьезный разговор, когда императрица говорила с ним и Ольгой о сложной ситуации в семье старшей дочери – Марии и принца Максимилиана Лейхтенбергского, где между супругами начался разлад. Особо отмечает он дни, когда ухудшалось здоровье императрицы, у нее возобновлялось сердцебиение.

Как и дома, императрица каждый день посвящала время писанию писем и ведению дневника. За последним она проводила больше времени, чем обычно в Петербурге. Она тщательно фиксировала впечатления и события для того, чтобы позже иметь возможность вызвать в памяти эти особенные дни прошлого[41].

В петербургских газетах писали, что в Палермо «погода стоит прекрасная: всю зиму лимонные и апельсиновые деревья красовались в цветах и плодах и теперь пятого марта, персиковые, миндальные и абрикосовые деревья уже в полном цвету. Такой зимы здесь давно никто не помнит»[42]. Газета «Северная пчела» сообщала в марте своим читателям о новостях из Палермо: «Мысли здешней публики всё еще заняты высокими гостями. Каждый день местные жители и приезжие из других частей города отправляются в Оливуццу, чтобы удостоиться взглянуть на императрицу или на великую княжну. <...> народ приписывает необычайно теплую и

редкую погоду особому небесному покровительству, дарованному императрице для скорейшего ее исцеления. Поэтому, при многочисленных благотворениях ее величества неудивительно, если народ благотворит государыню императрицу и встречает везде восторженными и при том почтительными криками ура. Это особенно можно было видеть в последнее воскресенье после карнавала, когда императрица прогуливалась по городу в экипаже»[43]. Благотворения, о которых идет речь в этой заметке – значительные пожертвования, которые делала императрица в Палермо. «Северная пчела» сообщала петербургским читателям, что императрица сразу по приезду назначила ежемесячно 1800 червонцев на раздачу бедным жителям Палермо и 600 червонцев на выдачу приданного молодым девушкам неимущего состояния[44].

Гости из России приняли участие в карнавале. Гримм описывает этот праздник как торжество чествования императрицы. Он отмечает, что последовало праздничное приглашение города – появиться хотя бы в одно воскресенье на карнавале и на сей раз несгибаемо-строгие врачи отступили.

Выдался чудесный весенний день и «цветочный аромат веял по городу и окрестностям, а синева небес отражалась в покое синего моря. <...> Обе главные улицы Палермо – Толедо и Македо, сходящиеся под прямым углом, были сценой кранавала, и четыре угла улиц, которые образовывают прекрасные дворцы, были переполенны людьми и образовывали магазины, даже целые склады с цветами, особенно – фиалок, которыми намеревались удивить императрицу». Описывая праздничный город, Гримм отмечает, что по всей длине главных улиц балконы были запружены людьми с раннего утра, но всё оставалось спокойным, несмотря на живейшее ожидание. Подчеркивая атмосферу начала торжества, биограф замечает, что нетерпение пульсировало как в Палермо – увидеть императрицу! – так и в сердцах северных гостей, – пережить южный угар веселья. Он пишет, что ровно в три часа как будто море начало волноваться: в большой парадной карете, запряженной четверкой лошадей, из Оливуццы к центру городу ехала императрица с сестрой, дочерью и племянницей. За ней двигалась открытая ко-

ляска, в которой находился Константин с сопровождавшими его особами, далее – карета, нагруженная конфетами и цветами. Императрица была оглушена ликованием... На Кватро Канти карета на несколько минут остановилась, чтобы Александра Федоровна могла взглянуть на две главные улицы города. Затем императрица и сопровождавшие ее лица поднялись во дворец герцога Серрадифалько, который обращен одним фасадом на улицу Толедо, и вышли на балкон. Скоро, как повествует биограф, весь балкон был засыпан цветами и аромат их был слишком силен для нее. Она поднялась на балкон выше, чтобы быть менее достижимой. С балкона вниз бросали конфеты и цветы. За них боролись крестьянин и дворянин, дамы и господа. Тут на улице появился корабль с двумя мачтами и парусами, на восьми колесах, который везли к площади 16 лошадей. На корабле находились восемь пестро одетых матросов и капитан, они были выбраны из самых знатных семей Палермо; перед домом, где находилась императрица, корабль остановился. После того, как за 10-12 минут с корабля был «расстрелян» весь запас конфет, на палубе открылся ящик, из него поднялась гора прекраснейших цветов, которые цветут в середине февраля по всему острову. Здесь были фиалки и розы, цветы миндаля и апельсинов, мирта и лавра. Затем появился второй корабль, оснащенный также как и первый. С него раздался русский национальный гимн. Это был сюрприз моряков русской эскадры.

Гримм писал: «Этот день остался незабываемым в ее жизни, т.к. он не только перенес на два часа в раннюю юность, но и осуществил ее самые несбыточные мечты. Она видела свободный воздух и радость целого города, даже целой страны, она пережила весенний день, который нагромоздил к ее ногам прекраснейшие цветы, ее любимцев; она разговаривала с тысячами других, она была счастлива вместе со всеми»[45]. В своей записной книжке великий князь Константин Николаевич отметил участие в карнавале в течение двух воскресных дней 3 (15) февраля и 10 (22) февраля. В записной книжке за 3 февраля написано «В ½ 4 часа на Cassaro[46] к Serra di Falco[47]. Carrozzata[48] и сравнение Konfetattu. Мы против

Monte Leone[49]». 10 февраля – «Опять Carrozata». Здесь же опять отметка «Monte Leone (Pignatelli)»[50].

Биограф отмечал, что у императрицы была привычка после радостных праздников в Петербурге посещать богадельни, госпитали, приюты, находившиеся в ее ведении, внося своим появлением утешение, помощь, надежду туда, где двор и город никогда не транжирили деньги. В Палермо на следующий день Александра Федоровна послала 10 тыс. франков, которые она ежемесячно раздавала беднякам, и еще 10 тыс., чтобы веселый дух народа оставался таким же живым на протяжении всей недели[51].

Ощущение праздника, которая пережила императрица в Палермо, усиливалось тем, что к этому времени уже был решен вопрос о замужестве Ольги Николаевны, который давно занимал и волновал императора и императрицу. Именно в Палермо решился вопрос о ее дальнейшей судьбе.

Еще в ноябре 1845 года, будучи в Палермо, Николай I получил запрос из Штутгарта о возможности для наследного принца Карла Вюртембергского быть представленным Ольге Николаевне. Визит принца решено было назначить на январь, поскольку к этому времени уже должны были состояться переговоры императора в Риме и Вене о взаимоотношениях Вены и Петербурга, католической и православной Церквей и возможности брака Ольги Николаевны и эрцгерцога Стефана. Переговоры, которые император провел на обратном пути в Петербург, окончательно показали, что союз с представителем дома Габсбургов невозможен.

Принц Карл представился императору в Венеции. Николай написал дочери: «Благородство его выдержки и манер мне нравится. Когда я ему сказал, что решение зависит не от меня, а от тебя одной, по лицу его пробежала радостная надежда». В первый день нового 1846 года принц Карл прибыл в Палермо. Фрейлина великой княжны А.А. Окулова сообщала в одном из своих писем в Петербург: «Он приехал сюда с опасением не быть принятым, что придавало ему очень смущенный вид и увеличивало природную застенчивость, которая характерна для него». Ольга Нико-

лаевна испытывала очень сложные чувства: ей необходимо было понять незнакомого человека, разобраться в своих переживаниях, решиться на большие перемены в жизни. Окулова приводит ее слова: «Как бы вы хотели, чтобы я сменила свое нынешнее счастье на неизвестное будущее?». Ольга Николаевна была столь грустна и взволнована, что Анна Алексеевна сочла необходимым рассказать императрице о состоянии своей подопечной и чуть позже записала: «Императрица страдает сама…»[52].

Ольга Николаевна вспоминала много лет спустя, что они не нашли случая для разговора с глазу на глаз – общество было слишком мало, чтобы уединиться. В сияющий солнечный день Александра Федоровна предложила прогулку в Монреале. «Мы шли пешком по горной дороге вверх, я опиралась на руку Кости. Он с Мама позади нас. Солнце было близко к закату, и окружающие горы ясно обрисовывались на вечернем небе: темно-синие, в розовом освещении, которое, казалось, заливало весь край, лежавший у наших ног. Простыми, сердечными словами он говорил Мама о том, как счастлив видеть такую красоту. Когда я слушала его голос, во мне разливалось и углублялось чувство доверия, которое я испытала к нему в момент первой встречи».

На следующий день, после завтрака императрица не пригласила, как обычно, свиту на прогулку. Оставшись с дочерью и принцем Карлом, она, по словам Окуловой, «рассказала им свой образ мысли и облегчила им способ объясниться. С этой минуты всё переменилось…». Молодые люди вышли на прогулку в сад. «Не помню, как долго мы бродили по отдаленным дорожкам и о чем говорили. Когда снова мы приблизились к дому, подошла молодая крестьянка и с лукавой улыбкой предложила Карлу букетик фиалок «per la Donna». Он подал мне букет, наши руки встретились. Он пожал мою, я задержала свою в его руке, нежной и горячей», – вспоминала Ольга Николаевна[53].

Когда молодые люди вернулись в дом, принц Карл попросил у императрицы разрешения писать императору: Ольга Николаевна приняла его предложение. Великий князь Константин Николаевич

сразу стал шутливо сравнивать сестру с Пенелопой, дождавшейся своего Улисса…

Константин отметил в своей записной книжке: «Счастие Оли, она стала совсем другой и Карл тоже». В честь молодых людей состоялся бал на корабле «Ингерманландия». «Палуба была украшена шатрами из флагов всех стран, играл военный оркестр, и первый танец я танцевала с Карлом. По его просьбе я надела платье, которое было на мне в день помолвки: фиолетовое с жакеткой и жемчужными пуговицами». Спустя много лет, когда она писала свои воспоминания, она заметила: «Я упоминаю эти мелочи, оттого, что когда любишь, каждой мелочи придаешь значение». Из-за болезни отца Карлу пришлось покинуть Палермо в середине января. Молодые люди даже не могли писать друг другу, пока не получили ответа императора на свои письма ему. В то время требовалось две недели, чтобы письмо дошло до Петербурга и столько же обратно[54].

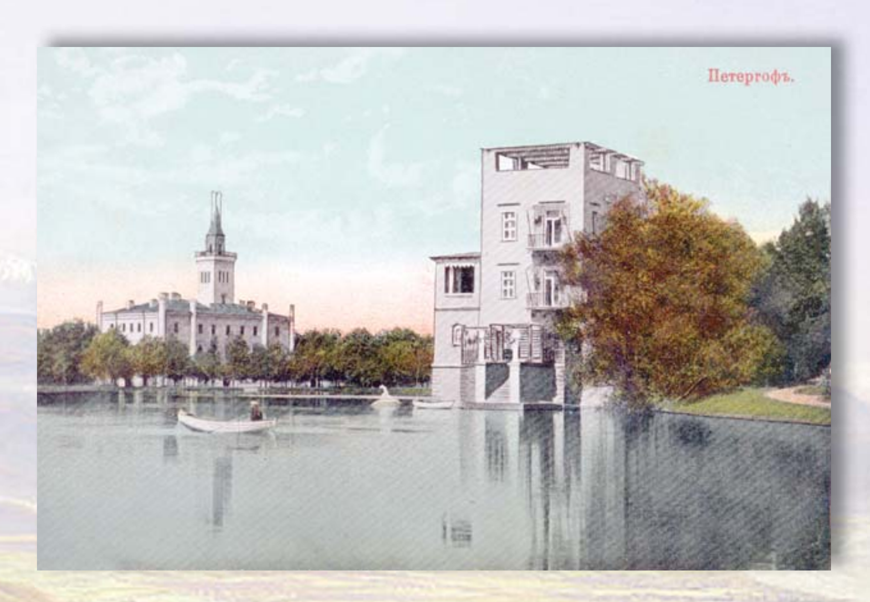
Великий князь во время пребывания на Сицилии совершил путешествие по острову и как пишет А.Т. Гримм, «увидел места действия древнегреческой истории, которая в детстве вызывала у него слезы восторга». В гостиной Александры Федоровны звучали его рассказы о Мессине, Катании, Этне, Сиракузах, Джирдженте. Александра Федоровна страстно желала увидеть хотя бы часть острова, но запреты врачей не позволили ей совершить такие дальние поездки.

Несколько раз за время пребывания в Палермо путешественники побывали в местечке Аренелла у подножия Монте-Пеллегрино. Тоннару – комплекс построек, находившихся на мысу, выдающемся здесь в море, приобрел в 1830 г. Винченцо Флорио. В 1842–1844 гг. по его заказу архитектор Карло Джачери построил здание в неоготическом стиле, с четырьмя башенками по углам. Двухэтажный павильон с большим залом на втором этаже, из окон которого открываются прекрасные виды на море, на палермскую бухту и Монте-Пеллегрино, видимо, понравился путешественникам. Императрицу очень интересовала современная ей архитектура, возрождавшая формы готики. Именно поэтому родилось

желание повторить палермскую постройку в любимом Петергофе. Видимо, для осуществления этого желания архитектору Штакеншнейдеру были посланы какие-то рисунки этого здания. В это же время император присылает из Петербурга на одобрение императрицы рисунки «итальянского домика», который решено соорудить в Петергофе к предстоящей свадьбе Ольги Николаевны и Карла Вюртембергского. Два новых петергофских павильона станут архитектурным воплощением воспоминаний об этом путешествии в Италию.

Памятью об этом путешествии стал и изданный в честь высоких гостей из России сборник «L'Olivuzza – Ricordo del soggiorno della Corte Imperiale Russa in Palermo nell'inverno 1845-1846» (Palermo, 1846). Он был собран и напечатан под руководством Дж. Бастианелло, Дж. Ди Джовани, А. Фраскона, Л. Триподо.

Джузеппе Бастианелло, литератором, критиком и поэтом, была написана вступительная статья памятного издания, посвященного императрице Александре Федоровне. Пьетро Ланца Бранчифорте, князь Скордиа, политик, государственный деятель, автор трудов по истории и экономике, либерал, англоман поместил в сборнике статью «Российский двор в Оливуцце». В сборнике были опубликованы две работы герцога Серрадифалько – «Замок Циза» и «Толкование древней греко-сицилийской вазы». Агостино Галло, сицилийский писатель, ученый и художественный критик, страстный коллекционер картин, книг, памятных вещей, относящихся к истории, культуре и искусству Сицилии, стал автором статьи «Первая искра музыкального гения маэстро Винценцо Беллини», посвященной публикации в этом сборнике песни, написанной будущим композитором в 12-летнем возрасте. Он же был автором опубликованных в сборнике стихов к этой песне. Здесь же были помещены ноты этого произведения, а также ноты произведений других авторов – романс «Вновь обретенное здоровье» Клелии Монрой, вальс для военного оркестра «Ольга», переложенный для фортепьяно Эмануэле Раймонди. В поэтическом разделе были напечатаны стихотворение молодой талантливой палермской поэтессы Джузеппины Туризи Колонна, посвященное Ольге Николаевне,




Ольгин павильон в Петергофе. Открытка. Кон. XIX в.



Ольгин павильон в Петергофе. Современное фото



Scaduti R. Sonetti. — Palermo., 1846.
Альбом сонетов, посвященных императорской семье.
Портрет императора Николая I, императрицы Александры Федоровны и их дочери — великой княжны Ольги Николаевны выполнен в технике акварели. Книга преподнесена императрице Александре Федоровне в марте 1846 года в Палермо.
Экземпляр из библиотеки императрицы Александры Федоровны.



**Пресс для бумаг с видом виллы Оливуцца. Сер. XIX в. Мозаика. ГМЗ «Петергоф»**



**Современный вид Виллы Оливуцца**

гимн в честь св. Розалии философа, писателя, политика графа Теренцио Мамиами делла Ровере. Сонет Доменико Авелла посвящен императору России Николаю I. Уго Карло Папа принадлежат «Гимн здоровью» и «Сицилианский голос». Гаэтано Солито – автор стихов к музыке романса «Вновь обретенное здоровье». Историк и литератор Помпео Индзенья написал посвященное великой княжне стихотворение «Ольга, цветок Севера».

Джузеппе Ди Джованни – палермским гравером, живописцем и портретистом – исполнены для этого издания портреты Николая I, Александры Федоровны и Ольги Николаевны; Сальваторе Ди Джовани выполнил изображение виллы Бутера в Оливуцце, где жила императорская семья, и грота св. Розалии. Изображение внутреннего вида Цизы и греко-сицилийской вазы принадлежало Франческо Паоло Приоло. Издание было отпечатано в палермской типографии Пьетро Морвилло.

Специальный переплет был выполнен для подносного экземпляра, который ныне хранится в Музее Книги Российской Государственной библиотеки, другие экземпляры были также изыскано оформлены переплетчиком Л. Плераллини. Один из них в советское время был передан из Эрмитажной библиотеки в Российскую Национальную библиотеку, где хранится в настоящее время в Отделе Редких книг. Издание это является библиографической редкостью.

Еще большей редкостью стала другая книга, поднесенная высоким гостям в Палермо. Это альбом сонетов Р. Скадутти, посвященных членам императорской семьи с оригинальным акварельным портретом Александры Федоровны, Николая Павловича и Ольги Николаевны, который был подарен императрице в марте 1846 г. В этом издании – шесть сонетов; каждый открывается акварелью с видом окрестностей Палермо[55]. Памятью о Палермо был и план города и его окрестностей, исполненный архитектором Н. Райнере для императрицы, который хранился в библиотеке Коттеджа в Александрии[56].

Перед отъездом Александра Федоровна еще несколько раз съездила в город, где осмотрела древний норманнский замок, сно-

ва посетила могилу Фридриха II Гогенштауфена в кафедральном соборе, пересекла город во всех направлениях, попрощалась с каждой площадью, где она любила бывать[57].

Об отъезде из Палермо Ольга Николаевна вспоминала: «Весенним днем, – розы и апельсиновые деревья стояли в полном цвету, – мы распрощались с Палермо. Утром я в последний раз стояла у открытого окна, долго смотрела на море, на Монте-Пеллегрино, а затем закрыла глаза, чтобы запомнить эту картину. Улица, ведущая к гавани, была покрыта народом, когда мы по ней спускались. Люди махали с крыш и балконов и показывали таким образом, как они любили Мама, у которой всегда была "широкая рука" для бедных; она была ласкова с детьми и исполнена приветливости к каждому. Со всех сторон слышались прощальные приветствия: "Адио, ностра Императриче!". Тысячи маленьких лодок, шлюпок и пароходиков крутились в гавани, и люди с них долго кричали нам вслед благодарные пожелания. Мы были глубоко тронуты таким сердечным участием чужого нам народа»[58].

В Неаполе путешественники провели Пасху. Через Флоренцию, Венецию, Инсбрук, Зальцбург и Варшаву они вернулись в Петербург в самом начале лета. Подготовка к их возвращению началась в Петергофе еще ранней весной. Многое устраивалось так, чтобы напоминать Александре Федоровне о счастливом времени на солнечном острове.

В Петергофе спешно возводился павильон на острове Большого пруда. В хозяйственных документах он именовался «Итальянский домик», в семье эту постройку называли Оливуццей, а сам остров носил имя Палермо. Современное название «Ольгин павильон» закрепилось за ним чуть позже.

К возвращению императрицы спешили возвести еще один приморский павильон в Знаменке, усадьбе рядом с Александрией, которую еще в 1835 г. приобрел Николай I для супруги. Здесь гуляли, полдничали, принимали гостей, устраивали балы и разнообразные праздники, вели образцовое хозяйство. В Нижнем парке Знаменки, в его западной части в залив выдается мыс. Построенный здесь новый павильон, видимый из окон Коттеджа, вызывал в памяти воспоми-

нания о путешествии на зачарованный остров посреди голубого моря.



Павильон Ренелла в Знаменке близ Петергофа. Фото. Кон. XIX в.

Александра Федоровна и Ольга Николаевна вернулись в Петергоф в начале июня. Менее чем через месяц, 1 (13) июля 1846 г., в день рождения Александры Федоровны и день свадьбы императорской четы состоялось венчание великой княжны и наследного принца Вюртембергского. Это лето в Петергофе было насыщено праздниками в честь молодоженов, и воспоминания об Италии наполняли многие события этих дней. Гостем императорской четы был в Петергофе герцог Серрадифалько. Его присутствие на обедах в Большом дворце, на немноголюдных вечерних собраниях в Коттедже отмечено в камер-фурьерских журналах. Герцог принимал участие в поездках на морские маневры. Именно во время одного из них двадцатипушечный корвет российского флота «Менелай» самим Николаем I, находящимся на его борту, был переименован и стал носить название «Оливуца»[59]. «Итальянский» характер носил и первый устроенный в том году праздник на Ольгином пруду. Гости, приглашенные императрицей, собрались на полдник на Царицыном острове. Острова и берега пруда были иллюминированы, на Ольгином острове пели певцы Императорских театров, а по глади пруда скользили иллюминированные лодки. В одной из них находились итальянские певцы, и в вечернем воздухе звучало прекрасное пение бельканто. Европейская знаменитость, обладатель прекрасного баритона Антонио Тамбурини исполнял для гостей праздника арии из итальянских опер. В этот вечер здесь звучали и арии из оперы «Корсиканская невеста» Дж. Пачини[60].

Для Александры Федоровны воспоминания об итальянском путешествии, несмотря на то, что всё увеличивались годы, которые отдаляли это событие, были необычайно ярки и дороги. А.Т. Гримм писал, что императрица о своем путешествии на Сицилию могла честно сказать, что она жила эти четыре месяца и восхищалась существованием[61].

---

1 См. подробнее: *Пащинская И.О., Рудоквас И.А.* Ольга Николаевна, королева Вюртемберга. СПб. 2011. С. 19–21.

2 *Гримм А.Т.* Императрица Александра Федоровна // Отечественные записки. 1866. Т. 168. С. 117, 118.

3 Северная пчела. – 1845 г. – 1 ноября.

4 *Monachella Turov V.* Gli Zar a Palermo: cronaca di un soggiorno // Kalós. Anno XIV. n.1, gennaio/marzo 2002. P. 7. (Пер. А.Д. Рудокваса).

5 *Grimm A.Th.* Alexandra Feodorovna, Empress of Russia: 2 vols. Edinburg, 1870. Vol. 2. P. 237.

6 *Scordia, prince P.L.* L'Amenita e salubrita di Palermo; La corta Russa all'Olivuzza – L'Olivuzza. Ricordo del soggiorno della corte imperiale russe in Palermo nell'inverno 1845–1846. Palermo, 1846. P. 17.

7 Георг Вильгельм Карл Вилдинг (1788/90/–1841) – офицер, затем дипломат, служил в англо-германском легионе на Сицилии в 1808–1814 гг. Чрезвычайный посланник Королевства Обеих Сицилий в Париже в 1832–1835 гг., в Санкт-Петербурге в 1835–1841 гг.

8 Maximilian von Habsburg. Aus meinem Leben. Reiseskizzen, Aphorismen, Gedichte, 7 Bde., 1867 Leipzig, 1867; Triest, 1986. S. 209-230. Цит по: *Pirrone G.* Sicilian Gardens // The Italian Garden: Art, Design and Culture. Ed. by J.D. Hunt. Cambridge University Press, 1996. P. 270.

9 *Karaczay, de F.* Manuel du voyageur en Sicily. Paris, 1840. P. 99. Цит. по: *Pirrone G.* Op. cit. P. 270.

10 Северная пчела. – 1845 г. – 1 окт.

11 *Grimm A.Th.* Op. cit. Vol. 2. P. 238.

12 Северная пчела. – 1845 г. – 1 окт.

13 Diario Siciliano. 1841-1849. Dai documenti dell'archivio di stato di Torino a cura di Alberico lo Faso di Serradifalco; см. Интернет-ресурс: Mediterranea. Ricerche storiche http://www.storiamediterranea.it/public/md1_dir/b1435.pdf. P. 81.

14 *Grimm A.Th.* Op. cit. Vol. 2. P. 238.

15 Коралловое дерево; *лат.*: Erythrina corallodendron.

16 См.: *Пащинская И.О.* Ренелла – Готический, или Чайный дом // Курьез в искусстве и искусство курьеза. Материалы XIV Царскосельской научной конферен-

ции. СПб. 2008. С. 275-288. То же в Интернет-ресурсе: http://ir-cha.livejournal.com/13296.html; на итал. яз. (перевод С.Я. Сомовой): *Pashchinskaia I.O*. Renella, cioè la Casa Gotica oppure la Casa da tè, в Интернет-ресурсе http://ir-cha.livejournal.com/tag/arenella.

[17] О домовом храме на вилле Бутера см. подробнее: *Талалай М.Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб., 2011. С. 91-92.

[18] Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай Первый: муж, отец, император. М., 2001. С. 312.

[19] Северная пчела. – 1845 г. – 1 ноября.

[20] Санкт-Петербургские ведомости. – 1845 г. – 30 окт.

[21] 21 октября (3 ноября) 1845 г. император Николай I пожаловал графу Аквила и его младшему брату высший орден Российской Империи – орден Св. Апостола Андрея Первозванного.

[22] Санкт-Петербургские ведомости. – 1845 г. – 9 ноября.

[23] *Monachella Turov V*. Op. cit. P. 7.

[24] Санкт-Петербургские ведомости. – 1845 г. – 9 ноября

[25] Там же.

[26] Diario Siciliano... P. 90.

[27] Северная пчела. – 1845 г. – 16 ноября.

[28] *Grimm A.Th*. Op. cit. P. 118-119.

[29] Совр. Corso Vittorio Emanuele.

[30] Diario Siciliano... P. 87.

[31] Diario Siciliano... P. 92.

[32] *Grimm A.Th*. Op. cit. P. 117-118.

[33] Санкт-Петербургские ведомости. – 1845 г. – 9 ноября; там же. 15 ноября; Северная пчела. – 1845 г. – 22 ноября; там же. 30 ноября.

[34] Diario Siciliano... P. 96.

[35] См.: Memoria relativa alle aggiunte e modificazioni fatte allo stetoscopio dal Dott. Dario Battaglia. Firenze, 1842.

[36] *Monachella Turov V*. Op. cit. P.5.

[37] Северная пчела. – 1845 г. – 11 дек.

[38] Санкт-Петербургские ведомости. – 1845 г. – 15 дек.

[39] Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 722. Оп. 1. Д. 129.

[40] Сон юности... С. 311-313, 319.

[41] *Grimm A.Th*. Op. cit. Vol. 2. P. 266.

[42] Северная пчела. – 1846 г. – 20 марта.

[43] Там же. – 1846 г. – 15 марта.

[44] Там же. – 1845 г. – 16 ноября.

[45] *Grimm A.Th*. Op. cit. P. 250-253.

[46] Центральный квартал Палермо, развивающийся вокруг древней Толедской улицы (Виа Толедо; совр. Корсо Витторио Эмануэле). – *Прим. ред*.
[47] Речь идет о Палаццо Серрадифалько (теперь Палаццо Серрадифалько-Буонокоре), угол совр. Корсо Витторио Эмануэле и Пьяццы Преторио. – *Прим. ред*.
[48] В период карнавала на Сицилии существовала традиция создания пышных, аллегорически украшенных повозок, т.н. carrozzata. – *Прим. ред.*
[49] Вероятно, речь идет о состязании среди декорированных повозок.
[50] ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 129.
[51] *Grimm A.Th*. Op. cit. P. 253.
[52] *Пащинская И.О., Рудоквас И.А*. Op. cit. С. 23.
[53] Сон юности... С. 316-317.
[54] Там же. С. 318.
[55] Библиотека императрицы Александры Федоровны (Старшей) в собрании Российской государственной библиотеки [альбом]. М., 2002. С. 65.
[56] Архив ГМЗ «Петергоф». Оп. 922. Опись библиотеки дворца «Коттедж». ПДМП 6330ар. Л. 181.
[57] *Grimm A.Th*. Op. cit. P. 253.
[58] Сон юности... С. 320.
[59] *Пащинская И.О*. Ренелла ... С. 86.
[60] См. подробнее: *Пащинская И.О.* Праздники в Луговом и Колонистском парках Петергофа в годы царствования Николая I // История Петербурга. 2003. №3. С. 56–64.
[61] *Grimm A.Th.* Op. cit. Vol. 2. P. 271; там же. Vol. 1. P. XII.

Кирилл Вах

# ИЗ СИЦИЛИИ В ИЕРУСАЛИМ. ПУТЕШЕСТВИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА В 1859 г.

Италия, с конца 1830-х гг. сделалась местом отдыха или даже длительного пребывания для многочисленных представителей российской аристократии, интеллигенции и художников, соперничая в этом отношении лишь с Францией. Тут начинались морские коммуникации, связывавшие Европу с Христианским Востоком и Турцией. Некоторые наши соотечественники предпочитали использовать эту возможность, чтобы поехать на поклонение святым местам Православной Церкви, к которой они принадлежали. Для таких русских путешественников италийские просторы становились пропилеями, по которым они входили в пространство паломничества. Достаточно вспомнить путешествие в Иерусалим графа Н.В. Адлерберга в 1845 г. или поездку в Святую Землю Н.В. Гоголя в 1848 г. Не менее характерным примером служит и путешествие из Палермо в Иерусалим в 1859 г. брата императора Александра II, генерал-адмирала российского флота, великого князя Константина Николаевича, начавшееся с посещения Сицилии.

Великий князь Константин, второй сын Николая I, в отличие от своего старшего брата Александра, появился на свет в 1827 г., когда его отец уже был императором и потому в придворных кругах иногда титуловался Багрянородным. При крещении император дал ему далеко неслучайное в российской императорской семье имя[1]. Имя «Константин» в течение нескольких столетий имело сакральный характер для всей церковно-политической идеи греческого Востока[2]. Екатерина Великая, назвав так своего второго внука – Константина Павловича – питала надежду со временем посадить

его на престол в Константинополе. Для этого она желала силой русского оружия воссоздать на Босфоре православную греческую империю[3]. Намерениям этим не суждено было осуществиться, но ее Греческий проект, претерпевая значительные изменения, оставался в числе приоритетных для российской внешней политики на протяжении всего существования Российской империи.

Едва ступив на престол, император Николай I дал понять, что он видит себя покровителем православных христиан на Востоке и что традиционный для России вектор движения в этом направлении будет продолжен. Уже через месяц после появления на свет великого князя Константина Николаевича, 8 октября 1827 г. в Наваринском сражении объединенная эскадра русских, английских и французских кораблей уничтожает турецкий флот. Причиной военных действий стал отказ султана признать автономию Греции. Закономерно, что один из российских фрегатов, участвовавших в этом бою назывался «Константин». Вскоре началась русско-турецкая война 1828-1829 гг., закончившаяся официальным признанием османами независимости Греции. Когда в 1831 г. внезапно скончался Константин Павлович, царь присваивает своему сыну звание генерал-адмирала, чтобы закрепить за ним собственный уникальный статус в империи. Константину не исполнилось тогда еще и четырех лет. Воспитание и образование юного генерал-адмирала, с детства выделявшегося природным умом и способностями к учению, было не столь демонстративно политизировано как в случае с его дядей. Вместо воспитательницы гречанки при нем находились военные моряки; он не говорил по-гречески, однако прекрасно знал историю Византии и Православной Церкви. История походов Олега и Святослава в Царьград пленяла его воображение. Когда в феврале-марте 1844 г. он сдал свои последние экзамены и формально завершил учение, отец устроил ему еще один последний экзамен – официальную поездку в Константинополь и на Православный Восток[4]. Это была первая самостоятельная политическая стажировка Константина. Хотя 17-летний царевич не имел никакого дипломатического поручения и не вел официальных переговоров, этот визит сам по себе произвел

сильное впечатление в византийском сознании христиан османской империи. Лишь после успешного возвращения Константина Николаевича в столицу ему в качестве награды за успешно выполненное поручение императора можно было отправиться вслед за родителями на Сицилию[5].

Прошло 13 лет и в 1859 г. великий князь Константин Николаевич вновь оказался гостем Сицилии, но уже при совершенно иных обстоятельствах. Скажем несколько слов о периоде, характеризующем отношения России к Востоку и Западу во второй половине 1850-х гг.

Николай I скончался во время Крымской войны. На престол вступил новый император, старший брат Константина – Александр II. Внутриполитическая ситуация в стране сразу же изменилась. Вокруг царя и с его согласия появилось несколько серьезных партий, составившихся из высших чиновников и представителей аристократии. Одну из них – партию константиновцев – возглавил великий князь Константин Николаевич. Именно он стал движущей силой, всех либеральных реформ своего брата в начале его царствования. По поручению царя Константин Николаевич принял на себя руководство деятельностью комиссий, готовивших освобождение крестьян, благодаря чему в короткое время успел нажить себе многочисленных и очень влиятельных врагов. В этих обстоятельствах в середине 1858 г. он объявляет о намерении уехать за границу. Предлогом для такого решения великий князь называет усталость и необходимость сосредоточиться на проблемах флота, во главе которого он стоял.

Встал вопрос: куда в Европе можно было поехать надолго? Германия находилась слишком близко. Австрию в России презирали, а императора Франца-Иосифа сравнивали с Иудой за его предательство во время Крымской войны. Англия оставалась враждебно настроенной по отношению к России. Во Франции было слишком много политики вокруг секретных предложений Наполеона III: этим занимались другие. Естественным образом при мысли о длительном путешествии всплыла Сицилия и, конечно, Православный



Восток, посещение которого сделалось после Крымской войны едва ли не обязательным пунктом для путешествующих русских аристократов. Великий князь перед отъездом решительно заявил, что собирается заниматься только морским делом и видит себя в этом заграничном путешествии только генерал-адмиралом русского флота[6]. Но как раз находясь во главе эскадры, великий князь получал как бы законное с дипломатической точки зрения право перемещаться по всему региону Средиземноморья. Первоначально он намеревался остановиться на Сицилии и затем посетить Неаполь, Рим, Грецию, Египет и Испанию[7]. Намереваясь демонстративно уехать из России, великий князь желал с одной стороны, чтобы о нем на время забыли, но с другой стороны не собирался прекращать начатую работу. Сицилия для него была идеальным местом: там почти не было в тот момент представителей русской аристократии, но существовали коммуникации и все современные средства связи, включая телеграф, почтовое сообщение и наличие собственного фельдъегеря для секретной переписки и надежной связи с Петербургом.

Кроме этого, базируясь на Сицилии, Константин Николаевич рассчитывал, что ему удастся, наконец, осуществить свою заветную мечту о поездке в Иерусалим. На этом настаивали те, кто вместе с ним занимались в тот же самый момент русским паломническим проектом в Палестине: Б.П. Мансуров, А.В. Головнин, директор Русского Общества Пароходства и Торговли А.Н. Новосельский и некоторые другие. Посещение Константином Николаевичем Палестины, по их мнению, помогло бы не только ускорить процессы

покупки необходимых земельных участков на территории Турции, в частности в Иерусалиме, но и заметно ослабить недоверие к Иерусалимскому проекту в Петербурге. Однако при отъезде великого князя из столицы получить разрешение императора на путешествие в Иерусалим оказалось невозможным, ввиду резко негативного отношения к этому предложению министра иностранных дел А.М. Горчакова. Поэтому Константин Николаевич решил просить разрешения императора в личном письме, которое он намеревался отправить к нему из Сицилии. О том, что поездка в Иерусалим планировалась им еще в Петербурге, говорит тот факт, что проезжая по Германии, Константин Николаевич назначил встречу в Иерусалиме немецкому филологу Константину Тишендорфу. Последний от имени великого князя поехал затем хлопотать в Петербург о даровании ему средств для путешествия на Синай, чтобы доставить в Петербург найденный им в монастыре Св. Екатерины древнейший рукописный кодекс Библии.

Сицилийское путешествие великого князя, предпринятое им совместно с супругой и старшим сыном, никак не освещалось в российской прессе. Краткие, но интересные сведения об этом путешествии мы можем почерпнуть из дневника самого великого князя[8]. Недавно были опубликованы письма к родным его супруги, великой княгини Александры Иосифовны, где содержится любопытная информация о поездках великокняжеской семьи по Сицилии[9]. Дополняют сведения биографические материалы, составленные секретарем Константина Николаевича А.В. Головниным. На основании этих источников мы можем достаточно подробно судить о времени пребывания великого князя Константина Николаевича на Сицилии.

Русская эскадра в составе фрегата «Громобой», корабля «Ретвизан», корвета «Баян», к которым позднее присоединился пароход «Рюрик»[10] появилась в порту Палермо 22 декабря 1858 г. Приближаясь к знакомым берегам, Константин Николаевич испытывал приятное чувство. «Я встал в 6 часов и в сумерках первый увидел Monte Pellegrino, Capo di Gallo и Monte Zafferano. Все зна-

комые места. Радость их помаленьку узнавать. Жаль, что погода серая и впечатление не то, что я бы желал» – записал он в дневнике[11]. Виды южной природы оказывали благотворное влияние на самочувствие и настроение всех участников путешествия[12]. Палермский залив красотою готов был поспорить с заливом Неаполитанским и с проливом Босфор, так что, по словам А.В. Головнина, невозможно было решить какой лучше: «Кажется, что о них можно сказать то же, что о трех грациях: та из них представляется красивее, на которую смотришь»[13]. Для пребывания великокняжеской четы была выбрана вилла Оливуцца, та самая, где жила императрица Александра Федоровна в 1845 г. и где ее навещал сам Константин Николаевич. На правах бывалого человека, великий князь едва занял место в экипаже, сразу же взялся показывать жене город: они проехали кругом рыбацкой гавани, вдоль моря по набережной до Колоннетты, заехали на Дворцовую площадь и затем по улице Макведа отправились на виллу Оливуцца[14]. Окрестности города показались путешественникам еще прекраснее: каждый бедный домик, каждый обрыв, каждое дерево казалось легко могли бы стать предметом прекрасного рисунка[15]. С 1845 г. вилла Оливуцца несколько изменилась. Появились новые пристройки, где поселилась Александра Иосифовна. Сам Константин Николаевич занял свои старые комнаты, в которых он жил в 13 лет назад. Тотчас по прибытии он повел жену полюбоваться знаменитым вечно цветущим[16] садом Оливуццы, который стал еще лучше и очень понравился великой княгине[17]. Нужно сказать, что этот сад производил неизгладимое впечатление на всех посетителей виллы и придавал неповторимое очарование жизни тех, кто мог позволить себе пользоваться его гостеприимством.

На следующий день утром великий князь прогулялся со своим секретарем А.В. Головниным по окрестностям, показав ему Цизу и грот Данизинни. Затем на виллу с визитом прибыл вице-король, а после завтрака, несмотря на моросящий дождь, Константин Николаевич вновь повез жену на экскурсию. Они осмотрели Новые ворота, прошлись пешком до «Четырех углов» и посетили местные

церкви[18]. Наступал Новый Год и вечером 24 ноября в доме устроили елку, которая более всего понравилась маленькому Николе[19] – старшему сыну великого князя, сопровождавшему родителей в путешествии.

А.В. Головнин описал сложившийся на вилле порядок жизни великого князя и его семьи. «По утрам он занимался бумагами по делам, которые ему привозили ежемесячно фельдъегеря из Петербурга, и по переписке своей с разными лицами. Затем обыкновенно ходил пешком в гавань, где посещал нашу эскадру, возвращался в Оливуццу к завтраку, после того ездил по окрестностям с великой княгиней, обедал обыкновенно со всеми лицами свиты, а вечер проводил с великой княгиней, занимаясь музыкой. К обеду приглашались обыкновенно по очереди офицеры эскадры и по временам почетные жители города Палермо»[20]. В воскресные и праздничные дни Константин Николаевич присутствовал на православном богослужении, проходившем в корабельной церкви на фрегате «Громобой». Не прекращалась и светская жизнь, поскольку великий князь должен был принимать визиты и участвовать в некоторых приемах, о которых упоминается в его дневнике.

На Сицилии Константин Николаевич получил возможность сосредоточиться и продолжать работу по всем тем направлениям, которые он курировал по поручению царя будучи в Петербурге. «Великий князь – сообщает А.В. Головнин – находился в постоянной переписке с Я.И. Ростовцовым по делу об освобождении крестьян. Ростовцов был в то время председателем Редакционных Комиссий, которые занимались составлением проекта той реформы, которая должна была обессмертить имя Императора Александра II»[21].

С 28 по 30 декабря продолжался сильнейший шторм на море, который затронул и бухту Палермо. В этот момент все внимание генерал-адмирала было обращено на действия эскадры. В итоге российские корабли удалось удержать на якоре; были получены лишь незначительные повреждения, хотя в гавани буря частично разрушила мол и набережную. Один австрийский корабль сорвало

с места и разбило: команду удалось спасти на катере, подоспевшем с фрегата «Ретвизан». Как только опасность миновала, все опять вернулось к прежнему размеренному ритму. Вдвоем с супругой великий князь 30 декабря ездил в монастырь Санта Мария ди Джезу полюбоваться видом, который он срисовал в свой альбом[22]. 6 января 1859 г. путешественники посетили собор в Монреале, на следующий день морскую пещеру Ринеллы и монастырь Mater Gratiae. Несмотря на то, что великокняжеская семья часто совершала прогулки в окрестностях Монте-Пеллегрино, совершить паломничество на гору они смогли лишь 8 января. До креста путники ехали на ослах, а Александру Иосифовну несли на носилках. Далее Константин Николаевич пошел пешком. «После пещеры, – записал он в дневнике, – отправились к колоссальной статуе Розалии, что на скале над морем. Восхитительный вид. Назад вниз жинка шла почти все время пешком и от того очень устала. Вся экспедиция прекрасно удалась»[23]. Вообще в дневнике великого князя сохранились упоминания о посещении многих монастырей и храмов в городе и близ Палермо. 16 января они осматривали монастырь Св. Екатерины: «очень богато и чисто, но не по-монастырски»[24]. 21 января они были в другом монастыре, Gran Cancelliere, в котором 13 лет назад Константин Николаевич присутствовал на пострижении молодой монахини. «Монастырь гораздо беднее, чем Екатерининский, но монахини веселые и ужасные болтуньи»[25]. Головнин отмечал, что пользуясь разрешением римского понтифика, Константин Николаевич осмотрел в Палермо три женских монастыря. «Эти посещения были праздником для затворниц, которые приготовили для гостей разное угощение: мороженое, конфеты, варенье и т. п.; как дети обступили их и весело разговаривали... В Палермо на главной улице (Толедской) было несколько женских монастырей, которые занимали обыкновенно один этаж дома, где помещались в других этажах лавки, жили актеры, актрисы и пр. Говорят, что в помещение монастыря вели особые лестницы и что не могло быть сообщения с другими обитателями того же дома. Когда по Толедской улице проходили войска с музыкой, бедные монахини выбегали на

балкон и из-за решетки любовались ими»[26]. Посещения монастырей и храмов в Палермо оставило благоприятное впечатление в душе великого князя, который, судя по дневнику, сознательно избегал рассуждений на социально-политические темы. По этой же причине, он старался ограничить свое участие в светской аристократической жизни Палермо пределами необходимой вежливости. Большую часть времени он проводил в кругу своей семьи и офицеров эскадры. Таковыми же были и его путешествия по окрестностям Палермо. Тем временем его секретарь не мог не отметить ту сторону жизни сицилианского общества, которую так тщательно старался игнорировать великий князь.

Чем очаровательнее казалась природа в Сицилии и Неаполе, тем прискорбнее и отвратительнее являлись дела людей, именно вся система действий правительства и духовенства… В Палермо говорили, что там на каждого жителя приходится по одному полицейскому, по одному шпиону и одному монаху. Если численное отношение и не совсем верно, то, тем не менее, оно правильно выражает господствовавшую систему. Множество монастырей, наполненных тунеядцами и владевших огромными имениями, которые дурно управлялись и не приносили половины должного дохода, были настоящею язвою края; монахи и вообще католическое духовенство как-то особенно умели поселять в образованных классах религиозный индифферентизм, а в низших сословиях суеверие и воспитывать несколько невежественных фанатиков. Религия очевидно более всего теряла при этом порядке вещей и ничего не могло быть менее сходно как с одной стороны весь образ действия католического духовенства, обряды и беспрерывные уличные процессии и церемонии, жизнь в монастырях – а с другой нравственное учение Евангелия. Можно сказать, что правительство и духовенство систематически портили население и дружными усилиями удаляли от него духовное развитие, чувства благородства, честность и религиозность. Убеждения эти Головнин вынес не из разговоров с лицами, составлявшими тайную оппозицию, с либералами и вольнодумцами, ибо по своему официальному положению он не

мог знать и видеть их, но из знакомства с лицами правительственными, которые не скрывали своих действий и не видели в них ничего предосудительного. Такой порядок вещей не мог продолжаться долго[27].

21-23 января великий князь посвятил плаванию в Мессину, для осмотра пришедшего туда нового российского корабля «Синоп» и по пути видел ночное извержение Этны[28]. 24 января к русскому обществу в Палермо присоединился адмирал Путятин, с которым вновь были совершены экскурсии в Монреаль и другие достопримечательности.

Вместе с тем грядущие политические изменения и неизбежность военных событий в Италии становились все очевиднее. «Мне кажется, что война делается с каждым днем вероятнее» – записал Константин Николаевич в дневнике[29]. В связи с общим напряжением два российских судна 2 февраля 1859 г. по требованию местных властей решено было отправить в Мессину. Положение великокняжеской семьи могло оказаться чреватым ненужными дипломатическими осложнениями. Пришлось задуматься сначала о переезде из Палермо, а в дальнейшем и об отъезде с острова. 5 февраля днем два остававшихся в порту корабля эскадры «Громобой» и «Ретвизан» вышли в море и встали на внешнем рейде. Вечером того же дня августейших гостей с визитом вежливости навестил вице-король. Возможно, тогда было решено перед отъездом из Италии нанести визит королю Обеих Сицилий в Неаполе, чьими гостями великокняжеская семья являлась в Палермо.

Оставался и один нерешенный вопрос: поездка великого князя в Иерусалим. Еще в Петербурге было запланировано и одобрено посещение августейшей четой Греции ради встречи Пасхи на православной земле[30]. А из Греции было рукой подать до Палестины. Но для этой поездки необходимо было получить разрешение государя. И Константин Николаевич решается вызвать из Иерусалима к себе в Палермо Б.П. Мансурова, что бы с личным письмом отправить его к царю. Это решение великого князя сообщает Мансурову в своем письме А.В. Головнин:

Его Высочество намерен теперь:

1. По вашем приезде сюда поговорить с вами подробно о поездке его в Иерусалим.

2. Если вы признаете оную полезную и не представляющую неудобств, отправить вас в Петербург с письмом к Государю, которого просить: а) расспросить вас подробно обо всех восточных делах, б) просить дозволения Его Величества ехать в Иерусалим, в) просить Государя командировать вас за границу от Морского ведомства бессрочно для окончания начатых дел.

3. Если Государь согласится на поездку Великого Князя вам необходимо будет привезти это согласие в Грецию и условившись с нами отправиться в Палестину, устроить там все, что нужно, встретить Великого Князя в Бейруте или Яффе и сопровождать во все время путешествия по Святой Земле.

4. Если согласия не последует, вы будете свободны в ваших движениях имея командировку от Морского министерства[31].

Любопытно, что Мансуров приехал в Палермо на почтовом пароходе утром 6 февраля, а уже после завтрака эскадра вышла в море по направлению к Мальте и вернулась назад в Палермо лишь в ночь с 21 на 22 февраля.

7 февраля «Громобой» и «Ретвизан» прибыли в Мессину и соединились с двумя другими кораблями. После завтрака на фрегате и торжественной встречи на берегу великокняжеская семья поехала осматривать город: собор Св. Франциска Ассизского, монастырь Св. Григория и местность по направлению к мысу Фаро. Ни проходивший на следующий день в городе уличный карнавал, ни местный театр не понравился великому князю. Его супруге жизнь в Мессине показалась скучной. В Мессине было холодно, ветрено и дождливо[32]. Высокие гости предпочли городской гостинице собственные каюты на фрегате, которые по свидетельству Александры Иосифовны были «гораздо теплее, чем все те дома, в которых мы доселе – зябнув – жили»[33]. Зато поездка в Таормину и посещение древнегреческого театра вызвала у великого князя приятные воспоминания о прошлом[34] и наполнило воодушевлением его супругу.

«Я доселе не видала ничего более любопытного, – писала Александра Иосифовна к родным. Очень немногие путешественники сюда заглядывают, а дамы почти никогда. Декорациею этого театра служит лазурно-голубое море и величественная громада Этны! Нельзя вообразить себе ничего прекраснее. Этот вид мог бы быть еще привлекательнее, если б небо было ясно и если б вершина Этны не была заслонена облаками. Мы возвратились поздно вечером вполне довольные тем, что видели»[35]. На следующий день путешественники побывали в Сиракузах. Проделав весь путь на фрегате, который шел вдоль берегов Сицилии, они могли вполне оценить Этну с моря. «Этот вид так поражает, что ни на что другое более не смотришь. Вид этой исполинской горы невыразимо прекрасен; я была вне себя» – делилась увиденным великая княгиня. Путешественники посетили почти все известные достопримечательности Сиракуз и окрестностей: церковь, устроенную в античном храме Минервы, древнегреческий театр, Музеум со статуей Венеры, источник Аретузы, античные амфитеатр и цирк, храм Юпитера, Ухо Дионисия, которое оказалось затопленным из-за дождей, Малые каменоломни или Латомии, с разведенным там живописным садом и, наконец, христианские катакомбы – служившие городским кладбищем[36]. В тот же день фрегат взял курс на Мальту, где августейшие путешественники пробыли неделю, гостями британских властей острова. В ночь с 22 на 23 февраля «Громобой» вернулся в гавань Палермо, причем найти ее в темноте помог только вертящийся городской маяк[37]. В Палермо великого князя дожидался Мансуров и прибывший туда с бумагами из России фельдъегерь.

Фельдъегерь привез множество бумаг, потребовавших срочного разбора. За этой работой прошло 22, 23 и 24 число. Великий князь вынужден был даже отказаться от прогулок, чтобы закончить государственные дела. В конце дня он сел писать длинное письмо царю; сказалось общее напряжение и письмо пришлось отложить до утра. Вечером во время службы в домовой церкви на вилле Оливуцца, Константину Николаевичу сделалось дурно, он почти потерял сознание. Следующим утром письмо, содержащее просьбу о

поездке в Иерусалим, было кончено[38]. Позднее секретарь великого князя вспоминал:

Его Высочество давно уже желал побывать в Палестине, но политические обстоятельства не дозволяли Ему предпринять подобное путешествие –. Письмо Его к государю, в котором он испрашивал это дозволение, замечательно по глубине религиозного чувства, которое влекло его в Иерусалим, и покорности, с которой Он вперед покорялся всякому решению Его Величества[39].

25 февраля Мансуров выехал из Палермо в Петербург с письмом, в котором великий князь просил императора выслушать своего посланца лично и разрешить августейшей чете посетить Иерусалим. От себя Константин Николаевич писал:

Внимание Европы в эту минуту гораздо более обращено на Италию, чем на Восток. Из Афин до Палестины всего 4 дня ходу, и я полагаю, что если, находясь так близко от нее, я ее миную, это произведет на всем Востоке гораздо худшее впечатление, показывая со стороны России какую-то холодность и пренебрежение к делам Православия. Суматохи мое пребывание в Иерусалиме никакой произвести не может, потому что в это время, после Пасхи, он бывает почти пуст, поклонники уже все разъехались. Православной же церкви посещение впервые русского великого князя, брата Белого Царя, придаст непременно новой силы и нового веса, как то было после нашего посещения Афона в 1845 г., в котором с тех пор началась новая эра. Для меня же и для моей милой жинки это было бы величайшим утешением, благословением нашего семейного счастия и драгоценным воспоминанием на всю жизнь. Я убежден, что Ты в Твоем добром сердце это поймешь и разделишь наше желание. С упованием буду ждать Твоего решения. Но какое бы оно ни было, Ты вперед, разумеется, знаешь, дорогой Саша, что я ему безропотно покорюсь, как Твой верный слуга. Пишу я это в среду на первой неделе Великого Поста во время нашего говения[40].

Последующие три дня 26, 27 и 28 февраля великий князь почти не выезжал на берег, был на службах в корабельных церквях на «Громобое» и «Палкане», говел, исповедовался и причастился.

1 марта на фрегат к великому князю прибыл вице-король Кастельчикало с молодой женой, присутствие которой украсило вечер. Вице-короля сопровождал начальник полиции Манискалька. Гости провели на фрегате остаток дня, «вечером играли в карты и ужасно смеялись»[41]. На следующий день великий князь съехал на берег с утра, гулял в одиночестве а днем в компании посетил монастырь Св. Мартина, показавшийся ему дворцом. Жизнь путешественников в Палермо, казалось, вошла в прежнюю колею. Они гуляли и наслаждались видами, понимая, что время их пребывания на Сицилии быстро подходит к концу. 4 марта поездка через селение Сферрокавалло до Женского острова (delle femmine); 5 марта в Карини к развалинам замка князей Карини. 6 марта после посещения городской обсерватории, оборудованием которой великий князь остался очень доволен, состоялся прощальный обед, данный палермскими властями в честь именитых гостей. 7 марта фельдъегерь привез секретные депеши из Петербурга. «Все пахнет войной» – констатировал великий князь в дневнике. Пора было уезжать, поскольку великокняжеской чете предстоял еще визит в Неаполь.

А.В. Головнин, неотлучно сопровождавший великого князя в этой поездке так записал свои впечатления:

Пребывание в Неаполе продолжалось до Страстной недели и было вообще весьма невесело. Король находился в Казерте с своим семейством и был в это время при смерти болен. Великий князь вовсе не видал его. Вскоре по прибытии в Неаполь захворала великая княгиня, а затем сделался болен великий князь, и потому они вовсе не могли наслаждаться тем именно, что Неаполь представляет прелестнейшего, т.е. чудными окрестностями. В Неаполе великий князь был обрадован телеграфической депешей государя, в которой разрешалось ему путешествие в Иерусалим. Посему Он тотчас же распорядился следующим образом: из Неаполя Его Высочество решился идти на фрегате «Громобой», в сопровождении корабля «Ретвизан», в Грецию с тем, чтобы провести там дней 10 и оттуда идти в Яффу, а между тем отправил прямо в Яффу из Неаполя адъютанта своего Лисянского для необходимых приготовлений к

путешествию в Палестине. На страстной неделе «Громобой» и «Ретвизан» снялись с якоря и перешли из Неаполя в Сорренто, где Их Высочества выходили на берег и ездили по окрестностям. Светлое Христово Воскресенье великий князь встретил на эскадре в Мессине, а через неделю после самого благополучного плавания прибыл в Пирей[42].

Головнин не упоминает, что 6 апреля за полчаса до предполагавшегося отплытия эскадры в Грецию неожиданно для себя Константин Николаевич получил телеграмму князя А.М. Горчакова. Министр извещал, что государю неугодно, дабы великий князь встречал Пасху в Греции[43]. Пришлось срочно поменять маршрут. 7 апреля «Громобой» остановился у Кастелламмаре и путешественники берегом поехали в Сорренто. На следующий день они продолжили плавание по направлению к Мессинскому проливу, где судно встретил шквальный ветер, мешавший движению вперед. Только 9 апреля удалось встать на якорь в гавани Мессины. Судя по дневнику Константина Николаевича, они уже не выходили на берег. Страстную Пятницу, Великую Субботу и Светлое Воскресенье путешественники встречали на корабле. Участвовали в службах, молились, красили яйца, разговлялись и поздравляли друг друга с Пасхой. Вечером в воскресенье 12 апреля фрегат «Громобой» снялся с якоря и, оставляя за кормой скалистые берега Сицилии, повез великокняжескую чету в Грецию и далее на Православный Восток.

---

[1] Новорожденный Константин Николаевич получил имя по аналогии с именем своего дяди Константина Павловича в качестве преемника Греческого проекта, частью которого должен был быть один из членов императорской семьи. Аналогия эта была очевидна для современников и только усилилась, когда, после смерти дяди, принадлежавший ему Мраморный дворец в Петербурге указом императора был передан во владение племяннику и его потомкам.

[2] «Приблизившись к мирно спящему в колыбели Константину Павловичу, Константин Великий, точно волхв с Востока, принес ему не только звонкое имя, славу мужественного воина и освободителя христиан, но и главный свой дар.

Император поставил у изголовья крестника белый каменный город – с золотым куполом посередине, с изумрудным морем у высоких городских стен, Константинополь. Отныне древний город постоянно будет вставать на жизненном пути великого князя Константина, перегораживать дорогу, раздражать и дразнить». См: *Кучерская М.А.* Константин Павлович. 2-е изд., испр. и доп. М., 2013. С. 10. Этот красивый поэтический образ очень точно отражает суть политического проекта Екатерины Великой.

[3] См: *Каштанова О.С.* Великий князь Константин Павлович (1779-1831) в политической жизни и общественном мнении России. Дисс. на соискание уч. степени канд. ист. наук. На правах рукописи. М., 2000. С. 57-101.

[4] *Сидорова А.Н.* «Путешествие в Царьград, Константинополь и Стамбул» великого князя Константина Николаевича в 1845 году // Россия – Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: Материалы XV Царскосельской научной конференции: сб. научных статей: в 2 ч. Ч. II. СПб., 2009. С. 106-137.

[5] Подробное описание поездки великого князя Константина Николаевича в Палермо см в статье И.О. Пащинской в нашем сборнике (*прим. ред.*).

[6] ГАРФ. Ф. 990. Д. 227. Л. 23об.

[7] Письмо от 14 дек. 1858 г. См.: Русский архив. 1889. Т. 2. С. 329. Полностью этот план реализовать не удалось, зато в виду внезапного приказания императора возвращаться в Россию через Одессу великий князь вторично посетил Константинополь. См.: *Вах К.А.* Великий князь Константин Николаевич и Православный Восток: к 150-летию паломничества в Святую Землю // Россия – Восток. Контакт и конфликт мировоззрений: материалы XV Царскосельской научной конференции: сб. научных статей: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 2009. С. 46-59.

[8] Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994.

[9] *Великая княгиня Александра Иосифовна*. Письма с Востока к моим родным. 1859 г. М.: Индрик, 2009.

[10] *Головнин А.В.* Материалы к биографии великого князя Константина Николаевича. ОР РНБ. Ф. 208. Д. 12. Л. 41.

[11] Переписка Императора Александра II... С. 151

[12] «В Ницце уже не было этой утомительной стороны путешествия, а явилась опять восхитительная природа Италии, южная теплая зима, живительный воздух, голубое небо и море. Южная природа представляется еще прелестнее в Неаполе и Палермо. Там уже другая растительность, солнце светит ярче, небо темнее» // Записки А.В. Головнина, бывшего Министра народного просвещения, «Для немногих». Т. 2. ОР РНБ. Ф. 208. Д. 2. Л. 217об-218.

[13] Там же. Л. 218.

[14] Переписка Императора Александра II… С. 151.

[15] Записки А.В. Головнина… Л. 218.

[16] «Искусный садовник собрал там только такие деревья, которые сохраняют зелень всю зиму». Там же. Л. 218об.
[17] Переписка Императора Александра II... С. 151.
[18] Там же. С. 151.
[19] Там же. С. 151.
[20] *Головнин А.В.* Указ. соч. Л. 41об-42.
[21] Записки А.В. Головнина … Л. 219.
[22] Переписка Императора Александра II … С. 152
[23] Там же. С. 153.
[24] Там же. С. 154.
[25] Переписка Императора Александра II … С. 154.
[26] Записки А.В. Головнина … Л. 220об-221.
[27] Записки А.В. Головнина … Л. 220-221об.
[28] Переписка Императора Александра II … С. 154.
[29] Там же. С. 155.
[30] См. письмо к Александру II от 16/28 ноября 1858 г. в кн.: Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 73-74. Правда, уступая настояниям князя А.М. Горчакова, переданным по телеграфу, эскадра пришла в Афины лишь на второй день Пасхи.
[31] ГАРФ. Ф. 990. Д. 227. Письма Головнина А.В. Мансурову Б.П. Лл. 24об-25об.
[32] *Великая княгиня Александра Иосифовна*. Указ. соч. С. 19.
[33] Там же. С 20.
[34] Переписка Императора Александра II... С. 156.
[35] *Великая княгиня Александра Иосифовна*. Указ. соч. С 20.
[36] Переписка Императора Александра II... С. 156.
[37] Там же. С. 157.
[38] Там же. С. 158.
[39] *Головнин А.В.* Указ. соч. Л. 42-42об.
[40] Переписка Императора Александра II … С. 97.
[41] Там же. С. 158
[42] *Головнин А.В*. Указ. соч. Л. 42об-43об.
[43] Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем. Дневник Великого Князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 103, 161.

Алессандро Белломо,
Микеле Нигро

# МУЗЫКА ИЗДАЛЕКА

*Искусство обновляет народы и раскрывает их жизнь.*
*Тщетно наслаждение от сцены, если она не готовит будущее.*
Надпись на фронтоне театра Массимо в Палермо

По разным причинам, в т.ч. и географическим, Сицилия долгое время оставалась в стороне от развития европейской классической музыки – первые гастроли иностранных музыкантов приходятся на начало XIX в., а первый русский музыкант, тенор Николай Кузьмич Иванов[1], выступил тут только в 1842 г.

Лишь к концу XIX в. на Сицилии стали часто выступать русские мастера, а послереволюционный «исход» значительно усилил это явление. Во времена «холодной войны», после некоторого перерыва, на остров стали вновь приезжать музыканты из России (Советского Союза), теперь – в жанре «государственных» выступлений. Одновременно русскую культуру распространяли и артисты-диссиденты, попросившие на Западе политического убежища. После падения идеологических барьеров культурные связи значительно упрочились.

Наш очерк посвящен певцам, танцовщикам, сценографам, дирижерам – всем тем, кто в последние два века выступал на палермитанских подмостках в качестве «посланников культуры» из России на Сицилии[2].

## НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА БУЛЫЧЕВА



Родилась в Нижнем Новгороде в 1859 г.; карьеру начала в Турине в 1880 г. Гастролировала в Европе и Латинской Америке; на ее спектакле в Рио-де-Жанейро в июне 1886 г. дебютировал 19-летний Артуро Тосканини (на том же спектакле Булычева отпустила на волю купленных ею, специально для этой цели, рабов, что способствовало отмене рабства в Бразилии). В последние годы жизни преподавала пение в Милане, где и скончалась 10 мая 1921 г.

В Палермо выступила 19 мая 1988 г., в театре Политеама, в роли Маргариты в опере Гуно «Фауст» – успех Булычевой был так велик, что спектакль повторили десять раз. Популярность певицы заставила композитора Пьетрантонио Таска сочинить новую оперу «Бьянка», где та исполнила главную, одноименную, партию (премьера 22 июня 1888 г.; спектакль шел четыре раза).



## ФАННИ ТОРЕЗЕЛЛА



Родилась в Тифлисе в 1856 г. (полное имя Фанни-Елена-Константина), в семье импресарио, ставшего и ее первым учителем. Дебютировала в Триесте в 1876 г. С 1906 г. преподавала пение в Академии Санта-Лючия, в Риме, где и скончалась 2 мая 1914 г.

4 ноября 1890 г. Торезелла спела главную партию в опере Доницетти «Лючия ди Ламмермур» – на сцене Амфитеатра Мангано, в не сохранившемся палермитанском дворце Виллароза (на совр. пьяццале Унгерия). 20 ноября того же года она пела Джильду в «Риголетто» Верди, и чуть позднее – Марию Нейбургскую в опере Маркетти «Рюи Блаз» (спектакли шли в театре Политеама).



## АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ РОЗАНОВ

Родился в Москве, вероятно, в 1870 г. (настоящая фамилия Розеноф). Сначала пел в одном московском хоре, затем уехал учиться в Милан у маэстро Э. Броджи. Дебютировал в 1895 г. в Киеве, выступал в Харькове, Тифлисе, Москве, Петербурге, Гельсингфорсе, Берлине, Лиссабоне, в разных городах Италии. Считался одним из лучших интерпретаторов вагнеров-

ских партий. Обладал приятным и сильным голосом (tenor di forza). Умер в Одессе в 1912 г.

Вернувшись в Европу из гастролей по Америке, 19 мая 1910 г. Розанов выступил в роли Лициния в опере Спонтини «Весталки» в театре Массимо (спектакль спонсировала фирма Флорио). Оперу давали семь раз, в т.ч. 27 мая – перед королем Виктором-Эммануилом III и его супругой королевой Еленой Черногорской.

## САЛОМЕЯ АМВРОСИЕВНА КРУШЕЛЬНИЦКАЯ



Родилась в 1872 в селе Белявинцы, Австро-Венгрия (ныне Бучацкий р-н Тернопольской обл. Украины), в семье сельского священника. В детские годы пела в церковном хоре, пению обучалась во Львовской консерватории. В 1893 г. совершенствовалась по вокалу в Милане у Ф. Креспи. В 1898-1902 гг. – солистка Варшавской оперы, где исполнила 30 партий. С триумфом проходили гастроли певицы в Италии – Кремона, Триест, Парма, Бергамо, Милан, Неаполь, Рим, Турин, Генуя, Болонья, а также во множестве городов Старого и Нового Света. Последнее выступление на оперной сцене состоялось в 1920 г. в Неаполе; затем выступала в концертах. В 1939 г. вернулась в СССР и преподавала в консерватории, во Львове, где и скончалась в 1952 г. (консерватория теперь носит ее имя). Обладала выдающимся по силе и красоте голосом широкого диапазона, музыкальной памятью (могла выучить оперные партии за два-три дня), ярким драматическим дарованием.

В Палермо Крушельницкая выступила 11 марта 1911 г. в партии Брунгильды из оперы Вагнера «Гибель богов» в театре Массимо. Опера шла семь раз.

Бюст певицы экспонируется в музее миланской Ла Скала; в 2012 г. в г. Торре-дель-Лаго, близ Виареджо, ей открыт памятник (автор – украинский скульптор Руслан Иваницкий).

## АРНОЛЬД А. ГЕОРГИЕВСКИЙ

Из Одессы, родился ок. 1882 г. Пению обучался у проф. К. Коцебу, позднее совершенствовался в Милане, у маэстро Дж. Ансельми. Выступал на оперных сценах Генуи (1910), Одессы (театр А. Сибирякова, 1910-1912), Петербурге («Луна-парк», 1912), Вильно (1912), Рима (1914-1915), Монте-Карло (1920), Бухареста (с 1929). Последний раз выступил на оперной сцене в 1933 г. – в Парме. Лиричный тенор, обладал небольшим, но хорошо поставленным голосом. Скончался в Бухаресте в 1935 г.

В Палермо Георгиевский пел в театре Бьондо, в партии Эльвино в опере «Сомнамбула» Беллини, на открытие осеннего сезона 1914 г. (17 октября).



## РОМАН ИСИДОРОВИЧ ГУРОВИЧ, ПСЕВДОНИМ ЧАРОВ И ЧАРИНИ

Также родился в Одессе, в 1878 г.; настоящая фамилия Гурович. Пению обучался в С.-Петербургской консерватории, по окончании которой выступал (под псевдонимом Чаров и Чарини) в Киеве, Одессе, Харькове, Казани, Екатеринбурге, Перми, Петербурге. С 1911 г. гастролировал в Генуе, Венеции, Милане, Флоренции, Риме, Барселоне, Лондоне, Цюрихе, Бухаресте, Варшаве. С 1920-х гг. гастролировал в разных городах СССР.

Обладал легким, ровным голосом теплого тембра и обширного диапазона, музыкальной культурой, ярким

сценическим темпераментом. С легкостью преодолевал технические пассажи любой трудности. Критики называли певца «русским итальянцем». Умер в 1964 г. в Одессе.

19 апреля 1919 г. выступил на сцене театра Массимо в Палермо в партии Вертера в одноименной опере Массене, под псевдонимом Чаров (Ciaroff).

## ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ПИСАРЕВСКАЯ, ПСЕВДОНИМ ИЛЕАНА ЛЕОНИДОВА



Родилась в Севастополе в 1893 г. в семье вице-адмирала, в Италии обосновалась с 1911 г. Певица, танцовщица, звезда немого кино, сыгравшая главную роль в фильме итальянского авангарда «Таис» и организовавшая одну из самых популярных трупп 20-х гг. в Европе – Русский балет Леонидовой (Balli russi Leonidoff), названный так по псевдониму. После 20-летней работы в Италии, Писаревская-Леонидова покидает Старый Свет и обосновывается в Аргентине, где занимается преподаванием.

В 1920-1921 гг. Русский балет Леонидовой предпринял длительное турне по Италии. С 24 декабря по 6 января труппа представила в театре Массимо богатый репертуар балетов, где ее глава выступила как прима-балерина и как хореограф. Исполнялись спектакли на музыку А. Бородина, Н. Римского-Корсакова, В. Ребикова, А. Аренского, А. Рубинштейна и др.

## АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ВЕСЕЛОВСКИЙ



Родился в Москве в 1885 г.; пению обучался с 1914 г. в московском Синодальном хоре, а сценическую деятельность начал в 1917 г. в Большом театре. В 1921 г. эмигрировал в Румынию, затем во Францию, вскоре дебютировав на сцене парижской «Опера-комик». Выступал также и в спектаклях парижской Русской оперы. В 1925 г., совершенствуясь в пении в Италии, по приглашению Артуро Тосканини, дебютировал в партии кн. Голицына («Хованщина» Мусоргского) в Ла Скала, где в последствии постоянно выступал до 1950 г. По окончании сценической деятельности преподавал пение в Милане. Скончался 4 февраля 1964 в местечке Луино.

В Палермо тенор впервые выступил 28 апреля 1928 г. в партии кавалера Грие в опере «Манон Леско» Массене. Спектакль давался пять раз. Певец возвращался на Сицилию в 1933, 1937 (оба раза – в «Травиате») и 1938 г. (в «Моисее»). Вот что писал «Giornale di Sicilia» 17 января 1933 г.: «Тенор Веселовский, с его приятным тембром голоса и с огромной выразительностью партий, а также с отменной рафинированностью, завоевал у публики большую симпатию».

## РУССКИЕ (ПОЗДНЕЕ ИТАЛО-РУССКИЕ) МАСКИ

Театральная компания в жанре варьете сформировалась в Париже в начале 1920-х гг., с названием «Masques»; к 1923 г. относятся ее первые выступления в Италии – в Турине. Ее художественным

руководителем стал киевлянин Василий Молчановский, актер, хореограф и гример: в 1930 г. он выпустил в Милане книгу «Come si truccano... La truccatura teatrale e cinematografica moderna» («Как гримируют... Современный театральный и кинематографический грим»). В состав труппы, теперь под названием «Русские маски», (Maschere russe) также входили: Константин Александров, Дориан Аронзон, Мария Ковас, Артур Геликовский, Любовь Иванова, Георгий Комаров и др. В конце 20-х гг. к ним присоединились Нино Бреро, Клаудио Эрмелли, Мариза Валентини и иные итальянские актеры: труппа стала называться «Итало-русские маски» (Maschere italo-russe).

В начале 30-х гг. «Маски» выступали в палермском театре Бьондо.

## ЕВГЕНИЯ ФЕДОРОВНА БОРИСЕНКО, ПСЕВДОНИМ ИЯ РУСКАЯ

Родилась в Керчи в 1902 г. в семье офицера; после революции эмигрировала. Танцовщица, хореограф и преподаватель танцев, в начале 20-х гг. жила в Риме; в 1927-1940 гг. в Милане, после замужества с А. Борелли, директором «Коррьере делла Сера», а затем снова в Риме, где и скончалась в 1970 г. В 1921 г. дебютировала в Casa d'Arte Bragaglia в Риме сольным концертом «мимические действия и танцы». Сценический псевдоним «Ия Руская» ей дал владелец театра А.-Дж. Брагалья. В 1929 г. снялась в фильме «Юдифь и Олоферн» Негрони. В том же 1929 г. открыла свою школу в театре Даль Верме в Милане. С 1932 по 1934 гг. являлась одним из руководителей балетной школы Ла Скала. В 1934 г. оставила сценическую карьеру и открыла собственную школу. Газета «Коррьере делла Сера» от 2 ноября 1934 г. сообщала: «Ия Руская создает в Милане "Постоянную труппу" (Gruppo Stabile) из выпускников балетной школы, для воплощения своих художественных замыслов, которые уже были высоко оценены на представлениях в Сиракузах ... ».

Ия Русская давала в театре Массимо в 1937 г. балетный спектакль «Due poemi di danze» («Две танцевальные поэмы»).



АЛИСА НИКИТИНА

Родилась в Петербурге в 1909 г. (согласно некоторым источникам – в 1904 г.). После начала учебы в Императорской балетной школе эмигрировала с семьей в Западную Европу, дебютировав как балерина в 1920 г. в Любляне; с 1921 г. выступала в Берлине, с 1923 г. работала у Дягилева, после смерти которого гастролировала в разных европейских городах. С 1938 г., уже в Италии, удалившись от балета, пробует себя как сопрано и добивается успеха. В 1959 г. выходит ее автобиографическая книга «Nikitina by Herself» (Никитина о себе самой). Скончалась в Монте-Карло в 1978 г.

Именно как певица прибывает на Сицилию и в ноябре 1938 г. поет партию Джильды в «Риголетто» Верди, в театре Массимо.



АНДЖЕЛИКА КРАВЧЕНКО

Родилась в Ростове-на-Дону в 1898 г., и как оперная певица (меццо-сопрано) дебютировала на российских сценах. В 1926 г. переезжает в Италию, где в январе того же года дебютирует в Ла Скала. Выступает в самых известных театрах мира: от Амстердама до Рио-де-Жанейро. Возвращается в Ла Скалу

**Портрет работы Ансельмо Буччи, 1927 г.**

в 1942 г. с ролью Хиври в «Сорочинской ярмарке» Мусоргского под режиссурой А. Санина. В последний раз появляется на миланской сцене в роли хозяйки харчевни в «Борисе Годунове», премьера которого состоялась 27 декабря 1949 г. под руководством И. Добровена. Скончалась в Милане в 1992 г.

Певица не раз выступала на Сицилии, в т.ч. в 1947 г. – в партии ведьмы в опере Гумпердинка «Гансель и Гретель» в театре Массимо.

## НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ МАЛЬКО

Родился в 1883 г. в Браилове, учился в Петербургской консерватории по классам композиции у Н. Римского-Корсакова, дирижирования – у Н. Черепнина, совершенствовался в Мюнхене у Ф. Мотля. Дебютировав в 1909 г. в качестве ассистента дирижера балета в Мариинском театре, незадолго до революции 1917 г. получил место главного дирижера. В 1918-1925 гг. преподавал в Московской консерватории, в 1925-1929 гг. – в Ленинградской. В 1929 г. покинул СССР, работая в качестве приглашенного дирижера в Вене, Праге, Копенгагене, Лондоне и других городах. С 1940 г. поселился в Чикаго, где руководил различными коллективами. С 1957 г. руководил симфоническим оркестром Сиднея, в 1959 г. гастролировал с ним в СССР. Издал в 1950 г. книгу об искусстве дирижирования «The Conductor and his Baton» («Дирижёр и его палочка»). Умер в Сиднее в 1961 г.

В феврале 1949 г. Малько дирижировал оркестром (солист – скрипач И. Менухин) в театре Массимо, исполнив произведения Бетховена и Чайковского.

## ЮЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ АЛГАРОВ (АЛЬГАРОВ, АЛГАРОВ-МЕТЦЛЬ)

Родился в 1918 г. в Симферополе. В эмиграции жил в Берлине, затем перебрался в Париж, где дебютировал в 1937 г; танцевал в составе трупп Русского балета в Париже, Балета Елисейских полей,

Нового балета Монте-Карло и др. Работал импресарио; участвовал в постановках С. Лифаря; в 1960-е гг. руководил Фестивалями искусств в Монако. Умер в Париже в 1995 г.

24 и 25 января 1950 г. Алгаров танцевал в палермитанском театре Массимо – в дуэте с Ириной Скорик.

## ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА ПАВЛОВА



Родилась в 1890 г. в Екатеринославле (настоящая фамилия Зейтман). В 1916 г. поступила в труппу Московского Драматического театра. В 1919 г. прибыла в Италию, возможно, из Парижа. В 1920 г. работала на киностудии в Турине, первой кинофабрике в Италии: в 1923 г. дебютирует в собственной труппе в римском «Театре Валле», начиная выступать также в «Любительском театре» (Teatro dei Filodrammatici) в Милане. В 1920-1930-е гг. ставила спектакли различных итальянских и русских авторов. После войны сотрудничала и с итальянским телевидением. В 1953 г. начинает свою работу в Ла Скала, где ставит «Бориса Годунова» Мусоргского и пр. Умерла под Римом (в Гроттаферрате) в 1995 г.

Как постановщица оперы, Павлова прибыла в Палермо в 1956 г., где в театре Массимо была дана «Кармен» Бизе (четыре раза).

## ВИКТОР ИВАНОВИЧ ГСОВСКИЙ

Родился в Петербурге в 1902 г., брал частные уроки у прима-балерины Мариинского театра Е. Соколовой. В 1925 г. эмигрировал из СССР, обосновавшись в Берлине; с 1928 г. вместе с женой

Татьяной основал Ballet Gsovsky. С 1937 г. в Париже, в 1950 г. вернулся в Германию на работу хореографа (в Мюнхенском оперном театре). Умер в Гамбурге в 1974 г.

28 января 1957 г. в театре Массимо был дан спектакль «Gran Pas Cassique» на музыку Д. Обера, в постановке Гсовского и в его присутствии.

## ГЕОРГИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ВАХЕВИЧ

Родился в Одессе в 1907 г.; эмигрировал в 1921 г. через Болгарию и Румынию во Францию, где учился в Русской гимназии в Париже, в Национальной школе декоративных искусств и академии Гранд Шомьер; в 1928 г. стал ассистентом художника театра Жана Перье. Первые самостоятельные декорации создал в 1930-1931 гг. на киностудии «Victorine» в Ницце, затем на киностудии «Тобис» и пр., исполнив в итоге костюмы и декорации более чем к 100 фильмам, а также к ряду оперных, балетных и драматических постановок. В 1950-1960-е гг. оформлял спектакли в Ла Скала; занимался также живописью и графикой. Скончался в Париже в 1984 г.

Для театра Массимо в Палермо Вахевич осуществил как сценограф ряд постановок: в июне 1951 г. для балетной труппы «Champs Elisées» и ее спектаклей «Improntu au Bois» Ибера, затем последовали «Соната для флейты» Констана (1957), «Диалоги кармелитанок» Пуленка (1962), «Симон Бокканегра» Верди (1962, 1969 и 1982), «Ифигения» Пиццетти (1968), «Фиделио» Бетховена (1970); «Кармен» Бизе (1981).

## НИКОЛАЙ ОРЛОВ

Н. Орлов (Петроград, 1914 – Рокленд, близ Нью-Йорка, 2001). Известный балетный танцовщик, балетмейстер, первоначальное образование получил в парижской балетной школе О. Преображенской «Studio Wacker». В 1938 г. хореограф Л. Мясин пригласил Орлова в труппу «Русский балет Монте-Карло». Во время войны труппа, под новым названием Original Ballet Russe,

уехала в Австралию и в итоге различных турне оказалась в США, где танцовщик остался жить и работать. Последний его концерт в Италии прошел в 1962 г., в Милане.

Орлов выступил в театре Бьондо в Палермо 26 октября 1952 г., открыв концертный сезон сицилийской ассоциации «Друзья музыки» (Amici della musica) исполнением пьес Фрескобальди, Шопена, Листа.

## МСТИСЛАВ ЛЕОПОЛЬДОВИЧ РОСТРОПОВИЧ

Великий музыкант М. Ростропович (Баку, 1927 – Москва, 2007) выступал в Палермо, в консерватории им. В. Беллини 28 ноября 1964 г. – еще до своей вынужденной эмиграции. Он исполнил, в дуэте с пианистом А. Дедюкиным, произведения Брамса, Баха, Шостаковича.

## КИРИЛЛ ПЕТРОВИЧ КОНДРАШИН

К. Кондрашин (Москва, 1914 – Амстердам, 1981), известный советский дирижер, прославившийся совместными турне и записями с пианистом Ван Клиберном, не раз демонстрировал свое мастерство в Палермо, еще будучи советским гражданином (в 1978 г. он попросил политического убежища в Голландии). 8 ноября 1961 г. он дирижировал концертом Московского филармонического оркестра – произведениями Моцарта, Равеля и Прокофьева; 25 октября 1964 г. – Баха, Мартину и Стравинского; 10 октября 1975 г. – Пярта, Моцарта и Малера; 11 ноября того же года – Прокофьева, Хиндемита и Стравинского.

## БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОКРОВСКИЙ

Прославленный советский театральный деятель, художественный руководитель Большого театра в 1943-1982 гг., Б. Покровский (Москва, 1912 – Москва, 2009), привез в 1964 г. в Италию оперу

«Войну и мир» Прокофьева. 24 апреля ее дали в театре Массимо (всего прошло 8 представлений).

## ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ МОИСЕЕВ

И. Моисеев (Киев, 1906 – Москва, 2007), именитый танцовщик и хореограф, создатель труппы, носившей его имя, посетил Палермо с концертами русских народных танцев три раза: 2 октября 1969 г. (5 концертов); 9 декабря 1980 г. (14 концертов); 10 июля 1985 г. (5 концертов, включая и танец на музыку Мусоргского «Ночь на Лысой горе»).

## ОЛЕГ ДАНОВСКИЙ

О. Дановский (Вознесенск, 1917 – Румыния, 1996; настоящая фамилия: фон Гильденбрандт), танцовщик и постановщик, начавший свою блестящую карьеру в эмиграции в Румынии, привез в июне 1970 г. в Палермо, в театр Массимо, «Лебединое озеро» Чайковского – лучший спектакль хореографа.

## ВЛАДИМИР ИСААКОВИЧ ДЕЛЬМАН

В. Дельман (Петроград, 1923 – Милан, 1994), после успешной работы на родине, в 1974 г. получил политическое убежище в Италии. Уже в том же году, 19, 20 и 21 июля он дирижировал в Палермо концертом Чайковского, Шостаковича и Бородина. Дальнейшая его карьера развивалась в Болонье, Турине и Милане.

## ВАЛЕНТИН ВАСИЛЬЕВИЧ КОЖИН

В. Кожин (Ленинград, 1943 – Франция, 1994); окончив Ленинградскую консерваторию, в 1975-1977 гг. возглавил Симфонический оркестр Свердловской фиармонии, затем вернулся в Ленинград на пост главного дирижера Малого театра оперы и балета. В январе 1990 г. во время гастролей в Париже отказался

вернуться в СССР. В 1991-1993 гг. – главный дирижер парижского оркестра Ламурё.

17 марта 1984 г. маэстро дирижировал оперой «Пиковая дама» Чайковского в театре Массимо.

## ИОСИФ ГЕОРГИЕВИЧ СУМБАТАШВИЛИ

И. Сумбаташвили (Тифлис, 1915 – Москва, 2012), художник драматического театра, с 1958 г. покинул родную Грузию ради Москвы, где работал в театре им. Вахтангова, а в Ленинграде для театра оперы и балета им. С.М. Кирова создал декорации к опере «Петр I» А.П. Петрова и к балету «Пушкин», тоже Петрова.

В апреле 1986 г. в Палермо шла опера «Война и мир» Прокофьева с его декорациями.

## ЕВГЕНИЙ ФЕДОРОВИЧ СВЕТЛАНОВ

Е. Светланов (Москва, 1928 – Москва, 2002), один из ведущих советских дирижеров, композитор и постановщик опер, 28 и 30 октября дирижировал Государственным оркестром СССР в театре Массимо, с концертом произведений Прокофьева, Лядова, Скрябина.

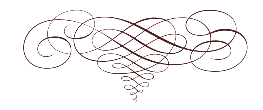
*Перевод и редакция Михаила Талалая*

---

[1] О Н.К. Иванове см. в нашей же статье «По следам русских на Сицилии»; в той статье мы рассказываем также о следующих представителях русского музыкального мира: Иосиф Рубинштейн; Николай Магалов; Фабиан Севицкий, Игорь Стравинский, Рудольф Нуреев.

[2] Для составления биографических справок мы пользовались сицилийскими периодическими изданиями, музыкальными справочниками, а также открытыми Интернет-источниками, в т.ч. сайтом www.russinitalia.it.

# РУССКАЯ МЕССИНА



Сергей Фокин

# «НЕ СЛЕДУЕТ УПУСКАТЬ ТАКОГО БОГАТСТВА»: РУССКИЕ ЗООЛОГИ В МЕССИНЕ


Александр Ковалевский. 1860-е

Сицилия, одна из жемчужин итальянского Средиземноморья, издавна привлекала путешественников, среди которых помимо просто туристов было немало «научных туристов» – ученых. Естествоиспытатели-зоологи особенно часто были гостями города Мессины, расположенного полукругом вдоль залива, в виду калабрийского берега и окруженного невысокими, но весьма живописными горами. Своеобразие ветров, течений и общие гидрологические особенности этого пролива, отделяющего Сицилию от Калабрии, издавна создавали уникальную возможность для сбора там представителей морской фауны, прежде всего пелагических беспозвоночных и низших хордовых, разнообразием которых славится Средиземное море[1]. Как писал об этом наш знаменитый зоолог-эмбриолог А.О. Ковалевский:

Не следует упускать такого богатства как Мессина. Такого изобилия Coelenterat и прозрачной икры моллюсков, как здесь, я нигде не найду <...>. Сегодня вечером погода великолепная, и я рассчитываю завтра на богатый улов[2].

Одним из первых эту особенность Мессинского побережья заметил еще во второй половине XVIII в. известный итальянский естествоиспытатель и один из первых экспериментальных биологов Л. Спалланцани, изучавший там в 1788 г. пелагическую фауну. С тех пор это место на северо-восточном побережье Сицилии стало надолго излюбленным для естествоиспытателей, интересующихся жизнью морских, прежде всего беспозвоночных, животных.

Вот как вспоминал Мессину один из русских зоологов С.С. Чахотин, проведший там несколько лет в начале XX в. и чудом спасшийся во время катастрофического мессинского землетрясения 1908 г.:

Любовь к научным исследованиям забросила меня в Мессину – этот далекий, чудно расположенный уголок юга Европы. Здесь все своеобразно, и говорит вам о том, что вы далеко от современной жизни с ее внешней культурой, с ее тонущими в облаках дыма и пыли городами, с залитыми электрическим светом улицами и громыхающими по ним вагонами трамвая, с суетящейся, бегущей толпой <…>. Нет, здесь все застыло; гордо тянутся к темно-синему небу на площадях пальмы, острыми колючками вырезываются на его фоне кактусы <…>. Медленно и степенно шагают попарно разодетые в смешные пестрые формы блюстители порядка – карабинеры <…>. Где-нибудь возле траттории дребезжит шарманка и поет сочным, звучным голосом смуглая девочка огненные мелодичные песни Юга[3].

Среди «научных туристов» на Сицилии, число которых заметно возрастало с течением XIX в., преобладали сначала немецкие ученые-зоологи. Прежде всего, надо вспомнить И. Мюллера, К. Фогта, Э. Геккеля, О. и Р. Гертвигов и их учеников. Как шутили итальянцы – в середине XIX в. Мессина стала Меккой для немецких профессоров. Однако, никаких специальных условий – научных станций, лабораторий, оборудования для полевых биологических исследований в Мессине, как и вообще на побережьях



**Антон Дорн.
Рисунок А. Хильдебранда,
1872**



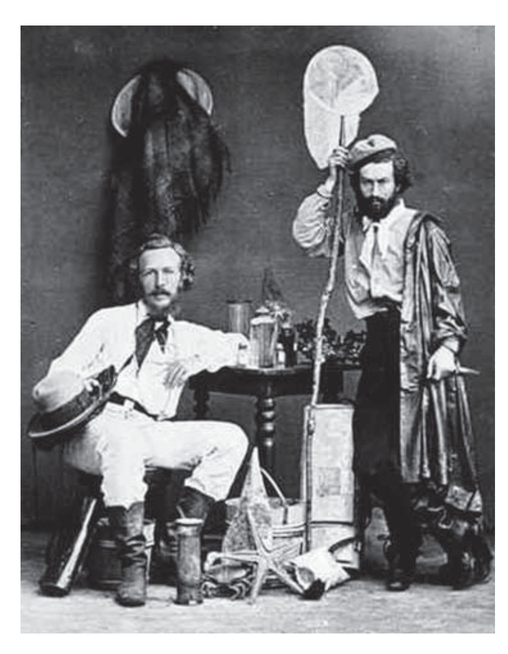
**Антон Дорн (справа) и Отто Бючли на Неаполитанской зоологической станции, 1890 г.**

Средиземного моря тогда не существовало. Ученым приходилось везти все необходимые инструменты и приспособления с собой и, устроившись в гостинице или на частной квартире, на свой страх и риск отправляться с рыбаками на сбор материала. Собранные в море или даже купленные на рынке животные потом изучались на месте, сохраняемые живыми в разнокалиберных стеклянных банках, и (или) исследовались под сравнительно примитивным микроскопом. В основном же в зафиксированном виде материал увозился для серьезного исследования порой за тысячи километров – в университеты Германии, Англии, России.

Первым эту традицию «научного туризма» попытался нарушить ученик знаменитого немецкого профессора-зоолога Э. Геккеля, приват-доцент, а впоследствии профессор и организатор Неаполитанской зоологической станции **Антон Дорн** (1840–1909)[4], приехавший на Сицилию осенью 1868 г. из Йенского университета и организовавший в Мессине временную морскую лабораторию. Для этой лаборатории из Глазго специально был доставлен боль-

шой аквариум с системой циркуляции воды[5]. Испытав на себе трудности экспедиционной работы при постоянном недостатке необходимого оборудования, литературы, при незнакомстве с местными условиями, Дорн задумался над необходимостью организации постоянных (стационарных) исследований в природе[6]. Тогда, в Мессине, Дорн работал приватно в одной из комнат палаццо Витале и вместе со своим коллегой по Йенскому университету, молодым русским зоологом Н.Н. Миклухо-Маклаем они активно занимались изучением биологии и морфологии морских обитателей.

**Николай Николаевич Миклухо-Маклай** (1846–1888)[7] – тогда еще только начинающий зоолог (он был на 6 лет моложе Дорна) интересовался, прежде всего, фауной морских губок и морфологией мозга примитивных рыб. Дорн в это время разрабатывал вопросы жизненного цикла некоторых ракообразных. Все эти исследования требовали длительных наблюдений живых объектов, как в природе, так и в лабораторных условиях и установленный в палаццо аквариум оказался очень кстати. Понимая выгоды работы в оснащенной лаборатории, друзья стали обсуждать возможность организации постоянной биологической станции для исследования жизни обитателей моря[8]. Встреча Дорна и Миклухо-Маклая в Мессине имела для первого и другое следствие, поскольку Миклухо-Маклай ввел Дорна в русско-польское семейство Егора Ивановича Барановского.



Эрнст Геккель и Николай Миклухо-Маклай. Канары, 1866

По некоторым источникам Барановский вместе со своим родным братом Андреем[9] представлял на Сицилии Русскую судоходную компанию[10]. На дочери Егора Ивановича, Марии (1856–1918) спустя 6 лет Антон женился[11]. Это породило впоследствии прочные связи семьи Дорна с Россией.



**Николай Миклухо-Маклай. Вальпараисо, 1871.**

Предприняли друзья, как и большинство посещавших Сицилию путешественников, восхождение на вулкан Этну – самый высокий вулкан Европы. Эта экскурсия, совершенная в начале январе 1869 г., чуть не кончилась для Дорна трагически. Уже на верхнем плато, Антон поскользнулся и скатился вниз по скалистому оледенелому склону несколько десятков метров, получив, к счастью, только многочисленные ушибы и ссадины. Миклухо-Маклай, учившийся в Йене на медицинском факультете, смог осмотреть товарища и помочь ему спустится вниз. Лечение заняло несколько недель, в течение которых Николай продолжал работу в одиночку. В Мессине им была закончена работа, посвященная строению мозга хрящевой рыбы-химеры. 12 марта 1869 г. Н.Н. Миклухо-Маклай покинул Мессину. Туда ему больше не суждено было вернуться, но



**Михаил Усов. Санкт-Петербург, 1882**

он состоял в постоянной переписке в А. Дорном[12] и был в курсе реализации в Неаполе их общей мечты о постоянной морской зоологической станции.

Среди крупных русских ученых, работавших в Мессине, помимо Н.Н. Миклухо-Маклая, следует, прежде всего, вспомнить А.О. Ковалевского, И.И. Мечникова, Н.П. Вагнера, М.М. Усова и Н.В. Бобрецкого[13] хотя, конечно, отечественных ученых-биологов, бывавших на Сицилии было много больше[14]. Достаточно обособлено в этом ряду стоит жизненная история биолога С.С. Чахотина, выпускника Гейдельбергского университета, Германия (1907) и ассистента при Институте фармакологии в Мессине в 1907–1908 гг., о которой речь пойдет далее.

Так случилось, что большинство русских зоологов начало посещать Мессину с целью исследований морских организмов именно в конце 1860-х гг. Этому были определенные предпосылки. Развитие зоологической науки, да и биологии вообще во второй половине XIX в. во многом было определено опубликованным в 1859 г. знаменитым трудом Ч. Дарвина «Происхождение видов». После выхода в Англии эта книга, появившись сначала в немецком переводе Г. Бронна (1860), в 1864 г. была переведена и на русский С.А. Рачинским, выдержав в России за 9 лет три издания. Несколько дальнейших десятилетий биологи всего мира были отчасти заняты проверкой и подтверждением дарвиновских эволюционных идей. Для этого изучение организации, развития и филогенетических связей низших групп морских беспозвоночных животных оказалось наиболее перспективными. Таким образом, эволюционные исследования, основанные на сравнительно-анатомическом и эмбриологическом изучении разнообразных обитателей моря, составили значительную часть «зоологических итогов» XIX в.

В последней четверти XIX в., число приезжающих на Сицилию русских зоологов, впрочем, резко снизилось, так как появилась возможность работать на организованной А. Дорном Неаполитанской зоологической станции и на других средиземноморских (русской и французских) биологических стационарах – Вильфранш-сюр-мер, Марсель, Баньюльс[15].

Совокупными усилиями многочисленных отечественных биологов российская зоологическая школа заняла в рассматриваемый период времени одно из лидирующих мест в мировом научном сообществе. Такое утверждение особенно справедливо для эволюционной сравнительной эмбриологии беспозвоночных, основы которой в 1865–1885 гг. были заложены классиками отечественного естествознания А.О. Ковалевским и И.И. Мечниковым прежде всего в результате их многолетней работы на Средиземном море.



Николай Бобрецкий. 1880-е гг. XIX в. Киев.

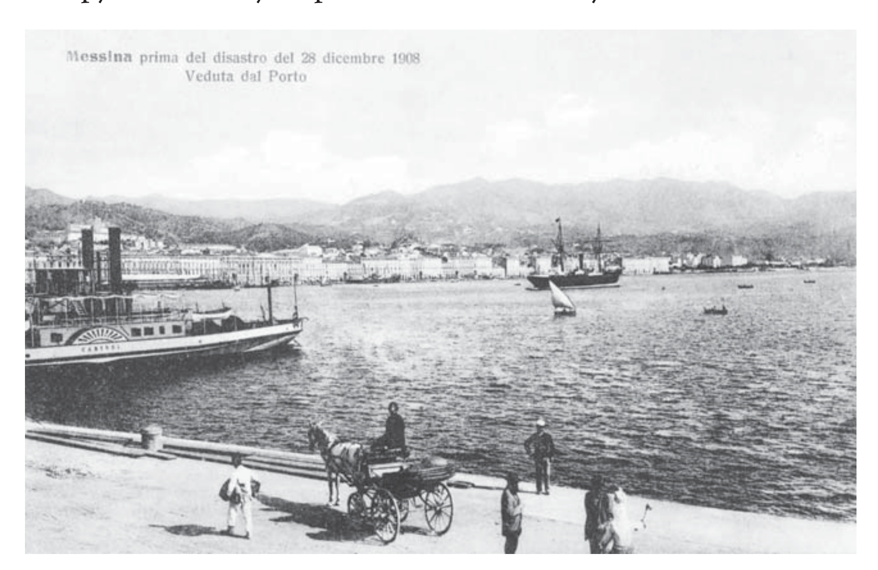
Начав свои эмбриологические исследования с работы по развитию ланцетника, проведенной в Неаполе (1864), **Александр Онуфриевич Ковалевский** (1840–1901)[16] последовательно сделал ряд замечательных открытий по развитию почти всех групп беспозвоночных и животных неясного (до Ковалевского) систематического положения. Кораллы, медузы, гребневики, кольчатые черви, иглокожие, плеченогие, насекомые, наконец, асцидии – изучение представителей все этих и некоторых других групп, проведенное ученым в большинстве на Средиземном море, (в том числе и в Мессине!) дало в руки Александра Онуфриевича бесценный сравнительно-эмбриологический материал. Работы Ковалевского с необычайной ясностью показали наличие ряда общих черт в развитии всех животных. Его исследования значили для торжества эволюционного учения Дарвина больше, чем самые крупные идеи других защитников дарвинизма[17].

В этот период расцвета эмбриологии в России Ковалевский был отнюдь не одинок. Прежде всего, следует указать на друга, а отчасти и на научного соперника Александра Онуфриеви-



Илья Мечников. 1860-е

ча – **Илью Ильича Мечникова** (1845–1916)[18]. Его работы по развитию насекомых, иглокожих, кишечнодышащих, также выполненные в большинстве в Италии, дополняли открытия Ковалевского. Развитие губок, медуз, сифонофор, анализ строения низших ресничных червей – области безусловного научного приоритета Ильи Ильича. Его «паренхимульная» теория происхождения многоклеточных животных, созданная в противовес геккелевской «гастрее», признается теперь многими учеными, а развитая ученым на основе опытов, сделанных в Мессине, фагоцитарная теория воспаления принесла автору Нобелевскую премию 1908 г. по иммунологии[19].




Вид порта Мессины. Открытка. Нач. 1900-х

В первый раз Мечников попал в Мессину в апреле 1868 г, когда там уже около месяца работал А.О. Ковалевский, для которого это место было знакомым с 1866 г. В своих воспоминаниях Илья Ильич так описывал свое появление на Сицилии:

> В первый раз меня увлек туда мой незабвенный товарищ и друг А.О. Ковалевский, который поехал туда весной 1868 г. В своих письмах он так восторженно описывал мне богатство мессинской морской фауны и так усиленно меня звал к себе, что я недолго думая, покинул Неаполь и поплыл в Мессину <…>. В общем, город Мессина не представлял ничего сколько-нибудь выдающегося по красоте, но зато в высшей степени живописны его окрестности. Стоило подняться на некоторую высоту, чтобы увидеть чудный вид на море и на Калабрию, или же пройтись, или проехать вдоль берега моря, по направлению к деревне Фаро, чтобы насладиться дивной природой[20].

Это было время борьбы за объединение Италии, которую возглавил Дж. Гарибальди и даже в далекой от метрополии Мессине социальная активность была весьма заметна. А.О. Ковалевский, появившийся в Мессине в марте, писал общему с Мечниковым знакомому, профессору-зоологу из Казани **Николаю Петровичу Вагнеру** (1829–1907)[21]:

> Я живу в Hotel di Milano, № 6 (Strada Garibaldi)[22]. Волей – неволей вижу все процессии и манифестации либеральных мессинцев или мессинианцев в пользу Гарибальди и Мадзини, а вчера и третьего дня должен был смотреть все мучения Христа, так как все это было представлено в ли-



Николай Вагнер. 1875

цах и путешествовало мимо моих окон <...>. Неудобство Мессины то, что тут нет Джованни и тому подобных и надо самому ловить <…>. Что касается до рыбного рынка, то он небогат[23].

Тем не менее, Ковалевский с успехом исследовал в Мессине развитие сифонофор, медуз и оболочников. Не отставал от него и Мечников:

Я усердно работал над развитием низших животных в надежде найти в ней ключ к пониманию генеалогии организмов. После дня, проведенного за микроскопом, мы с Ковалевским обменивались добытыми результатами, спорили и проверяли друг друга. Но усиленное микрокопирование в Мессине с ее ярким солнцем расстроило мое зрение. Мне приходилось отрываться от занятий по нескольку часов подряд <…>. Несмотря на препятствия, мне удалось все-таки добыть кое-какие интересные результаты (особенно по истории иглокожих); но все же болезнь глаз принудила меня покинуть Мессину и снова вернуться в Неаполь[24].

В апреле к Ковалевскому в Мессину приехала жена с новорожденной дочкой Ольгой, которая была крещена местным греческим священником[25]. Крестным отцом ребенка стал Мечников:

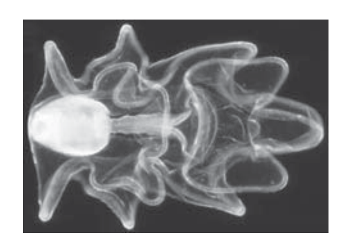
Я держал дитя в качестве крестного отца. Ковалевский же был особенно озабочен тем, как бы остатки восковых свечей, употребляемые во время церемонии, не были затеряны, а послужили бы материалом для заливания препаратов, которые в то время заключались в смесь воска и оливкового масла[26].

В последствие И.И. Мечников работал в Мессине еще 2 раза. В 1880 г. это был достаточно короткий визит. Ученый в своих воспоминаниях писал:

Две первые недели мая были проведены мною в Мессине, куда я отправился со специальной целью изучить образование гаструлы немертин и где, кроме того, мне удалось найти вышеупомянутую ортонектиду[27].

Следующий, последний визит Мечникова в Мессину (1882–1883), оказался знаковым в его научной судьбе. Илья Ильич вспоминал:

> На этот раз мы поселились не в самой Мессине, а в ее окрестностях, в местечке Ринго, на самом берегу моря <…>. В чудесной обстановке Мессинского пролива, отдыхая от университетских передряг, я со страстью отдался работе»[28].



**Личинка морской звезды – бипиннария, на которой проводил опыты И.И. Мечников**

Мечниковым было обнаружено, что у низших животных, обладающих кишечным пищеварением, существуют блуждающие клетки, сохраняющие способность к внутриклеточному пищеварению. Отчасти исследованием этих клеток он и занялся. Идея Мечникова заключалась в том, что, по-видимому, такие клетки в организме могут поглощать не только пищевые частицы, но и чужеродные тела. Эти клетки ученый назвал фагоцитами (пожирающие клетки). В дальнейшем Илья Ильич развил зародившуюся у него идею в детально разработанную фагоцитарную теорию, объясняющую многие явления воспаления и невосприимчивости организмов к инфекционным заболеваниям[39]. Ученый писал:

> Мне пришло в голову, что подобные клетки должны служить в организме для противодействия вредным деятелям <…>. Я сказал себе, что если мое предположение справедливо, то заноза, вставленная в тело личинки морской звезды должна в короткое время окружиться подвижными клетками, подобно тому, как это наблюдается у человека, занозившего себе палец <…>. Я сорвал несколько розовых шипов и тотчас вставил их под кожу великолепных, прозрачных как вода, личинок морской звезды <…>. И на другое утро с радостью констатировал удачу эксперимента. Этот последний и составил основу «теории фагоцитов», разработкой которой были посвящены последующие 25 лет моей жизни <…>. Таким образом, в Мессине совершился перелом в моей научной жизни. До того зоолог, я сразу сделался патологом[30].



**Морская звезда, распространенная в Мессинском проливе**



Сергей Чахотин. 1900-е

Перелом, связанный с Мессиной, произошел и в жизни **Сергея Степановича Чахотина** (1883–1973) – ученого- биофизика и экспериментального клеточного биолога, как и многие из упомянутых выше россиян, проведшего часть жизни на Средиземном море. Биография этого ученого оказалась тесно связанной с историей Мессины, поэтому я остановлюсь на ней здесь более подробно.

Студентом медицинского факультета Московского университета Чахотин был арестован за участие в беспорядках в 1902 г. и после заключения в «Бутырках» выслан «на родину». Поскольку по паспорту родиной у С.С. Чахотина значился Константинополь[31], то он вынужден был уехать за границу, и решил продолжить обучение в Германии.

Сергей Степанович учился 3 семестра на медицинском факультете в университете Мюнхена, 2 семестра в Берлинском университете и 5 семестров на естественном отделении физико-математического факультета Гейдельбергского университета. Среди его главных учителей-биологов в Германии – профессора братья О. и Р. Гертвиги и О. Бючли, в Гейдельбергском зоологическом институте которого Чахотин специализировался с 1904 г. За время обучения Сергей Степанович дважды работал на морской австрийской зоологической станции в Триесте (4 месяца), трижды – на русской зоологической станции в Виллафранке (10 месяцев) и полгода в фармакологическом институте в Мессине. В 1907 г. в Гейдельбергском университете С.С. Чахотин защитил диссертацию на степень доктора философии «Die Statocyste der Heteropoden» (Структура и физиология органов равновесия у моллюсков) с высшей оценкой – «summa cum laude»[32]. В 1912 г. эта работа была удостоена

малой Бэровской премии Императорской Академии Наук. Первая опубликованная статья молодого ученого – «О биоэлектрических токах у беспозвоночных» была написана по материалам исследований Чахотина, выполненных в Мессине (1907). После этого он получил место ассистента при местном Институте фармакологии.

Чахотин так вспоминал свои впечатления от сбора животных в заливе Мессины:

> Вот я вышел в залитый солнцем смеющийся порт, нанял лодку, и выехал на его середину Море как зеркало. Хотя снаружи, в проливе, между Сциллой и Харибдой[33] бурлят мощные течения, гроза рыбаков, однако в порту, закрытом со всех сторон, кроме небольшого северного входа, абсолютная гладь <…>. Тут и медузы с причудливыми щупальцами, и удивительные, прозрачные как хрусталь, сифонофоры, и бьющие своими плавниками, точно крыльями, так называемые морские бабочки, и бесчисленные цепи маленьких боченочников, сальп, и резвые, прозрачные киленогие моллюски <…>. Мирно протекала моя жизнь между наукой и семьей: я жил в Мессине с женой и двухлетним ребенком. Весь день поглощен работой в лаборатории, среди все новых и новых опытов, новых и новых мыслей[34].

Казалось бы, перед молодым ученым открылась перспектива успешной научной карьеры в Италии. Но в конце декабря 1908 г. так многообещающе начавшиеся исследования Сергея Степановича в области электрофизиологи были прерваны знаменитым мессинским землетрясением, когда Чахотин был засыпан обвалившимся домом и, проведя под завалами 12 часов, чудом остался жив[35].

После выздоровления, по представлению Императорской Академии наук в течение трех месяцев ученый работал на Неаполитанской зоологической станции. В Неаполе он пытался восстановить материалы, собранные им в Мессине по электорофизиологии мышц беспозвоночных и феномену свечения морских животных, но утраченные под развалинами мессинской лаборатории. Это ему не вполне удалось и, вернувшись в Россию в 1909 г., Чахотин приступил к подготовке к магистерским экзаменам, которые он должен был сдавать при С.-Петербургском университете. Однако,

идеи разработки новых методов исследования живой клетки, которые появились у Сергея Степановича еще в Мессине, не давали ему покоя и заставили его вернуться за границу. В 1910–1912 гг. он снова работал в Гейдельберге у проф. Бючли и в Институте экспериментальных исследований рака у проф. Черни, а позднее в Фармокологическом институте университета Генуи[36].

Речь шла о микрооперациях на живой клетке, для чего уже в 1910 г. в Гейдельберге Чахотиным был сконструирован первый микроманипулятор. Далее ему пришло в голову заменить механический инструмент лучом ультрафиолета (УФ). Первый образец аппарата для УФ-микроукола живых объектов был спроектирован им на базе Института экспериментального исследования рака в Гейдельберге, а собран и испытан на базе Фармакологического института в Генуе (1912), где Чахотина приютил А. Бенедиченти, его бывший профессор в Мессине. После двух лет упорной экспериментальной работы, операции на яйцах морского ежа убедительно показали – УФ-луч может служить тончайшим и избирательным инструментом воздействия на живую клетку[37].

С надеждой продолжить свои изыскания в России Чахотин появился в Петербурге, и после беседы с академиком И.П. Павловым, который очень заинтересовался его изобретением, был приглашен стать лаборантом (ассистентом) в его академической лаборатории физиологии[38]. Там Сергей Степанович создал материальную базу для нового отделения – экспериментальной клеточной физиологии и продолжил работу с УФ-микроуколом.

От науки, как и многих, Чахотина оторвала надолго Первая мировая война, а потом, как когда-то в Мессине, жизнь в России обрушилась в один день – 25 октября 1917 г. Среди сотен научных работников, покинувших Россию после этого обвала 1917 г., был и С.С. Чахотин[39]. Судьба этого, тогда молодого еще человека, оказалась более чем необычной. Он покинул Россию в 1919 г. – на долгих 39 лет и одним из немногих вернулся в СССР уже после начала хрущевской оттепели в 1958 г.

Разнообразные увлечения и таланты, может быть слишком многочисленные, привели к тому, что С.С. Чахотина вспоминают теперь больше как человека удивительной судьбы, чем как крупного ученого, а еще и политика, одного из первых отечественных эсперантистов, художника, борца за мир. Как нередко бывает, ни одна из граней его богатой натуры не оказалась решающей, но все же, прежде всего Сергей Степанович был ученым и ученым незаурядным. Еще в начале XX в. им были изобретены приборы, широко применяемые до сих пор в экспериментальных биологических исследованиях во всем мире[40] – один из первых микроманипуляторов (1910) и установка для локального ультрафиолетового облучения структур живой клетки (1912). Известный зоолог, президент Французской Академии Наук, проф. М. Коллери так характеризовал своего русского коллегу в конце 1930-х гг.:

> Господин Чахотин работал долгое время в моем институте, и я имел возможность оценить его неиссякаемую активность и экспериментальную изобретательность. Он богат оригинальными идеями и отличается умением воплощать их в жизнь. Его метод лучевого микроукола в высшей степени остроумен и точен. Он позволяет подойти ко многим новым экспериментальным задачам[41].

Оглядываясь на прожитое из Москвы 1965 г. проф. Чахотин со свойственной ему склонностью к систематизации любой информации писал:

> Итак, я не академик, а просто профессор, доктор биологических наук и доктор философии Гейдельбергского университета. Жизнь моя была полна приключений и многих переживаний. Резюмирую ее в виде следующей схемы. За восемьдесят лет я прошел 5 этапов, каждый из которых (особенно три последний) охватывали период в 10 лет или кратное десятку. 1. 1883 – 1893 (детство); 2. 1893 – 1902 (учеба); 3. Первый творческий биологический – поиск новой научной методики цито-физиологических работ. Его результатом было открытие метода микроопераций клетки «микропучком» и публикация соответствующих работ; 4. 1912 – 1932 (второй творческий, общественный). Поиск и открытие принципа «психологического насилия над массами» и борьбы с фашизмом и войной – его резуль-

татом была публикация моей большой книги «Le Viol Des Foules Par La Propagande Politique» изданной во Франции издательством Галлимара и переведенной на английский, итальянский, датский и немецкий языки. Научные работы тоже, конечно, продолжались в этот период; 5. 1933 – 1964 (третий творческий – организационный). Работы в области поднятия производительности научного и умственного труда вообще. Его завершение – последняя моя работа – «кибернизация» моей лаборатории. Создание систем алгоритмов для исследовательской лаборатории. Конечно и в этом периоде, как и в первом и во втором, шли работы научные и общественные[42].

Как не странно, политическое чутье, присущее С.С. Чахотину, к старости ему явно изменило. Похоже, что в 1960-е гг. он действительно верил в «коммунистическое будущее» России. Хотя попытки издать в СССР свою книгу о психологическом насилии над массами и заявки на выезд из страны для лечения и на научные конференции (посвященные его же научному изобретению!), оставшиеся нереализованными, должны были бы открыть ему глаза. Европеец Чахотин оказался «запертым» в своей маленькой московской квартире-лаборатории.

Сергею Степановичу удалось-таки вернуться в места своей юности, так как он завещал похоронить себя на острове Корсика, где бывал в молодые годы. Исполнение этого желания русского гражданина Европы состоялось лишь через 32 года после смерти – прах его был развеян над Средиземным морем, где когда-то Чахотин работал, любил, был счастлив. Где в 1908 г. он вторично «родился на свет» – в Мессине!

---

[1] Пелагические животные – обитатели толщи морской воды, где преобладающими формами являются личинки многих групп беспозвоночных и низших хордовых – оболочников (асцидий, аппендикулярий, сальп), а также медузы, ктенофоры и рыбы.

[2] Выдержка из письма И.И. Мечникову, отправленного Ковалевским из Мессины 21 марта 1868 г. Coelenterata – тип кишечнополостных – низших многоклеточных животных (Письма А.О. Ковалевского к И.И. Мечникову (1866–1900). Изд. Академии Наук СССР, М.-Л., 1955. С. 43).

[3] *Чахотин С.С.* Под развалинами Мессины. Рассказ заживо погребенного в землетрясении 1908 года / Под ред. Дж. Ианнелло. Intilla Editore, Messina, 2008. С. 81.

[4] Феликс-Антон Дорн, уроженец Пруссии (Штецин) – зоолог-морфолог; образование получил в Кенигсберге, Бонне, Иене и Берлине; в 1872–1873 г., в большой степени на собственные средства, основал Неаполитанскую зоологическую станцию – по-сути первый международный институт по исследованию морских обитателей, где уже в первое десятилетие работали ученые из 15 стран. Дорн бессменно руководил станцией до своей смерти. Россия в начале XX в. оплачивала 4 рабочих места на этой станции и к 1914 г. там свыше 200 раз работали русские биологи.

[5] *Heuss T.* Anton Dohrn. A life for science. Springer-Verlag, Berlin, 2000. P. 76.

[6] *Шмальгаузен И.И.* Антон Дорн и его роль в развитии эволюционной морфологии. В кн.: *Дорн А.* Происхождение позвоночных животных и принцип смены функции. М.-Л.: Огиз, 1937.

[7] Николай Николаевич Миклухо-Маклай – учился в Петербургском, Гейдельбергском, Лейпцигском и Йенском университетах (1864–1868), ученик Э. Геккеля у которого работал ассистентом; первоначально занимался систематикой морских губок и морфологией мозга низших рыб (1867–1869). С 1870 г. переключился на антропо-этнографические исследования, проведя 2 года на Новой Гвинее, а затем, изучая коренное население Филиппин, Индонезии и островов Океании; долгое время жил в Австралии (Сидней), где в 1884 г. женился. В России бывал только наездами (1883, 1886–1888). Считается крупнейшим отечественным этнографом, пионером исследования коренного населения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании.

[8] Сначала такую станцию предполагалось организовать именно в Мессине. Потом жизнь внесла коррективы в мечты молодых зоологов. В 1873 г. в Неаполе начала работу основанная А. Дорном первая зоологическая станция на Средиземном море, а его товарищ Миклухо-Маклай, ставший знаменитым этнографом, исследователем Новой Гвинеи и способствовавший появлению первой русской биологической станции в Севастополе (1871), сам создал в 1881 г. первую морскую биологическую станцию в окрестностях Сиднея, Австралия. (*Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе. Алейтея, СПб., 2006; *Тумаркин Д.* Миклухо-Маклай. Две жизни белого папуаса. Молодая гвардия, М., 2012). Они вместе проработали в Мессине до весны 1869 г.

[9] Об Андрее Ивановиче Барановском, женатом на мессинке, см. в статье А. Белломо и М. Нигро. – *Прим. ред.*

[10] *Тумаркин Д.* Миклухо-Маклай… 2012. С.73; *Heuss T.* Anton Dohrn …2000. P. 79.

[11] Бракосочетание между 33-летним приват-доцентом А. Дорном и 19-летней М. Барановской состоялось в мае 1874 г. в Варшаве. У супругов было 5 сыновей,

среди которых следующий владелец и директор Неаполитанской зоологической станции (1910–1918, 1924–1954) Рейнхард Дорн (1880–1962), женившийся в 1913 году на москвичке Т.Р. Живаго (1884–1952); их сын Петр Дорн (1917–2007) также был директором станции (1954–1967).

[12] Мюнхенская Штацбиблиотека. Архив А. Дорна. Ana 525. Ba 344-352; 735-747. См. также: *Тумаркин* Д. Миклухо-Маклай… 2012.

[13] Михаил Михайлович Усов (1845–1902) – зоолог-эмбриолог, выпускник С.-Петербургского университета (1869), ученик Ф.В. Овсянникова и А.О. Ковалевского, доктор зоологии (1885), профессор зоологии Казанского университета (1885–1900), неоднократно работал в Неаполе и в Мессине (1883–1886 гг). Николай Васильевич Бобрецкий (1843–1907) – зоолог-фаунист и эмбриолог, выпускник Киевского университета Св. Владимира (1866), сотрудник (1869–1873) А.О. Ковалевского, доктор зоологии (1874), профессор (1877–1905) и ректор (1903–1905) того же университета; много работал на Средиземном море, в том числе и в Мессине (1875–1876), где исследовал развитие головоногих моллюсков.

[14] Например, в 1912 г. по Сицилии путешествовал С.Е. Кушакевич (1878–1920), профессор зоологии Киевского университета Св. Владимира, большой знаток и ценитель классической античности.

[15] *Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе…; *Fokin S.I., Groeben C.* (eds). Scientists at the Naples Zoological Station 1874–1934. Napoli: Giannini, 2008; *Fokin S.I.* Russian Biologists at Villafranca. Proc. Acad. Califor. 2008. Ser.4, Vol. 59 (Suppl.1), № 11: 167-190.

[16] Александр Онуфриевич Ковалевский – выпускник С.-Петербургского университета (1862), в значительной степени получил образование в Германии – в Гейдельбергском и Тюбингенском университетах (1859–1862). Профессор Казанского (1868), Киевского (1869–1872), Новороссийского (1873– 1890) и Санкт-Петербургского (1891–1894) университетов; чл.-корр. (1883) и академик (1890) Императорской Академии Наук. Выдающийся зоолог-эволюционист и эмбриолог, основатель сравнительной эмбриологии и физиологии беспозвоночных. Ковалевский работал на Средиземном море в Неаполе (1864-65, 1868, 1887, 1889–90), в Мессине (1866 и 1868), в Марселе (1872), в Виллафранке (1878–79, 1882) и в Триесте (1867–1868).

[17] *Фокин С.И.* Русские ученые в Неаполе…; *Fokin S.I.* Life of Alexander Onufrievich Kowalevsky (1840–1901). Evolution and Development. 2012. 14, 1: 1-6.

[18] Илья Ильич Мечников – выпускник Харьковского университета (1864), стажировался на биологической станции на о. Гельголанд, в Гиссене, Геттингене и Мюнхене (1864–1865); доцент С.-Петербургского университета (1868–1870), доцент (1867) и профессор Новороссийского университета (1870–1882); 1886–1890 гг. заведовал Одесской бактериологической станцией; с 1888 по

1916 г. заведовал лабораторией в Институте Пастера (Париж, Франция); чл.-корр. Императорской Академии Наук (1883). Выдающийся зоолог-эмбриолог, бактериолог и патолог, создатель сравнительной эмбриологии (вместе с А.О. Ковалевским), а также фагоцитарной теории иммунитета; в 1908 г., вместе с одним из создателей гуморальной теории иммунитета Эрлихом, Мечников получил Нобелевскую премию за работы в области иммунологии; работал на Средиземном море в Неаполе (1865, 1868, 1878-80), в Мессине (1868, 1880, 1882–1883) и в Виллафранке (1870, 1885) .

[19] Впервые основы фагоцитарной теории были сформулированы Мечниковым в выступлении «О целебных силах организма» на VII съезде русских естествоиспытателей в Одессе (1883).

[20] *Мечников И.И.* Мое пребывание в Мессине. В кн.: Страницы воспоминаний. Изд. Академии Наук СССР, М., 1946. С.71-72.

[21] Николай Петрович Вагнер – выпускник Казанского университета (1849), профессор зоологи там же (1860–1870), а затем в Петербургском университете (1871–1894); энтомолог, морфолог, фаунист, открыватель явления педогенеза у насекомых (1862), один из первых исследователей Белого моря и основатель там (Соловки) первой морской биологической станции в полярных широтах (1881), чл.-корр. Императорской Академии Наук (1898). В течение 60 лет занимался литературной работой, долгое время под псевдонимом «Кот Мурлыка» (сказки Кота Мурлыки многократно издавались, в том числе и в недавнее время); медиум и приверженец философии оккультизма и спиритизма. Работал в Неаполе (1865–1866, 1869, 1873–1874, 1879, 1883, 1892), в Виллафранке (1879) и в Мессине (1874).

[22] Перед тем Ковалевский жил в отеле de Venezia, № 16. (Письма А.О. Ковалевского к И.И. Мечникову… С. 44).

[23] Выдержка из письма А.О. Ковалевского Н.П. Вагнеру, конец марта 1868 г. Архив Н.П. Вагнера. Чешский музей национальной литературы, Прага. Джованни – рыбак, специализировавшийся на сборе морских животных для многочисленных ученых, работавших в Неаполе. Позже, с 1873 г. работал в штате Неаполитанской зоологической станции.

[24] *Мечников И.И.* Мое пребывание в Мессине… С.72.

[25] Родившаяся в Неаполе Ольга Ковалевская прожила чуть больше года.

[26] *Мечников И.И.* Страницы воспоминаний… С. 29.

[27] *Мечников И.И.* Страницы воспоминаний… С. 221. Гаструляция – фундаментальный этап эмбрионального развития всех многоклеточных животных. Ортонектиды – группа низших многоклеточных, долгое время рассматривавшаяся как переходная от одноклеточных и относившаяся к Mesozoa.

[28] В мае 1882 г. И.И. Мечников подал прошение об отставке и в июле был уволен из Новороссийского (Одесского) университета. Получение в это время наслед-

ства женою, О.Н. Мечниковой, позволило ему не искать новой работы, а поехать осенью 1882 г. на всю зиму в Мессину.
[29] См. примечания А.Е. Гайсиновича к книге И.И. Мечникова «Страницы воспоминаний» С. 222.
[30] *Мечников И.И.* Страницы воспоминаний… С. 74-75.
[31] Чахотин родился в семье русского вице-консула в Константинополе.
[32] Гейдельберг, Университетский архив. StudA 1900/10, Sergei Tschachotin; ZSV-F, f.13.
[33] Мифические чудовища, олицетворявшие опасность плаванья в Мессинском проливе. Шилла (Scilla) – название местечка в Калабрии, на противоположном Сицилии побережье пролива.
[34] *Чахотин С.С.* Под развалинами Мессины… С. 82-84.
[35] *Чахотин С.С.* Под развалинами Мессины… С. 81-119. Количество погибших в Мессине было около 60 тыс. человек: город был полностью разрушен. См. подробнее о землетрясении в статье Т. Остаховой. – *Прим. ред.*
[36] Русский архив Зоологической станции в Виллафранке (Villefranshe-sur-Mer, France). Д.13 (краткая автобиография С.С. Чахотина, 1914 г.)
[37] *Чахотин С.С.* Изучение локализованных воздействий на живую клетку методом микроукола // Цитология, 1959. Т. 1. С. 614-626.
[38] *Квасов Д.Г., Федорова-Грот А.К.* Физиологическая школа И.П. Павлова. Портреты и характеристики сотрудников и учеников. Л.: Наука, 1967. С. 267-268.
[39] *Посудин Ю.И.* Биофизик Сергей Чахотин. Киев: Изд. Нац. Аграрного ун-та, 1995; *Фокин С.И.* Сергей Степанович Чахотин (1883–1973) – гражданин Европы // Право на имя. Биографика 20 века. 2011. СПб., 2012. С. 178-185.
[40] *Фокин С.И., Осипов Д.В.* Влияние локального УФ микрооблучения на ядерный аппарат и цитоплазму инфузорий *Paramecium caudatum* // Цитология, 1975. Т. 17. С. 1073-1080; *Fokin S.I., Ossipov D.V.* Generative nucleus control over cell vegetative functions in *Paramecium* // Acta Protozool., 1981. Vol. 20. P. 51-73.
[41] Цитата взята из документов личного архива С.С. Чахотина, хранившихся до недавнего времени у его сына Евгения Сергеевича, Сан-Реми, Франция. Возможность ознакомиться с архивом была любезно предоставлена мне Е.С. Чахотиным в 2006 г.
[42] Цитата взята из документов личного архива С.С. Чахотина.

Татьяна А. Остахова

# ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ 1908 Г. И ПОМОЩЬ РОССИЙСКИХ МОРЯКОВ

В первом десятилетии XX в. в российско-итальянских отношениях произошли положительные сдвиги, чему в значительной степени способствовало участие боевой эскадры Балтийского флота в спасении жителей Мессины, пострадавших во время землетрясения 28 декабря 1908 г. До того события

> как ни странно, но итальянцы, видевшие бесчисленное множество русских туристов, от которых они наживали немало денег, в сущности вовсе не знали характера русского народа, и были под впечатлением газет, сочувствовавших японцам; вот почему слово «русский» было у них часто равносильно понятию о чем-то грубом и жестоком[1].

В русско-японском военном конфликте 1905 г. симпатии итальянцев были на стороне Японии, а во время революции 1905-1907 гг.

> общественное мнение выступило с осуждением репрессий царского правительства против восставших народных масс. Пресса левого направления постоянно публиковала критикующие царизм статьи. В поддержании антицаристских настроений наряду с другими русскими эмигрантами-революционерами, проживавшими в стране, принимал активное участие оказавшийся в те годы в Италии М. Горький[2].

После мессинских событий отношение к русским кардинально изменилось:

> Чуткому и впечатлительному народу-художнику открылась красота скромного и безмолвного героизма. Вот почему лучшей похвалой у них считается теперь сравнение с русским. «Он добр, как русский!» – вот высшая аттестация в устах итальянца[3].

Основываясь на документальных материалах российской прессы, постараемся отразить взгляд эпохи на события минувших

дней и понять, что же легло в основу предания о русских моряках, ставших образцом героизма, самопожертвования, альтруизма и человеколюбия, и почему это предание неизгладимо из памяти народной. Если более столетия назад большинство из спасенных мессинцев было обязано своей второй жизнью отваге русских моряков, то в наши дни их потомки помнят о том, что появились на свет Божий только благодаря тому, что их предки были спасены русскими.

## РУССКИЕ МОРЯКИ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

После окончания русско-японской войны 1904-1905 гг. необходимо было восстановить боеспособность военно-морского флота: строить новые корабли и восполнять потери личного состава.

В мае 1906 г. на Балтийском флоте был сформирован боевой отряд, на кораблях которого выпускники Морского корпуса и Морского инженерного училища проходили практику в Средиземном море. В 1908 г. учения были намечены у берегов Сицилии, где в зимний период отмечаются наиболее благоприятные условия для проведения учебных стрельб[4].

Перед выходом Балтийской эскадры в заграничное плавание

> 3 октября 1908 г. гардемаринский отряд удостоился Высочайшего визита Николая II. <...> В своей речи Государь Император призвал корабельных гардемарин помнить о том, что при посещении далеких заморских стран они являются представителями Его – Всероссийского Императора и нашей славной Родины – России. <...> «Ведите себя достойным образом, чтобы поддерживать честь русского имени среди народов стран, которые вам придется посетить»[5].

В этом первом заграничном плавании учебной команде строевых унтер-офицеров и гардемарин, выпускников 1908 г., и суждено было пройти боевое крещение.

2 декабря 1908 г. боевая эскадра в составе линейных кораблей «Цесаревич» и «Слава», крейсеров «Адмирал Макаров» и «Богатырь» под командованием контр-адмирала В.И. Литвинова прибыла к месту проведения учений в сицилийский порт Аугуста.

28 декабря 1908 г. в 5.21 утра у берегов Мессинского пролива произошло землетрясение, длившееся всего лишь 37 секунд. Унес-



**Панорама Мессины со стоящими на рейде русскими кораблями**

шее в общей сложности около 100 тыс. жизней[6], оно явилось одним из самых разрушительных по своей силе за предшествующие столетия.

> Несколько цветущих городов с расположенными вокруг них деревнями исчезли с лица земли в несколько минут, точно ненужные больше декорации в промежутке между двумя актами. Цветущий край превратился в пустыню[7].

Поскольку самыми крупными населенными пунктами близ эпицентра оказались Мессина и Реджо-Калабрия[7], это землетрясение принято называть Мессинским или Калабро-сицилийским. Волею судеб первыми, кто пришел на помощь пострадавшим, оказались экипажи учебной эскадры Балтийского флота.

Узнав о случившемся и идя навстречу просьбам местных властей, в ночь на 29 декабря В.И. Литвинов дает команду сняться с якоря и взять курс на Мессину. Утром того же дня при подходе к городу еще издали показалось зарево пожаров, а подойдя поближе, матросы «увидели, что Мессина пылает, как факел» и вся окутана сплошным дымом[9].

Сразу же по прибытии, в 7 час. утра, крейсеру «Адмирал Макаров» удалось с большим трудом пришвартоваться у размытой набережной; корабли «Цесаревич» и «Слава» стали на рейде[10].

Скупой телеграммой Литвинов уведомил морского министра о положении дел[11]:

> Прибыл с кораблями «Цесаревич» и «Слава» и крейсером «Адмирал Макаров» в Мессину. Размеры бедствия громадны. Город сильно поврежден. Отправил докторов и команду для оказания помощи[12].

После дня напряженной работы последовала вторая телеграмма:

> Мессина и многие города на побережье Сицилии и на Калабрийском берегу совершенно разрушены. Население в панике. Засыпанных и раненых насчитывают тысячи. Команды русских судов заняты откапыванием людей. Оказываем помощь пострадавшим. Сегодня послал крейсер «Адмирал Макаров» для отвоза в Неаполь 400 раненых[13].

Мессинцев, собравшихся на размытой пристани и сутки ожидавших помощи с моря, поразило то, что русские корабли без промедления, в течение 20 минут, высадили экипажи и приступили к спасательным работам. Их примеру последовали и английские моряки, прибывшие несколькими часами раньше, но не предпринимавшие никаких действий. Разбившись на небольшие отряды, русские моряки под командованием гардемарин направились в те места, куда их повели местные жители и откуда доносились голоса.



**Набережная Мессины. Партия русских моряков отправляется на разбор развалин**

Свидетельства отваги и самопожертвования членов экипажей отражены в письмах гардемарин, полученных их семьями и опубликованных в газетах с 10 по 14 января 1909 г[14]. Написанные простым слогом под впечатлением увиденного и пережитого, они являются важнейшим документальным свидетельством мессинских событий, рассказывают о ходе спасательных работ и тех, кто оказал первую эффективную помощь – русских и английских моряках. Сами же итальянцы, по свидетельствам гардемарин, «более чем равнодушно относились к своему бедствию, и в первый, и во второй день их матросы почти ничего не делали[15]».

Отряды русских спасателей работали без передышки по многу часов, отказываясь от отдыха и еды, не соблюдая смен, установленных в 6 часов. Иногда работы продолжались и ночью, вместо фонарей город освещали прожекторы кораблей. Возвращались на корабли лишь тогда, когда те должны были покинуть Мессину для доставки спасенных в Неаполь или Сиракузы.

Лезть в завалы было крайне опасно из-за постоянно повторяющихся подземных толчков, непрекращающихся еще на протяжении многих дней. Порой казалось, что дом уцелел, но это были лишь остовы стен, которые могли рухнуть при малейшем дуновении ветра, завалив под собой и спасателей, и спасаемых, что часто и случалось. Но это не могло остановить русских моряков, которые не только спасали множество чужих жизней, но при этом неизменно



**Участник событий, матрос линейного корабля «Слава» И.М. Моисеев на фоне развалин**

обнаруживали готовность жертвовать и своею жизнью за других, т.е. являлись живым и беспримерным воплощением идеала христианского воина[16].

Гардемарин В. Хвощинский сообщает, что матросов приходилось удерживать и уводить насильно, слишком опасны были места, куда они пытались попасть[17].

Матросы сами рвались на работу. Их не надо было понуждать. Молча, как будто они исполняли самое простое, обычное дело, они с ежесекундной опасностью для себя бросались в самые опасные места и откапывали людей[18].

Морякам, сходившим на берег для участия в раскопках, приходилось постоянно рисковать жизнью. Думать об опасности было недопустимо, была дорога каждая минута. Командир одного из спасательных отрядов пишет своим родным:

Мои матросы замечательные люди, не отступают ни перед каким препятствием, не медлят ни минуты, добираются до самых опасных мест, нам даже пришлось останавливать их. «Куда ты? Эта стена того и гляди обрушится» – «Это не опасно, Ваше Благородие, нас не завалит, Господь нас не оставит»[19].

В российской печати описаны многочисленные случаи экстремальных ситуаций, даже гибели матросов под завалами. Однако телеграммы Литвинова развеивают эти слухи:

Главный морской штаб объявляет, что согласно полученной телеграмме от командующего гардемаринским отрядом контр-адмирала Литвинова из Мессины, от 20 декабря, как на судах гардемаринского отряда, так ровно и на мореходных канонерских лодках «Гиляк» и «Кореец», находящихся в Средиземном море, никаких несчастий с офицерами и командой не произошло.



**Перевозка раненых мессинцев на русские корабли**



Работы на Виа Гарибальди



Переноска раненых. На переднем плане русские моряки





Русские перевязочные пункты



**Оказание помощи пострадавшим**

23 декабря из Аугусты была получена телеграмма:

> Балтийский отряд поздравляет родных и знакомых с праздником Рождества Христова и с Новым годом и шлет наилучшие пожелания. Все здоровы[20].

Мессинцы высоко оценили не только героизм и самопожертвование русских, но, прежде всего, их душевную доброту и сердечность. Матросы и офицеры отнеслись к местному населению как к своим родственникам, поделившись пайком и одеждой. Корреспондент Первухин передает в своих репортажах настроения неаполитанцев:

> Другие, конечно, помогали. Но русские не только помогали, они отдавали беглецам всё, до собственной запасной рубашки включительно. В Палермо и в Неаполе женщины и дети из погибших городов и сейчас щеголяют в матросских фуфайках, в матросских куртках, в офицерских тужурках. Немецких или английских вещей на беглецах нет. Русские есть. Мы знали русских. Мы знали, что они хорошие люди, – говорил мне сегодня один из неаполитанцев,

каким-то чудом вырвавшийся из ада – из самой Мессины – привезенный на русском судне в Неаполь, накормленный русскими, одетый в разнокалиберный костюм с русских плеч, – мы знали, что русские хорошие люди. Но теперь мы знаем, что они – братья, что они лучшие в мире люди, что они отнеслись к нашему несчастью, как к их собственному. Я никогда не забуду, что меня спасли только русские[21].

Все корреспонденты отмечали работу русской эскадры, подчеркивая, что это был настоящий героизм, который не искал наград и похвал, а проявился исключительно в силу заложенной в душе человеческой любви к братьям.

И недаром газеты всего мира, передавая подробности катастрофы, восхищаются поведением наших славных моряков. Отрадно то, что в минуту всеобщего горя сказывается братская солидарность, объединяющая все культурные народы в одну великую семью[22].

Бывший свидетелем подвигов русских моряков, морской военный агент Германии рассказывал, что «он не видел нигде ничего подобного и при этом полная простота, без малейшей позы, без жалоб, без лишних слов и фраз[23]».



**Русские перевязочные пункты**



**Прием раненых на корабли**

Когда к командиру крейсера «Адмирал Макаров», дважды привезшему из Мессины в Неаполь сотни спасенных его командой людей, явились разные депутации для выражения глубочайшей благодарности и восхищения всеми действиями экипажа, он скромно, но твердо ответил: «мы лишь исполнили свой долг[24]».

За шесть дней пребывания в Мессине русскими кораблями было вывезено в Неаполь, Сиракузы и Таранто около 2 тыс. человек. Во время переходов за ранеными на кораблях ухаживали как за близкими родственниками:

> несмотря на жуткую усталость, все ухаживали за больными: офицеры, матросы и гардемарины; одни подавали воду, другие поправляли матрацы. <...> Мы перевязывали раненых, мыли их, поили и кормили. <...> Матросы ухаживали за больными и, если кто-нибудь плакал, гладили своими черными от работы руками головы несчастных и утешали их. <...> Из землекопов наши моряки превратились в сестер милосердия[25].

С наилучшей стороны показали себя и английские моряки, часто работавшие сообща с русскими, но последних отличал особый гуманизм по отношению к пострадавшим, чего за другими спасателями не наблюдалось. Проявлялось это даже в мелочах, как в случае с решением отменить приветственные сигналы при прибытии «Славы» в Неаполь:

Раненые, изнуренные ужасами катастрофы, стали особенно чувствительными к толчкам и шуму, поэтому капитан приказал, чтобы все работы на борту выполнялись с чрезвычайной осторожностью. Нужно было видеть, как экипаж старался пощадить нервы несчастных мессинцев. Капитан запросил телеграммой у портовых властей Неаполя разрешения избежать обычных приветствий при заходе на рейд, эти приветственные сигналы могли испугать пассажиров[26].

При выгрузке пассажиров возникли не меньшие трудности, чем при спасательных работах. Убедившись в доброте моряков, пассажиры категорически отказывались сходить на берег, с большим трудом удалось уговорить их покинуть корабли.

Весть о работе русских спасателей быстро разнеслась по всей стране. При заходе «Адмирала Макарова» в Неаполь

толпа приветствовала российских офицеров и матросов везде, где они появлялись. Их буквально носили на руках. Корреспондент лично видел известного оперного певца во главе огромной толпы, окружавшей несколько российских моряков. Артист, не щадя своего горла, кричал: Да здравствуют наши братья русские! И вся толпа восторженно подхватывала этот возглас. <...> А российские моряки не знали, как уклониться от неожиданной овации. Трогательно было смотреть на этих смеющихся и одновременно рыдающих людей. Благодарность объединяла всех. То было истинное проявление солидарности народов[27].

Признательность итальянцев была настолько велика, что с русских моряков в Неаполе

нигде не желали брать денег, и <...> с большим трудом удавалось платить в парикмахерских, ресторанах, трамваях[28].

Специальным корреспондентам российских газет удалось добраться до Сицилии лишь 12 января. Задержка объяснялась тем, что через несколько дней после катаклизма Мессина была объявлена на осадном положении, и попасть в город можно было только по специальным пропускам, выдаваемым военными властями. Корабли, отплывавшие из Неаполя и Палермо в Мессину, частных лиц не брали, везли исключительно войска и медикаменты. Однако, так как о мужестве эскадры Балтийского флота при спасении жи-

телей Мессины знала вся Италия, русским корреспондентам оказывали всяческое содействие в получении пропусков. Один из них обратился за разрешением к префекту Неаполя. Узнав, что тот русский, префект немедленно выдал разрешение, пожал руку и просил передать признательность Неаполя «вашей великой родине, рождающей героев». Русские корреспонденты были тепло приняты на борту итальянского судна, идущего в Мессину, им выделили лучшие каюты, а профессор медицины Римского университета, сенатор Франческо Дуранте, в беседе с ними высказал настроения всей страны: «Судьбе было угодно, чтобы в этот грустный момент русские оказались первыми, кто пришел нам на помощь[29]».

## ВСЕОБЩАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

Свою лепту в оказании помощи жертвам стихии внесли не только военные моряки, но и представители русской общины в Италии. Одними из первых на призывы о помощи пострадавшим откликнулись русские, проживавшие на Капри[30].

> На крошечном острове Капри, где приютилась миниатюрная колония русских, в огромном большинстве почти сплошь людей неимущих, перебивающихся с хлеба на воду, иногда голодающих, я слышал от итальянцев, собиравших пожертвования в пользу пострадавших от землетрясения, такой отзыв: «Спасибо, все иностранцы отнеслись хорошо. Никто почти не отказывал. Но другие давали лишнее, от избытка. А у русских – мы видели это – у русских нам отдавали необходимое самим себе, быть может, последнее. Да, последнее. И этого мы не ожидали[31].

Однако русские не ограничивались пожертвованиями, многие из них, в особенности студенты, при первой возможности отправлялись в зону бедствия. Неаполитанцы были поражены тем, что, когда разразилось несчастье, к лицам, стоявшим во главе каких бы то ни было вспомогательных организаций, с предложением услуг и помощи одними из первых явились представители русской учащейся молодежи Неаполя. Широкую огласку в прессе получил следующий эпизод:

К одному отправляющемуся на место несчастья итальянскому профессору-медику является русская студентка-медичка:
– Возьмите меня в отряд санитаров!
– Но вы – слабая девушка, а там придется терпеть лишения.
– Ничего не значит. Хочу помогать. Перенесу всяческие лишения.
– Но у нас в отряде ни одной девушки. Вы будете единственною женщиной среди мужчин.
– Я буду не женщиною среди мужчин, а человеком среди людей. Никому не придет в голову видеть во мне женщину, где погибают люди.
– Но вы рискуете заболеть. Придется спать под проливными дождями на голой земле. Вы можете погибнуть, наконец!
– Так что же! Тысячи там бродят без пристанища. Могу и я.
– Но вы еле держитесь на ногах.
– Ничего. Покуда держусь, – буду работать. В тягость не буду.
– Но что вас заставляет идти туда?
– Я хочу помогать. Мне нечего дать, я бедна. Я отдаю то, что могу, – свои силы. Возьмите. Иначе, уйду пешком[32].

Комментируя этот факт, Первухин отмечает:

Итальянцы имеют основания обобщать широко этот факт: их газеты с каким-то трогательным и благоговейным удивлением говорят, что в момент беды, в дни ужасов, хлынувших на страну после землетрясения, иностранцы других наций, предложившие свою помощь, оказались друзьями, русские оказались родными братьями. Друзья помогали деньгами, советами. Так осторожно, спокойно, с известного рода участием. Русские пришли и сказали: «Возьмите нас. Покуда держимся на ногах, – поддержим ваших»[33].

Говоря о солидарности русской диаспоры, следует упомянуть и о вкладе Максима Горького, проживавшего в этот период на Капри и развернувшего широкую кампанию по сбору средств для пострадавших.

В российской и в итальянской историографии бытует мнение, что русский писатель якобы незамедлительно выехал в район землетрясения и лично принимал участие в раскопках в Мессине. По результатам поездки в кратчайший срок, всего лишь за 28 дней, им была написана книга «Землетрясение в Калабрии и Сицилии»[34], вся выручка за продажу которой была передана в Калабрию на строи-

тельство детского приюта. Однако эта версия неоднократно опровергалась итальянскими исследователями, а последние публикации русских коллег не оставляют поводов для сомнений[35]: русский писатель не покидал Капри, сама же книга была написана по рассказам очевидцев, доставленных в Неаполь русскими кораблями. Об этом свидетельствуют как телеграммы Горького[36] с воззваниями о помощи, так и некоторые эпизоды, подвергаемые им сомнению. В частности, в своей книге писатель критикует освещение русскими журналистами случаев мародерства:

> Странно, о грабежах, даже о «битвах» и «перестрелках» солдат с мародерами <...> более других писали корреспонденты русских газет. Не знаю, чем это вызвано, но мне кажется, что непреходящий ужас русской жизни играл здесь роль возбудителя фантазии. <...> во всяком случае, гг. представители русской прессы допустили некоторое преувеличение: нагромождая ужасы, они придали им характер массового явления[37].

Специальные корреспонденты русских газет документировали данные эпизоды в своих репортажах без преувеличения, речь шла о констатации печального факта, имевшего место в действительности. С окрестных деревень в разрушенный город спустились те, кто решил не упустить случая поживиться легкой добычей. Сообщает об этом и Первухин:

> Когда русские матросы сошли на берег, им пришлось увидеть, что идет грабеж и насилие. Уверенные в своей силе, бандиты не боялись каких-то неизвестных людей и на их глазах громили и поджигали. Без соответствующих приказаний, матросы стали хватать громил и очищать от них улицы. Надо было положить конец грабежам, запугать разбойников: матросы стали расстреливать их на месте[38].

Иногда даже спасателям приходилось отстреливаться от банд грабителей. Многие обвиняли русских в жестокости, но тратить время на суд и следствие по отношению к тем, кто в столь трудную минуту думал о наживе, а не о спасении ближнего своего, не представлялось возможным. Даже если бы данные эпизоды и были вымыслом журналистов, прямым свидетельством тому являются письма моряков.

Во время раскопок находили много ценных вещей. Никто [из русских спасателей – *Т.О.*] ничего не взял и не присвоил себе даже безделушки, в то время как все вокруг грабили, и приходилось доставать револьвер, чтобы заставить мародеров бросить награбленное. <…> Гардемарины тоже одну ночь ходили ловить мародеров[39].

Случаи мародерства отмечались и иностранными корреспондентами, оказавшимися на месте событий.

Странные люди, эти русские <...>. Отважны как львы, сильны как быки, спокойны как волы, и, кажется, не дорожат ни своей жизнью, ни жизнью других. <...> Могут погибнуть, исполняя свой долг, но могут и убить. Когда надо стрелять по людским шакалам, мы, должен признаться, делаем это, но задумываемся. Для них же это как стрелять в мишень, и потом сразу же молча принимаются за работу. С первого взгляда они кажутся бессердечными, и всё же они добры как большие псы[40].

Если бы Горький действительно побывал в Мессине в те дни, он не стал бы высказывать столь резкие суждения в адрес журналистов. Вынужденная мера, к которой прибегали не только русские моряки, но и итальянские солдаты, многими подвергалась критике, и всё же народная память не сохранила этих воспоминаний. Чаша весов доброты перевесила. В подтверждение этому уже 17 февраля 1909 г., на первом после землетрясения заседании, Городской совет Мессины постановил воздвигнуть памятник тем, кто в тяжелые минуты первым пришел на помощь – русским морякам. В июне того же года Городским советом было принято решение назвать центральную площадь вновь возрождающегося города в честь «героических русских моряков»[41].

## ВОЗРОЖДЕНИЕ

Первые недели вести о пережитом Италией несчастье были основной темой всех газет. Мир был потрясен и напуган случившимся. В печати еще долгое время появлялись, порой приукрашенные фантазией, рассказы о трагизме ситуации на Сицилии:

В Сицилии не осталось камня на камне! Всё разрушено. Всё население погребено под руинами. Вся Италия наводнена целою армией

разбойников, грабящих иностранцев! Вся Италия голодает, и население вымирает[42].

Италия привлекала в свои пределы ежегодно сотни тысяч туристов, и такие запугивающие сообщения вовсе не способствовали возрождению страны от пережитого потрясения, а только отпугивали путешественников. Многие «форестьеры», как называли в те времена иностранцев, спешно покидали Неаполь и другие южные города в страхе перед возможными повторными толчками. Русские журналисты репортажами из Мессины и других сицилийских городов старались успокоить общественное мнение и показать, что жизнь налаживается и постепенно входит в свое русло:

Как ни велико пережитое бедствие, всё же Италия остается Италией. Голода нет; разбойничьи шайки оперировали, правда, на развалинах, грабя мертвых, но теперь и это мародерство прекращено. Жизнь входит или собирается войти в свое русло[43].

И даже в Мессине, где, казалось бы, не осталось камня на камне, через три недели стала возрождаться жизнь.

Вчера уже в Мессине появился извозчик; среди руин, между камней приютился парикмахер, и бойкий черноглазый мальчуган открыл походную лавочку, предлагая синьорам гребешки и чулки из чистой шерсти по семи сольдо пара. Оборудовали типографию и выпускают пока мессинские бюллетени; трактирщик в красном колпаке цедит из фляжки кислое вино, и быстрой походкой несется статная красавица с лотком на голове, упершись руками в бока... Мессина начала жить, Мессина не может исчезнуть с лица земли[44].

## «РЕВАНШ» ЗА ЦУСИМУ

По прошествии многих лет можно дать объективную оценку действиям русских моряков. В репортажах русских журналистов того времени сквозит гордость за соотечественников и, несомненно, они приукрашены романтическим настроением авторов. Было бы ошибочно утверждать, что спасение пострадавшего населения явилось исключительной прерогативой русских, но бесспорна их заслуга в том, что они первыми пришли на помощь; незамедлительно приступили к спасательным работам, дав, тем самым, при-

мер другим командам спасателей; оказали содействие в наведении порядка в городе и проявили высокую гуманность. Подтверждением тому являются слова командующего эскадрой боевых кораблей Балтийского флота: перед тем как покинуть Мессину, контр-адмирал В.И. Литвинов телеграфировал в Петербург – «Работа всего личного состава вверенного мне отряда выше похвалы[45]».

По возвращении из заграничного плавания на родину в марте 1909 г., В.И. Литвинов был зачислен в Свиту Его Величества и удостоен следующих слов Государя: «Вы, адмирал, со своими моряками, в несколько дней сделали больше, чем мои дипломаты за всё мое царствование[46]».

И, действительно, эти шесть дней стали своего рода «реваншем» за Цусиму: престиж российского флага поднялся на недосягаемую высоту.

Мессинская операция русских моряков благоприятно сказалась и на визите Николая II в Италию в конце 1909 г.: 24 октября 1909 г. в Раккониджи было подписано секретное соглашение между Итальянским Королевством и Российской Империей о сохранении статус кво на Балканах (и прочих европейских вопросах). Подписание соглашения в Раккониджи способствовало сближению обеих стран в противостоянии Австро-Венгрии, знаменовало отход Италии от Тройственного союза и ее сближение с Антантой[47].

---

[1] *Первухин М.К.* Симпатии к русским в Италии // Петербургский листок, № 1, 1(14) янв. 1909. Михаил Константинович Первухин (1870-1928), писатель и журналист, с 1907 г. проживал в Италии; см. о нем: *Гардзонио С.* Статьи по русской поэзии XX века. М., 2006 (глава: «Русские писатели в Италии. Михаил Первухин – летописец русской революции и итальянского фашизма»).

[2] *Любин В.П.* Подвиг русских военных моряков во время Мессинского землетрясения 1908 года в Италии // Новая и новейшая история, № 3, 2009. С. 223.

[3] *Первухин*. Указ. соч.

[4] *Рукавишников Е.Н.* Помощь российских моряков пострадавшим от землетрясения в Мессине в 1908 году // Отечественная история, № 1, 2008. С. 127.

[5] *Сирый С.П.* Трагедия итальянского города Мессины и роль флота в оказании помощи пострадавшим. История и современность, http://www.pobedaspb.ru/tragediy-italqynskogo-go.html.

[6] В литературе циркулируют разные оценки, от 80 до 200 тыс.; точные подсчеты при таких катастрофах невозможны, а преувеличения, особенно вначале, – обычны. – *Прим. ред.*

[7] Петербургский листок, № 350, 20 дек. 1908 (2 янв. 1909).

[8] Официальное название города – Reggio di Calabria (Реджо-ди-Калабрия), однако в обиходе утвердилось Reggio Calabria, или просто Reggio (Реджо, но ранее часто и Реджио). – *Прим. ред.*

[9] *Ostakhova T.A.* «Abbiamo visto Messina ardere come una fiaccola». I marinai russi raccontano il terremoto del 28 dicembre 1908. Reggio Calabria: Leonida Edizioni, 2009. P. 43.

[10] Крейсер «Богатырь» остался на рейде г. Аугуста для приемки угля и прибыл в Мессину на следующий день, 30 декабря. Помимо указанных судов, в спасательных операциях принимали участие канонерские лодки «Гиляк» и «Кореец», совершавшие плавание по отдельному плану с целью подготовки личного состава.

[11] Поначалу из мест бедствия поступали лишь краткие, отрывочные сообщения. В российской прессе сведения «из первых рук» составляли: телеграммы командующего эскадрой контр-адмирала В.И. Литвинова; письма моряков, отправленные семьям и опубликованные в газетах; репортажи специальных корреспондентов с места катастрофы. Данные материалы являются основным источником нашей статьи.

[12] Современное слово, № 398, 20 дек. 1908 (2 янв. 1909).

[13] Петербургский листок, № 349, 19 дек. 1908 (1 янв. 1909).

[14] *Ostakhova T.A.* Op. cit. P. 37-125 (12 писем).

[15] Там же. P. 117.

[16] Московские ведомости, № 4, 6 (19) янв. 1909.

[17] *Ostakhova T.A.* Op. cit. P. 63.

[18] Там же. P. 115.

[19] Там же. P. 85.

[20] Петербургский листок, № 354, 24 дек. 1908 (6 янв. 1909).

[21] *Первухин М.К.* Русские и итальянцы // Русское слово, № 301, 30 дек. 1908 (12 янв. 1909).

[22] Петербургский листок, № 350, 20 дек. 1908 (2 янв. 1909).

[23] Московские ведомости, № 1, 1 (14) янв. 1909.

[24] *Шахотин П.П.* [репортаж] // Московские ведомости, № 6, 9 (21) янв. 1909.

[25] *Ostakhova T.A.* Op. cit. P. 87-88.

[26] Там же. P. 109.

[27] Новое время, 24 дек. 1908 (6 янв. 1909).

[28] *Ostakhova T.A.* Op. cit. P. 113.

[28] Речь, № 319, 28 дек. 1908 (10 янв. 1909).

[30] Кампания солидарности с Италией развернулась и в России. Под предводительством супруги председателя Государственной Думы Н.А. Хомяковой в С.-

Петербурге был организован Комитет для сбора пожертвований в пользу пострадавших от землетрясения.

[31] *Первухин М.К.* Указ. соч.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] *Горький М., Мейер М.* Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г. СПб.: Изд. товарищества «Знание», 1909.

[35] В Италии первое весомое утверждение о том, что М. Горький никогда не был в Мессине, было высказано Дж. Йаннелло и прозвучало на презентации итальянского перевода книги «Землетрясение в Калабрии и Сицилии…» в Мессине 2 марта 2007 г., см.: *Iannello G.* Terremoto e rivoluzione // www.russianecho.net/contributi/gorkij.asp. Более подробно изучением этого вопроса занялась А. Парисиевич Ланцафаме, см.: *Parysiewicz Lanzafame A.* Maksim Gor'kij e Messina del terremoto 1908 // Terremoto calabro-siculo del 1908. Dalla notizia alla solidarietà internazionale / a cura di M.L. Tobar. Reggio Calabria: Città del Sole Edizioni, 2010. P. 125. В России, по сообщению И.А. Ревякиной, заключение о том, что Горький не посещал городов, разрушенных землетрясением, сделали подготовители его писем (конца 1908-начала 1909 гг.), которые вошли в академическое издание Полного собрания сочинений. В письме Е.К. Малиновской от 18 (31) дек. 1908 г. из Неаполя к словам «нездоров, а то бы поехал в Мессину и Реджио» – следует примечание: «Из-за болезни поездка Горького на места катастрофы не состоялась». Вывод сделан на основе комплексного изучения массива переписки писателя этого времени. *Горький М.* ПСС: Письма: В 24 т. Т. 7. М.: Наука, 2001. С. 312.

[36] Согласно отправленным с Капри телеграммам (1, 5 и 15 января), до 15 января Горький не покидал Капри.

[37] *Горький М.* Землетрясение в Калабрии и Сицилии // ПСС, т. 11. Наука, М.: Наука, 1971. С. 270-271.

[38] Речь, № 321, 30 дек. 1908 (12 янв. 1909).

[39] *Ostakhova T.A.* Op. cit. P. 85, 77.

[40] *Carrère J.* Le terre infrante. Calabria e Messina. 1907-1908-1909 / a cura di G. Pracanica, trad. di R.M. Palermo. Messina: Istituto Novecento, 2008. P. 109.

[41] Памятник русским морякам в Мессине был установлен 9 июня 2012 г. (работа скульптора А.В. Клыкова с эскиза П. Кюфферле, выполненного в 1911 г.).

[42] *Первухин М.К.* За границей // Русское слово, № 10, 14 (27) янв. 1909.

[43] Там же.

[44] Речь, № 7, 8 (21) янв. 1909.

[45] Современное слово, № 398, 20 дек. 1908 (2 янв. 1909).

[46] *Сирый.* Указ. соч.

[47] *Любин.* Указ. соч. С. 222.

## ФОТОХРОНИКА МОНУМЕНТА



Пьетро Кюфферле, автор модели памятника. 1900-е



Модель памятника в прежней экспозиции Военно-морского музея



Статуя в процессе изготовления в мастерской А. Клыкова, Москва



Открытие монумента в Мессине, 9 июня 2012

# «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК» В МЕССИНЕ

## ЗАМЕТКИ И ДНЕВНИКИ

*Публикация Н.В. Котрелева*

### ДАРИЯ ИВАНОВА
### <ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СИЦИЛИИ>

*Дарья Михайловна Иванова (†1933) – жена поэта Вяч. И. Иванова. Училась в Московской консерватории, владела иностранными языками, в годы жизни с мужем (который оставил ее в 1895 г.) была окружена его коллегами – молодыми учеными-историками. Литературных опытов не предпринимала, ее сицилийский дневник – домашнее упражнение, тем более интересное, как исторический документ, непрофессиональное описание путешествия по экзотической стране и в экзотических обстоятельствах. Строго говоря, перед нами даже не дневник, а записки о путешествии, составлявшиеся некоторое спустя время после событий. Самая ранняя запись Дарьи Михайловны датирована 16 августа 1892 г. – Иванов уехал осматривать греческие памятники Сегесты и Селинунта, а Дарья Михайловна, вероятно, осталась в Палермо и принялась за описание путешествия, подходившего к концу. Начала она свои записи – уже по памяти – не в хронологическом порядке, а с приключения, по всей видимости, произведшего на нее наибольшее впечатление, – с подъема на извергающуюся Этну (заметим, что этот рассказ по протяженности в два раза превосходит каждый из трех прочих). Лишь по возвращении в Неаполь, 25 августа Дарья Михайловна взялась за систематическое изложение закончившегося путешествия.*

*Автограф дневника Дарьи Михайловны хранится в Отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки (РГБ. Ф. 109.45.3)*[1].

*Неаполь*
*25 Авг.<уста 18>92*

<…> Выехали мы из Неаполя в 9 час. вечера и только к 1 часу следующего дня въехали в [Мессинский] пролив. <…> Выйдя на палубу, мы увидели прежде всего синее, ярко синее море, точно в нем развели синьку, и на таком фоне особенно красивы были загорелые солдаты в своих белых куртках. По правую сторону был город Мессина, коса от него тянулась перед нами и загибалась слева, оканчиваясь фортом. В гавани было мало кораблей. Наш корабль окружала масса лодок и всякий лодочник жаждал уловить добычу. На некоторых лодках приехали родные и знакомые пассажиров и вокруг слышались радостные восклицания. <…> Набережная Мессины и самый город – всё опрятно на вид, дома или кремовые, или белые, дома всё более двухэтажные, п.ч. землетрясение, говорят, разрушило верхние этажи. Особенно красивых домов я не заметила. Дом муниципии темного цвета с огромным двором внутри. Мы пошли внутрь города по улице Гарибальди – совершенно европейской улице с массой всевозможных магазинов. <…>

Мы вышли на площадь против Собора и заняли номер в одном из выходящих на площадь отелей. Напились кофею и отправились смотреть достопримечательности города. Самая большая достопримечательность, как и Карлушка[2] говорил – фар [faro, *итал.*: маяк], с которого виден берег Италии. <…>

Ехали сначала опять назад вдоль всего города по набережной. На тротуарах много продавцов – воды, лимонов, персиков, арбузов, лавочники сидят тоже на стульях вдоль тротуаров и беседуют со знакомыми, сидящими тут же, и зевают на проходящих. Изредка на стенках домов и около на столиках выставлены лубочные картины, дешевые книжки с картинками, газеты. В конце города публичный сад на берегу моря. Еще далее по левую сторону домики, а по правую по-



**Соборная площадь в Мессине до 1908 г.**

**Мессинский пролив. Фото нач. XX в.**



тянулись виноградники узкой полосой вдоль берега. Изгородью виноградников служит кактус с <нрзбр> листами. Кактус почти весь отцвел и покрыт теперь <овальными(?)> зелеными плодами, которые подобно пальцам окружают листы со всех сторон. В каждом винограднике колодезь с особым механизмом, с помощью которого с помощью лошади, ходящей вокруг, добывается вода для полития виноградника. Всё население домиков сидит снаружи. Мущин видно мало – на работе. Большинство женщин прядут, у многих в руках веретено и они тянут нитки. Некоторые вяжут чулки или вяжут крючком. Конечно, все дома каменные и двух или одноэтажные. За домиками видны невысокие горы, покрытые или оливками, или кактусом. Вообще вся растительность указывает на то, что мы гораздо южнее Неаполя. <…>

Потом я зашла в открытую белую церковь. Она была пуста, только играл орган, довольно веселые напевы, направо стояла на пьедестале мадонна в белой и голубой одежде, налево фигура монашенки – тоже на



**Греческий театр в Таормине. Фото В. фон Глёдена. Нач. XX в.**

возвышении, вся в черном и с большой красивой вуалью. По церкви пробегал ветер и одеяния фигур колебались и развевались на ветру. Дети бегали и танцевали посреди церкви. Увидя меня, матери начали их собирать по церкви и успокаивать, умеряя их веселие. <…> На другое утро в 3½ часа уже мы встали и побрели на крышу дома [в Таормине]. W[3]. не терпелось, он хотел слепо слушаться Бедекера и он пошел в греческий театр. Я же осталась на крыше дома и наблюдала целый калейдоскоп красок на небе при восходе солнца. Сначала всё было серое, потом всё голубело, потом розовело и к 5 часам вся вершина огромной Этны порозовела, она стала как бы цвета трико на ногах танцовщицы, даже стыдно было за Этну. Снег на ее вершине стал ясно виден, порозовели также ближайшие скалы и солнце было уже высоко на небе. Море заблестело. <…>



**Вид на Мессину от Калабрии, гравюра 1914 г.**

## ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВ

<ВОЛШЕБНАЯ СТРАНА ITALIA>

*Вячеслав Иванович Иванов (1866-1949) – поэт, философ-эссеист, один из главных теоретиков русского символизма, филолог-классик. Учился в Москве и в Берлине. В 1892 г. впервые приехал в Италию – Рим, Неаполь, а также Сицилия, которая для него тогда была местом встречи с римской и греческой древностью, прежде всего. В течении десяти лет он жил в Риме, Флоренции, Генуе, внимательно и памятливо осмотрев почти всю Италию. Итальянским языком владел безупречно, на зависть многим итальянцам. В 1905 г. возвратился в Россию, жил в Петербурге, на знаменитой «башне», ставшей центром интеллектуальной жизни русского модернизма. С 1913 г. – в Москве, в 1920-1924 гг. – в Баку. С 1924 г. жил в Италии – Рим, Павия, Рим.*

*Вот хронология начальной фазы сицилийского путешествия Ивановых, как она показана самим поэтом в его дневнике: «3 Авг. 1892 по нов. ст. – выезд из Неаполя || 4 Авг. Мессина || 5 Авг. Таормина || 6 Авг. Николоси и Этна || 7 Авг. Приезд в Сиракузы».*

*Автограф хранится в Отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки (РГБ. Ф. 109.1.9)*[5].

<…> Вид Мессины скромен. Небольшой город, расположенный по основаниям невысоких столпившихся гор, постепенно развертывал перед нами длинную линию своей набережной. Вдоль по берегу, равномерными группами, тянулись в ряд каменные дома того типа, который носит в Италии имя *palazzo*. Многие из них могут быть и по-русски названы дворцами. Они невысоки и часто черепичная кровля неожиданно надвигается без посредствующего карниза на большие окна бельэтажа. Здания, рассчитанные на несколько этажей, сохранили от землетрясений прошлого века только нижние свои части; верхние этажи были или не достроены, или разрушены.

Впереди далеко ушедший берег описывал крутой изгиб и возвращался закрученною косою. Коса останавливалась, заканчиваясь укреплениями, против середины набережной, и давала судам проход в уютную круглую гавань. Серповидное расположение бухты снискало городу в древнейшие времена название Занклы, т.е. серпа[6].




**Морской фасад Мессины (т.н. Палаццата) до 1908 г.**

По лезвию серпа виднелись стены фортов и белая глава маяка. С высот, господствующих над городом, грозили две цитадели. Порт далеко не был переполнен судами. Три больших парохода стояли вдалеке на якоре; два других, под английским флагом, причалили у самой набережной; подле них густой ряд парусных судов окаймлял берег лесом стройных мачт. <…>

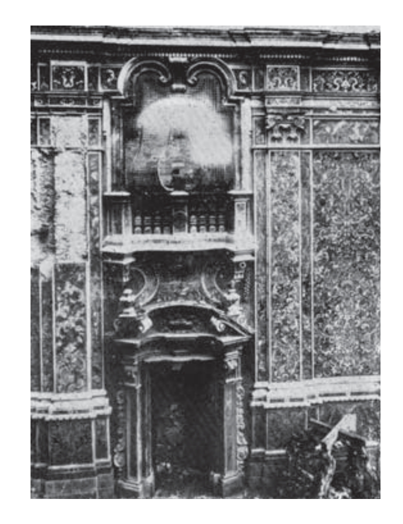
Посредине города, на просторной площади, пред широколиственными пальмами сквера и легким скульптурным фонтаном белого мрамора возвышается живописное здание собора. Его полосатый фасад сложен из широких пластов белого и узких – темно-красного мрамора. Местами каймы состоят или из узорных инкрустаций, или из сохранившихся еще кое-где поясов наивных рельефных изображений средневекового быта. Эта широкая пестрая поверхность прерывается тремя богатыми готическими порталами и неожиданно завершается колоссальным фронтоном, развивающимся, во вкусе Возрождения, из двух больших боковых завитков. Стрельчатое окно и треугольная почти готическая вершина фронтона отчасти восстановляет нарушенное единство строя. Вопреки смешению стилей, лицевая сторона собора производит гармоническое впечатление. Обходя здание, усматриваешь тут же смесь архитектонических начал. Стены и низкие башни, в дисгармонии с центральным куполом отчасти сохранили от поры Норманов, отчасти приняли из рук реставраторов свои готические формы. Внутри собор, неисправимо искаженный XVII$^{м}$ столетием, привлекает любопытство посетителя своими грандиозными столпами, гранитными монолитами, некогда подпиравшими кровлю какого-то языческого капища, и своим темным деревянным потолком, с которого спускаются многочисленные подвесы лампад.

Древняя Мессина небогата древностями. Незаметные и незначительные фрагменты нескольких византийских и норманских зданий робко прячутся от любопытных взоров, застроенные со всех

сторон. Большая часть церквей принадлежит эпохе после Возрождения. Мы избавили себя от труда обходить их, но не преминули совершить паломничество в Сан-Грегорио.

Вычурный барокко этой церкви имеет в себе что-то капризно-фантастическое. Несмотря на всё различие места, эпохи и стиля, он вызывает в мыслях москвича воспоминание о Василии Блаженном. Ее колокольня издали обращает на себя внимание улиткообразными спиралями своей витой, остроконечной главы. Внутренность храма также удивительна. Стены выложены мелкими инкрустациями из разноцветных мраморов; эта мраморная мозаика образует изящнейшие орнаменты, геральдические знаки, изображения цветов и животных. Сан-Грегорио стоит на возвышенной террасе, на которую ведут монументальные лестницы. Под террасою лабиринт домов и узких улиц; а из-за этой каменной сутолоки светлеет яркая полоса густой и нежной морской синевы. Достаточно этой узкой синей полосы, чтобы обратить сияющую в ярких лучах солнца площадку между порталом церкви и балюстрадою террасы в удивительно красивый уголок. <…>

Наконец, останавливаешься на выжженной солнцем луговине, огражденной зарослями пыльного кактуса. Отсюда можно обозревать город, окрестные высоты, гавань и пролив. Бурые холмы, словно развороченные глыбы земли, окружают сзади Мессину. Их почва местами обнажена, местами закрыта чащами серых маслин. Поверхность, как бы взрытая колоссальным плугом, нагромоздившим холмы и прорезавшим глубокие долины, неумолимо подставлена пламенным иссушающим лучам. Впереди, под горою, – Мессина: однообразная, бурая площадь черепичных кровель. Но угрюмый, выжженный пейзаж вдруг оживает, вдруг получает красоту и негу, как только глаз, словно далекую, горделиво улыбающуюся красавицу, завидит морскую мягкую, бархатистую синеву. А за своеобразно очерчен-



**Портал церкви Сан Грегорио (арх. Филиппо Юварра; 1700-е), разрушенной в 1908 г. Фото конца XIX в.**

ною гаванью и за широкою дорогою пролива высоко поднимается и заключает картину туманная масса материка. <…>
Горы отчасти буры и обнажены, отчасти заросли маслинами и кактусами. Море то отступает, то подле самой дороги разбивает мелкие, нежные волны на мягких скатах белого песка. Отлогие скаты оживлены рыбаками и купающимися детьми. Роскошная темно-зеленая полоса густых апельсинных и лимонных садов занимает узкую равнину между высотами и морем. Сады перемежаются виноградниками, также подобными садам, потому что лозы висят в них гирляндами между обвитых ими древесных стволов. Стены кактусов служат оградами, разделяющими отдельные сады.
Вдоль дороги почти непрерывною цепью тянутся селения, имеющие вид городских предместий. Они состоят из однообразных рядов двухэтажных каменных домиков, заменивших окна балконными дверьми. Пред каждою дверью непременно отдельный маленький балкон, а на каждом почти балконе, в тихий час послеполуденной сьесты, – по спящему безмятежно южанину, подобно младенцу за решеткою детской кроватки.
Изредка плодородная полоса прерывается широкою *фиумарою*, усеянною мелкими белыми камнями: это высохшее русло весеннего горного потока. Фаро – т.е. маяк и деревня, его окружающая, сверкают вдали яркою белизною из-за самого края лазурного моря. По ту сторону пролива светлеет сквозь туман Реджио, широко раскинувшийся у самых волн.Башня маяка стоит на краю рыбачьей деревни. <…> С ее высоты открывается более своеобразный, нежели прекрасный вид. Прямо перед зрителем низкий мыс, укрепленный фортом. За полосою моря, в трех верстах от мыса, отчетливо виден гористый берег Аппеннинского полуострова, окаймленный рядом селений. Один из этих городков отличается своеобразным расположением. Он как бы выходит из ущелья, образованного гористым берегом и выступающей в море скалой. Это – Сцилла. Какое имя! С нашей стороны должна была находиться Харибда. Парус, скользящий по энергично вздымающему свои волны проливу, кажется парусом Одиссея[7].
Туман скрывает от нас лежащие на горизонте Липарские острова. Сзади нас соединяет с массою Сицилии довольно узкая полоса ровной земли, занятая густыми виноградниками. Дальше поднимаются Пелорские горы. Море окружает маяк почти с трех сторон, и с трех сторон доносится вверх торжественный шум прибоя, производя неизъяснимое впечатление.

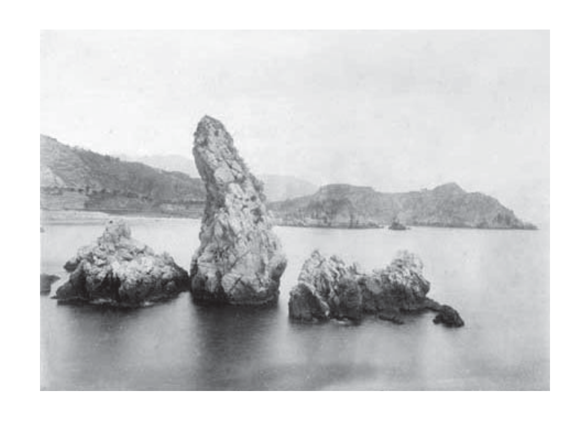
## **ЗИНАИДА ГИППИУС**
## НА БЕРЕГУ ИОНИЧЕСКОГО МОРЯ[8]

*Зинаида Николаевна Гиппиус (1869-1945) – русская поэтесса, прозаик, эссеист, публицист, мемуарист. Один из наиболее ярких представителей символизма. В Италии бывала много раз, путешествие на Сицилию состоялось в 1895 г. Она путешествовала вместе с мужем, писателем Д.С. Мережковским (краткое описание поездки в целом Гиппиус дала в своей мемуарной книге «Дмитрий Мережковский», 1951 г.). Впечатления от Сицилии сказались в прозе Гиппиус (см., например, главку «Смех» в рассказе «Небесные слова», 1902) и в ее поэзии: О, берегитесь, убегайте / От жизни легкой пустоты. / И прах земной не принимайте / За апельсинные цветы. // Под серым небом Таормины / Среди глубин некрасоты / На миг припомнились единый / Мне апельсинные цветы… («Апельсинные цветы»; стихотворение написано в 1898 г. и посвящено Анри Брике, с которым поэтесса познакомилась в Таормине).*

<…> Вечером мы выехали на Реджио, небольшой городок в Калабрии, место, наиболее близкое к Сицилии, отделенное от нее лишь узким Мессинским проливом.

Этот утомительный ночной переезд, от Неаполя до Реджио, был теперь, во время весеннего сирокко, почти опасен. Дождь хлестал в черные окна вагона с равномерной силой, ветер при остановках, казалось, удваивался, рвал так, что поезд вздрагивал и трепетал на рельсах, и думалось, что нельзя идти против этого визжащего урагана. И шли с трудом, медленно, останавливаясь, так что к утру опоздали часа на три.

Утром солнце, еще очень низкое, ударило в стекло вагона жидкими, холодными лучами. По солнцу было видно, что ветер продолжается, разве слегка утишенный рассветом. За окном мелькала странная местность, не похожая на Италию. Пустые, мало заселенные, низкие пригорки, покрытые почти сплошь кактусами, все одной и той же породы, с мясистыми и толстыми, как лепешки, листьями, – без стволов. Листья растут из листьев; старые, нижние, совсем огрубевают, еще живые – чернеют, теряют отчасти форму и превращаются и ствол. Листья хитро и разумно все обернуты в одну сторону, наперерез ветру: они не могут гнуться и не хотят ломаться, а ветер не-



**Мыс Сант-Андреа. Фото нач. XX в.**

пременно бы их сломал, встреть он на своем диком пути широкую площадь целого листа.

Сверкнуло море, ветреное, жидкое под жидкими лучами солнца, неровное, с некрасивыми полосами. Все было некрасиво и только странно; казалось, знакомая и добрая Италия далеко, – а что ждет в этой, непохожей на нее, стране – неизвестно. Может быть хорошее, а может и дурное. Впрочем, два англичанина, едущие в Сицилию с твердым намерением найти ее прекрасной, уже глубоко наслаждались. Они говорили мало, но не отрывались от бинокля и были насквозь проникнуты довольством.

<…> Пароход, вспенивая воду и уже начиная покачиваться, отошел. Калабрийский берег удалялся, но мы и не смотрели на него: розовые, неизвестные горы вырастали впереди. Они казались совсем тут, только дымок, заволакивавший их, говорил об отдалении. Они были светлые и теплые под черно-синими, вдруг наплывшими, тучами, над некрасиво-злым морем, повторявшим тучи. Волны широко и высоко поднимали пароход. Под совсем выросшей горой забелели домики. Это Мессина. А очертанье Сицилии так и осталось светлым и веселым, – розовым, несмотря на дикий ветер и всё наплывающие тучи. <…>

Прошло несколько дней. Ветер давно утих, и настала яркая теплая погода. Мы отнеслись к ней, как к должному, еще не зная, что это редкость в сицилийском[9] феврале,



**Таормина. Фото Дж. Крупи. Нач. XX в.**

Вид Этны. Фото ок. 1865



но дней не теряли и каждый день делали какую-нибудь большую прогулку. Ходили наверх, по горным тропинкам, или вниз, к морю, на мыс St. André, на самый прекрасный из всех мысов.

Если стоять в Таормине лицом к морю, Этна будет направо, и нельзя понять сразу, далеко ли она или близко. Первый раз мы ее увидали утром, часов десять – и случайно. Облака до тех пор плотно закрывали ее до подножия, и нельзя было себе представить, что там гора. Но в это утро, ясное и розовое, облака разорвались, ушли далеко, или растаяли. Мы вышли в крошечный садик отеля, отделенный от обрыва каменным парапетом. Море, далеко внизу, голубело, как небо. А направо, тянулась от моря – далеко назад, за горизонт, – широкая и спокойная Этна. Она поднималась так медленно, линия была такая отлогая, что в первую минуту гора не показалась даже высокой; и только со второго взгляда стало понятно, какая она громадная, строгая и властная. Вся белая, почти до линии, видной из Таормины, но не снежная, а льдистая; льды, как стекло, отражали солнце. На самой вершине плотно, точно небольшой кусок ваты, лежал неподвижный, беловато-розовый дым; на правом откосе было неосвященное пятно – это тень от последнего, проходящего низко, тучного, матового облака.

Вот она какая, Этна! – подумали мы с невольным уважением. И, вечно-бурлящий без особенного толку, маленький, черный,

Извержение Этны.
Фото Дж. Крупи. Ок. 1900

двугорбый Везувий со своей условной живописностью показался нам в воспоминании жалким и детским.

Но Этна не любит долго быть на виду… К полудню, хотя погода не испортилась, она завернулась в свои белые одежды и показалась только на закате. На закате она была другая. Облака сходили с нее слоями, и за самым тонким слоем она была неясная, вся аметистовая и нежная, как сквозь тончайшую ткань, пронизанную отлогими лучами. Потом золотые края стали огненными – а потом всё сразу потухло, небо затмилось, вышли на него странные, непривычные звезды, с изломанной большой Медведицей у края неба и высокий, непонятно-высокий месяц, совсем лежачий, с рогами вверх…

---

[1] Первое изд.: *Иванова Д.М.* <Дневник путешествия по Сицилии> / Публ. Н.В. Котрелева // Шахматовский вестник. Вып. 10-11. М.: Наука, 2010. С. 322-347.

[2] Заглазное прозвище (не подразумевавшее уничижительного отношения к его носителю) Карла *Крумбахера* (Karl Krumbacher; 1856-1909) – филолога, одного из создателей современной византинистики; проф. Мюнхенского университета. В 1892 г. он путешествовал по Италии и близко сошелся с молодыми русскими учеными, в числе которых был Иванов. Ивановы отправились в Неаполь и на Сицилию вслед за Крумбахером и, как видно из записок Дарьи Михайловны, учитывали его дорожные советы. Его переписка с Ивановым опубл.: *Wachtel M.* Die Korrespondenz zwischen Vjačeslav Ivanov und Karl Krumbacher // Zeitschrift für Slavistik. Jhrg. 37. 1992. Ht. 3. S. 330–342.

[3] Дария Михайловна называла мужа Wenzel'ем.

[4] Домашнее прозвище Алексея Михайловича *Дмитревского,* брата Дарьи Михайловны, в молодости – ближайшего друга Иванова.

[5] Первое издание: Иванов Вяч. <Волшебная страна ITALIA> / Публ. Н. В. Котрелева // История и поэзия : Переписка И.М. Гревса и Вяч. Иванова / Изд. текстов, исслед. и коммент. Г.М. Бонгард-Левина, Н.В. Котрелева, Е.В. Ляпустиной. М.: Росспэн, 2006. С. 413-425.

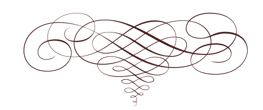
[6] Занкла (*др.-греч.*: Ζάγκλη – название города, τό ζάγκλον – серп) – название одной из самых древних греческих колоний на Сицилии, на месте которой стоит современный город Мессина.

[7] Иванов ищет в пейзаже следы древности (ср.: *Гомер,* «Одиссея», 12, 73-126, 201-259).

[8] Очерк впервые опубликован в журнале «Мир искусства» (1899. №№ 7-12).

[9] Гиппиус употребляет, как правило, слово «сицилианский», восходящее к итальянскому прилагательному «siciliano», но несколько раз у нее появляется и «более русское» по форме слово «сицилийский».

# ПОЭЗИЯ В СТРАНСТВИИ



Кристина Шиманская

# «СТИХИЙНЫХ СИЛ НЕ ПРЕВОЗМОЧЬ»: СИЦИЛИЙСКИЕ МОТИВЫ У АЛЕКСАНДРА БЛОКА

*Страшное землетрясение, произошедшее в Калабрии (на самом юге континентальной Италии) и на западном побережье о. Сицилия 15 (28) декабря 1908 г., отозвалось глубоким сочувствием в журналах и газетах всего мира. Об ужасной катастрофе сразу узнали и в России, где уже с начала XX в. чувство обреченности, ожидание трагедии и предчувствие «конца времен» наполняли умы и сердца людей. Судьба города Мессина, разрушенного и погребенного под завалами, казалось, была предвестием приближающейся мировой катастрофы. Ощущения, порожденные катаклизмом, можно было сопоставить только с эсхатологическими ожиданиями в Средние века: но если раньше религиозная вера могла дать какую-либо надежду, то теперь ее ослабление вело к развитию определенного фатализма во взглядах на окружающую действительность.*

***

С начала XX в., особенно в период между революциями 1905 и 1917 гг., большую популярность приобретают два противоположных философских течения: одно, рациональное, вдохновленное теорией эволюции и верой в прогресс, другое – иррациональное, стихийное и неподвластное разуму, которое живет в ожидании апокалипсиса. Оба в равной степени повлияли на литературные процессы начала века. Мессинское землетрясение не могло оставить равнодушными русских поэтов и писателей, которые в силу своих убеждений дают собственную трактовку калабро-сицилийской трагедии.

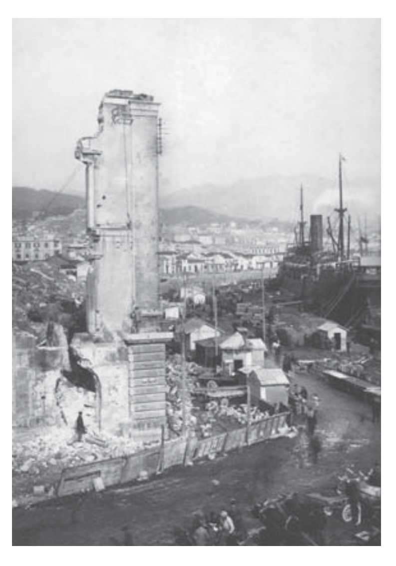


После революции 1905 г. Блок отходит от ортодоксального символизма и ищет свое место в литературе. Лирике Блока в этот период присуще ожидание исторических изменений под воздействием мирового кризиса. Поэт живет в предчувствии ужасной катастрофы, которая в ближайшем будущем постигнет его страну. Мессинское землетрясение потрясло воображение поэта и оставило свой след во всем его последующем творчестве. В первую очередь оно является для Блока знаком, предвещающим будущие революционные события как справедливое наказание за годы насилия над народом.

30 декабря 1908 г., спустя два дня после начала землетрясения, Блок произносит свою речь «Стихия и культура» в Религиозно-философском обществе в Санкт-Петербурге. Размышляя о грани, разделяющей народ и интеллигенцию, поэт говорил о бренности старого мира и предчувствовал его грядущий провал: «Я думаю, что в сердцах людей последних поколений залегло неотступное чувство катастрофы»[1]. Далее поэт обращался к экзистенциальным вопросам общественного существования, утверждая, что нарушилась связь между человеком и природой и между отдельными людьми: «пока мы рассуждали о цельности и благополучии, о бесконечном прогрессе, – оказалось, что высверлены аккуратные трещины между человеком и природой, между отдельными людьми и, наконец, в каждом человеке разлучены душа и тело, разум и воля»[2].

Мысли о мессинской трагедии приводят Блока к заключению, что неукротимая сила природы несет смерть цивилизации, которая самонадеянно полагает, что она непобедима. Человек уверен, что он владеет миром, так как считает, что может заранее предвидеть

любые природные катаклизмы, но вдруг падает под натиском катастрофы, перед которой он оказывается бессилен. По аналогии Блок утверждает, что интеллигенция, которой кажется, что она знает все социальные механизмы и их развитие, не в состоянии предвидеть, что произойдет под натиском восставшего народа. В этом заключается разрыв между интеллигенцией и народом[3].



Руины в Мессинском порту

Глубокий смысл содержат последние слова его речи: «мы переживаем страшный кризис. Мы еще не знаем в точности, каких нам ждать событий, но в сердце нашем уже отклонилась стрелка сейсмографа. Мы видим себя уже как бы на фоне зарева, на легком, кружевном аэроплане, высоко над землею; а под нами – громыхающая и огнедышащая гора, по которой за тучами пепла ползут, освобождаясь, ручьи раскаленной лавы»[4].

Мессинские события затрагивали не только теоретические интересы Блока. Вместе с другими русскими поэтами и писателями он участвует в создании благотворительного сборника «Италии: Литературный сборник в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине»[5].

В мае-июне 1909 г., т.е. через четыре месяца после сицилийской катастрофы, Блок вместе с женой Л.Д. Блок-Менделеевой совершил путешествие по Италии. От предстоящей поездки он ждал новых впечатлений и душевного обновления, о чем писал в одном из апрельских писем матери:

> Изо всех сил постараюсь я забыть начистоту всякую русскую «политику», всю русскую бездарность, все болота. <…> Я считаю себя теперь вправе умыть руки и заняться искусством[6].

Поэт переживал очень важный период переоценки ценностей: во многом его самочувствие и мысли были обусловлены личной драмой.

От путешествия по Венеции, Флоренции, Равенне, Перудже и Сиене поэт ждал новых стихов.

Вживаясь в свидетельства истории и культуры Италии, осматривая памятники античной цивилизации, поэт всё больше и больше укреплялся в убеждении, что человечество стоит на закате. Здесь он находил подтверждение своим прежним идеям, что культура неспособна противостоять разрушающей силе времени и природы, своим предчувствиям, выраженным в предыдущих работах.

По возвращении из Италии Блок пишет очерк «Горький о Мессине», темой которого снова становится Мессинское землетрясение. В нем он вновь поднимает интересующий его вопрос о дистанции, которая разделяет интеллигенцию и простого человека. В этом увеличивающемся разрыве поэт видит изменения, которые происходят в русском обществе, и которые остаются незамеченными интеллектуалами.

Поэт считает, что калабро-сицилийская трагедия, вызвав «бурю в печати всех стран», по прошествии совсем небольшого отрезка времени была забыта, несмотря на то, что она является событием: «мировой важности, и оценить его [землетрясение – *К.Ш.*] мы доселе не в состоянии. <…> оно изменило нашу жизнь»[7]. По мнению Блока только духовно слепой человек может думать, что эта катастрофа не повлияет на формирование души человека и на быт людей.

Перед его взором предстают апокалиптические видения, схожие с теми, что он видел на фресках Синьорелли[8] и в своем путешествии по Италии, где:

> как бы при внезапной вспышке подземного огня, явилось лицо человечества – на один миг; но в этот драгоценнейший миг мы увидали то, что постоянно забываем <…>; того лица подлинного, неподдельного, обыкновенного человека, которое мелькнуло в ярком свете, можно было испугаться, до того мы успели от него отвыкнуть[9].

Рассуждая о простом человеке, поэт описывает многочисленные трагические эпизоды, в которых простые люди проявляют чудеса человеческого духа и человеческой силы:

> Таков обыкновенный человек. <…> Он поступает страшно просто, и в этой простоте только сказывается драгоценная жемчужина его духа. А истинная ценность жизни и смерти определяется только тогда, когда дело доходит до жизни и до смерти. Нам до того и до другого далеко[10].

Во вступлении к первой главе незаконченной поэмы «Возмездие» в 1911 г. Блок продолжает размышления о судьбе интеллигенции, которая отдаляется от народа. Он предвидит большие потрясения, которые в корне изменят историю России и жизни людей. Поэт уверен в неизбежности катастроф:

***Двадцатый век... Еще бездомней,***
***Еще страшнее жизни мгла***
***(Еще чернее и огромней***
***Тень Люциферова крыла).***
***Пожары дымные заката***
***(Пророчества о нашем дне),***
***Кометы грозной и хвостатой***
***Ужасный призрак в вышине,***
***Безжалостный конец Мессины***
***(Стихийных сил не превозмочь),***
***И неустанный рев машины,***
***Кующей гибель день и ночь,***
***Сознанье страшное обмана***
***Всех прежних малых дум и вер,***
***И первый взлет аэроплана***
***В пустыню неизвестных сфер...***

Метафорически именуя XIX век «железным» – «век растущего незримого зла», поэт еще в более страшных красках описывает «бездомный XX». Как предвестие конца поэту видятся дымные закаты и черные адские тени над беззащитным земным миром, в

одно целое сливается рев машины, кующей гибель, и грохот мессинского землетрясения. Угрожающим кажется поэту призрак хвостатой кометы на небосводе, и даже шум полета аэроплана на фоне этой апокалиптической картины приобретает тревожное звучание. В этой метафоре Блок максимально концентрирует свои мысли о будущем страны, свое ожидание изменений, которые должны произойти в обществе.

Блок продолжает развивать тему обновления общества в стихотворении «Скифы» (1918), где он представляет себе начало исторической миссии революционной России, которая возвысится над буржуазным западным обществом. Поэт тогда утверждал, что природные катаклизмы – землетрясения в Мессине и Лиссабоне – были предвестниками грядущих изменений в России:

***Века, века ваш старый горн ковал***
***И заглушал громá лавины,***
***И дикой сказкой стал для вас провал***
***И Лиссабона, и Мессины!***
***Вы сотни лет глядели на Восток,***
***Копя и плавя наши перлы,***
***И вы, глумясь, считали только срок,***
***Когда наставить пушек жерла!***

***Вот – срок настал. <...>***

***О старый мир! Пока ты не погиб,***
***Пока томишься мукой сладкой,***
***Остановись, премудрый, как Эдип,***
***Пред Сфинксом с древнею загадкой!..***

В блоковской поэтической хронологии европейской истории прошлые землетрясения – не только вещие знаки, которые предвещают конец пагубной западной цивилизации. Для новой молодой России это сигналы, чтобы начать покорение старого континента, который уже много веков подавляет свои народы. Поэт завершает стихотворение предупреждением, обращенным к западному миру:

*В последний раз – опомнись, старый мир!*
*На братский пир труда и мира,*
*В последний раз на светлый братский пир*
*Сзывает варварская лира!*

Он представляет себе, что конец войны принесет мир всем народам, что все люди будут связаны дружественными чувствами и согласием под эгидой нового русского общества.

***

Мессинское землетрясение оставило неизгладимый отпечаток не только на творчестве Блока, но и на его мировосприятии. Поэт уверен, что катастрофа является подтверждением теорий, предвещающих конец старой эпохи. В произведениях этого периода ощущается нарастающая тревога и чувство беспокойства. Калабро-сицилийская трагедия становится для Блока символом грозного и неминуемого изменения, которое он предчувствовал и ждал все эти годы.

---

[1] *Блок А.* Стихия и культура // Собрание сочинений. Т. 4. Л.: Художественная литература. С. 115.

[2] Там же.

[3] О важности мыслей Блока о мессинском землетрясении в развитии миросозерцания поэта см. также в статье Д.М. Магомедовой «Газетные подтексты статьи А. Блока “Стихия и культура”»: «Именно здесь проведена столь значимая для Блока параллель между природой и народной стихиями: «Ученые сказали только, что югу Италии и впредь угрожают землетрясения. <…> А уверены ли мы в том, что довольно «отвердела кора» над другой, такой же страшной, не подземной, а земной стихией – стихией народной?» // Шахматовский вестник. Вып. 10–11. М.: Наука, 2010. С. 11 и далее. – *Сообщено И.А. Ревякиной.*

[4] *Блок А.* Указ. соч. С. 124.

[5] Выпущен в 1909 г. Санкт-Петербургским издательством «Шиповник» (типография Министерства путей сообщения – Товарищества И.Н. Кушнерев и К). На отдельном листе надпись: «Весь доход от настоящего издания поступает в пользу пострадавших от землетрясения в Сицилии и Калабрии». В сборник вошли оригинальные и переводные прозаические тексты (беллетристика, эссе,

мемуары, эпистолярий), размещенные в произвольном порядке: «Сон о. Василия. Неизданный отрывок из “Жизни о. Василия Фивейского”» Л. Андреева; повесть латышского писателя Р. Блаумана «Андриксон»; доклад А. Блока «Стихия и культура», прочитанный в Религиозно-философском обществе; рассказы Ю. Верховского («Друзья», с посвящением А. Ремизову), С. Городецкого («Крестины»), Б. Зайцева («Соседи»), Дм. Крачковского («Черные птицы»); «стихотворение в прозе» А. Куприна «Мой паспорт»; первая глава романа О. Миртова «Жизнь»; сказка Ремизова «Мышонок»; очерк П. Рысса «Будет так, как было…» (он открывает книгу); миниатюра С. Сергеева-Ценского «Белые птицы»; отрывок из фантастического романа В. Тана «Завоевание вселенной»; «Джузеппе Гарибальди (Из личных воспоминаний)» А. Толиверовой (с факсимильным воспроизведением автографа Гарибальди); сказка А.Н. Толстого «Верблюд» (с посвящением Н. Гумилеву); письмо Л. Толстого к Андрееву по поводу посвящения «Рассказа о семи повешенных»; «Новогодние подарки», «Брат Жоконо», «Трактат о художественных образах», «Похвальба Оливье» А. Франса; рассказ Г. Чулкова «Упырь» (с посвящением А. Белоконь-Городецкой). Поэзия представлена «наивной повестью в стихах» Ф. Сологуба «Ксения», циклами Блока «Мэри» и Гумилева «Беатриче», стихотворениями В. Брюсова («Наш демон», «Дух земли»), М. Гальперина («На мосту»), З. Гиппиус («Земля»), Городецкого («Магна»), Д. Мережковского («В небе зеленом, как лед…»), Сергеева-Ценского («Зарницы»), К. Эрберга («Ураган», «У печки»).

[6] Цит. по: *Блок А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1997. Т. 3. С. 715.

[7] *Блок А.* Горький о Мессине // Собрание сочинений. Т. 4. Л.: Художественная литература. С. 134.

[8] С описанием фресок Синьорелли поэт, в частности, знакомился перед поездкой в Италию в книге: *Зайчик Р.* Люди и искусство итальянского Возрождения. СПб., 1906. См. об этом в статье: *Игошева Т.В.* «…Читаю книги о Возрождении и вычитываю много замечательного»: О блоковском восприятии Италии после итальянской поездки 1909 г. // Шахматовский вестник. Вып. 10–11. С. 272–273. – *Сообщено И.А. Ревякиной.*

[9] *Блок А.* Горький о Мессине… cit. С. 135.

[10] Там же. С. 139.

Ирина Ревякина

# «В ДНИ СКОРБИ ЛЮБИМ МЫ НЕЖНЕЕ...»: ИВАН БУНИН НА СИЦИЛИИ

О начале путешествия по Сицилии Иван Алексеевич Бунин сообщал литератору А.Е. Грузинскому 3 апреля (21 марта ст. ст.) 1909 г., уже находясь в Палермо. Упомянув о недавнем посещении Капри и о властно притягивающей новизне и необычности «другого» мира Италии, он писал:

> Мы [с женой, В.Н. Муромцевой-Буниной. – *И.Р.*] там провели дней восемь, почти не разлучаясь с милым домом Горького, но захотелось побольше солнца, зноя – и вот очутились мы в Сицилии. Зноя не оказалось и в Палермо – вчера, напр., было совсем лето, а нынче теплый весенний дождь – но городом я все-таки доволен вполне. Весь он крыт старой черепицей, капелла Палатина выше похвал, а про горы и море и говорить нечего. Знаменательно, наконец, и то, что прибыл я сюда в тот же день, что и Гёте в позапрошлом столетии[1].

Последняя деталь особенно любопытна. Дневниковые записи Гёте из книги «Путешествие в Италию» о прибытии в Палермо начинаются с даты 2 апреля 1787 г. На это и обратил внимание Бунин. Вот их восторженное начало, с которым явно перекликаются первые впечатления Бунина:



**И.А. Бунин и В.Н. Муромцева. Москва, дек. 1906**

<…> мы достигли в три часа по полудни гавани, откуда нам навстречу представился прелестнейший вид… Город, обращенный к северу, лежал у подножия горы; над ним сияло солнце… Светлые стороны всех зданий были обращены к нам и блестели отражаемыми лучами. Вправо находилось Монте Пелегрино, красивые формы которого были вполне освещены, влево – далеко простирающийся берег с бухтами, косами и мысами… молодая зелень красивых деревьев, вершины которых, освещенные сзади, точно большие массы растительных светляков, колыхались туда и сюда перед темными зданиями. Прозрачный пар окрашивал все тени в голубое.

На следующий день Гёте продолжал:

Чистота контуров, мягкость общего вида, распределение теней, гармония неба, моря и земли – кто видел это один раз, тот не забудет во всю свою жизнь. Теперь только я понимаю Клод-Лорена и надеюсь когда-нибудь на севере вызвать из души моей образы этого счастливого обиталища… Посмотрим, что́ может сделать эта царица островов[2].

Вера Николаевна позднее не однажды выделит в своих воспоминаниях – Иван Алексеевич, очень любивший «перемену мест», брал с собой книги. В пути он немало читал, сопоставляя свои впечатления с наблюдениями и опытами других. Не удивительно, что на этот раз, отправляясь в Сицилию, он выбрал себе «в собеседники» Гёте с его знаменитыми описаниями путешествий по Италии. Одна из итоговых книг немецкого классика была широко известна в России как яркий опыт познания великого искусства страны, а также и ее национального быта.

Судя по бумаге письма, Бунины остановились в Grand Hotel Trinacria.

Не только высокие, но и восторженные оценки писателя, при всей их краткости, несомненно, подчеркивали главное из того, что удалось увидеть. Палатинская капелла – которая, по Бунину, «выше похвал» – знаменита как исторический памятник (построена в 1143 г. по заказу норманнского правителя Сицилии Рожера II) и как шедевр христианской архитектуры: памятник соединил стили разных эпох – византийской, норманнской и арабской.

Всю поверхность купола и стен покрывают богатейшие, всемирно прославленные мозаики византийских традиций. Они изображают сцены из Ветхого и Нового Заветов на золотом фоне. С этим неповторимым великолепием своеобразно и гармонично сочетается резной арабский деревянный потолок медного цвета (такого нигде более нет).

Отзывы Веры Николаевны, оставленные через годы, тоже кратки, но в сути единодушны с бунинскими. В них находим продолжение «маршрутов» осмотра достопримечательностей города:

> Наутро Палермо. Погода и там была плохая… Несколько дней мы осматривали столицу Сицилии, смотревшую на север, в бухте которой никогда не отражаются ни солнце, ни месяц. Мы восхищались замечательными византийскими мозаиками, испытывали жуткое чувство при виде мумий, лишь едва истлевших в подземелье какого-то монастыря. Особенно жуткое впечатление произвела невеста в белом подвенечном платье[3].

В последней части рассказа Веры Николаевны речь идет об известных катакомбах, расположенных под монастырем капуцинов. В залах и нишах этих катакомб покоились останки 8 тыс. мужчин, женщин и детей. Многие из них прекрасно сохранились: монахи владели в совершенстве техникой бальзамирования.

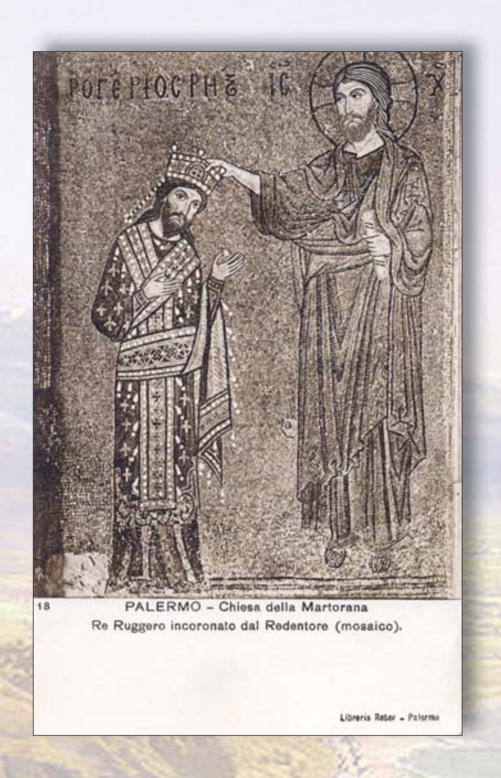
Особо значимое из увиденного выделяют также и два лаконичных послания Бунина[4], на открытках с изображениями природных и архитектурных памятников Палермо. Одна – А.М. Горькому с датой «3/21.09»: «Низко кланяемся обитателям милой Красной виллы [снимаемая Горьким вилла была кирпично-красной окраски, но вероятно Бунин имел в виду и царившие в семье писателя революционные настроения. – *И.Р.*] из Палермо, где необыкновенно хорошо, но идет дождь. *Ив. Бунин*». Открытка – с изображением мозаики и надписью: PALERMO. Chiesa della Martorana / Re Ruggero incoronato dal Redentore (mosaico) [Король Рожер, коронуемый Искупителем (мозаика)].

Базилика Марторана считается одним из самых важных памятников Палермо. Подобно Палатинской капелле, она относится

к XII в. и славится мозаичными ансамблями. Построенная греком Георгием Антиохийским, который был адмиралом властителя Рожера II, Марторана отличается главенством византийского стиля – от арабского влияния здесь присутствует лишь великолепной резьбы арабская дверь. Перестроенная в XVI–XVII вв., базилика сохранила, тем не менее, древние сицилийские мозаики. Избранная Буниным открытка с мозаикой коронации Рожера II Спасителем, а к ней писатель определенно хотел привлечь внимание Горького, считается самой известной в этом храме. Она знаменита прежде всего тем, что отражает особые представления сицилийских монархов, утверждавших свои полномочия наследования власти непосредственно от Бога, минуя римского папу. Следует отметить и еще одно важное свойство этой мозаики. Она признана безупречно византийской. И одежда, и корона, и сама фигура норманнского короля – склоненная чуть влево голова, простертые ко Христу руки – во всем проступает типично византийская иконография. Однако лицо Рожера II наделено портретными чертами, что не оставляет сомнения в том, что оно выполнялось, как считают исследователи, с натуры: если не считать мелких и условных изображений на печатях и монетах, это единственный подлинный портрет властителя.

Архитектурные памятники Палермо самобытны тем, что несут в себе пласты разных эпох и традиций. Именно этим в первую очередь они интересны Бунину. Путешествия 1910-х гг. стали для писателя живым источником познания истории древних цивилизаций, его творческое воображение обогащалось драгоценными образами культуры разных эпох. В них остались запечатленными творческие усилия поколений, сменявших друг друга, но сберегавшие в себе частицы общей памяти человеческой истории. Всего через несколько месяцев после сицилийского странствия в стихотворении от начала августа 1909 г. Бунин скажет об этом впервые так:

***... я обречен***
***Познать тоску всех стран и всех времен***[5]***.***



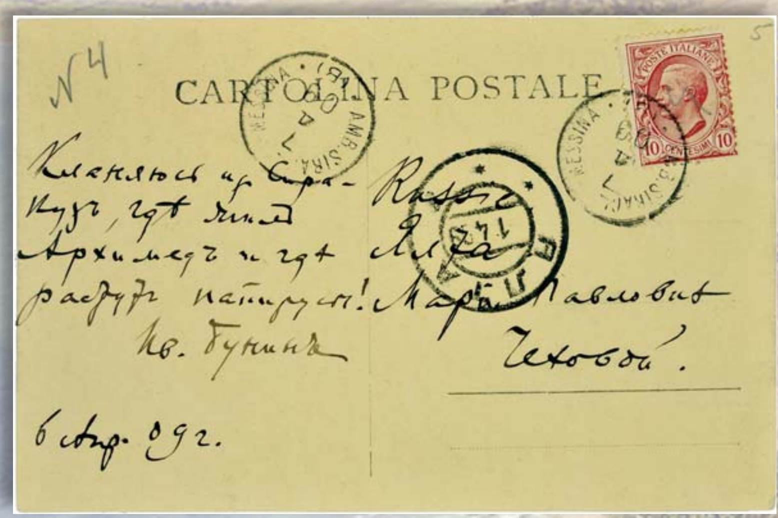


Низко кланяемся обитателям милой Красной виллы из Палермо, где необыкновенно хорошо, но идем домой.
Ив. Бунин
3/21 09.

Capri.
Villa Spinola
Massimo Gorky
(A. Peschkoff)

**Иллюстрированная открытка Бунина Горькому 3 апреля 1909 г. из Палермо. Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН. Публикуется впервые**




Кланяюсь из Сиракузъ, гдѣ жилъ Архимедъ и гдѣ [illegible]!
Ив. Бунинъ

6 Апр. 09 г.

Russie
Ялта
Марiи Павловнѣ
Чеховой.

**Открытка Бунина М.П. Чеховой 6 апреля 1909 г. из Сиракуз.**
**РГБ НИОР. Публикуется впервые**



**Пещерный храм св. Розалии близ Палермо.
Фото Дж. Соммера. 1890-е**

Эта мысль – о памяти и связи «всех стран», с глубин времен – становится определенным лейтмотивом в его философском миросозерцании. К ней он не случайно обратится также в лирической поэме «Венеция», написанной в 1913 г.:

*Тот, кто молод,*
*Знает, что он любит. Мы не знаем –*
*Целый мир мы любим... И далеко,*
*За каналы, за лежавший плоско*
*И сиявший в тусклом блеске город,*
*За лагуны Адрии зеленой,*
*В голубой простор глядел крылатый*
*Лев с колонны. В ясную погоду*
*Он на юге видит Апеннины,*
*А на сизом севере – тройные*
*Волны Альп...*

Наконец, особенно яркое выражение эта поэтическая идея получит в сонете «В горах» от 12 февраля 1916 г., с первоначальным названием «В Апеннинах»:

*Я говорю себе, почуяв темный след*
*Того, что пращур мой воспринял в древнем детстве:*
*– Нет в мире разных душ и времени в нем нет!*

Можно предполагать с большой долей очевидности, что эта, одна из самых важных поэтических деклараций Бунина, имеет внутреннюю связь с теми творческими импульсами, которые он получил через знакомство с культурой Сицилии[6].

Другое бунинское послание о первых сицилийских впечатлениях – О.Л. Книппер-Чеховой, известной актрисе Московского художественного театра, вдове А.П. Чехова, от *«4/22 IV/III 09 г.»*: «Низко кланяюсь из Палермо. *Ив. Бунин. В. Муромцева»*. К самому Чехову Бунин был человечески и творчески привязан, всю его семью очень любил; сохранилось немало писем, например, к сестре писателя Марии Павловне. Открытка к Ольге Леонардовне – с видом высящегося над побережьем массива и надписью: PALERMO – Monte Pellegrino. Это та самая гора Пеллегрино на северной окраине города, которая отбрасывает тень на залив, где, по впечатлениям Веры Николаевны, «никогда не отражаются ни солнце, ни месяц». В предместьях Пеллегрино – парк и дворец короля Обеих Сицилий Фердинанда III Бурбона. Красотой скалистого массива Пеллегрино восхищался Гёте. На вершине горы – святилище Санта-Розалия, пещерная часовня. Отшельница Розалия, некогда спасшая город от эпидемии чумы, была избрана его святой покровительницей. Часовня – популярное место паломничества: здесь не могли не побывать Бунины. Дань уважения католическому обычаю поклонения святым, Мадонне – и в пещерных храмах в горах, и в придорожных нишах, писатель отдал во многих произведениях на итальянские темы. Проникновенные строки об этом есть, например, в поэме «На пути из Назарета», рассказе «Господин из Сан-Франциско».

6 апреля по нов. ст. Бунины прибыли в Сиракузы (совр. название – Сиракуза). По воспоминаниям Веры Николаевны, «поселились на шестом этаже отеля с бесконечным видом на восточное море. Там мы в первый раз увидели папирус»[7]. Город расположен в юго-восточной провинции острова; основан греческими колони-

стами в 734–733 гг. до н. э. Он стал к V в. до н. э. самым большим в Сицилии и одним из самых влиятельных всего Средиземноморья. В Сиракузах жили великие умы Эллады – Пиндар, Платон, Архимед. Здесь процветало и раннее христианство. В Сиракузах Буниных привлекало немалое число историко-культурных памятников разных и самых древних эпох. Особенно интересен Археологический парк Неаполиса: на огромном его пространстве под открытым небом сосредоточены сооружения, относящиеся к греко-римскому периоду – Греческий театр, один из самых больших в античном мире – для него писал свои трагедии Эсхил; римский амфитеатр (своими размерами он близок знаменитой арене Вероны); жертвенный алтарь Гиерона II, правившего в III в. до н.э.; некрополь Гроттичелле, где по преданию похоронен великий ученый Архимед (однако в действительности место его погребения неизвестно), и многое другое. Известны Сиракузы и как единственное место за пределами Египта, где растет папирус и где находится исследовательский центр по его изучению и обработке.

Отсюда писатель также отправлял краткие послания на родину[8]. Племяннику Н.А. Пушешникову – с видом каменного грота и надписью Tomba di Archimede; писателю и близкому другу Н.Д. Телешову – открытку с изображением зарослей папируса и приветствием: «Здесь растут папирусы и жил Архимед. Можешь ты это понимать? *Ив. Бунин*. 6 апр. 09 г.»; М.П. Чеховой (сестре А.П. Чехова) – открытку с видом руин древнегреческого театра и словами привета: «Кланяюсь из Сиракуз, где жил Архимед и где растут папирусы. *Ив. Бунин*. 6 апр. 09 г.».

В Сиракузах Буниным было написано стихотворение «Туман», с указанием места и даты: *«Сиракузы. 25.III.09»*, единственное за всё пребывание в Сицилии. Оно о родных «мокрых гумнах», «море туманных лесов», об охоте. Свойственная Бунину выразительность в подлинности изображаемого, весь настрой стихотворения – и сумрачно встающей зари, и печальных вечерних огней – кажутся резким контрастом той воодушевленности обретения нового, которое заполняло его внимание в те дни. Впрочем, можно предположить, что неожиданность дождливой погоды, ко-

торой встретила путешественников Сицилия, и вызвала родные воспоминания писателя. Однако в одной из заметок Веры Николаевны говорится, что сицилийцы связывали непривычность дождливой погоды в то время года именно с последствиями недавнего землетрясения. Может быть, печальный поэтический настрой Бунина являлся неким предчувствием следующей «встречи» – теперь с Мессиной, разрушенной в декабре 1908 г. землетрясением огромной силы.

О пребывании в Мессине 7 апреля Муромцева писала:

> «Оттуда [из Сиракуз. – *И.Р.*] поехали в Мессину, где испытали настоящий ужас от того, что сделало землетрясение. Особенно поразила меня уцелевшая стена с портретами, – какой-то домашний уют среди щебня»[9].

Чуть позднее – другое трагическое впечатление:

> <…> среди развалин мы увидели высокую широкоплечую седую старуху. Она стояла и, воздев к небу руки и угрожая кому-то сжатыми кулаками, громко проклинала… Это продолжалось долго. Когда мы возвращались на пароход, она всё еще что-то выкрикивала[10].

Путешествие по Сицилии закончится в Палермо тоже 7-го; откуда Бунины отправятся на пароходе в Неаполь, а затем на Капри.

Свой отклик на трагедию в Мессине, по следам увиденного через три месяца, Бунин напишет, вернувшись на Капри. Стихотворение первоначально называлось «В Мессинском проливе». Замысел его, по всей вероятности, во многом связан с теми обсуждениями истории мессинских событий конца 1908 г., которые Бунин застал в каприйском окружении.

В ту весну 1909 г. на вилле Спинола, где жил Горький, как вспоминала Вера Николаевна, «царила на редкость приятная атмосфера бодрости и легкости»: главным предметом обмена мнений и споров была литература. «Много говорили мы, – добавляла она, – и о Мессинском землетрясении. Мария Сергеевна Боткина [одна из дочерей известного врача-хирурга С.П. Боткина[11]. – *И.Р.*], сестра милосердия, побывала на месте бедствия. Восхищались самоот-

верженностью русских моряков»[12]. Капри был одним из мест, где принимали пострадавших. Горький собирал деньги для поддержки беженцев, а вместе со швейцарским астрономом М.В. Мейером задумал благотворительное издание – книгу свидетельств очевидцев, документов и фотографий с мест событий. С ученым Горький познакомил и Бунина[13].

Тогда Бунины очень близко узнали, как «Италия в горе» героически сопротивлялась бедствию, как организовывалась помощь пострадавшим. В Италии высоко ценился героизм русских моряков, которые первыми привели несколько военных кораблей Балтийского флота в Мессинский пролив и оказывали в самое опасное время помощь гибнувшему городу. Горькому удалось собрать в помощь Италии немалые суммы денег со всей России. Один из фактов признания усилий писателя – приветствие от Союза прогрессивной молодежи им. М. Горького из города Катания. В нем говорилось: «Честь и Здоровье Тому, кто первый пришел на помощь в час горя – Ваше имя в этот час было для нас лучом солнца». Оно было прислано писателю в январе 1909 г.[14] Обо всем этом, по всей очевидности, Бунин узнал подробно на Капри, где закончил стихотворение «В Мессинском проливе» с датой 15 апреля, потом названное «После Мессинского землетрясения». В нем всего восемь строк, исполненных щемящего лиризма и, как кажется, подлинной реальности увиденного:

*На темном рейде струнный лад,*
*Огни и песни в Катанее...*
*В дни скорби любим мы нежнее,*
*Канцоны сладостней звучат.*

*И величаво-одинок*
*На звездном небе конус Этны,*
*Где тает бледный, чуть заметный,*
*Чуть розовеющий венок*[15]*.*

Конечно, это не простая пейзажно-городская зарисовка. В ней «спрятан» глубокий смысл тревожных, но и мужественных переживаний. Стихотворение внутренне контрастно. Оно соче-

тает цвета светлого и темного («темный рейд» и «огни»), слишком разные ощущения («скорбь» и «сладостные» канцоны любви). Живописное мастерство Бунина здесь кажется акварельным. Описание проступает как бы издали – с расстояния. Может быть потому, что поэт не был в Катании, а наблюдал этот город-феникс, по всей вероятности, с борта парохода. Видимо, это и отражено в первоначальном названии стихотворения. Во всяком случае, он выделял, как бы с расстояния, крайние точки увиденного – огни на темном рейде и всюду видный конус величественного и грозного вулкана Этна. «Чуть заметный, чуть розовеющий венок» на конусе Этны – не просто деталь в силуэте города и прибрежья. В ней и тревожный подтекст. Она и напоминание о том, что Катанию не раз потрясали извержения вулкана и землетрясения. Именно к этой «точке повествования» движется сюжет стихотворения, венчающий миросозерцательное чувство поэта.

Второй раз Бунины оказались в Сицилии, видимо, с 20 апреля 1910 г. После путешествия по Африке они возвращались из Туниса на небольшом итальянском пароходе. Плавание осложнил сильнейший шторм. Позднее, из Греции, Бунин писал издателю Ф.Ф. Фидлеру 10 мая, беспокоясь о своих литературных делах: «после долгих странствий и приключений ... совсем было погиб у берегов Сицилии на пути из Африки, – вместо 12 часов были в море при свирепой буре целых двое суток!»[16] В дневнике Веры Николаевны об этом – конспективные записи: «Апрель 17, Пасха 18, в ночь на пароходе в Марсалу. Буря двое суток [т.е. 18 и 19 апреля. – *И.Р.*]. Пришлось повернуть курс на Эмпидокл»[17].

Обстоятельства серьезно изменили первоначальный план пребывания в Сицилии: высадиться на западном побережье в Марсале, самом близком побережье к Тунису, не удалось. Возможно, Бунин хотел здесь побывать потому, что город-порт был местом высадки в 1860 г. Гарибальди и его сподвижников, которые освободили Сицилию от власти Бурбонов и объединили Италию. Изменение курса плавания и привело Буниных 20 апреля в Porto Empedocle, древнейший порт на юго-западном побережье. Он расположен вблизи






CARTOLINA POSTALE

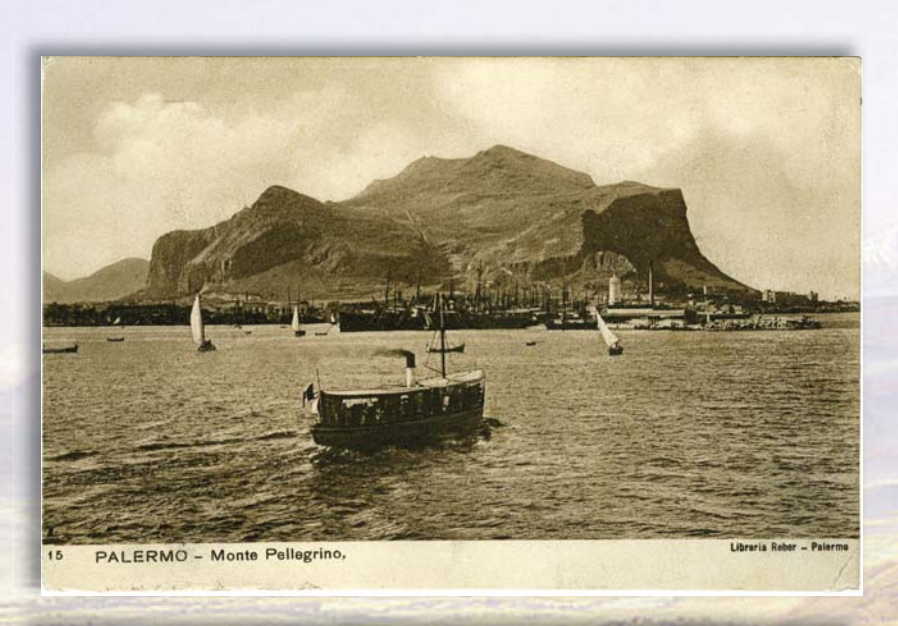
Здѣсь растутъ папирусы и жилъ Архимедъ. Можешь ты это понимать?

Ив. Бунинъ

Сиракузы.
6 Апр. 09 г.

Russie. Moscou.
Москва.
Садовая, возлѣ Курскаго Вокзала, противъ церкви св. Илiи, д. Орѣшникова.
Н. Д. Телешову.

**Открытка Бунина 6 апреля 1909 г., хранится в Мемориальном кабинете Н.Д. Телешова в Москве. Публикуется впервые**







Открытка Буниных О.Л. Книппер-Чеховой 4 апреля 1909 г. из Палермо с видом горы Пеллегрино. Музей МХАТ. Публикуется впервые

столицы провинции Агридженто, куда вела из порта железная дорога. Далее в конспекте Веры Николаевны значится: «По жел. дороге в Термини. Ночь. Пустой город. Проводники. Незнание языка. Огромный пустой отель. Мессина. По ж. д. до Неаполя»[18].

Железнодорожное сообщение по Сицилии, а также на континентальную часть Италии предусматривало возможные транспортные пересадки: например, на паром через Мессинский пролив. На Капри Бунины прибыли 22 апреля (по дневниковой записи К.П. Пятницкого[19]), следовательно они располагали, почти двумя днями, чтобы осваивать новые для себя места Сицилии. Если они задержались в Агридженто, то их ожидало знакомство с античным прошлым города. Ряд храмов высится на горном гребне прямо над морем, античные развалины прячутся в окружении оливковых деревьев и в долине. Археологические богатства города и провинции хранят находки разных исторических эпох – и времени римских завоеваний, и норманнов. Другой пункт следования, Термини, известен со времен Древнего Рима, прежде всего своими горячими лечебными источниками. Само название места расшифровывается из латинского Thermae Himerenses – «Горячие источники Химеры». Об эпохе Рима здесь напоминают руины акведуков; центр города богат памятниками барочной архитектуры XV в.

Дорога из Агридженто в Термини пролегает через гористую часть острова. Возможно, что упоминание в конспекте Веры Николаевны – «Проводники» – связано с намерениями Бунина окунуться в «горный мир» Сицилии. Собственно «свидетельством» и доказательством этого являются стихотворения Бунина «В Сицилии» с датой *1.VIII.12* и «Кадильница», отмеченное более поздней датой *23.I.16*. Они – несомненный плод второго пребывания Бунина на Сицилии.

В поэтическом содержании этих стихов зрелого периода творчества Бунина много общего, но в их привязанности к «месту» есть некоторая разница. Первое – сонет о прибрежной горной Сицилии, с водой у скал, дыханием ветра:

*Монастыри в предгориях глухих,*
*Наследие разбойников морских,*
*Обители забытые, пустые –*
*Моя душа жила когда-то в них:*
*Люблю, люблю вас, келии простые,*
*Дворы в стенах тяжелых и нагих,*
*Валы и рвы, от плесени седые,*
*Под башнями кустарники густые,*
*И глыбы скользких пепельных камней,*
*Загромоздивших скаты побережий,*
*Где сквозь маслины кажется синей*
*Вода у скал, где крепко треплет свежий,*
*Соленый ветер листьями маслин*
*И на ветру благоухает тмин!*

Природа Сицилии притягательна для поэта красотой и мощью своих сил, а его созерцательное чувство наполнено уважением к памяти прошлого, к преданию, в том числе религиозному. Поэт чувствовал и обостренность католического исповедания, что признавалось отличительной особенностью сицилийцев. Высокий стиль стихотворения рожден важной темой – приобщенности духовного бытия к вечной жизни природы. Всё это Бунин выносил из пребывания в Сицилии как особом мире Италии.

Другое воспоминание – о монастыре, «забытом» в сицилийских горах – стало основой стихотворения-притчи «Кадильница». Оно написано в разгар Первой мировой войны и заключало сильно звучавшие современные акценты. Вот его текст с концовкой по сонетному канону:

*В горах Сицилии, в монастыре забытом,*
*По храму темному, по выщербленным плитам,*
*В разрушенный алтарь пастух меня привел,*
*И увидал я там: стоит нагой престол,*
*А перед ним, в пыли, могильно-золотая,*
*Давно потухшая, давным-давно пустая,*
*Лежит кадильница – вся черная внутри*
*От угля и смолы, пылавших в ней когда-то...*

*Ты, сердце, полное огня и аромата,*
*Не забывай о ней. До черноты сгори.*

Тема «горящего» сердца – жертвенного служения, христианского подвижничества – раскрыта здесь и как вечная, и как насущно актуальная. Когда-то бывшее и давнее поэт воскрешает, наделяя его новой жизнью, а само бытие культуры нераздельно для него с хранением и передачей памяти поколений. Вскоре после стихотворения «Кадильница» Бунин напишет сонет «В горах», близкий ей в теме восприятия традиций: в грозном военном 1916 году в художественном мире поэта акцентировано противостояние разрушению и энтропии – как в отдельной человеческой жизни, так и в истории – опыта наследования и созидания.

Так сицилийские путешествия, насыщая миросозерцание Бунина знанием истории, смен цивилизаций, сберегаясь в творческой памяти поэта, отозвались создание ярких произведений.

Духовное начало своих тяготений к Сицилии Бунин в поэтической форме высказал в стихотворении «Капри», написанном в августе 1916 г.:

*...Проносились февральские шквалы. Светлее и жарче сияли*
*Африканские дали.*
*И утихли ветры, зацвели*
*В каменистых садах миндали,*
*Появились туристы в панамах и белых ботинках*
*На обрывах, на козьих тропинках –*
*И к Сицилии, к Греции, к лилиям Божьей Земли,*
*К Палестине*
*Потянуло меня...*

В 1926 г. в статье «Думая о Пушкине» Бунин соотносил ряд своих итальянских стихотворений разных лет – «На гробнице Виргилия», а также сонеты «В Сицилии» и «Помпея» – с широко понимаемой им пушкинской традицией. Ее он объяснял как

<…> желание написать что-нибудь по-пушкински, что-нибудь прекрасное, свободное, стройное, желание, проистекающее от любви,

от чувства родства к нему, от тех светлых (пушкинских каких-то) настроений, что Бог порою давал в жизни. Вот, например, прекрасный весенний день, а мы под Неаполем, на гробнице Виргилия, и почему-то я вспоминаю Пушкина, душа полна его веянием – и я пишу:

***Дикий лавр, и плющ, и розы <...>***
***Верю – знал ты, умирая,***
***Что твоя душа – моя. <...>***

А вот другая весна, и опять счастливые, прекрасные дни, а мы странствуем по Сицилии… При чем тут Пушкин? Однако я живо помню, что в какой-то связи именно *с ним*, с Пушкиным, написал я[20]:

***Монастыри в предгориях глухих <...>***

А вот Помпея, и опять почему-то со мною он, и я пишу в воспоминание не только о Помпее, но как-то и о нем <…>

***Но Помпея***
***Казалась мне скучней пустых могил <...>***
***Была весна. Как мед в незримых сотах,***
***Я в сердце жадно, радостно копил***
***Избыток сил – и только жизнь любил[21].***

В разнообразии итальянских тем, в том числе и сицилийских, соприсутствует то «пушкинское», по Бунину, в чем проявлялся его собственный художественный и мировоззренческий идеал полноты и красоты жизни, который он утверждал еще с ранних творческих лет:

***Нет, не пейзаж влечет меня,***
***Не краски жадный взор подметит,***
***А то, что́ в этих красках светит:***
***Любовь и радость бытия[22].***

[1] *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О.Н. Михайлова; отв. ред. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2007. С. 107.

[2] *Гёте*. Путешествие в Италию. Перевод З.В. Шидловской // Собр. соч. Гёте в переводе русских писателей / Под ред. П. Вейнберга. Тт. 1– 8: Т. 6. СПб., 1893. С. 140–142.

[3] *Муромцева-Бунина В.Н.* Жизнь Бунина, 1870–1906; Беседы с памятью / Сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М., 1989. С. 436, 438.

[4] См.: *Бунин. Письма…* С. 107.

[5] Стихотворение «Собака» («Мечтай, мечтай. Всё у́же и тускней»).

[6] Ср.: «<…> разрушенные великие цивилизации Востока дали толчок не только мрачным размышлениям о человеческой бренности. Действительно, сколь бы ни были всеобщи образы гибели, далеко не всегда они получают негативное звучание. Руины прошлого свидетельствуют о разрушительности времени, но они же хранят память о том, как по земле, где ходит сейчас писатель, когда-то ходили другие люди со своими чувствами и мечтами, и эта мысль, казалось, воодушевляла Бунина. Его поэзия 1903–1909 гг. доказывает, что созерцание памятников прошедших эпох вело поэта к сближению с душами давно умерших людей, их сотворивших. Это чувство родства вселяло в него надежду, что не все следы жизни теряются за пределами смерти, что человеческая душа может бросить ей вызов и преодолеть забвение» (*Джулиан В. Коннолли*. Иван Бунин и Восток / пер. с англ. Н. Белячковой и К. Викторовской // И.А. Бунин: Pro et contra: Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института. С. 412 (указано К. Шиманской). – *Прим. ред*.

[7] *Муромцева-Бунина*. Указ. соч. С. 438.

[8] См.: *Бунин. Письма...* С. 108.

[9] *Муромцева-Бунина*. С. 438.

[10] Там же. С. 444.

[11] Интересно, что ее брат Сергей в эмиграции обосновался в Италии, в Сан-Ремо; см. о нем: *Талалай М.Г.* Русская церковная жизнь и храмостроительство в Италии. СПб.: Коло, 2011. С. 132. Другой брат М.С. Боткиной, Евгений, личный медик Николая II, был бессудно расстрелян вместе с царем. – *Прим. ред*.

[12] Цит. по изд.: *Бабореко А.* Бунин: Жизнеописание. М.: Мол. гвардия, 2004. С. 126.

[13] Вышла в октябре 1909 г.: *М. Горький и В. Мейер.* Землетрясение в Калабрии и Сицилии 15/28 декабря 1908 г. Со снимками с фотографий Броджи и Анжелиса и другими фотографиями.

О помощи Горького Мессине см. также: *Parysiewicz Lanzafame* A. Maksim Gor'kij e Messina // Il terremoto calabro-siculo del 1908. Dalla notizia alla solidarietà internazionale / a cura di M.L. Tobar. Reggio Calabria: Città del Sole, 2010. P. 125-132.

[14] См. подробно в письмах Горького начала 1909 г. и комментариях к ним: *Горький М.* Полн. собр. соч.: Письма: В 24 т. М., 2004. Т. 7. С. 56, 76, 310–312, 335 и др.

[15] Существует итальянский перевод стихотворения, сделанный К. Шиманской; см. *Chimanskaia K.* A. Blok e I. Bunin e il terrimoto di Messina // Il terremoto calabro-siculo del 1908... cit. P. 122.

[16] *Бунин. Письма...* С. 143.
[17] Устами Буниных. В 2-х тт. Т. 1. Посев, 2005. С. 77.
[18] Там же.
[19] К.П. Пятницкий – совладелец с А.М. Горьким известного книгоиздательства «Знание» в С.-Петербурге. В это время подолгу жил на Капри. Указано С.Н. Морозовым по материалам готовящегося им продолжения «Летописи жизни и творчества И.А. Бунина» (см.: Том первый. 1870–1909 / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ РАН, 2011).
[20] Как правило, Бунин воссоздавал впечатления о своих путешествиях на определенных «временных расстояниях» от непосредственно увиденного. Так было с большинством его итальянских стихов.
[21] *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Московский рабочий, 2000. Т. 8. С. 441–442.
[22] См. стихотворение 1901 г. «Еще и холоден и сыр».

Татьяна Быстрова

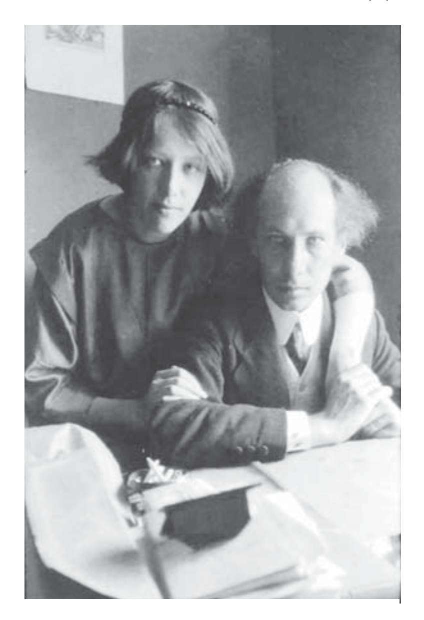
# «ДОЛГО ЖИЛА И НАВЕК ЛЮБЛЮ!»: МАРИНА ЦВЕТАЕВА И СИЦИЛИЯ



**Сергей Эфрон и Марина Цветаева. Свадебная фотография, январь 1912**

*31 января 1923 г. Марина Цветаева в письме М.С. Цетлиной рассказывает о том, как она и ее семья обустроились в Чехии в Мокропсах, и признается: «Вот и вся моя жизнь. – Другой не хочу. – Только очень хочется в Сицилию. (Долго жила и навек люблю!)»[1]. При обращении к документальным источникам нетрудно восстановить даты пребывания Цветаевой в Италии – с первого по двадцать пятое (возможно, двадцать шестое) апреля 1912 г. Не более двадцати шести дней. Но фраза Цветаевой как будто бы отсылает нас к более продолжительному периоду. Почему Цветаева написала, что «долго» жила в Сицилии, и в связи с чем она «навек полюбила» этот остров?*

## ПУТЕШЕСТВИЕ В СИЦИЛИЮ КАК ХОЖДЕНИЕ ПО СЛЕДАМ



**Андрей Белый и Ася Тургенева, Дорнах, 1915**

В феврале 1912 г. у Цветаевой выходит второй поэтический сборник – «Волшебный фонарь». Его обложка выполнена Анной Тургеневой, Асей. По воспоминаниям Марка Слонима, Марина этим очень гордилась. Цветаева встречается с Тургеневой для обсуждения обложки осенью 1910 г., накануне отъезда Аси в Сицилию с Андреем Белым. Цветаева ревнует Тургеневу и тяжело переживает ее надвигающийся отъезд:

> Ни слова не помню про обложку. <…> Ни слова и про Андрея Белого. <...> И, странно (впрочем, здесь всё странно или ничего), уже начало какой-то ревности, уже явное занывание, уже первый укол Zahnschmerzen im Herzen [Зубной боли в сердце (*нем.*)], что вот – уедет, меня – разлюбит <…>[2].

Тургенева и Белый живут на Сицилии (в Палермо и Монреале) с 17 декабря по 5 января 1910-1911 гг.[3] Через год, 27 января 1912 г., Марина Цветаева выходит замуж за Сергея Яковлевича Эфрона. 29 февраля молодожены отправляются в свадебное путешествие. Маршрут включает в себя посещение Франции, Италии, Швейцарии, Австрии, а в начале мая они возвращаются в Россию. При этом на Сицилии Эфроны проводят более трех недель, в то время как в других городах (Париж, Вена, Базель) – лишь несколько дней, или (Милан, Рим, Генуя) – всего несколько часов. Свадебный маршрут, вне всякого сомнения, составлен лично Цветаевой, и охватывает знаковые для нее места: Париж, Сицилия, Нерви, Шварцвальд.

Эфрону остается только сетовать в письмах к сестрам, что, несмотря на «скрежет зубовный» от желания осмотреть Рим, времени на это нет, и приходится отправляться дальше.

«Мое свадебное путешествие, год спустя [после поездки в Сицилию Тургеневой. – *Т.Б.*], было только хождение по ее – Аси, Кати, Психеи – следам», – признавалась сама Цветаева в очерке о Белом «Пленный дух»[4]. После отъезда за границу Ася совершенно оторвалась от московской жизни и перестала общаться с Мариной, поэтому поездка на Сицилию оказалась для Цветаевой поводом вступить в переписку с Тургеневой: «От Аси, год спустя, уже не знаю откуда, прилетело письмо: разумное, точное, деловое. С адресами и ценами. В ответ на мой такой же запрос: куда ехать в Сицилию»[5].

Отъезд Тургеневой и нависшее над ней замужество воспринимались Цветаевой как трагедия, переход гордой и недоступной «амазонки» в новое качество – жены, прирученной и одомашненной, ее охватила «тоска за всю расу, плач амазонок по уходящей, переходящей на тот берег, тем отходящей – сестре»[6]. Общение с Тургеневой прекратилось, оставалось лишь «ходить по следам».

***

Пик путешествий деятелей русской культуры по Италии пришелся на 1890-1910-е гг. Образ прекрасной южной страны, сокровищницы бесчисленных ценностей культуры и искусства, на фоне мрачной русской действительности оказался весьма притягателен для Серебряного века. Результатом путешествий писателей в Италию, как правило, являлось опубликование книги, суммирующей «итальянский опыт» ее автора. Это могло быть описание страны и своих впечатлений на основе дневниковых записей (Розанов, Белый, Волошин); анализ произведений искусства (Перцов, Муратов); стихотворный цикл (Брюсов, Блок, Гумилев); философские размышления (Розанов, Бердяев); или же художественное произведение (Мережковский). Свои «Итальянские впечатления» издал и отец Марины Цветаевой, Иван Владимирович Цветаев, регулярно посещавший Италию, начиная с 1875 г. Италия для него была, прежде

всего, колыбелью Древнего Рима, хранительницей памятников истории, источником развития искусства, скульптуры и архитектуры. «В октябре 1874 г. мне выпало на долю счастье переехать Альпы и вступить в ту благословенную страну, видеть которую для человека, занимающегося изучением античного мира, всегда составляет венец желаний», – писал Цветаев[7].

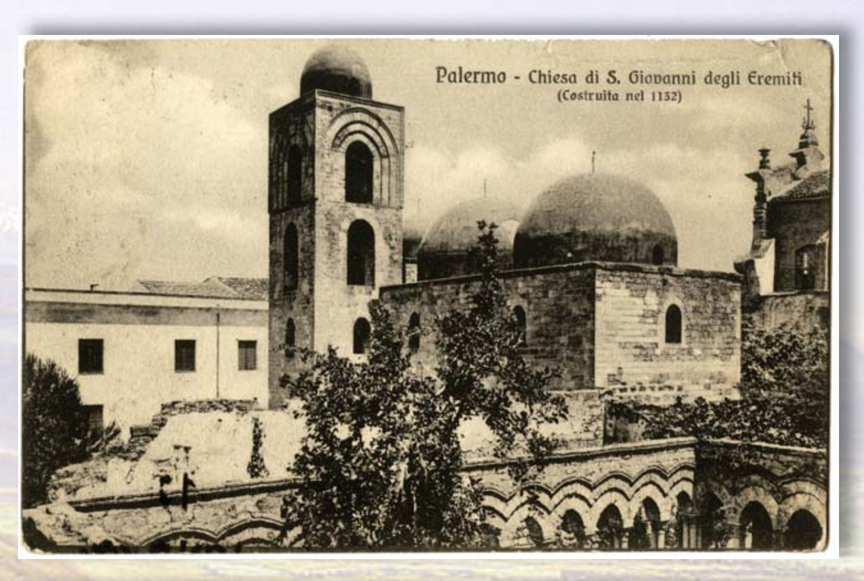
Действительно, большинство русских приезжало в Италию, чтобы ознакомиться с образцами классического искусства, найти источник вдохновения в живописи Возрождения, увидеть собственными глазами те места, где жили и творили великие люди прошлого.

Бердяев в статье «Чувство Италии» писал:

> Путешествие в Италию для многих – настоящее паломничество к святыням воплощенной красоты, к божественной радости. <…> Италия для нас не географическое, не национально-государственное понятие. Италия – вечный элемент духа, вечное царство человеческого творчества[8].

Те, кто сознательно и давно мечтали попасть в Италию, основательно готовились к поездке, намечали маршруты. Одним из этапов подготовки было штудирование карт и изучение книг об Италии, в особенности записок европейских путешественников. Важнейшим источником в этом списке стало «Итальянское путешествие» Гёте (1817). Нередко прочтение этой книги оказывалось для будущего «паломника искусства» толчком для путешествия в Италию. Так, например, это было для Максимилиана Волошина.

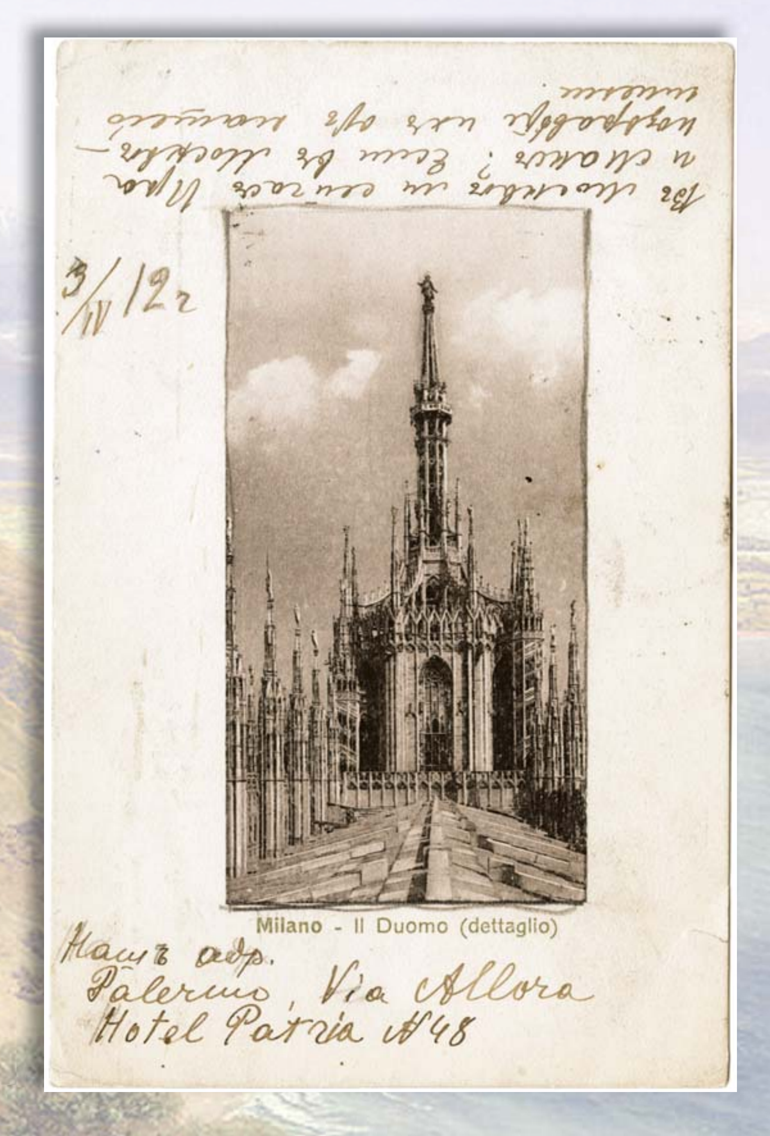
Когда Андрей Белый отправлялся на Сицилию, «Итальянское путешествие» Гёте было его настольной книгой. В «Путевых заметках» он открыто указывает на то, что поехал в Сицилию, чтобы увидеть своими глазами то, что некогда видел Гёте, ведь великий немец писал, что: «Италия без Сицилии оставляет в душе лишь расплывчатый образ: только здесь ключ к целому»[9], а философские искания Белого были теснейшим образом связаны с поиском такого ключа. Он интересовался фигурой древнегреческого мыслителя Эмпедокла и его учением. По легенде, перед смертью Эмпедокл







**Открытка М. Цветаевой, адресованная Е. и В. Эфрон,**
**29 марта 1912. РГАЛИ**




**Открытка С. Эфрона из Палермо (с фрагментом Миланского собора), адресованная Е. Эфрон, 3 апреля 1912. РГАЛИ**

бросился в кратер вулкана Этна, чтобы его почитали, как бога. В «Путевых заметках» Белый прямо указывает на то, что отправился на Сицилию, чтобы пройти путями Эмпедокла[10].

Гёте всегда был культовой фигурой для Цветаевой: она его боготворила. Фраза Гёте о том, что, только побывав в Сицилии можно понять Италию, не могла пройти мимо ее внимания. Однако на фоне увлечения Асей Тургеневой Гёте отходил на второй план, и если Андрей Белый четко обозначил цель своих итальянских исканий, то в случае Цветаевой мы с большой долей уверенности можем утверждать, что Италия как «колыбель сокровищ цивилизации» и Сицилия как «остров Эмпедокла» ее совершенно не интересовали. Путешествие Цветаевой на Сицилию носило сугубо частный характер. Свадебное путешествие состоялось в 1912 г., а «мифологизация Сицилии» началась лишь двадцать лет спустя.

## ОТКРЫТКИ И ПИСЬМА ЦВЕТАЕВОЙ И ЭФРОНА ИЗ СИЦИЛИИ

Основными источниками о пребывании Цветаевой и Эфрона на Сицилии являются письма и открытки, отправленные во время путешествия родным и друзьям. Первая открытка С.Я. Эфрона из Сицилии от 1 апреля 1912 г. адресована Максимилиану Волошину:

> Сицилия во многом напоминает Коктебель. Те же горы, та же полынь с ее горьким запахом. Флора почти тропическая: пальмы, кактусы, апельсинные и лимонные рощи. Много развалин испанских и генуезских замков. Есть развалины и более древние. Вообще же здесь прекрасно. <…> Проездом мы видали разрушенную Мессину[11].

Второго апреля Цветаева отправляет открытку сестрам Эфрон:

> Христос Воскресе, милые Лиля и Вера! Желаю Вам лучше провести праздники, чем это удается нам. Здесь уже несколько дней холодно, и мы каждый вечер боимся землетрясения. Сережа еще не попра-

вился, но вот уже несколько дней много ест и ложится рано. Всего лучшего. МЭ.

Более подробные сведения о сицилийских впечатлениях Цветаевой мы находим в письме А.М. Кожебаткину:

> Христос Воскресе, милый Александр Мелетьевич! Мы встречаем Пасху в Palermo, где колокола и в постные дни пугают силой звона. Самое лучшее в мире, пожалуй – огромная крыша, с к<отор>ой виден весь мир. Мы это имеем. Кроме того, на всех улицах запах апельсиновых цветов. Здесь много старинных зданий. Во дворе нашего отеля старинный фонтан с амуром. С нашей крыши виден двор монастырской школы. Сегодня мы наблюдали, как ученики приносили аббату подарки на Пасху и целовали ему руки. <…> Мой адр<ес>: Italia, Palermo, Via Allora, Hotel Patria, № 48. M-me Marina Efron[12].

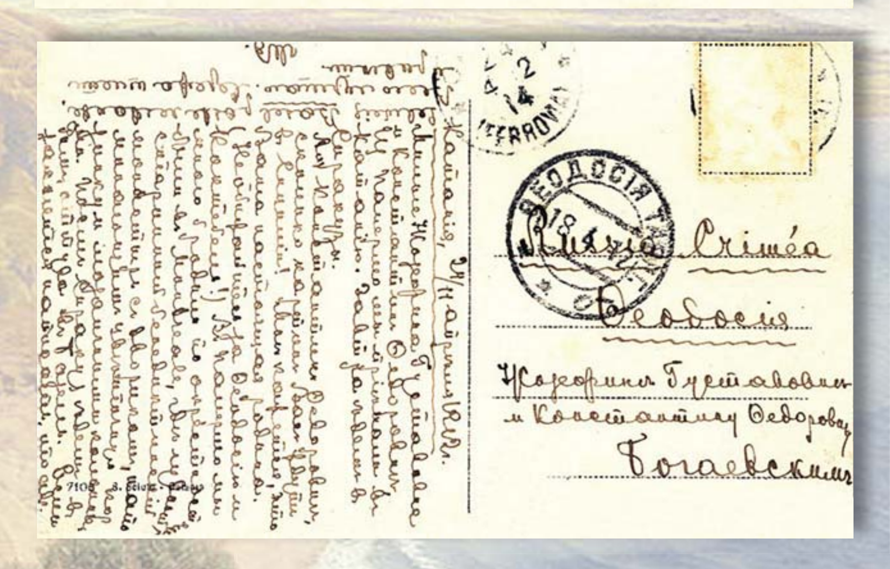
Об этой же «небесной крыше» Цветаева пишет Максимилиану Волошину: «<…> Мы живем на 4-ом этаже, у самого неба. В нашем дворе старинный фонтан с амуром. Мы много снимаем. <...>».[13] К сожалению, эти фотографии не сохранились.

В открытке К.Ф. и Ж.Г. Богаевским, отправленной из Катании 24 апреля, Цветаева, вслед за Эфроном, вспоминает Коктебель, отдавая предпочтение Сицилии:

> Милые Жозефина Густавовна и Константин Федорович! Из Палермо мы приехали в Катанию. Завтра едем в Сиракузы. Ах, Константин Федорович, сколько картин Вас ждут в Сицилии! Мне кажется, это Ваша настоящая родина. (Не обижайтесь за Феодосию и Коктебель.) В Палермо мы много бродили по окрестностям — были в Montreale [Monreale], где чудный, старинный бенедиктинский монастырь с двориком, напоминающим цветную корзинку, и мозаичными колоннадами. После Сиракуз едем в Рим, оттуда в Базель <…>.[14]

Источники указывают на то, что за время пребывания на Сицилии Эфрон и Цветаева посетили Палермо, Монреале, Катанию и Сиракузы. В Палермо они проживали в отеле «Patria». Это с трудом сохранившееся до наших дней здание в самом центре города имеет примечательную историю. До 1875 г. оно было известно как palazzo Naselli d'Aragona, в указанный год было переделано под

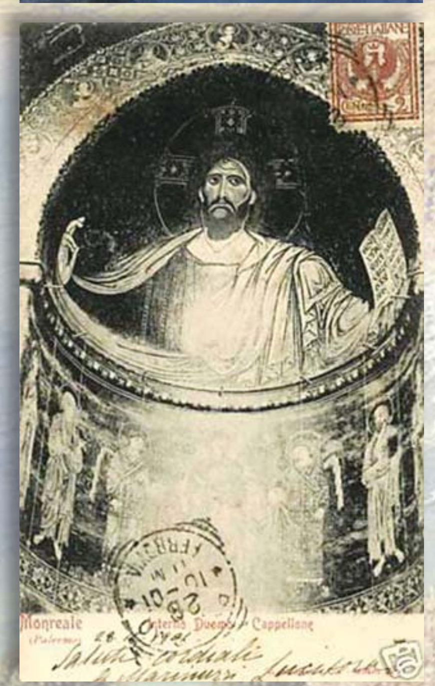



**Открытка М. Цветаевой, адресованная К. и Ж. Богаевским, 11 апреля 1912. Архив Феодосийской картинной галереи им. И.К. Айвазовского**




Отель Patria.
Современный вид




Монреале. Собор.
Мозаика Пантократора.
Открытка нач. XX в.

отель Паоло Бриуччиа, палермским купцом, для чего подверглось значительной внутренней перестройке. Свое название Hotel Patria получил в 1910 г., под этим именем гостиница просуществовала до Второй Мировой войны. В период военных действий здание сильно пострадало, и к 1980-м гг. бывшая гостиница была полностью заброшена, здание находилось в плачевном состоянии. В 2006 г. в местных газетах появилось несколько публикаций, где говорилось о реставрационных работах, после которых бывший отель должен стать университетским комплексом, однако проект до сих пор не завершен, и проходящие туристы до сих пор имеют возможность наблюдать старую табличку «Hotel Patria».

За время свадебного путешествия Цветаева не написала ни одного стихотворения, все ее записи об Италии – воспоминания, нашедшие отражение в записных книжках, письмах и прозаических очерках в определенные периоды жизненного пути поэта. То, что Цветаева вновь обращается к сицилийским сюжетам, связано с весьма конкретными событиями: записи 1914 г. относятся к периоду проживания в Феодосии, пейзажи которой напоминают о Сицилии; записи 1923 г. появляются после встречи с Андреем Белым в Берлине; очерк 1934 г. «Пленный дух», где снова возникают образы Сицилии, написан после получения известия о смерти Андрея Белого. Другие упоминания Сицилии носят у Цветаевой единичный, отрывочный характер.

## БУЙСТВО ПРИРОДЫ, СОННАЯ ВЕЧНОСТЬ И «ГЕРОИЧЕСКИЕ ТЕНИ»

В 1914 г. Цветаева живет в Крыму, который непрерывно напоминает ей об Италии: «Караимская слободка – совершеннейшая Италия. Узкие крутые улички, полуразрушенные дома из грубого пористого камня, арки, черные девушки в пестрых лохмотьях»[15]. Еще одна запись через несколько дней:

> Как чудно в Феодосии! Сколько солнца и зелени! Сколько праздника! Золотой дождь акаций осыпается. Везде, на улицах и в садах, цветут белые. Запах fleur d'orange'a! – запах Сицилии! Каждая ули-

ца – большая, теплая, душистая волна. Сам цветок белой акации – точно восковой. И это – как у fleur d'orange'a.[16]

В 1919 г.: «Где дыра, а сквозь дыру – синее небо, там Италия»[17] [очевидно, воспоминания о палермской крыше. – *Т.Б.*].

В 1922 г. Цветаева узнает о том, что ее муж, ушедший добровольцем в Белую армию и пропавший без вести, жив и выезжает к нему за границу, сначала в Берлин, а затем в Чехию. В это время в Берлине находится Андрей Белый, который горячо переживает разрыв с любимой Асей Тургеневой, исповедуясь в своем горе каждому встречному. Он много общается с Цветаевой. В 1921 г. выходят его «Путевые заметки» об Италии. Скорее всего, Цветаева знакомится с этой книгой, ибо в 1923 г. у нее появляются записи о Сицилии, при этом впервые прослеживается желание поэта собрать, осмыслить и сформулировать свои впечатления об итальянском путешествии:

Помню дорогу, мощенную пластами как реку – пластами – постепенную, встречного осла с кистями и позвонцами, сопутствующие холмы с одним единственным деревцем. <...> И монастырю, в который мы шли (развалинам) и дороге, которой мы шли и дню, в который мы шли – всему этому, очевидно, было имя (иначе бы не было: который). А вот – память взяла и забыла, переместила бренную (данную) дорогу, день, час в совершенный: сновиденный мир[18].

Нетрудно обнаружить стилистическую близость этой записи с автобиографической прозой Цветаевой, в частности, с очерком «Дом у Старого Пимена». В записях о Сицилии, как и в прозе о детстве, проявляются мотивы сна и вечности – основные для цветаевского мифотворчества. Таким образом, Сицилия становится для Цветаевой мифом и переходит из разряда биографических фактов в систему творческих образов. Следующая запись это подтверждает:

Думаю, что из всего, что на свете видела и не видела, я больше всего люблю Сицилию потому, что воздух в ней – из сна. Странно: Сицилию я помню тускло-радужной, <...> знаю (памятью), что в ней всё криком кричит, вижу (когда захочу) бок скалы, ощеренный кактусами, беспощадное небо, того гиганта без имени под которым

> снималась: крайность природы, природу в непрерывном состоянии фабулы, сплошной исключительный случай, а скажут при мне Сицилия – душевное состояние, тусклота, чайный налет, сонный налет, сон. Запомнила, очевидно, ее случайный день и час, совпавший с моим вечным <…>[19].

Здесь же: «Сицилию я помню Флоренцией, в которой никогда не была»[20]. Флоренцией – то есть «цветущей» (как мы отметили, в 1914 г. Цветаева уже писала о том, что запах цветов напоминает ей о Сицилии).

«Флоренция» уже с 1916 г. воспринималась Цветаевой как «своя», несмотря на то, что так она никогда была в этом городе. Такое восприятие сформировалось в контексте поэтического диалога с Осипом Мандельштамом после их встречи в Москве. Цветаева написала цикл «Стихи о Москве», Мандельштам ответил стихотворением «В разноголосице девического хора», связав свою «Флоренцию в Москве» с именем Цветаевой, в ответ последовало цветаевское «И на морозе Флоренцией пахнет вдруг» [строка из стихотворения «После бессонной ночи слабеет тело». – *Т.Б.*]. Стефано Гардзонио видит в мандельштамовской «Флоренции в Москве» игру слов, «в которой скрыто посвящение: Флоренция – город цветов – город цветаевский»[21]. Следовательно, слово «Флоренция» оказывается для Цветаевой не просто топонимом, которым обозначено конкретное место на карте: для нее это некое пространство, которое 1) находится в Италии, но в то же время связано с Москвой через фамилию «Цветаева», 2) характеризуется наличием цветов и 3) ощущается своим. Таким образом, Сицилия, цветущая и «своя», становится цветаевской Флоренцией.

***

Одна из тем цветаевских воспоминаний о Сицилии – это тема невероятного богатства природы, сила которой настолько велика, что способна опустошить:

> <...> Думаю, что итальянская [природа – *Т.Б.*] меня так же бы опустошила, если бы я – с места в карьер – не населила ее героическими

тенями. (Была же я в Сицилии! И рвалась же оттуда – дура! – в свой детский Шварцвальд![22]

В июне 1923 г. Цветаева пишет стихотворение «Расщелина», где появляется образ Эмпедокла, бросившегося в жерло Этны:

*Чем окончился этот случай,*
*Не узнать ни любви, ни дружбе.*
*С каждым днем отвечаешь глуше,*
*С каждым днем пропадаешь глубже.*

*Так, ничем уже не волнуем,*
*– Только дерево ветви зыблет –*
*Как в расщелину ледяную –*
*В грудь, что так о тебя расшиблась!*

*Из сокровищницы подобий*
*Вот тебе – наугад – гаданье:*
*Ты во мне как в хрустальном гробе*
*Спишь, – во мне как в глубокой ране*

*Спишь, – тесна ледяная прорезь!*
*Льды к своим мертвецам ревнивы:*
*Перстень – панцирь – печать – и пояс..*
*Без возврата и без отзыва.*

*Зря Елену клянете, вдовы!*
*Не Елениной красной Трои*
*Огнь! Расщелины ледниковой*
*Синь, на дне опочиешь коей...*

*Сочетавшись с тобой, как Этна*
*С Эмпедоклом... Усни, сновидец!*
*А домашним скажи, что тщетно:*
*Грудь своих мертвецов не выдаст.*

Сюжет стихотворения можно интерпретировать следующим образом: лирический герой постепенно исчезает в холодной расщелине («С каждым днем отвечаешь глуше, / С каждым днем пропадаешь глубже»). Расщелина обращается к герою и сообщает ему, что он ее пленник, его падение в расщелину приравнивается

к вечному сну: «Ты во мне как в хрустальном гробе / Спишь». Расщелина становится возлюбленной героя: ее символы перстень (обручение), панцирь (защита или же стена, огородившая героя от мира), печать (брачный договор) и пояс (верность)[23].

Образ Эмпедокла выступает в данном стихотворении как еще один символ смертельного союза влюбленного и его возлюбленной (Этны). Холодная расщелина представляет собой врата в потусторонний мир, после падения в расщелину все связи героя с миром живых обрываются: «Расщелины ледниковой / Синь, на дне опочиешь коей», «Грудь своих мертвецов не выдаст». Таким образом, расщелина выступает и возлюбленной героя, и самой любовью: расщелина – это любовь, столь сильная, что становится гибелью, вырывая героя из мира «домашних» и делая его пленником «ледниковой сини». Синий – самый маркированный цвет в цветовом коде русских символистов, еще одна отсылка к образам потустороннего. Вполне возможно, что образ Эмпедокла Цветаева позаимствовала из «Путевых заметок» Андрея Белого.

Мы уже отмечали, что письмо Цветаевой к М.С. Цетлин также относится к 1923 г. Как видно из приведенных выше цитат, к тому времени Сицилия стала восприниматься Цветаевой как мир сна, связанный с вечностью: «душевное состояние», «тусклота», «сонный налет», «сон», «случайный день и час, совпавший с моим вечным». Внутренняя связь Сицилии с чем-то вечным, нерушимым, и в то же время потусторонним, неуловимым, оставшимся лишь дымкою в собственной памяти побуждает Цветаеву творить собственный «миф о Сицилии».

***

Говоря о Сицилии, Цветаева замечает, что спаслась от опустошения природой только благодаря тому, что населила остров «героическими тенями». Впервые обозначенный в записях начала 1920-х гг., мотив тени и образ Сицилии как места, где возможен контакт с потусторонним миром, находит свое продолжение в очерке о Белом «Пленный дух» (1934). В 1917 г. в записных книж-

ках Цветаева вспоминает странный случай, произошедший с ними в Сиракузах:

> И вдруг – как молния – воспоминание о Сиракузах. Огромный, буйный, черно-зеленый сад. Розы, розы, розы. И девочка лет четырнадцати. Лохмы волос, лохмы одежд. – Лоскут пламени. – Глухонемая. Бежит, бежит, бежит вперед по узкой тропинке. (Слева спуск). Сердце бьется от ее бега. И вдруг – встала. И вполоборота: рукой: Глядите! Что-то белое в зелени. Памятник. Подходим. – August von Platen. Seine Freunde [Август фон Платен. От друзей (нем.)][24].

В «Пленном духе» этот эпизод приобретает фантастические черты: встреча с глухонемой девочкой истолковывается Цветаевой как встреча с душой Аси Тургеневой:

> Мое свадебное путешествие, год спустя, было только хождение по ее – Аси, Кати[25], Психеи – следам. И та глухонемая сиракузская девочка в черном диком лавровом саду, в дикий полдневный, синий дочерна час, от которого у меня и сейчас в глазах сине и черно, бежавшая передо мною по краю обрыва и внезапно остановившаяся с поднятым пальчиком: «вот!» – а «вот» была статуя благороднейшего из поэтов Гр. Августа Платена – August von Platen – seine Freunde – та глухонемая девочка, самовозникшая из чащи, была, конечно, душа Аси, или хоть маленький ее мой отрез! – стерегшая меня в этом черном саду[26].



**Сиракузы.
Могила Августа фон Платена
(не сохр.; надгробие перенесено в Археологический музей).
Фото В. фон Глёдена. 1900-е**

Этот эпизод стал одним из любимых мифов Цветаевой о путешествии на Сицилию, о нем она рассказывает Юрию Иваску в 1938 г., через 26 лет после поездки. Иваск сообщает, что до встречи с «девочкой-призраком»

Цветаева не была знакома с творчеством Августа фон Платена, но после возвращения из Сицилии прочла его «от доски до доски!»[27]. Немецкий поэт оказался для нее проводником в мир Сицилии, связующим звеном мира реальности и мира сновидений.

## ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТАЕВСКОЙ СИЦИЛИИ

Несмотря на разрозненность и фрагментарность цветаевских записей, мы можем говорить о значительном месте Сицилии в судьбе поэта, и прежде всего потому, что 1912 год в целом, а сицилийское путешествие в частности – самое счастливое время в жизни Цветаевой.

Образ Сицилии у Цветаевой полностью лишен материальных черт, его проводниками оказываются звуки, цвета и ощущения. Мы не найдем у Цветаевой ни одного конкретного названия места или памятника, кроме самых общих, например «Сиракузы», ни одного упоминания о сицилийцах, жителях острова.

Как во время, так и после поездки Цветаеву не интересуют такие глобальные проблемы как судьба искусства, эпохи и цивилизации, найти решение которых надеются многие писатели, отправляющиеся в Италию. Сицилия не вдохновляет ее на написание книги путешествий или цикла стихотворений. Однако все приведенные записи и воспоминания свидетельствуют о том, что Сицилия становится для Цветаевой местом недолгого счастья, безоблачной молодости, и в то же время своеобразными вратами в мир вечного и потустороннего.

---

[1] *Цветаева М.И.* Собрание сочинений в 7 тт. М., 1994-1995. Т. 6. С. 549. Далее указание на это издание: СС, номер тома и страницы.

[2] СС. Т. 4. С. 230.

[3] О пребывании Андрея Белого на Сицилии см. статью Н.В. Котрелева в нашем сборнике. – *Прим. ред.*

[4] СС. Т. 4. С. 233.

[5] Там же.

[6] СС. Т. 4. С. 230.

[7] И.В. Цветаев создает музей. М., 1995. С. 29.

О Цветаеве в Италии см.: *Соснина Е.Б.* Итальянские версты Ивана Цветаева. Иваново, 2001; итал. пер., выполненный Пьеро Каццолой: *Sosnina E.* Le verste italiane di Ivan Cvetaev. Moncalieri: CIRVI, 2005. – *Прим. ред*.

[8] *Бердяев Н.А.* Чувство Италии // Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. М., 1994. С. 367.

[9] *Гёте И.В.* Собрание сочинений в 10 тт. Т. 9. С. 126.

[10] *Белый А.* Путевые заметки. Т. 1. Москва-Берлин, 1922.

[11] *Цветаева М.И.* Неизданное. Семья: история в письмах. М., 1999. С. 129.

[12] СС. Т. 6. С. 101.

[13] *Цветаева М.И.* Неизданное... С. 130.

[14] СС. Т. 6. С. 102.

[15] *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки. М., 2000. Т. 1. С. 40.

[16] Там же. С. 63.

[17] Там же. С. 264.

[18] *Цветаева М.И.* Неизданное. Сводные тетради. М., 1997. С. 116. Далее ссылки на это издание: НСТ, с указанием страницы.

[19] НСТ. С. 116-117.

[20] НСТ. С. 117. Нелли Павловна Комолова, впервые указавшая на важность темы «Цветаева и Италия», связывает цветаевские записи о Сицилии и Флоренции с ее эмоциональными состояниями. Так, цветаевскую строку «ранняя сицилийская весна» она интерпретирует в контексте отношения Цветаевой с А.Г. Вишняком, а появление топонима «Флоренция» соотносит с чувством к Пастернаку; см. *Комолова Н.П.* Марина Цветаева и Андрей Белый (К истории итальянского путешествия Марины Цветаевой) // Борисоглебье Марины Цветаевой. Шестая цветаевская международная научно-тематическая конференция. М., 1999. С. 58-59.

[21] *Гардзонио С.* Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М., 2006. С. 49.

[22] НСТ. С. 159.

[23] Конечно, символы поэзии Серебряного века не могут быть истолкованы однозначно, будучи построены на сложных ассоциативных цепочках; они подразумевают многосмысловую наполненность, однако в наши задачи не входит подробный анализ данного стихотворения, который должен являться предметом отдельного исследования.

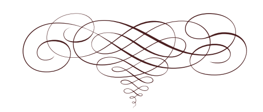
[24] *Цветаева М.И.* Неизданное. Записные книжки… Т. 1. С. 154.

[25] Героиня «Серебряного голубя» Белого, прототипом которой послужила Тургенева.

[26] СС. Т. 4. С. 233-234.

[27] *Иваск Ю.* По материалам парижского дневника 1938 года / Марина Цветаева в воспоминаниях современников. Годы эмиграции. М., 2002. С. 297.

# ЧУЖБИНА,
# ОНА ЖЕ НОВАЯ РОДИНА



Михаил Талалай

# БАЛТИЙСКАЯ ЖЕНА СИЦИЛИЙСКОГО КЛАССИКА: ГЕНЕАЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА

*Наше лето – такое же долгое и трудное, как и русская зима, только боремся мы против него с меньшим успехом.*
Джузеппе Томази ди Лампедуза, «Леопард»

*Один из самых знаменитых романов XX века – не только итальянской, но и мировой литературы, «Il Gattopardo»[1], в последние годы открывается отечественному читателю новой гранью – прямой связью его автора с русской культурой. В самом деле, писатель Джузеппе Томази, князь ди Лампедуза, герцог ди Пальма, взял себе в жены, после многих лет сближения и ухаживания, российскую аристократку баронессу Александру Борисовну фон Вульф. В момент их знакомства она была замужем за своим кузеном (третьей степени), тоже российским аристократом бароном Андреем Пилар фон Пильхау; одновременно она являлась и кузиной будущего писателя (и будущего супруга), так как ее вдовая мать вышла замуж за родного дядю Джузеппе Томази.*

*Подобные сложные генеалогические связи (как и положено внутри замкнутого мира знати) позволили соприкоснуться и «породниться» столь дальним мирам – Сицилии и России. Собственно говоря, все женщины из российского семейства фон Вульф в итоге вышли замуж за итальянцев и окончили свои дни в Италии: в 1920 г. вдова Алиса фон Вульф – за дипломата Пьетро Томази; в 1927 г. ее вторая дочь Ольга – за дипломата Аугусто Бьянкери Кьяппори; в 1932 г. ее первая дочь Александра (вторым браком), как уже сказано, – за Джузеппе Томази. И даже первый муж Александры, барон Андрей, эмигрировал навсегда в Италию.*

*Однако если Алиса и Ольга обосновались в Вечном Городе, то Александре (семейное прозвание – Лиси́) выпал «сицилийский» удел, с его архаичным укладом. Эмансипированной молодой женщине, свободно себя чувствовавшей в европейских столицах – Париже, Лондоне, Вене, убежденной последовательнице Фрейда и провозвестнице психоанализа, порой приходилось тесно на Сицилии. Ее муж, которому была так дорога уходящая в прошлое его аристократическая «рутина», конечно, старался примирить свою жену со своей родиной или, по крайней мере, объяснить и «рассказать» Сицилию. Нельзя исключить, что именно это и стало одним из побудительных мотивов, которые в итоге привели Джузеппе Томази к письменному столу и которые, в конце концов, сделали его классиком ушедшего века (и ушедшего мира)*[2].

## 1. Родословие фон Вольфов



**Баронесса Александра фон Вольф**

Баронесса Александра Борисовна **фон Вольф** (Ницца, 13 ноября 1894 – Палермо, 22 июня 1982) происходила из древнего рода балтийских немцев, владельцев большой мызы Стомерзее Лифляндской губернии Российской империи (ныне Стамериена, Гулбенский район, Латвия), приблизительно в 200 км от Риги.

Известны имена ее балтийского прадеда, Генриха фон Вольфа, и прабабки, графини Констанции фон Менгден[3]. Дед Александры – барон Эдуард-Иоаганн-Готлиб фон Вольф, родился в имении Каугерсгоф Лифляндской губернии 28 апреля 1817 г., служил в императорской армии, рано вышел в отставку, в чине ротмистра, и женился на русской дворянке Софии Яковлевне Потемкиной, удалившись в родовое гнездо в Стомерзее; умер в Риге 3 ноября 1887 г.[4]

О его супруге Софии, прабабке Александры, известно, что она была дочерью генерал-лейтенанта Якова Андреевича Потемкина, видного государственного деятеля империи, служившего

Киевским, Подольским и Волынским генерал-губернатором, и его жены Варвары Бахметевой. По желанию Софии Яковлевны в Стомерзее в середине XIX в. появилась православная церковь в честь св. Александра Невского. Позднее, в 1902-1904 гг., первоначальную деревянную церковь перестроили в камне, в стиле русских шатровых храмов XVII века[5].

2. **Отец**

**Барон Борис Эдуардович фон Вольф**, следовательно, по отцу был балтийским немцем, а по матери – коренным русаком. Он родился 5 октября 1850 г., получил прекрасное гуманитарное образование, защитил диссертацию со степенью доктора философии и сделал солидную государственную карьеру в Петербурге, дослужившись до директора Александровского Императорского лицея, тайного советника и гофмейстера. Барон умер 23 марта 1917 г., через несколько недель после падения монархии, во время уличных беспорядков в Петрограде. Борисом был назван его внук, известный итальянский журналист и писатель Бьянкери, иначе Бианкери [Boris[6] Biancheri].

3. **Мать**

**Алиса** (*итал.*: Аличе) **Барби**, родилась в Модене (совр. регион Эмилия, в то время Ломбардия) 1 июня 1858 г., когда тот край еще принадлежал Австрии. Дочь скрипача, она училась музыке в Болонье и Флоренции, дебютировав в 1882 г. в Милане. Переехав в Вену в 1890 г. и став императорской камерной певицей, она снискала громкий успех, в первую очередь, как исполнительница романсов, лирических песней – *Lieder*. Ее высоко ценил Иоганн Брамс, посчитавший замужество певицы и последующий уход со сцены как большую личную утрату. 20 декабря 1893 г., когда решение об уходе было объявлено широкой публике, певица дала свой последний концерт в Вене – на рояле ей аккомпанировал маэстро Брамс.

Барби была исключительным персонажем, подобно Камене[7], вернувшейся к жизни. Когда она выходила на сцену, казалось, что сама богиня сходит с Олимпа, дабы осчастливить своим присутствием смертных. <…> После начальных аккордов романса, она, опустив веки на огромные выразительные глаза, приоткрывала отлично вылепленный рот с верхней губой, подобной луку Купидона, откидывала назад голову и пела. <…> Она была настолько уникальной, что явилась для одинокой души маэстро [Брамса] последней небесной любовью[8].

До замужества Алиса много гастролировала по России. Музыкант Самуил Майкапар вспоминал о своем юношестве в Таганроге:

В описываемый период моего обучения до поступления в консерваторию я слышал много хорошей музыки, посещая также концерты приезжавших в наш город крупнейших артистов (Николай Рубинштейн, Сергей Танеев, <…> Алиса Барби). Из их исполнений мне особенно памятны <…> романсы Шумана и Шуберта (Барби)[9].

Как эталон пения, ее упоминает в своем романе казачий атаман Петр Краснов, так представляя читателю свою героиню, русскую певицу Тверскую: «Я не знаю, кто может сравниться с нею? <…> Алиса Барби? Бакмансон? Бакмансон давно не поет. Алиса Барби – такая редкая гостья в нашей северной столице» (роман «Единая-неделимая», Париж, 1924). Похоже, Краснов был сильно впечатлен итальянкой, так как и в автобиографическом романе «На рубеже Китая» (Париж, 1939) он вновь ее представляет эталоном, говоря о собственной жене-певице: «…Но она была певица, и приходилось задуматься – как же ее концерты? Ее слава известной певицы – Алиса Барби и она?».

Меломан князь Сергей Волконский, директор Императорских театров, писал об Алисе Барби так:

В числе четырех певиц, которых выделяю как драгоценнейшие единицы в той массе прекрасных певиц, которых пришлось мне слышать, вторую (после Панаевой) назову Алису Барби. Это был тоже огонь, но какою-то внутреннею силою сдержанный. Она пела по-итальянски и по-немецки, пела огромный репертуар, но настоящий

духовный воздух ее музыкальной души были старые итальянцы – Монтеверди, Кальдара, Дуранте и другие. Эта удивительная старая музыка была тем руслом, в котором Алиса Барби могла показать и жар своей горячей итальянской крови, и строгость классических форм латинской расы. <...> Она вышла замуж за барона Вольфа. В имении Вольфов в Лифляндии, в баронской среде, между чопорными старыми тетками мужа ей, горячей итальянке, кажется, бывало нелегко. В 1905 году она должна была спасаться от погромов и лесами и болотами пробираться до станции, которая от дому отстояла на восемьдесят верст. В Петербурге я часто бывал у нее в Косом переулке[10] – незабвенные часы![11]

В 1894 г., в возрасте 35 лет, Алиса выходит замуж за 43-летнего барона Бориса фон Вольфа и уезжает из Вены в Петербург (она познакомилась с бароном годом ранее в Дрездене, где тот был с дипломатической миссией при Саксонском дворе). Позднее бывшая певица вернулась на сцену лишь раз – в той же Вене, в 1898 г., на концерте в память первой годовщины кончины Брамса (концерт был повторен в Будапеште). В письме к своей мессинской подруге Амелии Ферратини от 12 апреля 1898 г. Алиса писала из Вены:

…Если приеду на Сицилию, то останусь дня на четыре-пять у вас, которых я так люблю и так хочу увидеть. Что сказать обо мне? Я тут обрела прекрасные самые минуты, подобные тем, что мне дало мое искусство дней юности, сил, веры и идеалов. Это неожиданный и драгоценный дар, сошедший ко мне с небес и вернувший мне бодрость и смелость, прогнавший грусть и подавленность, мною овладевшие. Добрая Герц тебе вышлет статьи из всех журналов Вены и Пешта, писавшие обо мне с таким энтузиазмом![12]

У Бориса и Алисы родилось две дочери, обе на Лазурном берегу, в Ницце: старшая Александра[13], 27 ноября 1894 г., и младшая Ольга, 23 июля 1896 г.

Овдовев, Алиса вышла вторично замуж, за сицилианского аристократа Пьетро Томази. Свадьбу сыграли в Лондоне 26 апреля 1920 г. – именно она и послужила прологом к истории любви между ее дочерью Александрой и ее «благоприоб-


Пьетро Томази делла Торретта

ретенным» племянником Джузеппе Томази, будущим классиком. В результате этого ее второго брака Александра и Джузеппе оказались кузенами, пусть и не по крови.

Алиса скончалась в Риме в 1948 г.[14]

**4. Отчим**

**Пьетро Томази, маркиз делла Торретта** (1872-1962), после учебы в палермитанском университете поступил на государственную службу в Министерство иностранных дел и в 1898 г. получил свое первое назначение – в Вену. Спустя год сицилианца отправляют в российскую столицу, где он работает чиновником в посольстве в течении пяти лет. Именно на берегах Невы он знакомится с блестящей баронессой Алисой фон Вульф, итальянкой по происхождению. Ставшая теперь российской подданной, она, вероятно, имела какие-то отношения с итальянским посольством.

После ряда миссий, в 1910 г. Томази делла Торретта получает высокое назначение в качестве первого секретаря министра иностранных дел (министром тогда был Патернó ди Сан Джулиано) и переезжает в Рим. В революционный 17-ый год (в ноябре) Пьетро как знатока России и русского языка опять посылают в столицу уже бывшей империи, теперь уже Петроград, где ему приходится руководить делами посольства накануне его вынужденного закрытия. Некоторое время он является королевским посланником в Вене (с 1921 г.), затем – в Лондоне. В Лондоне еще в 1920 г. он заключает брак со вдóвой Алисой (она была на 11 лет старше Пьетро), которая теперь становится маркизой делла Торретта, экс-баронессой. В Англии посол и его новая супруга живут до 1927 г., затем Пьетро, теперь уже сенатор, возвращается в Рим (их адрес в 30-е гг.: Виа Брента, № 2; у матери и отчима часто останавливается Александра). Один из

немногих антифашистов в Сенате, с падением режима, в 1944 г. он избирается его президентом, оставаясь таковым до 1946 г. Последний президент Королевского Сената и член Сената Республиканского, он считается одним из отцов-основателей Итальянской Республики. Пьетро со смертью бездетного племянника Джузеппе унаследовал его титулы, став 13-м герцогом Пальма, 12-м князем Лампедуза, бароном ди Монтекьяро и испанским грандом 1-го класса.

5. **Первый муж**

**Барон Андрей Адольфович Пилар фон Пильхау** родился 29 апреля 1891 г. в семье Адольфа-Константина-Якоба барона Пилар фон Пильхау-Аудерн (1852-1925) и его супруги Евгении, урожд. баронессы фон дер Пален, в их эстляндском имении близ Пярну. Отец, предводитель лифляндского дворянства и видный государственный деятель Российской империи, в 1912–1916 гг. служил представителем балтийских провинций в Государственном совете Российской империи. После революции 1917 г. вернулся в Эстонию.

Сам Андрей служил в царской армии, участвовал в русско-японской войне 1905 г., отличившись в боях. Как уроженец Эстонии получил возможность официальной эмиграции (репатриации) из России, уже ставшей советской. Его товарищ по лицею М.П. Голенищев-Кутузов-Толстой, вспоминает, как и он, благодаря помощи Андрея, сумел бежать из революционной Москвы в качестве «балтийского барона»[15]. 7 сентября 1918 г. Андрей венчался в Александро-Невской церкви при мызе Стомерзее со своей соседкой по имению и своей троюродной сестрой.

После окончательной аннексии Прибалтики Советским Союзом в ходе Второй мировой войны барон эмигрирует в Италию, где у него живут родные и где он часто бывает уже в 1930-е гг., после вторичного брака своей бывшей жены Александры. (Его родственница Елизавета Карловна баронесса Пи-

лар фон Пильхау, выйдя замуж за графа Ручеллаи, обосновалась во Флоренции, где и скончалась 11 августа в 1939 г.)

По окончании войны барон получил должность итальянского представителя швейцарской лако-красочной компании «Geigy». Он скончался 19 ноября 1960 г., как сообщают метрические книги русской флорентийской церкви, «скоропостижно на вокзале в Милане» и был погребен на некатолическом кладбище Аллори во Флоренции, недалеко от могилы родственницы[16].

По свидетельствам современников, традиционный брак между балтийскими баронами оказался непрочным и конфликтным. Тем не менее, после разъезда и последующего развода бывшие супруги сохранили взаимное уважение и приятельские отношения. Барон Пилар, обосновавшись в Италии, на правах «друга семьи» не раз навещал бывшую жену, останавливаясь в палермитанском палаццо Лампедуза.

6. **Сестра**

**Ольга Борисовна Бьянкери Кьяппори**, урожд. баронесса фон Вольф, родилась 23 июля 1896 г. в Ницце, как и ее старшая сестра Александра: вероятно, у их матери там была доверенная повитуха (к примеру, графиня Олсуфьева, москвичка, родила трех своих детей во Флоренции). В семье младшую дочь звали на французский лад Лолетта (Lolette). 25 июля 1927 г. она вышла замуж за дипломата Аугусто Бьянкери Кьяппори (1879-1939), семейное прозвание Грилло[17] – эту партию устроил для своей падчерицы ее отчим дипломат Пьетро Томази. Ольга скончалась в Риме в 1984 г.

7. **Племянник**

От брака Аугусто и Ольги на свет появился **Борис Бьянкери Кьяппори** (чаще указывается только первая фамилия – Бьянкери), пошедший по стопам отца-дипломата, но одновременно ставший и популярным литератором. Он родился 3 ноября 1930 г. в Риме и там же скончался 19 июля 2011 г. Семейные мемории

Борис изложил первоначально в книге «Балтийский янтарь», с подзаголовком «Воображаемая переписка с Джузеппе Томази ди Лампедуза», затем в книге «Возвращение в Стомерзее»[18]. Похоже, что мать литератора «вместе с молоком» передала сыну, названному Борисом в честь деда, ностальгию по России (кстати, и в разных интервью, и на обложках своих книг, автор называет свою маму *русской*). Прототипом героини, почти столетней итальянской гражданки Алисы (это имя бабки автора) Сарториус, некогда подданной Российской империи, послужила, очевидно, не только мать автора, но и его тетя Александра-Лиси, причем – в первую очередь, так как именно она была последней владелицей Стомерзее.

Россия выступает на первый план и в воспоминаниях героини, которым она, естественно, предается при посещении своего бывшего поместья, выставленного теперь на продажу: учеба в Петербурге, где служил отец; его смерть во время Февральской революции; любовь к кузену, молодому офицеру, смертельно раненному на полях Галиции; переписка с ним с помощью пушкинских цитат; бегство из красного Петрограда. Эти сюжетные линии – реальные события из жизни членов рода фон Вольфов. В новой Латвии Алиса находит лишь эти обострившиеся воспоминания, давшие понять: жизнь прошла, родины нет. Перед возвращением в Италию старая баронесса тайком покидает сопровождавших ее близких и вполне по-толстовски умирает на рижском вокзале[19].

Семейный мотив бегства и изгнания – это и основная тема последней книги Бьянкери «Пятое изгнание» («Quinto eslilio», 2006), где автор дал широкое генеалогическое полотно своего рода, начиная с XV в. (фон Вольфы именуются тут как фон Грабау). По сути дела, под одной обложкой – три повести. Повесть первая: самоизгнание Грабау из родной Померании. Родоначальник Конрад фон Грабау, кавалер Ливонского рода, едет в балтийские земли, по его словам «дабы нести свет Христов», а по сути дела – за землями и богатством, что ему и удается. Затем читатель во 2-ой главе переносится в XVIII век,

в Россию. Третья глава – самая большая – основана на самом близком автору материале: последний из фон Грабау, Эдуард, участник Гражданской войны, эмигрирует в Италию. Фон Грабау в очередной раз ищет свою идентичность. «Кто вы?» – обращаются к нему итальянцы. «В России я называл себя балтийцем, в Италии стал русским. В любом случае, родины у меня нет». На время Эдуард возвращается в независимую тогда Латвию, но опаленный дыханием надвигавшейся Второй мировой войны, вновь эмигрирует – на сей раз в Америку. Если посчитать перемещения рода фон Грабау, то их получится как раз пять, как и в титуле книги.

**8. Прощание с Россией**

После революции 1917 г. овдовевшей баронессе Алисе фон Вольф и ее двум дочерям Александре и Ольге, типичным представителям «старого режима», нужно было немедля покинуть охваченную Гражданской войной Россию. В Латвии тоже шла война с неясным тогда исходом (революционные настроения там были весьма сильны: известна роль латышских стрелков в военном успехе большевиков; во время первых революционных волнений 1905 г. латышские крестьяне разграбили и сожгли баронскую мызу в Стомерзее). Однако после заключения сепаратного мира между Советской Россией и Германией в Брест-Литовске (3 марта 1918 г.) прибалтийские страны отошли к Германии, и их резиденты-«балтийцы» получили право репатриации. 11 августа 1920 г. после окончания Гражданской войны и поражения Красной армии у стен Варшавы Латвия получает (впервые в своей истории) независимость, а Александра – латвийское гражданство, теряя навсегда российское.

**9. Джузеппе, тайный жених**

Дон Джузеппе Томази, 12-й герцог ди Пальма, 11-й князь ди Лампедуза, барон ди Мотекьяро, барон делла Торретта, испанский град 1-го класса, родился в Палермо 23 декабря 1896 г. в семье Джулио-Мария Томази и Беатриче, урожденной



Палаццо Лампедуза в Палермо



Русская ваза, привезенная Александрой фон Вольф
в Палаццо Лампедуза



Геральдический леопард
в Палаццо Лампедуза



Герб



**Князь Джузеппе Томази ди Лампедуза**

Мастроджованни-Таска-э-Филанджери-ди-Кутó[20]. Выйдя по окончании Первой мировой войны в отставку в чине лейтенанта, он много путешествует, подолгу бывая во Франции, Германии, и особенно в Англии, где в качестве посла обитал его дядя Пьетро с супругой Алисой Барби. Именно в Лондоне, в итальянском посольстве Джузеппе и познакомился с Александрой: будущая жена писателя предстала уже не как баронесса фон Вольф, а как баронесса Пилар фон Пильхау, латышская гражданка. Пройдет два года и это «английское» знакомство возобновится в Латвии.

В 1927 г. Джузеппе предпринимает судьбоносную поездку в Стомерзее, которую описывает в ряде писем к своей новой «тете», Алисе Бьянкери, урожд. Барби. Особенно его поразил замок, полностью возобновленный после погрома 1905 г.:

> я не мог себе представить, что может быть так красиво, всё так ухожено в Стомерзее – на многие километры это единственный «манор», возвращенный к древнему блеску или хотя бы содержащийся по-господски. <…> внутри, конечно, произошли большие перемены. <…> «холл», в любом случае, чудесным образом остался неповрежденным. <…> Вверху, справа, если подниматься по лестнице, – спальные комнаты Лиси и Андрэ (я видел кабинет Лиси с мебелью в стиле Людовика XVI, библиотекой по психоанализу и портретом Фрейда)[21].

Этот замок фон Вольфов читатели порой ассоциируют с замком «Леопарда»: «Рядом с собором замок с башенками, узкий фасад с семью окнами, выходившими на площадь, не давал представления о замке, ибо тот простирался еще и вглубь, объединяя строения разных видов».

Брак Александры и Андрея, спустя десять лет конфликтов и ссор, уже оставался одной лишь видимостью, и сицилианец вскоре находит путь к сердцу хозяйки замка. На рубеже






20-30-х гг. его маршруты отдаляются от западноевропейских столиц и переносятся на Балтику, точнее – в «славянство», как он сам определял новый для него мир Стомерзее и окрестностей. Так 10 июля 1931 г. он писал из Варшавы своему палермитанскому другу Бруно Ревелю [Revel]: «Завтра поеду туда [в Данциг], успокоить мои нервы в добродушной немецкой атмосфере. Потом я снова вернусь в славянство (которое – внимание! – имеет свои достоинства) и мой адрес будет “bei Baron Pilar, Schloss Stomersee – Stameriene (Lettonia)”[22]».

Встречи с Лиси происходят и в Италии – в Риме, в 1930-1932 гг. (она живет у сестры, он – в гостинице), и, наконец, в родовом гнезде в палермитанском палаццо Лампедуза весной 1932 г.

Предполагая препятствия со стороны родителей, жених осуществил свой брак в тайной обстановке. Отправляясь в августе 1932 г. в Ригу на венчание, за неделю до оного, Джузеппе пишет письмо к матери из Мюнхена, где излагает мельчайшие подробности о своем путешествии, кроме одной – о его цели:

> Моя добрейшая Бона[23],
>
> вот теперь я собрался описать тебе все детали, в отличие от моей утренней поспешной открытки. <…> Прекрасной была панорама Болоньи, как никогда четкая. <…> Не обедал: в Болонье съел бутерброды, в Вероне – холодное мясо и виноград. <…> В Больцано пустой вокзал, в Брессаноне отлично освещенная Корсо Рома [следует подробное описание увиденного в Мюнхене. – *М.Т.*]. Завтра утром

в 8 час. отправление в Берлин, прибытие в 6 час. В пятницу в 19.30 отправление в Ригу, прибытие в субботу в 4.
Там надеюсь получить от тебя добрые известия.

Много думаю о вас и шлю тебе и папá
сердечные объятия.
Джузеппе[24].

## 10. Свадьба (свадьбы) Джузеппе и Александры

Согласно выше цитированному письму к матери, Джузеппе прибыл в Ригу 20 августа 1932 г., чтобы за три дня оставшихся до венчания дня приготовиться к нему. 24 августа 1932 г. в Благовещенской церкви происходит венчание между, как записано в метриках, «Иосифом Юлиевичем», итальянским подданным, и Александрой Борисовной, латышской гражданкой.

Обряд должен был идти по сокращенному чину, из-за предыдущего венчания невесты, причем Александре полагалось иметь разрешительное заключение от епископа о том, что ее брак с бароном Андреем считается не «востребованным», и что её благословляют на другое венчание. Так как первое венчание тоже проходило в Латвии, в Стомерзее, то обретение и изготовление нужных «разводных» бумаг было облегчено.

В тот же день Джузеппе пишет письмо к родителям, где сообщает о важнейшем событии – но в таких расплывчатых выражениях, что из текста неясно, идет ли речь о помолвке, или о женитьбе.

Моя добрейшая Бона,
пишу папá, пишу тебе, вам обоим, для меня самым дорогим на свете: в эту минуту я на вершине счастья – Лиси согласилась стать моей женой.
<…> никому в мире не было известно, насколько моя жизнь была стесненной и болезненной из-за того, что мне приходилось загонять в глубины моего сердца всё это. Только лишь ваша любовь, пусть и неосознанно, помогла мне пережить эти годы, когда мои страдания, казалось, не найдут никакого разрешения.
Теперь вы можете представить себе, каково в этот момент мое счастье. Счастье, которое лишь тревожит, и немало, то обстоятельство,

что я вынужден сообщить вам о своей великой радости через письмо, а не обнять вас и обласкать, как мне хотелось бы.

Если бы вы знали, как мне хотелось быть с вами в этот час, и как мне не хватает папá и тебя, моя добрейшая Бона! Мне жаль, что обстоятельства и время заставили меня сообщить такую новость через письмо, которое не может, конечно, передать все мои эмоции, мою нежность и мою радость. Но как быть? Я не хотел терять ни минуты с тем, чтобы объявить вам об этом событии, центральном в моей жизни.

Ты ведь знаешь, какова Лиси, знаешь ее доброту, откровенность, знай же, что она меня любит и что она одна может дать моей жизни неизбывную радость.

Понимаю, что эта новость застанет вас неожиданно, хотя наверняка вы были к ней готовы. Прошу вас – ради вашего Джузеппе, который вас обожает – напишите мне сразу же о вашем настроении, завершите наше счастье <…>.

Моя Бона, <…> обними с той же бесконечной любовью, с которой тебя обнимает твой сын Джузеппе[25].

Однако «добрейшая Бона» не отвечала сыну, ясно давая понять о своем неодобрении. Из той же рижской гостиницы с «антисоветским» названием Санкт-Петербург, где Джузеппе живет уже почти десять дней, он пишет новое письмо к матери:

Моя добрейшая Бона,

до сих пор я не получил ответа на письма, такие важные, что я отправил одновременно тебе и папá от 24-го числа. Мамá, моя хорошая, я надеялся получить от вас добрую телеграмму, послание любви, которое поставило бы печать на мое нынешнее счастье. Я каждый день жду от вас письма – прошу вас, пусть ваши сердца и ваша любовь ко мне движут вами. Пожалуйста, верьте в мой здравый смысл и рассудительность. Мой шаг вовсе не был импульсивен – это плод годов безмолвного вызревания, моего теперешнего знания характера и качеств Лиси, которую вы и сами знаете, как и меня. Если всё это оказалось неожиданным, то лишь из-за особых обстоятельств, из-за нежелания Лиси в прошлом и слышать о подобном. Понятно, что в прошлом и я не мог никому ничего сказать. Только сейчас, когда благодаря четко выраженной воле Андрэ [Пилар] распад [брака] стал публичным, я смог прямо выразить Лиси свои чувства. <…> Будущая жизнь представляется мне, пусть и глубоко влюбленному,



Замок фон Вольфов в Латвии



Русская Благовещенская церковь
в Риге



Баронесса Алиса фон Вольф,
урожд. Барбри.
Портрет рабты Ф.-А. Ласло. 1901



Герб Томази ди Лампедуза



Церковь св. Александра Невского в Стомерзее (*латв.*: Стамериена)



Борис Бьянкери

полной обетований: Лиси – красивая, ангел мягкости и доброты; она пережила многие жизненные сложности с беспримерным достоинством и чистотой, она богата – имеет собственного дохода в 50 тыс. лир в год, нетто и абсолютно чистых, кроме того – Стомерзее и то, что приносят его земли, а также ее социальное положение как королевы этого края. Она желает жить в Италии, за исключением самых жарких летних сезонов. Не буду даже настаивать на том, что мне ни с кем не было и не будет так хорошо, как с ней – это вы уже знаете. <…> Не забывайте, что мне уже добрых 36 лет, и что я не ребенок и не кретин, и что я сделал выбор согласно моему сердцу и уму[26].

В том же письме Джузеппе извещает о конкретных шагах по расторжению предыдущего брака гражданскими властями: в Латвии подобная процедура была максимально упрощена, также как и регистрация нового брака, который затем следовало лишь завизировать в итальянском консульстве. Упоминает он и о церковных венчаниях – и католическом, и православном, утверждая, что с ними не будет затруднений и умалчивая опять-таки, что православное венчание уже состоялось. Он сообщает, что настойчиво действует «ради как можно более скорейшей женитьбы», но не желает, так же как и Лиси, «регулярной церемонии в Риме».

Сохранились свидетельства о реакции родных Александры на известие о женитьбе – письмо ее сестры Ольги к мужу Аугусто от 3-го сентября 1932 г.:

Здесь взорвалась бомба в виде добрых четырех писем, написанных Лиси и Джузеппе к мама́ и к дяде Пьетро, где объявляется о совершении первой части события и о готовящейся его второй части, которая может произойти однако не ранее, чем через 10 месяцев. Не могу передать тебе волнения – из-за того, что неясно было, как другие [т.е. Лампедуза – *М.Т.*] к этому отнесутся. Сегодня Лиси телеграфировала, что другие их нежно поздравили, поэтому и тут успокоились. Джузеппе написал и мне, прося участвовать нас в их обручении[27].

В следующем письме, от 15 сентября, Ольга извещает мужа:

Мы тут подошли к 3-му действию «Тайного брака»!!! Взорвалась очередная бомба, в форме письма, где сообщалось, что… брак уже совершен! Согласно обстоятельством расторжения, не надо ждать обязательных 10 месяцев. Гражданский брак уже зарегистрирован в Риге, а венчание состоялось в одной деревенской католической церкви, где с радостью совершают смешанные браки, так как их тут порядком.
Надо сказать, что Л[ампедуза] всё восприняли превосходно. Я тебе пересылаю копию письма Беатриче к Джузеппе и Лиси, которую мне переслала Лиси (не рви ее, отошли мне назад).
<…> Тут у нас Черкасская[28], жаль, что ты с ней не знаком, она симпатичная и милая[29].

## 11. Сицилианские свекры

Родители нового мужа Александры принадлежали к старой палермитанской аристократии: это Джулио Мария Томази (1868-1934), 11-й герцог Пальма, 10-й князь Лампедуза, барон Мотекьяро, барон делла Торретта, испанский град 1-го класса, и Беатриче, урожденная Мастроджованни-Таска-э-Филанджери-ди-Кутó (1870-1946). Их первенец, княжна Стефания родилась в 1894 г., но скончалась в 3-летнем возрасте. В 1896 г. родился второй – и последний – ребенок, князь Джузеппе.



Княгиня Беатриче

Джулио Мария всего лишь полтора года играл для Александры роль свекра: в 1934 г. он скончался. Много важнее – как и в целом для итальянской культуры – была роль свекрови, княгини Беатриче (семейное прозвание – Бона). К моменту брака их сына дела семейства Лампедуза уже были в упадке: с 1931 г. князьям пришлось сдавать в наем часть их родового палаццо (не

потому ли в письме к родителям после тайного брака с Александрой Джузеппе подчеркивал, что она «богата»).

Холодные, поначалу, отношения между свекровью и невесткой затрудняли сицилианскую жизнь Александры.



Джузеппе Томази ди Лампедуза. 1940-е

Во время войны Беатриче жила большей частью в курортном Капо-д'Орландо; вернувшись при американцах в Палаццо Лампедуза, она в нем и скончалась 17 октября 1946 г.

**12. «Эпистолярный брак»**

Жена Джузеппе не намеревалась жить в Палермо постоянно – с приходом весны она возвращалась на Балтику. В итоге сложился следующий семейный ритм: часть зимы Лиси проводила на Сицилии, а часть лета Джузеппе – в Латвии. Остальное время супруги пребывали в одиночестве. Продолжительное время, занимаемое супругами в разных географических местах, породило массу писем. Это позволило назвать брак Джузеппе и Александры «эпистолярным» – «un matrimonio epistolare»[30]. Они переписывались – почти двадцать лет! – по-французски, причем тут «образованность русской аристократии намного превосходила образованность сицилианской»[31].

Она в письмах фигурирует как Лиси; он – как Мими; темы: друзья, здоровье, погода, собаки (любимец Краб), дома, налоги (романтические письма относятся исключительно к периоду жениховства, к весне 1932 г.). Джузеппе часто, но деликатно просит не манкировать Сицилией. Эпистолярный период бра-

ка продолжался до зимы 1942 г.: Красная армия стала вновь продвигаться к Балтике и Александре пришлось навсегда оставить Латвию ради Италии.

**13. Психоанализ**

Главной страстью Александры стало учение Фрейда, с которым она познакомилась, возможно, через венские связи матери. В начале 1920-х гг., уже латвийской гражданкой, она отправилась в Берлин, в институт психоанализа, которым тогда руководил доктор Карл Абрахам. В Берлине же – через друга семьи Феликса Бёма, тоже фрейдиста – она познакомилась с ведущими психоаналитиками, Гансом Либерманом, Максом Эйтингеном и проч. Александра проводила немало времени и в Вене и вроде бы встречалась с «самим» Фрейдом. Ее увлечение фрейдизмом совпадало с неким идеалистическим народничеством, свойственным лучшим представителям российской аристократии. Позднее Джузеппе писал своей матери: «[Лиси] величественна и смиренна, нетерпима и сострадательна, <…> ее славянская часть крови кипит, бросает ее на помощь страждущим и униженным, бедным»[32].

К 1937 г. году относится одно особенно интересное письмо Лиси к Джузеппе, где она описывает длительный (пятичасовой!) сеанс с одной женщиной, терзаемой «боязнью смерти, манией убийства и самоубийства», которой она читала Евангелие:

> После кратких слов Иисуса Христа, что я ей говорю (к счастью, знаю всё это на память), вижу, как ее личико задрожало, обратилось ко мне, с умоляющими глазами, полными слез. После воскрешения Лазаря она уясняет, что может оставаться, после блудного сына верит, что у нее есть право на жизнь. Я читаю ей девять заповедей Христа, она плачет и чувствует себя возрожденной. <…> Что ты думаешь об этом, Мими? Не хотела бы, чтоб ты решил, что я решила заменить религией анализ! Однако не верю, чтобы пациент обязан быть русским, дабы всё это прочувствовать. Он должен быть лишь больным. Не могу представить, чтобы Фрейд, Вейсс или Сервадио

читали Евангелие. А что делать с пациентами евреями, индуистами и японцами, каковых много?
Боже мой, ты не знаешь, как я устала. Этот последний подход, к которому я совсем не приучена, возбуждает все мои эмоции и крадет все мои силы. Негативная проекция продолжалось вплоть до последнего дня: она хотела и моей смерти[33].

В письме речь шла о русской гувернантке при замке Стомерзее, которую Александра называла в письме «госпожой С.»: в то время, как хозяйка подвергала ее анализу (это выяснилось позднее), ее муж готовил бумаги для отправки жены в сумасшедший дом…

И в Палермо Александра нашла нескольких пациентов, согласившихся подвергнуться психоанализу, среди них – приятель Джузеппе, Пьетро Эмануэле Сгадари ди Ло Монако, просвещенный литератор.

Во время войны фрейдизм отошел на второй план, но сразу после ее окончания Александра занимает видное место в рядах SPI, Società Italiana di Psicoanalisi (Итальянское Общество психоанализа – куда вступила еще в 1936 г.), с штаб-квартирой в Риме. У нее устанавливаются дружеские отношения с ведущими итальянскими фрейдистами – Чезаре Музатти, Никола Перротти, Эмилио Сервадио и др.

Вне сомнения, Александра «заразила» мужа рядом фрейдианских положений, к примеру, вниманием к сновидениям. Так в одном письме к ней в Рим (от 9 дек. 1950 г.) Джузеппе подробно рассказывает об одном кошмаре: его ведут на расстрел, но он ухитряется сбежать, видит отца и шепчет ему «Передай маме, я сбежал».

В середине 50-х гг. Александра становится вице-президентом Общества психоанализа и в качестве такового в марте 1956 г. участвует в Лондоне в международных торжествах по случаю 100-летия Фрейда.

В 1980 г., в последние годы ее жизни, ее ученик Франческо Коррао учреждает в Палермо «Centro psicoanalitico»[34].

## 14. Прощание с Латвией

Во время войны практически всё латвийское имущество фон Вольфов было расхищено – Александре удалось сохранить лишь несколько предметов из утраченного мира, в том числе ампирные вазы, которые она привезла в Палермо из Стомерзее еще в 1939 г. Зимой 43 г. Александра навсегда покидает Латвию и Стомерзее[35].

Летом 1943 г. на Сицилии, после жестоких бомбардировок, высаживаются союзники. Палаццо Лампедуза настолько разбит, что супруги вынуждены снять комнату в другой части города, однако для Джузеппе такая камерная жизнь, в отрыве от родни, принесла много радости. При американцах в течение более чем двух лет он возглавляет палермитанское отделение Красного Креста; вскрытые им хищения усугубили его пессимизм относительно сицилианского (и вообще человеческого) общества. В конце 1940-х гг. он с большим энтузиазмом ремонтирует фамильный дворец Лампедуза, разбитый во время войны и частично оккупированный потерявшими кров горожанами. Среди растаявшего семейного достояния – крохи «приданного» жены, несколько серебряных предметов и две уже упомянутые вазы.

На рубеже 40-50-х гг. Александра как будто освоилась в Палермо. У нее подолгу живут ее сестра Ольга, балтийские друзья – верная Людмила (Лила) Ильященко, ее дальний родственник Алек Болто с женою, навещает и бывший муж барон Андрей, останавливается в гостях искусствовед Бернард Беренсон, тоже выходец из российской Балтии.

## 15. Балтийская жена сицилийца: киноверсия

В 1950 г., когда бывшая латвийская гражданка фон Вольф укоренялась на Сицилии, с шумным успехом на экраны выходит фильм Росселлини «Стромболи, земля Божья». В нем актриса Ингрид Бергман играет эмигрантку (из Каунаса/Ковно), которая стремится уехать в Аргентину и, получив отказ, выходит замуж за сицилийца. Действие фильма происходит в

Кадр из фильма
«Стромболи, земля Божья»



1948 г. и режиссер этот год обозначает. Пишет он и в титрах, в первых кадрах, что изначально речь идет о лагере, куда собирали людей, «разбросанных войною». Главная героиня литовка Карин оказывается в конце войны в Италии. Теперь же она не хочет возвращаться в Прибалтику, ставшую советской, а желает уехать как можно дальше. К примеру – в Аргентину, которая принимала эмигрантов, но не всех. Одна из начальных сцен фильма – коллоквиум, как сейчас говорят, с аргентинским консулом. Интересно, что литовка Карин свой родной город называет по-русски Ковно, а не по-литовски – Каунас. Кинодрама у Росселлини исходит из этой эмигрантской трагедии – невозможности вернуться домой и желания уехать как можно дальше. В итоге Карин принимает предложение о замужестве со стороны итальянского охранника лагеря, паренька с неведомого острова Стромболи. Далее следует развернутый кинорассказ о конфликте архаичных островитян с эмансипированной чужестранкой.

## 16. «Il Gattopardo»

В 1955 г. у Джузеппе окончательно созрела мысль написать роман, взяв его протагонистом прадеда, эксцентричного, любознательного и деятельного князя-астронома. Название романа вне сомнения перешло из родового герба Лампедузы, где присутствует геральдический зверь – как некий тотем, но он же и «образ» самого героя, законным путем перешедший затем и на писателя.

Влияние Александры в качестве носительницы русской культуры видно как в нескольких прямых пассажах (сравнение «равнотяжелых» сицилийского лета и русской зимы; упоминание кинорежиссера Эзейнштена), так и в близких к Толстому эпизодах (бал Наташи Ростовой и бал Анджелики; смерть Ивана Ильича и смерть Дона Фабрицио)[36].

В 1957 г. он переписывает роман, и эта версия считается окончательной. В том же году обнаружились признаки тяжкой болезни; вместе с Александрой он едет в Рим, в последний раз. Врачи признают его уже не подлежащим операции. Джузеппе пишет много писем, в особенности сотрудникам издательств, которые в итоге отказывают в публикации романа. 23 июля 1957 г. он умирает в римском доме свояченицы Ольги. Похоронен в родовом склепе на знаменитом кладбище капуцинов в Палермо.

На русский язык роман переводился дважды, с изменением названия с «Леопарда» на «Гепард». В предисловии к новому переводу итальянист и переводчик Е.М. Солонович пишет в качестве обоснования выбора:

> В далеком 1961 году Издательство иностранной литературы опубликовало роман Джузеппе Томази ди Лампедуза «Леопард». Помню недоумение коллег-итальянистов (и свое собственное) по поводу заглавия, которое книга получила в русском переводе. Почему «Леопард», когда автор назвал свое сочинение «Gattopardo» [итал.: «гепард»]? Этот вопрос, увидев книгу, я задал ее переводчику Г.С. Брейтбурду[37] открывшему имя итальянского писателя огромной читательской аудитории, какой была тогда многонациональная страна, занимавшая одну шестую часть мира. «А многим ли известно, что такое «гепард»?» — услышал я в ответ[38].

Однако «Gattopardo» – вовсе не «гепард», для которого в итальянском языке существует особое слово «ghepardo», а это сервал, или оцелот, совсем уж мало известные русской публике особи. С точки зрения зоологи леопард и гепард – весьма разные звери, относящиеся к разным подсемействам: леопард это пантера (к коим принадлежат и львы), а гепард – «большая» кошка.

По смыслу «леопард», вне сомнения, – точнее, и в англоязычным мире роман давно переводится исключительно как «Leopard», а его автор получил эпитет «последнего леопарда» (The Last Leopard). Афоризм из романа «Мы – *леопарды*, львы; те, кто придет на смену, будут шакалами, гиенами», в современном переводе звучит менее убедительно: «наше время было время *гепардов* и львов etc». И, самое главное, как сообщил автору этих строк приемный сын писателя, Дж. Ланца Томази, «gattopardo», – это диалектальное «*леопард*». Вместе с тем, новые переводы зарубежной классики нужны, тем более, что современная переводчица, с солидным стажем, Е.Б. Дмитриева, взяла за основу филологически выверенный, «канонический» текст романа (1957).

**17. Приемный сын**


Джоаккино Ланца Томази с приемным отцом

Бездетная пара была внимательна к другим детям и подросткам. Так, среди юных палермитанцев Джузеппе особенно выделял Джоаккино Ланцу и Франческо Орландо. С Ланцей он ездил в Капо к родственникам, посещал с ним выставки. Для Франческо Орландо читал лекции по английской литературе, и, возможно, увлек его психоанализом (но, может, это сделала и сама Александра, устроившая в Палаццо Лампедуза приемный кабинет). В 1956 г. супруги приняли решения взять в семью приемного сына – Джоаккино Ланца, ставшего после этого обладателем двойной фамилии – Ланца Томази.

Он родился в Риме в 1934 г., а после Второй мировой войны переехал вместе с семьей в Палермо. На рубеже 40-50-х гг. – Джоаккино частый гость и юный друг Джузеппе Томази, с которым его также соединяют дальние родственные связи. Особенно близок он к Джузеппе в последние годы его жизни. После смерти писателя Джоаккино посвятил свои усилия

на изучение его творчества и жизни, но при этом проложил и свой собственный путь, став одним из крупнейших музыковедов и деятелей театрального мира, возглавляя в течении многих лет художественную часть неаполитанского театра Сан Карло. Много сил он уделил реставрации фамильного особняка Лампедуза в Палермо на Виа Бутера, № 28[39].

---

[1] Первоначально роман был издан в России, в 1961 г., с названием «Леопард» (пер. Г.С. Брейтбурда), позднее, в 2006 г., – с названием «Гепард» (пер. Е.Б. Дмитриевой). Смена русского названия привела к путанице: титул знаменитой экранизации уже не переменить, и теперь часто указывается, что Дж. Томази написал роман «*Гепард*», по которому Л. Висконти снял фильм «*Леопард*».

[2] Об Александре фон Вольф как проводнике русской культуры см. *Casari R.* Александра фон Вольф и Джузеппе Томази ди Лампедуза: Диалог итальянской и русской культур на латышской почве // Rīgas teksts. Рижский текст. Рига, 2008. С. 13-19.

[3] См. Genealogisches Handbuch des Adels. Bd. 79. Limburg a. der Lahn, 1982. S. 513-514. Благодарю за указание этого источника и за генеалогические сведения о баронах фон Вольфах Михаила Юрьевича Катина-Ярцева.

[4] О фон Вольфах см.: *Wolff, von N.F.* Die Reichstreiherren von Wolf in Livland 1670–1920. Tartu, 1936.

[5] Посвящение церкви символично – прибалтийский край был отвоеван в начале XVIII в. Петром I у шведов, а св. Александр Невский вошел в русскую историю как защитник северных рубежей России от Швеции (кафедральный собор Таллинна также посвящен св. Александру Невскому). О самой стамериенской церкви см: Столетие православной церкви Св. Александра Невского в Стамериене (Стамериена: изд. прихода, 2004). После Второй мировой войны она была закрыта, в 1970-е гг. там устроили склад сельхозтехники, возможно, с тем, чтобы избежать сноса; возобновлена в 2004 г. к 100-летию освящения.

[6] В итальянской традиции ударение смещено на первый слог: Бóрис.

[7] Камена – древнеиталийское божество, близкое к древнегреческим Музам.

[8] *Kalbek M.* Johannes Brahms. Berlin, 1914. S. 327; цит. по *Lanza Tomasi G.* I luoghi del Gattopardo. Palermo: Sellerio, 2000. P. 23.

[9] *Майкапар С.М.* Годы учения. М.-Л.: Искусство, 1938. С. 58. Алиса Барби гастролировала на Юге России в 1886 г.

[10] После назначения Бориса Эдуардовича директором Александровского лицея официальным адресом фон Вольфов стало лицейское здание, Каменноостровский пр., № 21.

[11] *Волконский С.М.* Мои воспоминания. Лавры. Странствия. Родина. Берлин: Медный всадник, 1923. С. 120. Цит. по: *Романова К.* Ален Делон и Латвийская Стамериена // Бизнес КЛАСС 2013 № 1, 11 января 2013.
[12] *Lanza Tomasi...* cit. P. 24.
[13] Нельзя исключить, что супруги мечтали о первенце мужского пола, которому «программировали» имя Александр – домовая церковь в их поместье была посвящена св. *Александру* Невскому.
[14] См. о ней *Zapperi A.* Barbi, Alice // Dizionario Biografico degli Italiani. Vol. 6. Roma: Treccani, 1964; // *Forni G.* Alice Barbi: una persicetana alla corte degli zar. Bologna: Forni, 1970; *Antolini B.A.* Alice Barbi: una cantante da concerto in Europa tra Otto e Novecento // Giuseppe Martucci e la caduta delle Alpi / a cura di A. Caroccia, P. Maione e F. Seller. Lucca: LIM, 2008. P. 283-340.
[15] *Голенищев-Кутузов-Толстой М.П.* История моей жизни (отрывки из воспоминаний) / публ., предисл., перевод с англ., комм. М.Г. Талалая // Новая юность, № 4 (25), 1997. С. 185.
[16] Кладбищенский участок № M II 17. Автор получил в Миланском ЗАГСе справку о смерти барона, где он указан как житель Флоренции и – загадочная запись – «вдовец Элизабетты Лампедуза».
[17] Grillo (*итал.*) – сверчок.
[18] *Biancheri B.* L'ambra del Baltico. Milano: 1994; *Ibid.* Il ritorno a Stomersee. Milano, 2002.
[19] См. также рецензию на книгу Б. Бьянкери «Возвращение в Стомерзее» в сб. «Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции» (М., 2006, с. 558-560). Литературоведческий анализ повести дал Марко Каратоццоло: «Поэтика возвращения в Латвию: Марина Жар и Борис Бьянкери» (Rīgas teksts. Рижский текст. Рига, 2008. С. 20-26). Здесь текст Бьянкери сближается с драмой Чехова «Вишневый сад»: переход дворянской собственности в новые руки, разрушение устоев, драматизм резкой перемены эпох.
[20] Вероятно, самая подробная его биография принадлежит перу английского литератора Дейвида Гилмура; см. *Gilmour D.* The Last Leopard: A Life of Giuseppe Tomasi di Lampedusa. London, 2007.
[21] Цит. по *Lanza Tomasi...* cit. P. 27.
[22] Нем.: у барона Пилар, замок Стомерзее – Стамериене (Латвия /по-итал./).
[23] В итал. игра слов: bonissima Bona.
[24] Цит. по *Lanza Tomasi...* cit. P. 32.
[25] Цит. по: Licy e il Gattopardo. Lettere d'amore di Giuseppe Tomasi di Lampedusa / a cura di S. Caronia. Roma, 1995. P. 34.
[26] *Ibidem*. P. 35.
[27] Цит. по *Lanza Tomasi …* cit. P. 48.
[28] Возможна, княжна Марианна Борисовна Черкасская (1876-1934), оперная певица и вокальный педагог, после революции обосновавшаяся в Риге.
[29] Цит. по *Lanza Tomasi …* cit. P. 49.

[30] Выражение Сабино Карониа.
[31] Цит. по *Lanza Tomasi*… cit. P. 56.
[32] *Ibidem*. P. 58.
[33] *Ibidem*. P. 67.
[34] Одна из ее пациенток Сюзи Иццо [Izzo] написала о ней воспоминания «La dama e il Gattopardo» (Roma, 2005).
[35] В настоящее время в замке Стармиена, пережившем разного рода перипетии, живет некий предприниматель Андрей Вицупс, который пытается использовать его как гостиницу: «В Стамериенском замке не раз слышали необъяснимые звуки и даже видели странные силуэты и свечения. По словам Андрея Вицупса, в замке есть привидения. Это может быть одна из хозяек замка. Всего их здесь было три: София Потемкина, Алиса Барби и Александра фон Вольф. Здесь даже остались их вещи – туфли и манекен»; см. *Ревеко А*. Стамириенский замок – забытый памятник архитектуры // Прикольная газета. № 9 (40), дек. 2011. С. 22.
[36] Подробнее см. *Казари Р*. Указ. соч. С. 17.
[37] В 1964 г. Г. Брейтбурд, маститый переводчик-итальянист, сопровождал Анну Ахматову на Сицилию.
[38] *Солонович Е.М.* Предисловие // *Томази ди Лампедуза Дж.* Гепард. М., 2006. С. 5.
[39] Пользуясь случаем, приношу благодарность Джоаккино Ланце Томази и его супруге Николетте за помощь при написании этой статьи.

Рене Клеманти-Билинский,
Надежда Рыжак

# НА АЛЛЕЕ СЛАВЫ: ХУДОЖНИК БИЛИНСКИЙ И КАТАНИЯ

Есть в Катании удивительное место: Аллея славы, на которой упокоились наиболее выдающиеся сыны и дочери этого старинного города. Но среди итальянских имен посетителю вдруг встречается русское имя – *Bilinsky*. Так, например, и мэр Катании, Умберто Скапаньини, посетив с официальным визитом некрополь в 2000 г., в традиционный день поминовения усопших, и отдав почести писателю Джованни Верге и Виталиано Бранкати, поэту Марио Рапизарди, актеру Анджело Муско и другим, вдруг тут «открыл» – по выражению местной прессы – могилу русского художника Билинского[1].

В самом деле, жизненный путь Бориса Константиновича Билинского завершился на Сицилии. Он был признанным художником, в первую очередь, – как мэтр декорации и костюма. «В иллюстрациях, костюмах, плакатах, Борис Билинский быстро занял одно из ведущих мест среди мастеров Франции» – читаем мы, например, в журнале «Кинематограф» за 20 мая 1927 г. Его фотографии можно встретить рядом с Александром Бенуа и Иваном Билибиным в программах воспоминаний, которые он иллюстрировал вместе с ними и которые были изданы Русской Оперой в Париже в начале 30-х гг.: их даже называли «три Б». Как же складывалась творческая судьба этого художника?[2]

Он родился 21 сентября 1900 г. в семье российского дворянина польского происхождения в Бендерах (его отец-офицер там стоял в то время с гарнизоном). Герб семьи Билинских с изображением креста, попирающего полумесяц, оттиснут на многих работах художника. Казалось, сама судьба уготовила ему путь в армию, и он

прошел кадетскую, затем военную школу и позже – курс университета, хотя очень любил музыку и мечтал стать дирижером.

Однако Гражданская война поломала все планы. В 1920 г., после разгрома Белой армии и гибели отца, Борис был вынужден уехать из России в Германию с матерью и тремя сестрами. В Берлине он отдался истинному своему призванию: стал изучать законы театра, декорационного оформления спектаклей и сценографию. В немецкой столице он начинает работать в качестве художника сразу в нескольких «русских» театрах, в том числе, в кабаре «Голубая птица». В 1922 г. Билинский уже участвовал в выставке молодых художников в Берлине.

В 1923 г. он переезжает в Париж, где, естественно, вливается в сообщество русских эмигрантов. Среди них – Леонид Бакст, у которого Борис учится живописи. При этом он работает на театры («Chauve-Souris» Никиты Балиева и «Радуга»), устанавливает дружеские связи с Георгием Анненковым и Симоном Лисским. Решающее значение для его карьеры имела встреча с Иваном Мозжухиным: с того момента он активно начинает работать в кино как декоратор, костюмер и художник афиш в составе группы Русских студий «Альбатрос» в Монтрё[3].

За карьерой Билинского можно проследить по европейской прессе, начиная с 1921 г.: сначала по русским эмигрантским газетам, затем по французской, немецкой и итальянской печати – по периодике тех стран, где активно работал маэстро. С другой стороны, Борис печатает и собственные статьи, где излагает личные концепции о композиции декора, костюма и киноплаката. Обновляя и модернизируя традиции Бакста, он создает полные фантазии костюмы для фильма «Лев Моголов» Жана Эпштейна в 1924 г. Его костюмы были сразу замечены, а афиша к фильму принесла автору золотую медаль на Международной выставке Декоративного искусства в Париже в 1925 г.

В мае 1928 г. в прессе появилось сообщение об основании Борисом Константиновичем собственного общества с названием «Альборис». Билинский становится известным художником кино. Он участвует в работе над такими популярными фильмами,



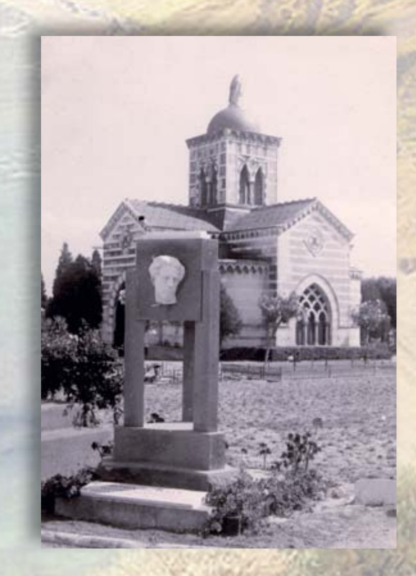
Боря со своим отцом Константином Билинским.
Ок. 1910



Венчание в русской церкви во Флоренции. Слева направо: Эва Фелан (мать невесты), протоиерей Иоанн Куракин, Франка, Борис, Эпифанио Скалья (отец невесты). 27 сентября 1936



Борис с Франкой и дочерью Валерией. Рим, ок. 1944. Публикуется впервые



Надгробие Бориса Билинского на аллее именитых людей на кладбище в Катании.
Скульптор Пьетро Паппалардо

как «Казанова» (1927), «1475» (1927), «Тараканова» (1929), «Шехерезада» (1928) и другими. Основной причиной его интереса к кинематографу была возможность добиться полного синтеза изображения, движения и звука. В те годы Билинский создавал афиши, которые были по-настоящему модернистскими (более 20 афиш этого периода хранятся во Французской синематеке и Французской национальной библиотеке). Пресса 1930-х гг. отмечает Билинского как «одного из лучших», «самого знаменитого художника киноафиш» (Lucie Derain)[4].

В 1930 г. он дебютирует в Русской опере: его декорации и костюмы для оперы Глинки «Руслан и Людмила», впервые представленные во Франции, становятся сенсацией. На рубеже 1920-1930-х гг. Билинский отдает себя в равной степени и кино и балету, активно работая над созданием костюмов и декораций для «Русского балета», основанного Дягилевым, «Русской оперы Парижа», «Русского балета Монте-Карло», балетов Ольги Спесивцевой и Брониславы Нижинской. В 1934 г. он расписал интерьер знаменитого русского парижского кабаре «Шехерезада» на рю Льеж, которое было любимым местом встреч парижских артистов. Репортер того времени писал: «В целом манера декоративных работ Бориса Билинского этого времени идет от стиля "модерн" с явно ощутимым привкусом трагического надлома, свойственного 30-м гг. Но прежде всего Борис Билинский – великолепный мастер, виртуоз, тончайший стилист, обладающий поразительным «культурным инстинктом». А вот другой отзыв: «Красивы и оригинальны декорации художника Бориса Билинского, выдержанные в стиле красочного русского лубка…».

В мае 1937 г. в Лондоне торжественно отмечалась коронация Георга VI. Королевская опера Ковент-Гарден по этому случаю приготовила постановку лирической драмы «Пеллеас и Мелизанда» Клода Дебюсси, костюмы и декорации к которой были созданы Билинским. В этом же году Борис успешно участвует во Всемирной выставке в Париже и получает очередную золотую медаль. Он

работает для многих театров Парижа, Лондона и Нью-Йорка. Так продолжалось до начала Второй мировой войны.

Наступили тяжелые времена. Билинскому в то время 39 лет. Сын русского офицера, Борис был готов немедленно отправиться служить в действующую армию, однако французские военные власти ответили отказом на его просьбу. Тогда он решает покинуть Париж. Его юная жена-итальянка, Франка Фелан [Phelan], внебрачная дочь катанского врача Эпифанио Скалья [Scaglia], ожидала ребенка, и семья Билинских в 1940 г. переезжает в Италию, в Рим.

В Италии художник продолжает плодотворно работать – главным образом, на римской киностудии Титанус-фильм и в миланском театре Ла Скала. Одна из главных работ этого времени – серия «Музыка в красках». Если кино являлось для Билинского работой, а живопись – реализацией его таланта, то его страстью была музыка. Он мечтал объединить живопись, музыку и кино в одно гармоничное целое. Малоформатные альбомы, хранящиеся в коллекции семьи художника, представляют собой поразительные по смелости, новаторству и глубокому музыкальному чутью переложения произведений Дебюсси, Прокофьева, Равеля, Берлиоза, Скрябина в форме абстрактных композиций. Каждому музыкальному повороту художник искал изобразительный аналог, стремясь развернуть музыкальную фразу и претворить звук в цвет и форму. Он обсуждал с Уолтом Диснеем возможность кинематографически воплотить музыку в красках, и они договорились встретиться для работы над музыкальным мультфильмом, но не пришлось…

Итальянский период творчества Билинского – очень личный, сильно отличающийся от того, что делал мастер по коммерческим заказам. Речь идет об иллюстрациях Апокалипсиса от Иоанна – 30 акварелях, созданных в годы войны и буквально пронизанных чувством трагедии и страха. Художник хотел подготовить окончательную версию этой работы для парижской выставки, но кончина не позволила ему довести задуманное до конца.

В послевоенный период маэстро был серьезно болен. Его дважды оперировали в парижской клинике из-за рака желудка, но спасти не смогли.



Эскиз декораций к пьесе Б. Шоу «Святая Жанна».
Театр Арджентина, Рим, апрель 1943. Публикуется впервые



Эскиз декораций к балету «Венские глупости».
Театр Ла Скала, Милан, 1947




Эскиз к спектаклю по повести Ю. Тынянова «Подпоручик Киже». Театр Одеон, Милан, 1941. Публикуется впервые



Из цикла «Апокалипсис от Иоанна». 1942-1944



**Из цикла «Апокалипсис от Иоанна». 1942-1944**




Эскиз костюма к пьесе Б. Шоу «Святая Жанна». Театр Арджентина, Рим, апрель 1943. Публикуется впервые




Эскиз костюма к спектаклю по повести Ю. Тынянова «Подпоручик Киже». Театр Одеон, Милан, 1941. Публикуется впервые

3 февраля 1948 г. Борис Константинович Билинский скончался в Катании, в клинике его тестя Э. Скалья. Муниципалитет Катании, по инициативе его друзей, перенес прах художника на Аллею славы (букв.: «именитых людей»); скульптор Пьетро Папаллардо создал горельефный портрет на его могиле.

Какова же судьба творческого наследия мастера? В настоящее время считаются учтенными около 850 рисунков; более 500 из них хранятся в семейной коллекции Рене Клеманти-Билинского, внука художника. Среди них многочисленные эскизы костюмов для таких актеров, как Иван Мозжухин, Даниэль Дарье, Жаклин Делюбак или Эдвиж Фейер. Около 150 из них, к сожалению, пока не идентифицированы, так как большая часть архива художника пропала в 1953 г. во время переезда семьи Билинских из Италии во Францию; та же судьба постигла многие рисунки и акварели. Однако существуют и работы, обнаруженные относительно недавно: они появились на публичных торгах во Франции в апреле 1993 г. и были приобретены Музеем современного искусства Италии в Риме (GNAM).

* Дополненный вариант статьи: *Клеманти-Билинский Р., Рыжак Н.*В. Борис Константинович Билинский: художник театра и кино // Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции / Под ред. М.Г. Талалая. Москва: Русский путь, 2006. С. 442-447.

---

[1] См. La Sicilia. 3 nov. 2000. P. 7.

[2] Материалы для данной статьи собраны преимущественно в частном архиве одного из авторов статьи, Рене Климанти-Билинского (внука художника); кроме того, привлечены следующие печатные источники: Художники русского театра: 1880-1930. М.: Искусство, 1994; Художники русского зарубежья, 1917-1939. Биогр. словарь. СПб: Нотабене, 1999; L'art et les artistes. V. 35, № 180. Paris,1938; Незавершенный «Апокалипсис» // Русская мысль (Париж), 1948, 12 марта; Борису Билинскому – с восхищением // Там же, 1993,18 июня.

См. также биографическую заметку о нем в Интернет-ресурсе: http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=164 (авторы: Э. Гаретто, Р. Вассена, П. Вероли, В. Кейдан). – *Прим. ред.*

[3] История студии «Альбатрос» и роль Билинского в ее деятельности была широко раскрыта публике в ходе монографической выставки, прошедшей в октябре-декабре 1995 г. в Музее современной истории города Монтрё, и в книге Франсуа Албера (Mazzota: изд. Французской синематеки, 1995), которая сопровождала выставку.

[4] Одна из четырех афиш, созданных им для фильма «Метрополис» Фрица Ланга, на аукционе 8 декабря 1989 г. в Дрюо достигла рекордной стоимости в 120 тыс. франков.

# «СИЦИЛИЯ! – ДРУГОЙ НАМ НЕ НАЙТИ!»: СТИХИ ПОЭТОВ-ЭМИГРАНТОВ

*Составление Стефано Гардзонио*

## ВАСИЛИЙ СУМБАТОВ



Автор трех стихотворных сборников, представитель первой волны русской эмиграции в Италии (долго жил в Риме, позже в Больцано и Ливорно), Василий Александрович Сумбатов (1893–1977) занимался поэзией самозабвенно и плодотворно. Долгие годы пребывая в отрыве от культурной среды (сначала общался лишь с известным историком Е.Ф. Шмурло и с дипломатом и музыкантом И.А. Персиани), Сумбатов начал печататься в эмигрантской прессе в 1920-е гг. (главным образом, в белградском «Новом времени») и лишь в послевоенные годы стал всерьез участвовать в литературной жизни русского зарубежья. Автор трех поэтических сборников.

## В СИЦИЛИИ

*Б.К. Зайцеву*

***Ворвался поезд в утренний покой***
***Лимонных рощ, магнолий, пальм, акаций,***
***И кто-то за окном уверенной рукой***
***Передвигает планы декораций.***

***Обманут глаз – как будто мы стоим,***
***А за окном природа вся в движеньи:***
***Ряды деревьев там сквозь паровозный дым –***
***Шеренги войск в маневренном сраженьи.***

***Потом – утесов ряд, туннеля тьма и гул,***
***И снова жаркий блеск сапфирового неба***
***И красок ослепительный разгул,***
***И снова дантовский гудящий мрак Эреба.***

***Но кончился туннелей черных ряд,***
***Утесы отошли на задний план направо,***
***Под ними – пышный сицилийский сад,***
***А слева – моря блещущая слава.***

***Еще немного – и пути конец.***
***В душе – восторг какой-то беспредметный...***
***Из ярких облачков торжественный венец***
***Сплетается над величавой Этной.***

## ГЕОРГИЙ ЭРИСТОВ

Георгий Эристов родился в Батуме в 1902 г., учился в Грузии и в Петербурге. Стихи начал писать рано. Участвовал в тифлисском Цехе поэтов С. Городецкого, о котором оставил ценные мемуары. В эмиграции – с начала 20-х гг., жил в разных странах и обосновался в Италии незадолго до начала второй мировой войны. Дальше читаем у В. Крейда («Словарь поэтов русского зарубежья», 1999): «По данным Геннадия Панина, встречавшего Эристова в оккупированном Крыму, Эристов сотрудничал в 1940-е гг. в симферопольском "Голосе Крыма" и был редактором информационного бюллетеня для частей армии РОА (армии ген. Власова). Редактировал газ. "Доброволец", выходившую в Германии». После войны Эристов переселился в Милан, где преподавал русский язык и литературу. Там же умер в 1977 г. Именно в итальянские годы он выпустил три поэтических сборника: «Сонеты» (Милан, 1955), «Синий вечер» (Милан, 1956), «Ладья» (Париж, 1966). Многочисленные его стихи появлялись на страницах журналов «Возрождение», «Современник», «Гранях» и др. Эристов выступал также критиком, писал о Гоголе и о судьбах русской поэзии.

### ПАЛЕРМО

*Здесь хмурый викинг воплотил мечту,*
*Которую лелеял с колыбели;*
*Ему на севере фиорды пели,*
*Что встретит он на юге красоту.*

*Не так ли мы, зловещую черту*
*Оставив, и, забыв поля и ели,*
*Под чарами языческой свирели*
*Хотим души заполнить пустоту?*

*К чему тужить! Останемся, как дети...*
*Волшебный город нам раскинул сети!*
*Века взростили золотой цветок!*

*И в каменном, торжественном хорале*
*Трепещет вечности живой поток –*
*Мозаика на стенах Монреале.*

## СЕГЕСТА
**(Сицилия)**

*Смеется солнце. Тихая долина.*
*И на холме, открытый всем ветрам,*
*Стоит заброшенный, но гордый храм –*
*Сын вечности, а вечность, что пучина...*

*Веков не раз менялася личина,*
*Но храм священный страх внушал врагам;*
*И вот я здесь: лишь птиц веселый гам,*
*И синь небес, и аромат жасмина.*

*Дорический колонн – волшебен ряд,*
*Лазурь меж ними – чистая, живая...*
*Каким неведомым богам обряд,*

*Свершает день, свой яркий плащ свивая?*
*Трепещут кони, чуя бездны склон –*
*Стремит свой бег на запад Аполлон.*

## ПО ДОРОГЕ В СИРАКУЗЫ
**(Сицилия)**

*Гнездом орлиным на крутой скале*
*Сплелися башни и дома слепые,*
*Застыли хмуро в них века седые,*
*Забывшись в розовой заката мгле.*

*Шоффера взгляд и нервы на руле,*
*А петли бесконечные, кривые...*
*В горах зарницы – очи огневые...*
*Навстречу – всадник гордый на осле.*

*А за спиной: руины Агригента,*
*И жалобы миланского агента*
*На кухню и гостинницы в пути,*

*Но вопли новоявленной Кассандры*
*Цветами заглушают олеандры...*
*Сицилия! – другой нам не найти!*

## ТАОРМИНА
**(Сицилия)**

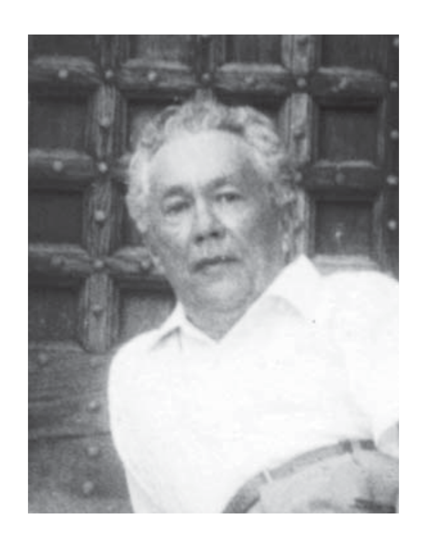
*Ленивый Зевс здесь отдыхал порой –*
*Удел был дан любимцу Ганимеду.*
*И Афродита сладкую победу*
*Дарила щедро, и был горд герой.*

*Исчезли боги, но туристов рой,*
*Годами, по истоптанному следу,*
*Непостижимому внимают бреду,*
*В погоне за ушедшей красотой.*

*Кто тут смешал и небеса и море*
*В одну сияющую ярко синь?*
*Кто вычеркнул из лексикона – горе?*

*Кто приказал заботе: «нас покинь!»*
*О, это ты, в наряде из жасмина,*
*Смеющаяся вечно Таормина!*

## АНАТОЛИЙ ГЕЙНЦЕЛЬМАН



Анатолий Гейнцельман (1879, Шабо /совр. Одесская обл./ – 1953, Флоренция) писать стихи стал рано под явным влиянием немецкой романтической поэзии, далеко от поэтических школ и салонов России. До революции он издал единственный сборник стихов, о котором даже не упоминает в автобиографии: «Сочинения. 1899–1902» (Одесса, 1903). В Италии Гейнцельман писал очень много или, лучше сказать, писал и переделывал много, на грани графоманства. Так же выглядят все рукописные книги, среди которых итоговые сборники: «Книга Розы» (Флоренция–Париж–Одесса–Петербург, 1906, 1907–1915), «Поэмы великого эроса» (1907–1911), «Поэмы великого ужаса» (Флоренция–Петроград, 1914–1916), «Стихотворения. Тетради I–X» (Флоренция, 1930–1943), «Поэмы жизни» (Флоренция–Неаполь, 1933–1946), «Эмалевые скрижали. Духовные стихи» (Флоренция, 1945), «Песни из Хаоса» (Флоренция, 1947), «Песни оборотня» (Флоренция, 1949), «Облачные сонеты. Поэтический дневник» (Флоренция, 1950–1951). Поэт издал в Италии лишь один сборник, «Космические мелодии» (Неаполь, 1951). Уже после его смерти вдова опубликовала три сборника: «Священные огни» (Неаполь, 1955), «Стихотворения. 1916–1929; 1941–1953» (Рим, 1959) и «Моя книга. Избранные стихи» (Рим, 1961). Недавно издан двухтомник А. Гейнцельман, «Столп словесного огня» (М., 2012).

В молодости А. Гейнцельман, тяжело заболев, отправился в Италию лечиться. Так он пишет в своей автобиографии:

> В начале русско-японской войны я отправился умирать в Италию, сперва в Палермо, потом в Рим, где, несмотря на постоянное лихорадочное состояние, глубоко почувствовал поэзию веков.

Но тоска по родине была еще сильна во мне и я возвратился в Одессу, где пережил революцию 1905-го г. и чудовищный погром, который произвел на меня такое ужасное впечатление, что я на Рождестве того же года снова покинул Россию и провел зиму в Сиракузах и Палермо. Здоровье мое всё ухудшалось, и я решился идти пешком в Париж, чтобы либо погибнуть, либо выздороветь.
Я выполнил этот безумный замысел раннею весной 1906 г. Напряжение было огромное, я часто не был в состоянии по вечерам доплестись до какой-либо деревушки и спал, где придется, зарывшись в сено или листья. Но чем дальше, тем я становился бодрее. Поздней осенью я добрался до Парижа почти исцелившимся и ушел в столичную жизнь с головой. Меня тогда еще интересовала русская партийная жизнь, и я познакомился с «потемкинцами» и со многими будущими «героями» революции 1918 г.
И те и другие мне скоро опротивели, и я собирался вернуться в Агригент или Сегесту, чтобы покончить свое жалкое существование самоубийством. В то время моя муза совершенно умолкла. Но в конце января 1907 г. совершилось чудо: в Париже я встретил мою будущую жену, которая, несмотря на мое ужасное состояние, имела мужество стать моей Антигоной и Музой всей моей жизни.

**СИРАКУЗЫ**

*Но, когда уж вконец безответны*
*И молитвы мои и судьба,*
*Вспоминается пламенной Этны*
*Мне в лазоревом море волшба.*
*И когда непосильные узы*
*Мне сквозь тело впиваются в кость,*
*Я еще раз хочу в Сиракузы*
*Унестися, как радостный гость.*
*И в ключе бирюзовой Кианы*
*Отразиться горячим челом,*
*И под сводом базилики странной*
*Петь неведомой грезы псалом.*
*Я хотел бы в театре Эсхила*
*«Орестею» агавам прочесть,*
*И над всем, что поэту немило,*
*Совершить справедливую месть.*

*Я хотел бы лежать в кипарисах*
*Мечевидных у лаотомий,*
*Где в пещере зияющей высох*
*Андромеду похитивший змий.*
*Где ты, юность моя золотая,*
*Где Эллады святая мечта?*
*Улетела пернатая стая,*
*И вокруг и во мне пустота!*
*Но хотел бы еще в Сиракузы*
*Я на миг перед смертью попасть,*
*И, простившись с классической музой,*
*Зашагать через Тартара пасть!*

### САД ГЕСПЕРИД

*Идиллия*

*Жутко. Клещами захвачено сердце,*
*Капает с терниев кровь,*
*Трагикомичное слышится scherzo*
*Жизни отпетой всё вновь.*
*Скучно вставать из нагретой постели,*
*Скучно в проулок глядеть,*
*Ночью приснятся подчас капители,*
*Мирта цветущая ветвь,*
*Ночью планеты и томные звезды*
*Арабескуют плафон,*
*Как вертоградов заоблачных гроздья,*
*И Алигьери Грифон*
*Важно carroccio вновь с Беатриче*
*Катит по райским цветам,*
*Хор из смарагдов доносится птичий,*
*Нектар течет по устам!*
*Тихо и сладко в душе, океан же*
*Синий бушует внизу,*
*В ветвях смарагдовых солнца-оранжи*
*Смотрят в небес бирюзу.*
*Гнездышко свей мне руками, подружка,*
*На ночь я буду твой гид,*

*К ветвям вспорхнем мы с тобой, как пичужки,*
*К ветвям садов Гесперид.*
*В жаркой Тринакрии у Монреаля*
*Солнца висят на ветвях,*
*Солнца душистее видел едва ли*
*Млечный безбрежности шлях.*
*В солнцах же зреющих солнца творимые*
*Сладкий клубят аромат,*
*Нимфы журчат серебристо-незримые,*
*В вешний впиваясь брокат.*
*Ешь же, подруженька, солнца пахучие*
*В райском саду Гесперид,*
*Пей бриллианты, нимфея, текучие, –*
*Близок печальный Аид!*

**СКАЛА**

*Я на бушующем был океане*
*Когда-то одинокою скалой,*
*Валов космические мне пеаны*
*Не заливали гордый аналой.*
*И истину в искрящемся стакане*
*Я пил такой возвышенный и злой,*
*Что всякого, кто не был в нашем стане,*
*Каленой я закалывал стрелой.*
*Но заверти неутомимой Сциллы,*
*Харибды наглой, глиняные ноги*
*Мне под конец со смехом подточили,*
*И грохнул я, как эллинские боги,*
*Как бык, которому жрецы вонзили*
*Кинжал, на Еговы алтарь двурогий.*

## ОБ АВТОРАХ

**БАУТДИНОВ, Гамэр Анварович.** Окончил Институт иностранных языков в Москве (ныне Моск. гос. лингвистический университет). В течение ряда лет являлся заведующим бюро и корреспондентом АПН в Риме. Лауреат журналистских премий итальянских городов Каррара, Модена, Рим и Таормина, а также области Умбрия, вице-президент Общества дружбы СССР-Италия. Автор многочисленных публикаций в отечественной и итальянской периодике по двусторонним отношениям, истории и культуре Италии.

**БЕЛЛОМО, Алессандро.** Уроженец Палермо, биолог по образованию, автор ряда статей по разным отраслям науки, в т.ч. по истории и археологии. Вместе с Микеле Нигро – куратор ряда экспозиций краеведческого характера. Автор книг «Bombe su Palermo» [«Бомбы на Палермо», 2008], «1943, il martirio di un'isola» [«1943, мученичество острова», 2011], «Sulle trace dei Russi in Sicilia» [«По следам русских на Сицилии», 2012, совместно с М. Нигро].

**БЫСТРОВА, Татьяна Александровна.** Окончила Историко-филологический факультет Российского государственного гуманитарного университета по специальности «Филология» (2002), Миланский католический университет по специальности «Иностранные языки и литература» (2005); кандидат филологических наук (2006). Автор многих публикаций, в т.ч. монографии «Путешествие в Италию с Мариной Цветаевой» (2010). Лауреат российско-итальянской премии «Радуга» в номинации «лучший молодой переводчик 2012 года». В настоящее время преподает итальянский язык в Российском гуманитарном государственном университете, Ломоносовской школе, работает как переводчик-фрилансер.

**ВАХ, Кирилл Алексеевич.** Окончил Московский государственный историко-архивный институт в 1991 г. по специальности «Историк-архивист, специалист по греческому и латинскому языкам». Один из учредителей издательства «Индрик» (1992), генеральный директор издательства «Индрик» с 1999 г. Область научных интересов – русское духовное и политическое присутствие на Ближнем Востоке и в Средиземноморье в XIX–XX вв.

**ВЫСОКИЙ, Михаил Филиппович.** Окончил Московский Педагогический Государственный Университет (1994), старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Область исследовательских интересов – история и археология античной Сицилии и Великой Греции. Кандидат исторических наук (1997), автор более 50 научных работ, в том числе монографии «История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII – середины V в. до н.э.» (СПб., 2004).

**ГАРДЗОНИО, Стефано.** Ординарный профессор славистики (русской литературы и языка) при Пизанском университете; президент Ассоциации Итальян-

ских Славистов в 1999-2009 гг. Ведет исследования в области истории и теории русского стиха, истории русской литературы XVIII в., литературных и культурных связей между Италией и Россией, русской поэзии XIX – начала XX вв., Русского Зарубежья, в частности, о русских в Италии.

**КАРА-МУРЗА, Алексей Алексеевич.** Доктор философских наук, профессор, заведующий отделом социальной и политической философии Института философии РАН, заведующий кафедрой политологии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН). Автор пяти книг о «знаменитых русских в Италии» (Рим, Венеция, Флоренция, Неаполь, Амальфи).

**КЛЕМАНТИ-БИЛИНСКИЙ, Рене.** Внук художника Б.К. Билинского (сын Валерии Борисовны, дочери художника). Проживает и работает в Версале редактором книжного издательства. Является хранителем и собирателем, с 1997 г., семейных архивов и материалов, связанных со знаменитым дедом (в целом собрано более 500 произведений Б.К. Билинского).

**КОТРЕЛЕВ, Николай Всеволодович.** Окончил филологический факультет МГУ (1960-1968). Переводил и комментировал переводы итальянских поэтов (Э. Монтале и др.), книги по истории искусства. С 1988 – сотрудник Института Мировой литературы (ИМЛИ РАН), в 1990-2009 – заведующий отделом Литературное наследство (в 1990-е преподавал в ряде итальянских университетов), в настоящее время – старший научный сотрудник.

**МАРКИНА, Людмила Алексеевна.** Заслуженный работник культуры РФ. Окончила исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (1973). Доктор искусствоведения (2002); профессор (2003). Зав. отделом живописи XVIII – первой половины XIX века Государственной Третьяковской галереи. Автор около 200 публикаций, в том числе двух монографий, десятка альбомов и двадцати каталогов. Участник международных конференций и выставочных проектов, в том числе «Величие Рима» (Рим, 2003), «От Джотто до Малевича» (Рим-Москва, 2004-2005). Куратор выставки «O dolce Napoli» (Москва, 2011; Ярославль, 2012; Омск, 2012). В настоящее время работает над монографией «Живописец М. Скотти (1814-1861)».

**НИГРО, Микеле**. Лейтенант в отставке финансовой гвардии. Автор ряда статей по истории финансовой гвардии на Сицилии, куратор экспозиций по этой теме. Один из авторов коллективной монографии «Duecento anni di Fiamme Gialle all'ombra dell'Etna» [«200 лет "Желтых огней" (Финансовой гвардии) под сенью Этны», 2010]; вместе с А. Белломо опубликовал исследование «Sulle trace dei Russi in Sicilia» [«По следам русских на Сицилии», 2012].

**ОСТАХОВА, Татьяна Анатольевна.** Окончила факультет романо-германской филологии Киевского государственного университета (1987) по специальности «Филолог, переводчик французского и английского языков», педагогический факультет Мессинского университета (1995) по специальности «Иностранные

языки и литература». С 1995 г. преподает русский язык в Мессинском университете, с 2006 г. – в качестве исследователя. Автор ряда публикаций по Мессинскому землетрясению, творчеству В.С. Высоцкого, дидактике преподавания русского языка.

**ПАЩИНСКАЯ, Ирина Олеговна.** Окончила исторический факультет Ленинградского государственного университета. Хранитель музеев Царицын и Ольгин павильоны государственного музея-заповедника «Петергоф». Автор многочисленных исследовательских работ по истории российско-немецких, российско-итальянских культурных связей, истории садово-паркового искусства, церемониальной и праздничной жизни российского императорского двора.

**РЕВЯКИНА, Ирина Александровна**. Окончила Московский государственный университет, кандидат филологических наук (1961). Автор исследований о русской литературе XX в. и Русскому Зарубежью, в том числе итальянскому контексту русской литературы. С 1966 по 2006 г. работала в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН в качестве текстолога, комментатора, редактора в академических собраниях сочинений Горького и Блока. В настоящее время участвует в проекте академического собрания сочинений В.В. Розанова (Институт научной информации по общественным наукам РАН).

**РЫЖАК, Надежда Васильевна.** Окончила романо-германское отделение филологического факультета Калининградского государственного университета. Более 30-ти лет (с 1976 г.) работает в Москве, в Российской государственной библиотеке (бывшей Б-ке им. Ленина); с 1995 г. возглавляет отдел литературы Русского Зарубежья. Участник международных и российских конференций по Русскому Зарубежью. Автор более 30-ти публикаций.

**ТАЛАЛАЙ, Михаил Григорьевич.** Окончил Ленинградский Технологический университет (1979); еще работая инженером, публиковал в Самиздате переводы (Орвелл, Флеминг) и очерки по «забытой» истории Петербурга; в 1987-1991 гг. сотрудник Отдела охрана памятников Ленинградского отделения Советского Фонда культуры, с 1993 г. – в Италии, поступил в заочную аспирантуру Института всеобщей истории РАН (диссертация «Русское православие в Италии» защищена в 2002 г.). Корреспондент еженедельника «Русская мысль» (1994-2001), Радио «Свобода» (2002-2010). Заведующий культурными инициативами Патриаршего подворья в Бари; секретарь приходского совета русской церкви в Неаполе; старший научный сотрудник и представитель ИВИ РАН в Италии.

**ФОКИН, Сергей Иванович.** Доктор биологических наук. Окончил Биолого-почвенный факультет Ленинградского государственного университета (1975); ведущий научный сотрудник Кафедры зоологии беспозвоночных Санкт-Петербургского государственного университета; профессор зоологии Пизанского университета. Автор более 350 публикаций в области протистологии и

истории биологии, в том числе 6 книг; участник международных и российских конференций по Русскому Зарубежью и истории естествознания.

**ШИМАНСКАЯ, Кристина Юрьевна.** Окончила филологический факультет Белорусского Государственного университета в Минске по специальности «Филолог, преподаватель русского языка и литературы» (1995), филологический факультет Мессинского университета по специальности «Иностранные языки и литература» (2002). С 2004 г. преподает русский язык в Мессинском университете. Автор ряда публикаций о Мессинском землетрясении, о фразеологии.

***Иллюстрации предоставлены составителем сборника или же принадлежат к указанным источникам, а также к открытому Интернет-ресурсу www.commons.wikimedia.org/wiki.***
***Кроме того, на нижеуказанных страницах современные фотографии выполнили следующие авторы:***

*с. 6 вверху – М. Талалай*
*с. 9 – М. Талалай*
*с. 17 внизу – Н. Грезина*
*с. 18 внизу слева – А. Белломо*
*с. 184 внизу – М. Талалай*
*с. 265 внизу справа – М. Талалай*
*с. 265 внизу слева – М. Якушев*
*с. 266 вверху – М. Талалай*
*с. 266 в центре и внизу – Н. Курчинская-Грассо*
*с. 339–340 – М. Талалай*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ:

| | |
|---|---|
| ГМЗ «Петергоф» – | Государственный Музей-заповедник «Петергоф» |
| ГМЗ «Царское Село» – | Государственный Музей-заповедник «Царское Село» |
| ГМИИ – | Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина |
| ГРМ – | Государственный Русский музей |
| ГТГ – | Государственная Третьяковская галерея |
| ГЭ – | Государственный Эрмитаж |
| ИМЛИ РАН – | Институт мировой литературы Российской Академии Наук |
| РГАЛИ – | Российский архив литературы и искусства |
| РГБ НИОР – | Российская Государственная библиотека, Научно-исследовательский отдел рукописей |

## СОДЕРЖАНИЕ

В книжную серию «Русская Италия» входят новые тексты, публикации, переводы и прочие материалы, посвященные яркому феномену – русскому присутствию в Италии и различным аспектам русско-итальянских связей. К участию в серии привлечены ведущие специалисты.

Вышло в свет:
Пьеро Каццола. Русский Пьемонт
Михаил Талалай. «Постоянная вдохновительница наших успокоений»: Российский некрополь в Венеции

Готовится к печати:
Борис Ширяев. Италия без Колизея
Ирина Ревякина. Русский Капри

СЕРИЯ «РУССКАЯ ИТАЛИЯ» / «ITALIA DEI RUSSI»

# РУССКАЯ СИЦИЛИЯ

Науч. ред. и сост. М.Г. Талалай

Издательство
ООО «Старая Басманная»
www.oldbasman.ru

Формат 60х90 1/16.
Печать цифровая. Усл. п. л. 24,25
Отпечатано в типографии «Форгрейфер»